

ЮЖНЫЙ УРАЛ

В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА И ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ: СВЯЗИ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КУЛЬТУР

**Материалы
Всероссийской научной конференции
с международным участием,
посвященной 90-летию со дня рождения
Анатолия Харитоновича Пшеничнюка**

АРХЕОЛОГИЯ
и
ЭТНОГРАФИЯ
БАШКОРТОСТАНА
VIII

БАШКОРТОСТАН
АРХЕОЛОГИЯҢЫ
һәм
ЭТНОГРАФИЯҢЫ
VIII

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 1962 г.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УФИМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ОРДЕНА ЗНАК ПОЧЕТА ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ**

**ЮЖНЫЙ УРАЛ
В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА И ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ:
СВЯЗИ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КУЛЬТУР**

Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием,
посвященной 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничного

**УФА
ИИЯЛ УФИЦ РАН
2026**

УДК 902(470.57)
ББК 63.4(2Рос.Баш)
Ю19

*Публикуется по решению заседания Ученого совета
Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук
(Протокол № 8 от 15.12.2025)*

Рецензенты:

Николай Николаевич Серегин, доктор исторических наук
(Алтайский государственный университет, Российская Федерация, г. Барнаул)

Евгений Викторович Вдовченко, доктор исторических наук
(Институт востоковедения РАН, Российская Федерация, г. Москва)

Ответственные редакторы:

Зугура Ягануровна Рахматуллина, доктор философских наук, профессор
(Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук, Российская Федерация, г. Уфа)

Никита Сергеевич Савельев, кандидат исторических наук, доцент
(Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук, Российская Федерация, г. Уфа)

Владимир Владиславович Овсянников, кандидат исторических наук
(Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук, Российская Федерация, г. Уфа)

Редакционная коллегия:

д.и.н. В.А. Иванов, д.и.н. В.Г. Котов, д.и.н. Г.Т. Обыденнова, д.филол.н. Г.Н. Ягафарова,
к.филол.н. С.Р. Нафикова, к.и.н. А.С. Проценко, к.и.н. Я.В. Рафикова, к.и.н. Е.В. Русланов,
С.Ю. Николаев (отв.секретарь), М.М. Румянцев, А.Г. Савельева, А.А. Хурмаев

Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи

Ю19 и взаимоотношения культур : материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием,
посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничного / отв. ред.: З.Я. Рахматуллина,
Н.С. Савельев, В.В. Овсянников. [Электронный ресурс] / ИИЯЛ УФИЦ РАН. – Уфа :
ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. – 170 с. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). –
URL: http://rihl.com/files/Knigi/2025/12/file_278-4.pdf – Загл. с титула экрана.
ISBN 978-5-91608-278-4

В сборнике представлены материалы Всероссийской научной конференции с международным
участием «Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и
взаимоотношения культур» (г. Уфа, 19–21 января 2026 г.), посвященной 90-летию со дня рождения
Анатолия Харитоновича Пшеничного. Издание рассчитано на исследователей, занимающихся изучением
археологии и древней истории Северной Евразии I тысячелетия до н.э. – I тысячелетия н.э.

УДК 902(470.57)
ББК 63.4(2Рос.Баш)

ISBN 978-5-91608-278-4
DOI 10.31833/278-4.2026.58

© Коллектив авторов, 2026
© ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ИХ ПРОЯВЛЕНИЯ В I ТЫС. ДО Н.Э.

<i>Балабанова М.А.</i> Концепция единой культуры ранних кочевников VI–III вв. до н.э. Южного Приуралья: антропологический контекст.....	5
<i>Файзуллин А.А., Краева Л.А., Крюкова Е.А., Толочко В.О.</i> О находке раннескифских «грибовидных застеек» в Южном Приуралье.....	8
<i>Кропотов В.В., Рукавишников И.В., Бейлин Д.В.</i> Новый памятник раннескифского времени в Центральном Крыму.....	14
<i>Пиридинова М.К.</i> Образ медведя в сакском зверином стиле Притяньшанья.....	18
<i>Мельникова О.А.</i> Зооморфный сосуд из центрального погребения кургана 4 могильника Филипповка 1.....	21
<i>Аникеева О.В., Букреев С.А.</i> Идентификация птиц из могильника Филипповка 1 по изображениям.....	23
<i>Нечвалода А.И., Мухигули Н.Г., Куфтерин В.В.</i> Сарматы Филипповки в контексте краниологии и антропологической цифровой аппроксимации.....	28
<i>Бисембаев А.А., Хаванский А.И.</i> Ранний железный век Западного Казахстана (некоторые итоги и перспективы исследования)	33
<i>Купцов Е.А., Евгеньев А.А., Сосновцева И.М.</i> Святынище кочевников раннего железного века у с. Благословенка (предварительные результаты исследований)	37
<i>Маргарян К.Г., Занина О.Г.</i> Первые результаты микробиоморфного исследования каменного алтарика из могильника Кичигино I.....	42
<i>Балахванцев А.С.</i> Надписи на фиалах из Прохоровки в свете новых данных.....	45
<i>Зуев В.Ю.</i> Мечи и кинжалы типа Солоха в Скифии V–IV вв. до н.э.	47
<i>Иванов С.С.</i> Редкая находка железного кинжала с прорезной рукоятью сакского периода из Притяньшанья.....	53
<i>Таиров А.Д.</i> Кинжал раннесарматского времени из лесостепного Зауралья.....	58
<i>Николаев С.Ю.</i> Группа сарматских мечей и кинжалов с архаичными чертами с территории Южного Урала: тип Торатау.....	63
<i>Яценко С.А.</i> Антропоморфные изображения на сакской гривне II–I вв. до н.э. из Паттана в Кохистане.....	66
<i>Окороков К.С.</i> Бронзовые пряжки со сценой терзания в погребальных памятниках II–I вв. до н.э. на территории Бухарского Согда.....	69
<i>Проценко А.С.</i> Неординарные погребения Охлебининского могильника.....	72
<i>Шарапова С.В., Грачев М.А., Карапетян М.К., Киселева Д.В., Окунева Т.Г., Перевозчикова А.А., Рыбакова А.Д., Шагалов Е.С.</i> Анализ изотопов ⁸⁷ SR/ ⁸⁶ SR в изучении преднамеренной деформации черепа (саргатская культура)	74
<i>Чиркова А.Х.</i> К вопросу о взаимодействии степного и лесостепного населения Волго-Уральского региона в сер. I тыс. до н.э. по данным палеоантропологии.....	80

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ИХ ПРОЯВЛЕНИЯ В I ТЫС. Н.Э.

Иванов В.А.

Отражение и отображение эпохи Великого переселения народов
в археологических культурах Урало-Поволжья..... 84

Зубов С.Э.

«Миграция» предметов из цветного металла и воинская миграция
в районы Западного Поволжья..... 92

Черных Е.М.

Бассейн Чепцы в эпоху Великого переселения народов:
состояние проблемы и перспективы исследований..... 99

Кривошеев М.В., Малашев В.Ю.

Носители позднесарматского культурного комплекса в лесостепных и
прилегающих степных районах Южного Урала во второй половине III в. н.э. 104

Савельев Н.С., Русланов Е.В.

Поселение с позднесарматским керамическим комплексом у горы Туратау
в предгорной лесостепи Южного Урала..... 108

Радюш О.А.

«Клинка с вырезами» эпохи переселения народов на Волге и в Приуралье..... 112

Хайруллина О.Ф.

Об одном редком типе шейных украшений
круга восточноевропейских выемчатых эмалей в Среднем Прикамье..... 115

Кондрашин В.В., Перевоицков С.Е., Калашиников М.Г.

Технико-технологические стереотипы прикамских кузнецов
первой половины I тысячелетия н.э. (по материалам Тарасовского могильника).. 119

Колонских А.Г.

Научное наследие А.Х. Пшеничнюка о роли кара-абызского населения
в формировании бахмутинской культуры..... 122

Красноперов А.А., Камалеев Э.В.

Погребения с находками кара-абызских типов на Югомашевском могильнике..... 124

Белявская О.С., Воробьева С.Л.

Коллекция Бахмутинского могильника
из фондов Стерлитамакского историко-краеведческого музея..... 127

Перевозчикова С.А.

Об элементах костюма средневекового населения Сылвенско-Иренского
поречья (по материалам курганной части Бродовского могильника) 132

Черных А.А.

Анализ химического состава элементов поясной гарнитуры
бродовской и верх-саинской стадий неволинской культуры..... 136

Грудочко И.В., Пшеничнюк А.Х.

Курганы с «усами» Башкирии
(материалы исследований курганной группы VI Мамбетовские курганы) 141

Боталов С.Г., Газизова С.Р., Грудочко И.В.

Святилищный комплекс Ингала. Историко-культурная интерпретация..... 144

Котов В.Г.

Мифологический сюжет эпохи Великого переселения народов..... 155

Харламов П.В.

Новые данные по эпохе раннего средневековья Оренбургского Приуралья..... 159

Морозов В.В., Ставицкий В.В., Лыганов А.В., Смирнов А.Л., Султанова Э.Т.

Исследования Новобиксентеевского селища в 2022–2025 гг..... 163

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ..... 168

КОНЦЕПЦИЯ ЕДИНОЙ КУЛЬТУРЫ РАНИХ КОЧЕВНИКОВ VI–III ВВ. ДО Н.Э. ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

М.А. Балабанова

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

Аннотация. В работе исследуется концепция единой культуры ранних кочевников VI–III вв. до н.э. Южного Приуралья, высказанная впервые А.Х. Пшеничником и построенная на результатах анализа материалов могильников Филипповка I и Переволочан. Современные археологические исследования культуры кочевников, а также изучение их антропологической специфики позволяют усилить концепцию дополнительными фактами.

Ключевые слова: ранние кочевники, савроматское время, раннесарматское время, А.Х. Пшеничник, культура, антропологический тип, субстрат, краниология

Цитирование. Балабанова М.А. Концепция единой культуры ранних кочевников VI–III вв. до н.э. Южного Приуралья: антропологический контекст // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничника. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 5–7.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-68-00011 «Tempora incognita в истории Волго-Уральского региона: культурно-исторические, антропологические, палеоэкологические предпосылки и последствия смены эпох и культур на рубеже поздней бронзы – в начале раннего железного века», <https://rscf.ru/project/25-68-00011/>

А.Х. Пшеничник в ряде своих работ памятники савроматской и раннесарматской эпох Южного Приуралья рассматривал как единую культуру ранних кочевников. Эту концепцию он разрабатывал вместе с Б.Ф. Железчиковым еще в 80–90-е гг. XX в. (Пшеничник, 1983; Железчиков, Пшеничник, 1994; и др.). Они считали, что культура ранних кочевников в Южном Приуралье появилась в готовом виде, где-то не ранее второй половины VI или рубежа VI–V вв. до н.э. Регион исхода мигрантов авторы не указывают, а происходившие в V в. до н.э., по их мнению, трансформационные процессы привели к появлению ряда культурных новаций, которые к IV–III вв. до н.э. получили наибольшее распространение.

Этот важный аргумент А.Х. Пшеничник высказывает на основе анализа материалов могильников Филипповка I и Переволочан, которые демонстрируют черты погребального обряда, присутствующие, с одной стороны, памятникам региона савроматской эпохи, а с другой – раннесарматской. Формирование же основных признаков раннесарматской культуры он относит к концу V – IV вв. до н.э. (Пшеничник, 1983, с. 129–130; 1995, с. 94).

Авторы публикации материалов могильника Лебедевка также отмечают преемственность культурных горизонтов савроматского (конец VI – V вв. до н.э.), раннепрохоровского (конец V – IV вв. до н.э.) и классического раннесарматского (конец IV – II вв. до н.э.) времени, что дает им возможность говорить об эволюции культуры на протяжении VI–II вв. до н.э. (Железчиков и др., 2007, с. 43–44).

Идея единой культуры ранних кочевников была высказана и при анализе материалов Южного Зауралья А.Д. Таириным (Таири, 2004, с. 3).

Он разделил историю кочевников этого региона на шесть хронологических этапов (вторая половина VI в. до н.э. – вторая половина II в. – конец I в. до н.э.), которые отражают эволюционные процессы прохоровской культуры, происходившие в результате внутренних изменений общества и притока новых групп населения в степи Южного Урала. А.Д. Таири считал, что кочевое общество Южного Зауралья было средой, в которой со второй половины VI в. до н.э. происходило становление раннесарматской культуры. При этом исследователь не отрицал возможность включения в состав культуры разнообразных инородных элементов. Периодичность резких изменений, фиксируемых в погребальной обрядности и материальной культуре, связаны с притоком нового населения с востока степной Евразии. К новациям автор относит появление подбойных захоронений с южной ориентировкой погребённых, изменение состава погребального инвентаря и др. (Таири, 2004; 2019).

Дальнейшее изучение памятников ранних кочевников не только не опровергло идею А.Х. Пшеничника, а подтвердило ее современными исследованиями, свидетельствующими о непрерывном развитии культуры ранних кочевников Южного Приуралья по крайней мере с V в. до н.э., и о формировании прохоровской культуры на местной приуральской культурно-генетической основе (Таири, 2004; 2019; Яблонский, 2010; 2015; и др.).

Идея единой культуры предполагает преемственность традиций, связанных с механизмом накопления, сохранения и развития культурных ценностей и опыта, их передачу от поколения к поколению. Творцами и носителями культурных традиций является народ, поэтому сохранение и

передача своего культурного кода следующему поколению предполагает сохранение и антропологической специфики исходной популяции с незначительным притоком генов из других популяций.

Что же демонстрирует антропологический подход в изучении археологических культур ранних кочевников Южного Приуралья? Анализ не только костных материалов, но и всего археологического контекста позволяет более точно и верифицируемо воссоздать интересующую нас информацию.

За более чем вековую историю изучения антропологии ранних кочевников Южного Приуралья накопился большой серийный материал, поэтому есть возможность рассмотреть взгляды ученых на эту проблему. Преемственность или же наличие черт сходства и различия материалов савроматского и раннесарматского времени Южного Приуралья впервые затронула в своей работе М.С. Акимова (Акимова, 1968, с. 415), рассматривая материалы могильника Новый Кумака. Она пишет о том, что население савроматского и раннесарматского времени, оставившее этот могильник, было близко по антропологическому типу, в отличие от материалов могильника Мечет-Сай. Там она обнаруживает значительные различия в хронологических группах.

В свое время мною были суммированы все материалы из могильников Южного Приуралья, с выверенными культурно-хронологическими определениями, представленные в публикациях советских антропологов. Сравнительный анализ, проведенный как многомерными статистическими анализами, так и сравнение по t-критерию Стьюдента, показал, что в морфологическом облике диахронных групп ранних кочевников Южного Приуралья практически отсутствуют значительные изменения (Балабанова, 2000, с. 42, 50, 55). Аналогичные результаты показало и изучение хронологических групп из могильника Лебедевка, которые также продемонстрировали большое сходство между собой (Ефимова, 2007, с. 135).

Опираясь более массовыми сериями (254 черепа, в т.ч. 149 мужских и 105 женских), которые не включают опубликованный материал, С.Ю. Фризен (Фризен, 2011, с. 112) делает вывод об отсутствии резких различий «облика населения савроматского и раннесарматского хронологических горизонтов», что, по его мнению, свидетельствует о генетической близости населения этих двух периодов.

Для определения особенностей антропологического состава ранних кочевников VI–III вв. до н.э. обширной территории Волго-Уралья и Западного Казахстана (серия насчитывала около 176 черепов) Е.П. Китов рассматривает их по двум независимым антропологическим системам признаков – краниологической и одонтологической (Китов, Мамедов, 2014). Проведенный им кранио-

логический анализ также продемонстрировал близость «основного базисного компонента», что позволяет ему говорить о преемственности населения более широкого хронологического диапазона VI–I вв. до н.э. (Китов, Мамедов, 2014, с. 189, 193, 232–234). По одонтологическому комплексу автор также отмечает несомненную близость двух серий – VI–IV и IV–III вв. до н.э. Похожие одонтологические комплексы встречаются в синхронных сериях из Лебедевки, Покровки 10 и Нового Кумака, что, видимо, связано с одинаковым субстратом, на основе которого формировалась антропологическая специфика ранних кочевников VI–III вв. до н.э.

Особенно четко морфологическое сходство ранних кочевников Южного Приуралья определяется на межгрупповом уровне. Несмотря на сходные компоненты формирования населения культур скифской эпохи Евразийских степей, диахронные группы этого региона всегда группируются рядом, включая еще и синхронные материалы с территории Нижнего Поволжья (Балабанова, 2025, с. 583, 584; рис. 1; 2). Видимо, такое распределение межгрупповой изменчивости связано с длительными и устойчивыми межпопуляционными связями, влияющими на многие поколения.

О наличии одних и тех же краниологических компонентов в диахронных группах ранних кочевников Южного Приуралья свидетельствуют и результаты внутригруппового анализа. Они показали, что в формировании населения савроматского и раннесарматского времени участвовали два основных краниотипа, которые обладали морфологическими различиями: более грацильный, характеризующийся мезоморфией, уплощенным по значению зигма-максиллярного угла лицом и слабее выступающим носом, и гиперморфный, с хорошо профилированным на среднем уровне лицом и сильно выступающим носом (Акимова, 1968, с. 411, 413; Балабанова, 2000, с. 59, 60; Ефимова, 2007, с. 134; Фризен, 2011, с. 39, 112; Китов, Мамедов, 2014, с. 193, 194). Они были мною условно названы «новокумакским» и «мечетсайским» типами. Неоспорима их роль и при формировании ранних кочевников IV–III вв. до н.э. Нижнего Поволжья.

Следует также уделить немного внимания и на возможность включения в состав культуры инновационных элементов, которая может быть причиной внутригрупповой неоднородности населения, отмечаемой всеми исследователями. Приток инородных элементов в среду кочевников – общеизвестный факт, который в данном случае к тому же может носить межрасовую окрашенность. Усиление брахикрании и монголоидной примеси в облике ранних кочевников Южного Приуралья отмечали все авторы публикаций (Акимова, 1968, с. 408; Ефимова, 2007, с. 134; Яблонский, 2010, с. 90; Фризен, 2011, с. 104, 112; Китов, Мамедов, 2014, с. 179).

Таким образом, суммируя полученные результаты антропологических исследований, следует отметить несколько ключевых моментов.

1. Сходство морфологических и одонтологических комплексов в группах кочевников савроматского и раннесарматского времени Южного Приуралья может свидетельствовать, с одной стороны, о преемственности населения, а с другой – об участии в их формировании одних и тех же компонентов.

2. Население савроматского времени было не только непосредственными предками раннесарматского, но и близкими родственниками в случае синхронности археологических комплексов. Как отмечал еще К.Ф. Смирнов (Смирнов, 1975, с. 157), погребения раннесарматского времени, впущенные в более ранние курганы, группировались вокруг погребения савроматского времени (Увак, кург. 15, Мечет-Сай, кург. 6 и 9; и др.).

3. Морфологическая (генетическая) общность ранних кочевников VI–IV и IV–III вв. до н.э. при-

обреталась как в наследовании части предкового фонда, так и в возможности между ними перекрестных браков, при условии, что обе культурные традиции на каком-то временном отрезке сосуществовали.

4. Несмотря на значительное сходство двух хронологических групп ранних кочевников Южного Приуралья, не исключаются миграции, которые могли происходить из отдаленных территорий, а их представители могли быть носителями других морфологических комплексов, включая и представителей со смешанным европеоидно-монголоидным типом. Можно предположить и другие варианты усиления внутригрупповой изменчивости: это обмен брачными партнерами не только в рамках своей группы, но и с представителями отдаленных регионов.

5. Все вышеперечисленное позволяет подкрепить антропологическими материалами концепцию А.Х. Пшеничникова о единой культуре ранних кочевников VI–III вв. до н.э. Южного Приуралья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимов М.С. Материалы к антропологии древнего населения Южного Урала // Археология и этнография Башкирии. Вып. III. Уфа: АН СССР, 1968. С. 391–426.
- Балабанова М.А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М.: Наука, 2000. 133 с.
- Балабанова М.А. Популяционные связи ранних кочевников VI–I вв. до н.э. – рубежа эр Нижнего Дона, Нижнего Поволжья, Южного Приуралья и Западного Казахстана по данным краниологии // Уфимский археологический вестник. 2025. Т. 25. № 3. С. 576–597. <https://doi.org/10.31833/uav/2025.25.3.039>
- Ефимова С.Г. «Савроматы» и ранние сарматы по антропологическим материалам из Лебедевского курганного комплекса // Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М.: Восточная литература, 2006. С. 133–148.
- Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М.: Восточная литература, 2006. 159 с.
- Железчиков Б.Ф., Пшеничнюк А.Х. Племена Южного Приуралья в VI–III вв. до н.э. // Проблемы истории и культуры сарматов. Волгоград: ВолГУ, 1994. С. 5–7.
- Китов Е.П., Мамедов А.М. Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке. Астана: ИА им. А.Х. Маргулана, 2014. 352 с.
- Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 199 с.
- Пшеничнюк А.Х. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа: Гилем, 1995. С. 62–96.
- Пшеничнюк А.Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.
- Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 176 с.
- Таиров А.Д. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7–2 вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар: б/и, 2004. С. 3–21.
- Таиров А.Д. Южный Урал в эпоху ранних кочевников / История Южного Урала: в 8 т. Т. 3. Челябинск: ЮУрГУ, 2019. 400 с.
- Фризен С.Ю. Население степей Южного Приуралья в раннесарматское время. Дисс. канд. ... ист. наук. М., 2011. 240 с.
- Яблонский Л.Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М.: Таус, 2010. 383 с. (МИАР. № 12)
- Яблонский Л.Т. Элитарная субкультура ранних кочевников Южного Приуралья и механизмы формирования раннесарматской культуры // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии. Барнаул: АлтГУ, 2015. С. 37–60.

Сведения об авторе

Мария Афанасьевна Балабанова, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, Российская Федерация, г. Волгоград. E-mail: mary.balabanova@volsu.ru

О НАХОДКЕ РАННЕСКИФСКИХ «ГРИБОВИДНЫХ ЗАСТЕЖЕК» В ЮЖНОМ ПРИУРАЛЬЕ

А.А. Файзуллин, Л.А. Краева, Е.А. Крюкова, В.О. Толочко

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия

Аннотация. В 2024 г. Оренбургской археологической экспедицией было исследовано погребение раннего железного века в курганном могильнике 6 в с. Мустаево Новосергиевского района Оренбургской области. Захоронение содержало коллективное погребение с инвентарем, который находит многочисленные аналогии в раннескифских захоронениях. В данной работе подробно анализируются костяные изделия, обнаруженные у одного из костяков, которые являлись деталями украшения портупейного ремня, на который мог крепиться колчан. Кроме того, рассматривается и дополняется типология, анализируются аналогичные костяные предметы из памятников Северного Причерноморья и Кавказа (VII–VI вв. до н.э.).

Ключевые слова: ранний железный век, скифы, грибовидные застёжки, костяные изделия, Южное Приуралье

Цитирование. Файзуллин А.А., Краева Л.А., Крюкова Е.А., Толочко В.О. О находке раннескифских «грибовидных застёжек» в Южном Приуралье // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничного. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 8–13.

Финансирование. Работа выполнена при поддержке грантового проекта Российского научного фонда (РНФ) № 23-68-10006 «Этнокультурные процессы в бронзовом и раннем железном веке».

Летом 2024 г. Оренбургской археологической экспедицией ОГПУ под руководством А.А. Файзуллина были исследованы два кургана ямной культуры курганного могильника 6 в с. Мустаево Новосергиевского района Оренбургской области. В курган № 1, имевший диаметр 40 м и высоту насыпи 1,7 м, было введено погребение раннего железного века, которое представляет особый интерес из-за нестандартного обряда и набора инвентаря, нехарактерного для кочевников железного века Южного Приуралья.

Впускное погребение 1 было зафиксировано в 2 м к северо-западу от центра кургана и представляло собой ярусное захоронение, состоящее из двух слоев, засыпанное грунтом с остатками костра.

Слой 1 (верхний) представлял собой коллективное погребение. *Костяк № 1* покоился вытянуто на спине, головой на запад. На правой бедренной кости лежал камень, другой камень большего размера обнаружен справа от правой берцовой кости. Возле черепа – бусина. Справа от таза обнаружен каменный оселок. Кости левой руки были усыпаны костяными предметами цилиндрической формы. В 4 см к югу от последнего костяного цилиндрика, между лучевыми костями левой руки и левой подвздошной костью таза, располагался бронзовый колчаный крюк. Среди тазовых костей (у крестца) лежали 3 бронзовые пронизки. Слева от костяка № 1, рядом с костями левой ключицы, обнаружены кости МРС. Рядом обнаружены бронзовый нож и скопление наконечников стрел, среди которых найден небольшой железный ножичек. Расположение стрел позволяет предполагать, что стрелы могли лежать в мешочке или в колчане.

Костяк № 2 покоился слева от костяка № 1 на расстоянии примерно 1 м к северу. Между ними обнаружены кости МРС, остатки деревянной плашки и наконечники стрел. Костяк № 2 лежал вытянуто на спине головой на запад с небольшим поворотом на правый бок. Кости рук скрещены. Кости ног в коленях слегка согнуты, кости стоп отсутствовали. Слева от костяка рядом с бедренной костью лежал камень. Также слева от скелета располагались фрагменты костей МРС. Возле черепа был обнаружен железный предмет.

Слой 2 (нижний) представлял собой коллективное погребение. При расчистке встречался древесный уголь. В слое обнаружены фрагменты нескольких скелетов, кости МРС, среди костей найден фрагмент бронзовой бляшки.

Судя по расположению костей, погребенные верхнего и нижнего слоя находились в положении антитезы (Файзуллин, 2025).

Особый интерес для изучения представляет находка костяных предметов. У костяка № 1 были обнаружены костяные цилиндрические изделия в количестве 115 шт. (102 – целые и 13 – сломанные).

Изделия представляют собой костяные цилиндрики: одна сторона («шляпка») каждого цилиндрика хорошо отполирована и слегка выгнута, другая – необработанная со ступенчатыми следами от спилов. Высота цилиндриков 0,8–1,2 см, диаметр 0,7–0,9 см. На расстоянии 2–4 мм от верха шляпки по кругу большинства предметов прослежены прорезы-пропилы. По наличию и характеру прорезей под шляпкой цилиндрики можно разделить на следующие группы:

1. без прорезей – 2 экз. (рис. 1, 1);
2. 1 прорезанный отрезок – 13 экз. (рис. 1, 2);

3. круговая несмыкающаяся прорезь – 4 экз. (рис. 1, 3);

4. круговая несмыкающаяся прорезь с находящимися друг на друга концами – 9 экз. (рис. 1, 4);

5. 1 длинный и 1 короткий отрезок – 16 экз. (рис. 1, 5);

6. 2 прорезанных отрезка – 4 экз. (рис. 1, 6);

7. 3 прорезанных отрезка – 18 экз. (рис. 1, 7);

8. 4 прорезанных отрезка – 27 экз. (рис. 1, 8);

9. 5 прорезанных отрезков – 18 экз. (рис. 1, 9);

10. у четырех экземпляров характер прорезей установить не удалось.

Погребение не было потревожено, и благодаря этому удалось проследить расположение рассматриваемых костяных предметов. Они начинались у плеча погребенного и располагались двумя зигзагами, которые в районе локтя сходились в один. На одном уровне с костяными изделиями, но ближе к тазу, был найден бронзовый зооморфный колчаный крюк. Изделия, зафиксированные *in situ*, находились горизонтально, полированными шляпками в сторону ног, под углом, и вертикально полированными шляпками вверх.

Стоит отметить, что на данный момент погребение из КМ 6 в с. Мустаево имеет самое большое количество таких костяных изделий. По нашим данным, подобные костяные предметы происходят из 51 раннескифского комплекса Северного Причерноморья (46), Подонья (2), Прикубанья (2) и Северного Кавказа (1). Кроме того, аналогичные, но бронзовые «грибовидные застёжки» происходят из двух комплексов раннесакской культуры Южного Приаралья (Сакра-Чага, Южный

Тагискен). Комплексы с такими изделиями датируются в рамках середины VII – второй половины VI в. до н.э.

Обращает на себя внимание сочетание костяных предметов и бронзового ножа из погребения 1 КМ 6 в с. Мустаево. В погребениях с подобными костяными изделиями бронзовый нож встречен третий раз. В могильнике у с. Перебыковцы 2/1¹ (Смирнова, 1979, с. 47–51) найдена сразу пара аналогичных ножей. Время их бытования определяется рубежом VII–VI вв. до н.э. Кроме того, необходимо отметить комплекс могильника Сакар-Чага 6, курган 20. Это погребение интересно тем, что, помимо пары длинных бронзовых ножей и набора стрел, найдено «несколько десятков бронзовых грибовидных застёжек» (Яблонский, 1996, с. 33), а сам комплекс датируется ранним этапом сакской культуры (VII–VI вв. до н.э.). Этот комплекс показывает не только аналогичные костяным изделиям предметы из бронзы, но и может считаться третьим случаем сочетания бронзовых ножей с категорией рассматриваемых предметов.

В.А. Ильинская относит такие ножи к ритуальным предметам (Ильинская, 1968, с. 154). Иную точку зрения имеет О.А. Вишневская, которая рассматривает бронзовые ножи как атрибуты власти (Вишневская, 1973, с. 68). В погребениях подобные бронзовые ножи встречаются в единичном экземпляре или парами. На данный момент они известны в семи памятниках скифского времени в Северном Причерноморье. Помимо этого, такие ножи встречены в Туве (пять погребений царского кургана Аржан-2) (Чугунов и др., 2017,

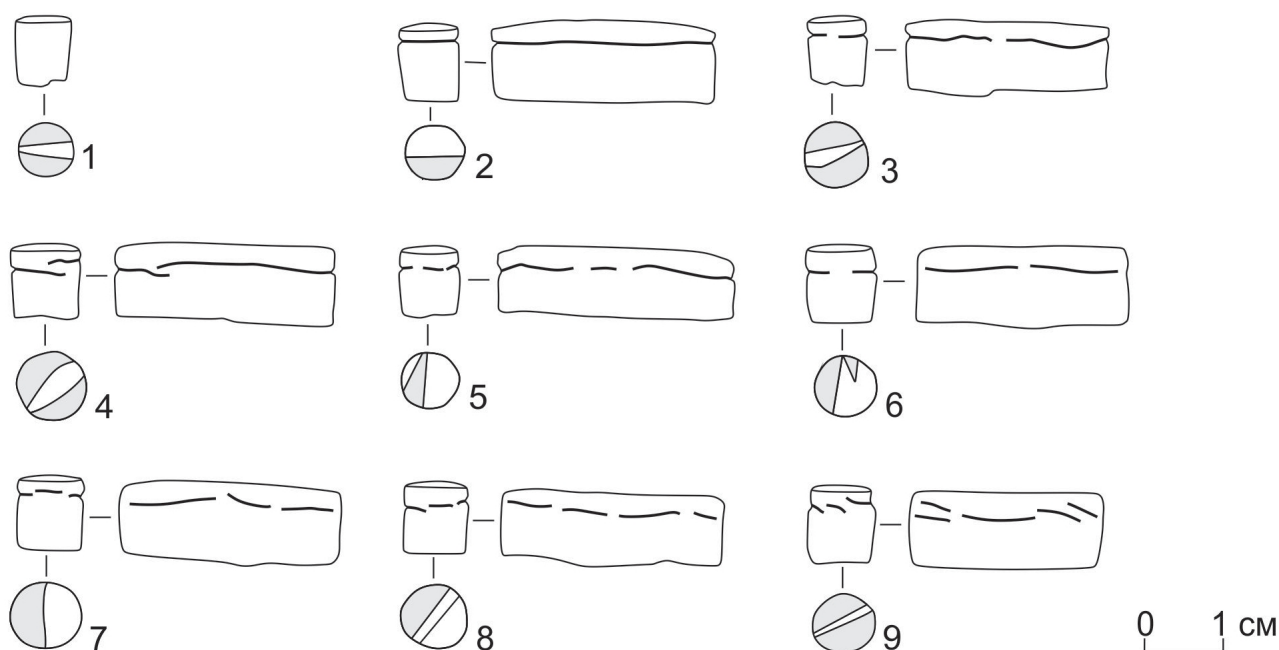

Рис. 1. Костяные предметы из погребения 1/1 (слой 1) КМ 6 в с. Мустаево

¹ Здесь и далее первая цифра – номер кургана, вторая цифра – номер погребения

табл. 86; 93; 96) и в Приаралье (могильники Сакар-Чага и Южный Тагискен) (Толстов, Итина, 1966, с. 162–163). Таким образом, сегодня можно говорить о 14 погребениях, где найдены длинные бронзовые ножи. В семи случаях они помещены в единственном экземпляре: КМ 6 в с. Мустаево 1/1, Южный Тагискен и пять погребений царского кургана Аржан-2. Парам ножи зафиксированы в семи захоронениях: КМ Перебыковцы, курган у с. Мошны, курган у Аджигола, КМ № 5 у с. Берестняги, КМ № 8 из группы Частые, Старшая Могила, КМ Сакар-Чага 6.

Помимо ножей, в комплексах с рассматриваемыми костяными предметами часто встречаются кости жертвенных животных, оселки и колчаные крюки. В единичных случаях зафиксированы изделия из драгоценных металлов, доспехи и керамика.

В научной литературе подобные предметы называют «грибовидными застежками» или «столбиками», и ранее они рассматривались в работах Е.В. Черненко (Черненко, 1981, с. 33), О.Р. Дубовской (Дубовская, 1990, с. 187) и Ю.Б. Полидовича (Полидович, 1994, с. 189).

Впервые Е.В. Черненко делит все костяные изделия, которые обобщенно называются грибовидными застежками, на: гвоздики (встречаются гораздо реже) и столбики из-за формы «ножек» предметов (Черненко, 1981, с. 33–35). Ю.Б. Полидович делит эту категорию инвентаря на три хронологические группы, связав их с типами наконечников стрел (Полидович, 1994, с. 188–189).

На наш взгляд, все учтенные костяные изделия можно разделить на следующие типы в зависимости от формы предметов и таким образом дополнить классификацию Е.В. Черненко. Не исключено, что разные типы могут иметь разное назначение в использовании:

Тип 1. «Грибовидные застежки» (рис. 2, 1):

А) Костяные изделия с округлой шляпкой и прямой ножкой;

Б) Костяные предметы с невыделенной «шляпкой», которая выступает в бок и разными типами ножек.

Тип 2. Костяные «столбики» (цилиндрики) (рис. 2, 2):

А) «Столбики» с округлой или заостренной «шляпкой», широким пропилом и небольшой прямой «ножкой»;

Б) «Столбики» с округлой или заостренной «шляпкой» и прямой «ножкой», с узкими одной горизонтальной прорезью/прорезями (прорези расположены ближе к «шляпке») и без. Встречаются также экземпляры данного подтипа с короткой ножкой (рис. 2, 2Б, 11, 13–19).

Тип 3. Костяные «гвоздики» (рис. 2, 3):

А) Костяные гвоздики – с округлой или заостренной «шляпкой» и заостренной, круглой в сечении «ножкой»;

Б) Костяные предметы с округлой «шляпкой» и заостренной подпрямоугольной в сечении «ножкой».

Костяные предметы из КМ 6 в с. Мустаево относятся к типу 2Б, так как имеют прямую «ножку» и округлую «шляпку» без прорезей или с узкой одной горизонтальной прорезью/прорезями, которые расположены ближе к «шляпке».

Высота всех учтенных изделий варьирует от 0,6 до 2,4 см, диаметр 0,6–1,1 см (самые крупные экземпляры происходят из Репяховой могилы 1/1, колчан № 1). Предметы из погребения КМ 6 в с. Мустаево по внешнему виду и ширине прорези соотносятся с изделиями из КМ Прощальный (рис. 2, 2Б, 9), погребения № 2 Репяховой могилы (рис. 2, 2Б, 5), Новоалександровского КМ 7/8 (рис. 2, 2Б, 8). Стоит также учитывать, что только в случае с КМ Прощальный костяные изделия имели 1–5 прорезей, остальные же экземпляры содержали либо прорезь, либо большой пропилом, разделяющий «шляпку» и «ножку», отчего и получили первоначальное название «грибовидных застежек».

Важно отметить, что в погребениях с набором костяных предметов (более 1) были как случаи нахождения изделий одного типа, так и нескольких, причем «гвоздики» всегда составляли меньшую часть набора.

Важным фактом является схожий погребальный обряд раннескифских комплексов с грибовидными застежками из Северного Причерноморья, Прикубанья, Предкавказья и КМ 6 в с. Мустаево. Так, все рассмотренные погребения являются впускными в большие курганы бронзового века (исключением могут являться курганы, раскопанные графом А.А. Бобринским, т.к. о них почти ничего неизвестно) (Ильинская, 1968, с. 50–55).

Также, как в погребении из Мустаевского могильника, в КГ «Серко» 5/12, в погребении кургана у с. Петровское и в урочище Клинь-Яр погр. № 79 (Дубовская, 1990, с. 183–184) были зафиксированы камни. В случае КГ «Серко» автор предполагает, что это были обломки гранита (Граков, 1962, с. 81–82), которые располагались в засыпке и на костях погребенного индивида. Помимо этого, схожим является и то, что в ряде погребений зафиксировано большое количество угля и деревянных «гнилушек».

Стоит отметить, что точная дата погребения определена только у комплекса с территории Керчи – КМ на Темир-Горе 81/1 (Вахтина, 1973, с. 397), который был датирован греческой ойнохией 640–630 гг. до н.э.

Остальные комплексы с костяными изделиями датированы в рамках VII–VI вв. до н.э. Погребение № 8 кургана «Прощальный» с территории Краснодарского края определяется 620–520 гг. до н.э. по набору стрел. Автор также уточняет, что данные предметы сделаны не из кости, а из рога (Маслов и др., 2022, с. 70–90).

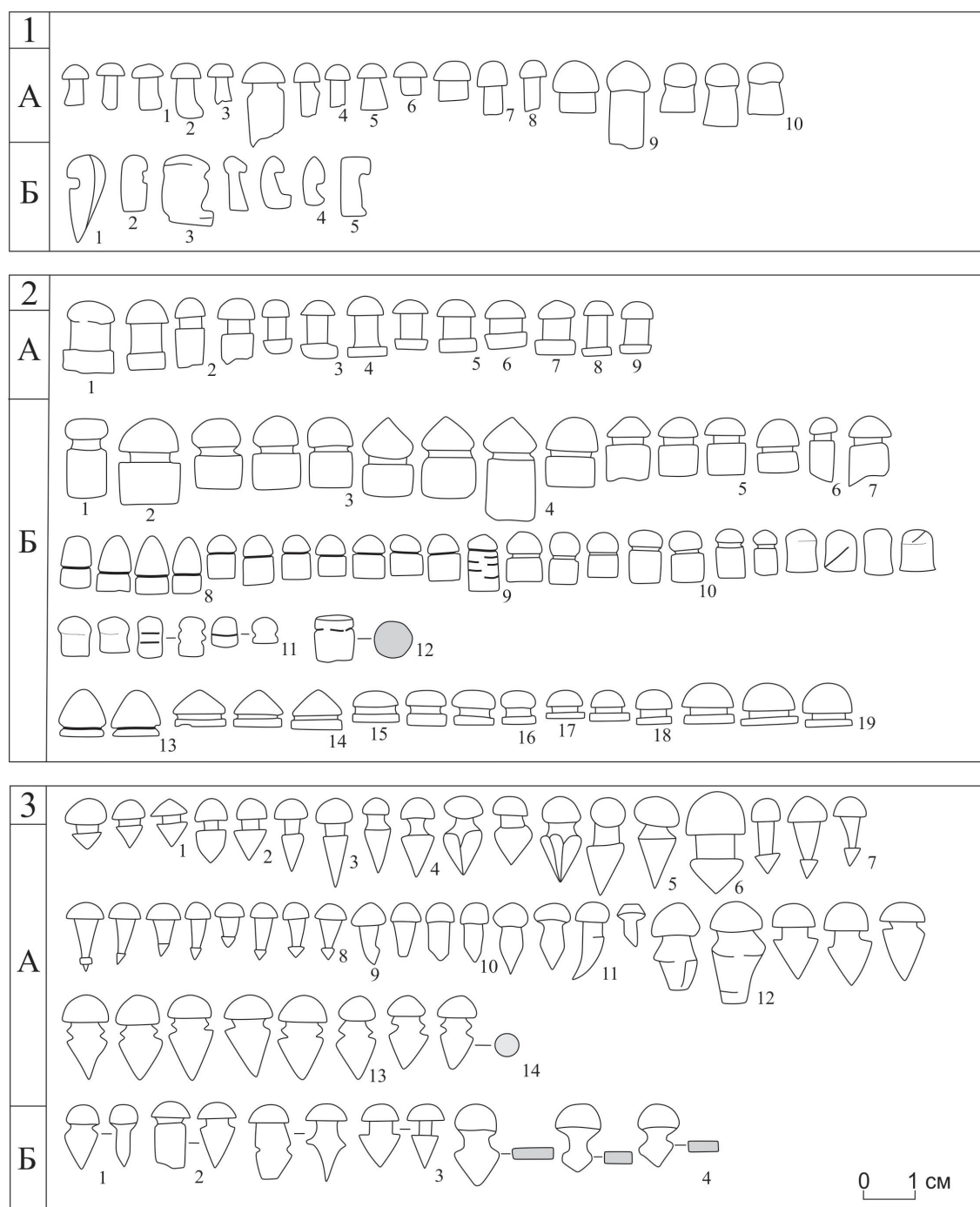

Рис. 2. Типология костяных предметов

Тип 1А: 1 – КМ Новоалександровский; 2 – уроч. Дарьевка; 3, 8 – Журавка, курган №432 (по: Черненко, 1981); 4 – КМ Перебыковцы (по: Смирнова, 1979); 5 – Медвин III, курган №3; 6 – КМ Темир-Гора; 7 – Репяховая Могила, погребение №2 горит №2; 9 – КМ Койсуги (по: Черненко, 1981; Рябова, 2000); 10 – Высочино VII (по: Беспалый, Парусимов, 1991)

Тип 1Б: 1 – уроч. Дарьевка; 2 – КМ у ст. Новокорсунской; 3 – КМ Темир-Гора (по: Черненко, 1981); 4 – Высочино VII (по: Беспалый, Парусимов, 1991); 5 – КМ Заливки (по: Черненко, 1981)

Тип 2А: 1 – КМ Темир-Гора; 2 – КМ Кукошесты; 3 – уроч. Дарьевка; 4 – КМ Осиняжка; 5 – КМ Никополь, курган 1; 6 – КМ Серогозы (по: Черненко, 1981); 7 – КМ Донской (по: Ильюков, Лукьяшко, 1994); 8 – КМ Новоалександровский (по: Черненко, 1981); 9 – Высочино VII (по: Беспалый, Парусимов, 1991)

Тип 2Б: 1 – КМ Осиняжка; 2 – КМ Новоалександровский (по: Черненко, 1981); 3, 11, 14, 19 – Высочино VII (по: Беспалый, Парусимов, 1991); 4, 18 – Эшакон, погребение №4; 5 – Репяховая Могила, погребение №2, горит №2; 6 – КМ Койсуги; 7 – КМ Красное Знамя; 8, 13 – КМ Новоалександровский (по: Черненко, 1981); 9 – КМ Прощальный (по: Маслов, 2022); 10 – Высочино VI (по: Беспалый, 1991); 12 – КМ 6 в с. Мустаево; 15 – КМ Темир-Гора (по: Черненко, 1981); 16 – КМ у ст. Новокорсунской (по: Дубовская, 1990); 17 – КМ Никополь, курган 1 (по: Граков, 1962)

Тип 3А: 1 – КМ у с. Луки (по: Черненко, 1981); 2 – КМ Новоселки Гаймановы; 3, 14 – Репяховая Могила, погребение №2, горит №2; 4 – уроч. Дарьевка; 5 – КМ Поповка; 6 – КМ Серогозы; 7 – КМ Новоалександровский (по: Черненко, 1981); 8, 11, 13 – Высочино VII (по: Беспалый, Парусимов, 1991); 10 – КМ Прощальный (по: Маслов и др., 2022); 12 – КМ Медвин I (по: Ковпаненко, 1977)

Тип 3Б: 1 – Высочино VII (по: Беспалый, Парусимов, 1991); 2 – КМ Перебыковцы (по: Смирнова, 1979); 3 – Репяховая Могила, погребение №2, горит №1 (по: Черненко, 1981); 4 – КМ у ст. Новокорсунской (по: Дубовская, 1990)

Превалирующее большинство комплексов имеют западную ориентировку с небольшим отклонением. Исключением являются комплексы из КМ Прощальный 1/8, КМ у ст. Новокорсунской 1/2, КМ у с. Кремневка, погр. № 5, которые имеют северо-восточную ориентировку, а также комплекс КМ у с. Поповка 13/1, имеющий южную ориентировку погребенного.

В погребениях, где найдены подобные костяные предметы, индивиды чаще всего покоились вытянуто или скорченно на боку, но при этом встречены и другие варианты положения: вытянуто на животе/ничком («Серко», Высочино VII 2/2) и кремация на стороне (Перебыковцы 2/1). Погребение 1/1 КМ 6 в с. Мустаево объединяет в себе распространенные традиции, т.к. в погребении встречено как прямое, так и слегка скорченное положение, камень, деревянные «гнилушки» и засыпка углем.

Гендерное определение сделано не для всех погребений с «грибовидными застежками», но точно ясно, что все индивиды были взрослого и старческого возраста, даже в случае ограбления исследователи отмечали, что сохранившиеся кости не могли принадлежать детям или подросткам. Учитывая все «целые» комплексы, у которых имеется половозрастное определение, можно сделать вывод, что в пяти случаях костяные изделия были частью женского инвентаря, а в восьми – мужского. Кроме того, всего раз такой тип инвентаря встречался в коллективном погребении четырех индивидов (КГ III у с. Медвик 3/1), из которых три женщины (22–28, 25–30, 45–50 лет) и мужчина 25–30 лет. К сожалению, сказать, к какому именно погребенному относились эти костяные предметы, не представляется возможным (Ковпаненко, 1977, с. 46–49).

В КМ 6 в с. Мустаево погребение состояло из двух ярусов, из которых нижний (слой 2) содержал отдельные части тел людей и животных. Из всей выборки комплексов с «грибовидными застежками» встречен всего один подобный случай. В КМ «Серко» 5/12 около взрослой женщины лежала отрубленная левая рука другого индивида, следов которого в погребении не зафиксировано (Граков, 1962, с. 81–83).

Ю.Б. Полидович и Е.В. Черненко связывали эту категорию предметов с набором лучника. Предполагается, что костяные предметы были застежками для скрепления частей горита, либо же частью их декора. Эта точка зрения обуславливается тем, что в погребениях есть наконечники стрел, остатки колчана, колчаные застежки или навершия лука. В случае Кириковских курганов 13/1 автор делает предположение не только о принадлежности изделия к набору лучника (по наличию берестяного колчана со стрелами), но и уточняет, что «костяная палочка с вырезанным

посередине желобком» могла являться приспособлением для натягивания тетивы (Мельник, 1905, с. 740–744). Однако в 26 комплексах нет не только стрел, но и любого другого оружия вне зависимости от пола погребенного. Стоит также отметить, что количество стрел в комплексах, где они есть, варьирует от 1 до 151 самых разных типов, более того, сами «столбики» не всегда находятся около колчаных наборов, что может доказывать более широкий функционал категории рассматриваемых предметов.

Существует также мнение, что костяные изделия являлись частью конской уздечки, т.к. они обнаружены в комплексах с конской сбруей (Галанина, 1985, с. 162), но данная теория может применяться ещё к меньшему количеству погребений. Сочетания сбруи и костяных «столбиков» встречены в кургане № 2 урочища Дарьевка, в комплексе 2/1 у с. Перебыковцы и в КМ у с. Луки. Стоит также учитывать, что есть погребение, где данные поделки находились не среди колчанного набора или костей человека, а на костях жертвенного животного. Так, в КМ «Серко» 5/12 на грудной клетке барана в два ряда стояли пять костяных «столбиков», ещё два найдены среди ребер человека (взрослая женщина).

Вводя в научный оборот погребения раннескифского периода с костяными столбиками, О.Р. Дубовская высказала мнение о том, что данная категория предметов имеет широкий функционал, и возможно использовалась как деталь одежды (возможно, застежки) (Дубовская, 1990, с. 185).

В случае КМ 6 в с. Мустаево костяные изделия (115 шт.) были расположены в два ряда зигзагом и вели к колчанному крюку, такое же расположение костяных предметов было зафиксировано в КМ Прощальный 1/8, но содержало всего 10 экземпляров. Отметим, что набор стрел КМ в с. Мустаево напрямую не может соотноситься с костяными изделиями, т.к. находился слишком далеко от них. Нельзя также говорить о том, что в случае Мустаевского комплекса костяные изделия являлись застежками одежды из-за их большого количества и расположения. Исходя из этих факторов, можно предположить, что костяные изделия являлись деталями украшения портупейного ремня, на который при помощи крюка мог крепиться колчан. В этом случае этот тип инвентаря будет являться как частью снаряжения лучника, так и декоративным элементом костюма погребенного².

Необходимо отметить, что существует ряд погребений, где «грибовидные застежки» также могут являться декоративными элементами, так как не могут быть отнесены к другому инвентарю. В шести случаях костяные предметы найдены у кистей рук, в четырех – в ногах и в четырех – у лица/под головой, что никак не соотносится с погребальным инвентарем, следовательно, в этих слу-

² Антропологические материалы в настоящий момент преданы на определение в ИА РАН.

чаях данные предметы могли быть декоративным элементом костюма.

Подводя итог, можно сказать, что погребение КМ6 в с. Мустаево является уникальным из-за того, что это первое захоронение Волго-Уральского региона, которое содержит такой набор ин-

вентаря, в особенности бронзовый длинный нож и «грибовидные застёжки». По аналогии с находками из других регионов погребение может датироваться раннескифским периодом: серединой VII – второй половиной VI в. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беспалый Е.И., Парусимов И.Н.* Комплексы переходного и раннескифского периодов на Нижнем Дону // Советская археология. 1991. №3. С. 182–195.
- Вахтина М.Ю.* Из истории раскопок кургана на Темир-Горе (по материалам научного архива ИИМК РАН) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Материалы XVII Боспорских чтений. Керчь: РХГА, 2016. С. 73–82.
- Вишневская О.А.* Культура сакских племён низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. По материалам Уйгарака. М.: АН СССР, 1973. 160 с. (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. VIII)
- Галанина Л.К.* К проблеме взаимоотношений скифов с меотами (по данным новых раскопок Келермесского курганного могильника) // Советская археология. 1985. №3. С. 156–165.
- Граков Б.Н.* Скифские погребения на Никопольском курганном поле // Памятники скифо-сарматской культуры. М.: Наука, 1962. С. 56–113. (МИА. №115)
- Дубовская О.Р.* Раннескифские погребения у ст. Новокорсунской // Советская археология. 1990. №4. С. 182–190.
- Ильюков Л.С., Лукьяшко С.И.* Новые памятники скифского времени на Нижнем Дону // Донские древности. Вып. №2. Азов: Азовский краеведческий музей, 1994. С. 57–80.
- Ильинская В.А.* Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев: Наукова думка, 1968. 267 с.
- Ковпаненко Г.Т.* Курганы скифского времени у с. Медвин в Поросье // Скифы и сарматы. Киев: Наукова думка, 1977. С. 40–72.
- Маслов В.Е., Гей А.Н., Клещенко А.А.* Погребение скифского воина из Приазовья // КСИА. 2022. №269. С. 70–85. <https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.269.70-89>
- Мельник Е.* Раскопки курганов в Харьковской губернии 1900–1901 г. // Труды двенадцатого археологического съезда в Харькове 1902 г. Харьков: товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1905. С. 673–744.
- Полидович Ю.Б.* К вопросу о хронологии раннескифских памятников степной зоны Северного Причерноморья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э. Тирасполь: ПГУ им. Т.Г. Шевченко, 1994. С. 189–191.
- Рябокова Т.В.* К вопросу о хронологии архаических скифских комплексов Нижнего Подонья и Прикубанья // Античная цивилизация и варварский мир (материалы 7-го археологич. семинара, Краснодар, 8–11 июня 1999 г.), Краснодар: КУКИ, 2000. С. 18–23.
- Смирнова Г.И.* Курганы у с. Перебыковцы // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 20. Л.: Искусство, 1979. С. 38–67.
- Толстов С.П., Итина М.А.* Саки низовьев Сыр-Дарьи (по материалам Тагискена) // Советская археология. 1966. №2. С. 151–175.
- Файзуллин А.А.* Отчет о раскопках объекта культурного наследия «Курганный могильник 6» в с. Мустаево в Новосергиевском районе Оренбургской области в 2024 г. // Архив ИА РАН. Т. 1, 2.
- Черненко Е.В.* Скифские лучники. Киев: Наукова думка, 1981. 165 с.
- Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А.* Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. 493 с.

Сведения об авторах

Айрат Асхатович Файзуллин, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Оренбургского государственного педагогического университета, Российская Федерация, г. Оренбург. E-mail: faizullin.airat@yandex.ru

Людмила Анатольевна Краева, кандидат исторических наук, зав. музеем археологии, ведущий научный сотрудник Оренбургского государственного педагогического университета, Российская Федерация, г. Оренбург. E-mail: kraeva_ludmila@mail.ru

Елена Анатольевна Крюкова, научный сотрудник Оренбургского государственного педагогического университета, Российская Федерация, г. Оренбург. E-mail: elenkryukova@yandex.ru

Вероника Олеговна Толочко, студент, 5 курс, исторический факультет, Оренбургский государственный педагогический университет, Российская Федерация, г. Оренбург. E-mail: veronikatolochkr@yandex.ru

НОВЫЙ ПАМЯТНИК РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КРЫМУ

В.В. Кропотов¹, И.В. Рукавишникова², Д.В. Бейлин³

¹ Крымский университет культуры, искусств и туризма, Симферополь, Россия

² Институт археологии РАН, Москва, Россия

³ Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия

Аннотация. В статье дан обзор результатов раскопок погребений кургана 2 у с. Денисовка Симферопольского района Республики Крым, исследованного в 2022 г. Под его насыпью выявлено одиннадцать погребений с инвентарем, типичным для кизил-кобинской культуры. Находка двулопастных втульчатых наконечников стрел с боковым шипом в одном из захоронений позволяет предварительно датировать курган второй половиной VII – началом/первой половиной VI в. до н.э.

Ключевые слова: Центральный Крым, погребальные памятники, курганы, кизил-кобинская культура, раннескифское время

Цитирование. Кропотов В.В., Рукавишникова И.В., Бейлин Д.В. Новый памятник раннескифского времени в Центральном Крыму // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничного. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 14–17.

В результате интенсивных полевых исследований последних лет, связанных со строительством крупных инфраструктурных объектов в Республике Крым, собран огромный археологический материал, представляющий первостепенный интерес для реконструкции этнических и культурных процессов, протекавших на Крымском полуострове в древности и средневековье. Полноценное осмысление полученных материалов станет возможным только после их всесторонней обработки и введения в научный оборот. Поэтому для знакомства широкого круга исследователей с материалами раскопок актуальным становится краткая предварительная публикация их результатов.

Цель работы – дать краткий обзор результатов изучения комплекса погребений, открытых в кургане 2 у с. Денисовка Симферопольского района Республики Крым. Работы проводились в 2021–2022 гг. Керченским отрядом Крымской новострочной экспедиции Института археологии РАН под руководством И.В. Рукавишниковой.

Кургана 2 высотой чуть более 0,5 м и диаметром около 30 м располагался на правом берегу р. Малый Салгир, на гребне водораздела двух безымянных балок, между сел Денисовка (в 0,6 км к северо-востоку от него) и Ивановка (в 0,6 км к югу) и входил в группу из трех насыпей (п/п 1936, уч. № 4037), вытянутых по линии запад – восток. В основе кургана находилась невысокая естественная возвышенность, первоначально, по-видимому, перекрытая искусственной насыпью, размеры которой из-за многолетней распахки установить не удалось. Памятник исследовался на снос с помощью скрепера с сохранением двух перпендикулярных бровок шириной 1 м, ориентированных по сторонам света.

Стратиграфия кургана: под пахотным слоем (гумусированный грунт темно-коричневого оттенка) толщиной до 0,4–0,5 м находился слой мягкого суглинка (цветовая гамма варьировала от светло-коричневого до темно-желтого) толщиной 0,1–0,2 м, на глубине 0,6–0,7 м от современной дневной поверхности переходящего в материк – плотный суглинок желтовато-коричневого цвета.

Под насыпью на уровне материка выявлено 11 погребений, находившихся в основном вблизи её центральной части, а также жилищно-хозяйственный комплекс, включавший 120 хозяйственных ям, два очага и восемь столбовых конструкций, расположенных двумя скоплениями: в западной поле и за ее пределами – к западу и северо-западу от вершины кургана.

В данном обзоре обобщены результаты исследования погребальных комплексов, непосредственно связанных с курганом. Примыкавший к нему и частично перекрытый им жилищно-хозяйственный комплекс, содержащий значительное количество индивидуальных находок, требующих специального анализа, будет рассмотрен отдельно.

Открытые в кургане погребения, по-видимому, представляют собой компактное семейное или родовое кладбище. Захоронения в нем совершены по сходному обряду и сопровождались однотипным инвентарем. В качестве могильного сооружения в большинстве случаев использована простая подпрямоугольная в плане яма и только дважды – могила подбойного типа (погребения 5 и 10).

Все захоронения, за исключением погребения 5, индивидуальные. В трех случаях они связаны с хозяйственными ямами жилищно-хозяйственного комплекса, по-видимому, уже полностью заброшенного на тот момент: в погребении 6 покойник

размещался внутри ямы вдоль ее северной стенки; в погребениях 7 и 11 могильные конструкции перекрывали хозяйственные сооружения, но были размещены точно по их центру с подрубками одной или двух стен для свободного размещения усопших в вытянутом положении. Почти все могилы ориентированы либо строго по линии запад-восток (погребения 1, 8, 10 и 11), либо с незначительным отклонением к юго-западу (погребения 2, 5, 6 и 7). Только два погребения имели ориентацию с юго-запада на северо-восток (погребения 3 и 9) и одно – с юга на север (погребение 4).

В четырех случаях скелеты находились на дне могил в скорченном или полускорченном положении на левом (погребения 1, 2 и 3) или правом (погребение 6) боку. В трех случаях покойные были уложены вытянуто на спине со сведенными на тазу (погребения 5 и 7) или раскинутыми в стороны (погребение 11) руками. В двух случаях (погребения 5 и 10, т.е. только в подбойных могилах) останки покойных были компактно сложены в центре могилы без анатомического порядка, что предполагает либо захоронение уже в значительной степени истлевших останков, либо преднамеренное нарушение скелетов спустя некоторый промежуток времени, в ходе которого мягкие ткани покойных успели истлеть. При погребении усопшие укладывались головой как в восточном (погребения 1, 3, 5 и 10), так и в западном (погребения 2, 6, 7 и 11) направлении, при этом четкой связи их ориентации с позой не наблюдается.

Сопутствующий инвентарь немногочислен – это лепные чернолощенные кубки с врезным орнаментом (погребения 2, 5 и 10), неорнаментированный черпак (погребение 9), керамические пряслица (погребения 1, 2 и 9), наконечники стрел (погребение 5), костяные застёжки (погребение 7), кусочки реалгара (погребения 1 и 2) и прочее, указывающие на довольно широкую датировку памятника в пределах VIII–VI вв. до н.э.

Определенно более узкую дату предусматривает только вещевой комплекс погребения 5. Это захоронение находилось в юго-восточном секторе кургана, в 3 м к юго-востоку от его центра. Выявлено непосредственно под пахотным слоем по скоплению крупных и мелких камней, формировавших сплошную каменную наброску размером примерно 2×3 м. Под наброской на уровне материка зафиксировано пятно могильной ямы почти прямоугольной в плане формы. Оно выделялось более темным цветом заполнения с камнями, самый крупный из которых – массивная известняковая плита размером 0,9×0,6×0,1 м вплотную примыкала к восточной стенке сооружения. Могила первоначально имела подбойную конструкцию с погребальной камерой, расположенной под северной стороной. Однако ее свод обрушился в древ-

ности и на момент раскопок прослеживался в виде прослойки рушенной материковой глины внутри сооружения. Общие размеры могильной конструкции в придонной части 2,0×1,1 м. Она ориентирована по оси запад-восток с незначительным отклонением к юго-западу. На дне могилы вдоль южной стенки отмечена невысокая ступенька шириной 0,3 м. На полу предполагаемой погребальной камеры находились останки двух покойных.

Скелет первого индивида (мужчина 30–35 лет¹) располагался у северной стенки могилы вытянуто на спине головой на восток. Костные останки второго покойника (подросток 12–15 лет) были компактно сложены в центральной части могилы рядом с первым, при этом его череп был повернут к черепу взрослого. Сопровождающий погребенных инвентарь представлен лепным чернолощенным кубком, найденным близ восточной стенки могилы, рядом с черепами усопших, и двумя бронзовыми наконечниками стрел, находившимися в центральной части могилы на некотором удалении от костных останков (рис. 1, 1, 2).

Указанные предметы достаточно надежно датируются. Наиболее точную дату предполагают наконечники стрел. Они бронзовые двулопастные с выделенной втулкой, проходящей через всю головку, с боковым шипом. Длина образцов 3–3,5 см (рис. 1, 2). По классификации А.И. Мелюковой, такие изделия относятся к отделу I, типу 2 наконечников стрел первой хронологической группы и датируются в рамках второй половины VII – первой половины VI в. до н.э., не исключая возможности использования некоторых экземпляров в более позднее время (Мелюкова, 1964, с. 19–21). По определению С.В. Полина, время бытования подобных наконечников в основном VII – первая четверть VI в. до н.э. (Полін, 1987, с. 31). Близкие даты допускают и другие исследователи, иногда ограничивающие их применение второй половиной VII – началом VI в. до н.э. (обзор см.: Дударев, Гурова, 2023, с. 80 и сл.).

Кубок из этого же погребения имеет низкое, приземистое тулово с уплощенным, чуть вогнутым дном, низкой шейкой и слегка отогнутым наружу венчиком. Плечики орнаментированы пучками вертикальных врезных линий, сгруппированных по три, формирующих узкие, расширяющиеся кверху треугольники. Сосуд дополнительно украшен на шейке двумя горизонтальными рядами жемчужных вдавлений. Размеры кубка: высота 6,6 см, диаметр венчика 6,2 см, максимальное расширение тулова 9,7 см, диаметр дна 3,4 см (рис. 1, 1).

Описанный образец находит многочисленные аналогии в Центральном Крыму как в типичных жилищно-хозяйственных памятниках кизил-кобинской культуры, так и в смешанных скифо-ки-

¹ Антропологические определения проведены сотрудником группы антропологии Отдела теории и методики Института археологии РАН к.и.н. И.К. Решетовой

зил-кобинских погребальных комплексах, в том числе в бассейне р. Салгир (Храпунов, Власов, 1998, рис. 5, 10–14; Колтухов, Сенаторов, 2016, рис. 2, 6; 3, 7, 8; 5, 6). Сходные кубки с неорнаментированной поверхностью принято считать самыми ранними и датировать X–IX вв. до н.э. (Колтухов, Сенаторов, 2016, с. 54–55, рис. 1, 18; Колтухов, 2023, с. 39–41, рис. 2, 3). Сосуды, украшенные пучками врезных линий, обычно относят уже к последующему времени – VIII – первой половине VI в. до н.э. (Колтухов, Сенаторов, 2016, с. 51, 56, 67). Нахождение же нашего образца в комплексе с двуплощастными втульчатыми наконечниками стрел с боковым шипом позволяет сузить его датировку, как и всего захоронения, до второй половины VII – начала/первой половины VI в. до н.э.

Принимая во внимание близкое сходство всех открытых в кургане 2 погребений по обряду и инвентарю, можно предварительно распространить это определение на весь изученный памятник.

Что касается его этнокультурной атрибуции, то она представляется неоднозначной. Аналогичные памятники в литературе соотносят

то с носителями кизил-кобинской культуры (таврами?), то с продвинувшимися в глубь предгорной зоны Крымского полуострова кочевниками-скифами, то со смешанным скифо-кизил-кобинским (скифоидным) населением (Колтухов, Сенаторов, 2016, с. 48–49).

Следует отметить, что в Крыму курганные могильники начала железного века, состоящие из значительного числа индивидуальных захоронений, не столь уж многочисленны (Колотухин, 1996, с. 30–34; Колтухов, Сенаторов, 2016, с. 52–69), а памятники, перекрывающие при этом однокультурные жилищно-хозяйственные комплексы, и вовсе единичны. Это делает рассматриваемый некрополь уникальным и очень перспективным для дальнейшего комплексного аналитического исследования. Сопоставление собранных данных с материалом жилищно-хозяйственного комплекса позволит не только уточнить хронологию кизил-кобинской культуры, но и существенно дополнит наши знания о происхождении и быте древнего населения Предгорного Крыма начала скифской эпохи.

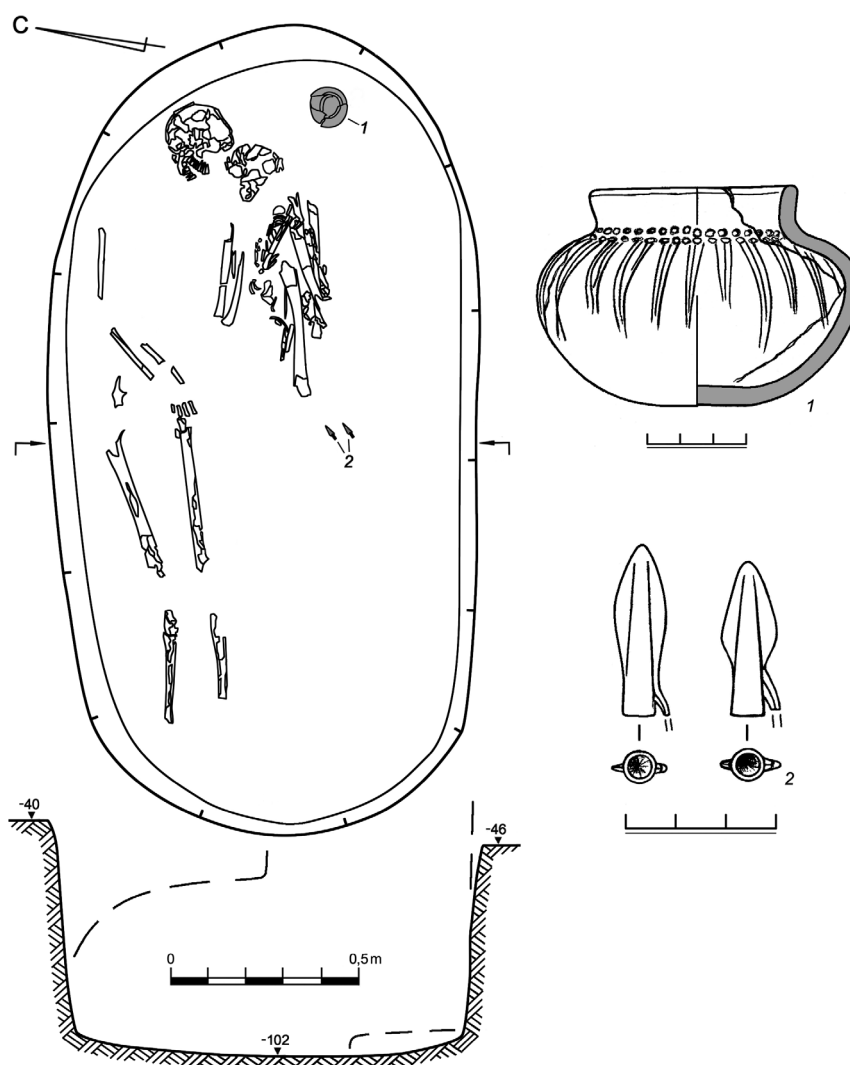

Рис. 1. Курган 2 у с. Денисовка: план, разрез и инвентарь погребения 5 (1 – кубок; 2 – наконечники стрел)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дударев С.Л., Гурова Е.А.* Заготовки скифских наконечников стрел из музея АГПУ и района г. Армавира // Западный Кавказ в контексте контактов культур, народов и цивилизаций. Материалы научно-практической конференции «XI Анфимовские чтения». Краснодар; М.: Традиция, 2023. С. 79–83.
- Колотухин В.А.* Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века. Симферополь: Южногородские ведомости, 1996. 160 с.
- Колтухов С.Г.* Несколько погребений предскифского времени в бассейне р. Малый Салгир // История и археология Крыма. 2023. Вып. XX. С. 38–46.
- Колтухов С.Г., Сенаторов С.Н.* Погребения предскифского и скифского времени в курганах долины реки Салгир // История и археология Крыма. 2016. Вып. III. С. 47–78.
- Мелюкова А.И.* Вооружение скифов. М.: Наука, 1964. 90 с. (САИ. Вып. Д 1-4)
- Полін С.В.* Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. 1987. Вип. 59. С. 17–36.
- Храпунов И.Н., Власов В.П.* Новое кизил-кобинское поселение в Горном Крыму // Археологические вести. Вып. 5. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1998. С. 176–186.
-

Сведения об авторах

Виктор Валерьевич Кропотов, кандидат исторических наук, доцент, Крымский университет культуры, искусств и туризма, Российская Федерация, г. Симферополь. E-mail: v-kropotov@bk.ru

Ирина Викторовна Рукавишникова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН, Российская Федерация, г. Москва. E-mail: rukavishnikovairina@yandex.ru

Денис Владиславович Бейлин, научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН, Российская Федерация, г. Симферополь. E-mail: denis-beylin@mail.ru

ОБРАЗ МЕДВЕДЯ В САКСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ ПРИТЯНЬШАНЯ

М.К. Пиридинова

Национальный исторический музей Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызстан

Аннотация. В статье публикуются материалы образа медведя в сакском зверином стиле из Притяньшанья. Бляшки с изображением медведя представлены в стоячем положении с массивным телом и короткими крепкими лапами, а на пряжках идет сильно стилизованная головка медведя. Эти образы медведя имеют аналогии на территории Памира, Восточного Казахстана и в других регионах. Это позволило предметы с изображениями медведя из Притяньшанья датировать VIII–VI вв. до н.э.

Ключевые слова: ранний железный век, Притяньшанье, ранние кочевники, звериный стиль, образ медведя

Цитирование. Пиридинова М.К. Образ медведя в сакском зверином стиле Притяньшанья // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничного. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 18–20.

Введение

В изобразительном искусстве саков Притяньшанья, как и по всей Евразии, особое место занимает так называемый «звериный» стиль, который представляет собой уникальное художественное и мировоззренческое явление в период раннего железного века. Одним из выразительных образов звериного стиля на территории Притяньшанья является образ медведя (рис. 1).

В искусстве саков этого региона фигура медведя встречается реже, чем изображения оленей, тигров, птиц, однако появление его образа на территории Притяньшанья заслуживает особого внимания.

Образ медведя в Притяньшанье известен покладам (Кеминский, Кочкорский) и по случайным находкам, а также по наскальным рисункам Жалтырак-Таш. Эти находки дают возможность реконструировать локальные особенности изображения медведя и выявить смысловую нагрузку этого образа в рамках художественной системы звериного стиля.

Настоящая статья направлена на выявление художественных особенностей образа медведя в памятниках сакского звериного стиля на территории Притяньшанья, а также на сопоставление этих данных с аналогичными мотивами из других регионов скифо-сакского мира.

Описание

Подпружные пряжки из фондов Национального исторического музея Кыргызской Республики имеют правильную форму кольца с выступом в виде двух сильно стилизованных зеркально противоположенных головок медведя, переданных маленькими окружностями, на одном из них на кольце пряжки есть оформление в виде копыта животного, а на другом, с внутренней стороны выступа, имеется широкая обойма-петля для ремня. Такие же стилизованные головки медведя встречаются в

Чуйской долине – случайно найденная бронзовая накладка со штырем.

Бронзовые бляшки с изображениями медведя представлены в стоячем положении с массивным телом и короткими крепкими лапами. Голова сильно увеличена по отношению к телу и опущена вниз. Глаза и уши округлые. На кочкорских и каракольских бляшках на обратной стороне имеется петелька, а на бляшке из Кара-Джигача – штырь.

Хронология

Вышеперечисленные предметы с изображением медведя ранее были опубликованы. Пряжка из Чон-Кеминского клада датируется по вместе найденным удилам VIII–VI вв. до н.э. (Табалдиев, 2007, с. 53, 55, рис. 3, 7). Фигурка медведя из Кочкорского клада, основываясь на ближайших аналогиях, была датирована концом VIII – VII вв. до н.э. (Иванов, Бообек уулу, 2014, с. 147). Бляшки с изображениями медведя из Каракола и юго-восточной окраины Бишкека (Кара-Жыгач) А.М. Камышевым датированы обширно скифским периодом (Камышев, 2023, с. 17–18).

Кроме металлических изделий, образ медведя в Притяньшанье встречается в наскальных рисунках Жалтырак-Таш, расположенного в Таласской долине. Здесь даются два изображения медведя в таком же стиле, что и на рассматриваемых металлических предметах, отличительной чертой являются пропорции головы к телу. Если в бляшках голова была равна телу, то на рисунках размер головы меньше. Изображения двух медведей в наскальных рисунках Жалтырак-Таш были отнесены к «скифскому» звериному стилю и датированы этим временем (Гапоненко, 1963, с. 110).

Хронологию образов медведей из Притяньшанья можно сделать по сравнительному анализу. Одна из наиболее близких аналогий к образу рассматриваемых предметов была найдена в кургане 10 Памирской I на Восточном Памире (Берн-

Рис. 1. Образ медведя из Притяньшаня.

1, 1a – Чон-Кеминский клад; 2, 2a – место нахождения неизвестно; 3, 4, 6 – случайные находки из Чуйской долины (по А.М. Камышеву); 5 – Кочкорский клад (по С.С. Иванову)

штам, 1952, с. 295, рис. 128, 4–6). На данный момент этот курган датируется VIII–VII вв. до н.э. (Рябкова, 2010, с. 239–240).

Следующая близкая аналогия встречается в Восточном Казахстане в кургане 1 Шиликты-3 (Байгетобе). В ходе исследования этого кургана было обнаружено 4303 золотых украшения, среди них 38 бляшек «волчонок-медвежонок». По мнению А.А. Толеубаева, изображение на бляшках по форме головы и пасти похоже на волчонка, а по форме тела, лапы и хвоста – на медвежонка, что и дало название бляшкам (Толеубаев, 2018, с. 230, 233). Приходя к такому выводу, ученый считает, что курган 1 Шиликты-3 (Байгетобе) является самым ранним из всех элитарных захоронений в этом регионе и датирует его по дендрохронологическим анализам не позднее IX в. до н.э. или начала VIII в. до н.э. (Толеубаев, 2018, с. 384).

Близкая аналогия образа медведя встречается в могильнике Уйгарак в курганах 33 и 34. Это три бронзовые бляшки в виде фигурки медведя и две костяные пластинки с изображениями медведя. Изображения медведей на костяной пластинке О.А. Вишневская интерпретирует как «кошачий зверь», приводя аналогии из Минусинской котловины и Турана (Вишневская, 1973, с. 115, табл. IX, 12; XXVIII, 2). С бронзовыми бляшками она сравнивает медведей из Памирской 1 (Вишневская, 1973, с. 116, табл. XI, 16, 17; XXVIII, 3). Курган 33 могильника Уйгарак она датирует наиболее ранним этапом и относит к VII–VI вв. до н.э., а курган 34 – VI в. до н.э. (Вишневская, 1973, с. 114, 122).

Образ медведя, как на бляшках из Притяньшаня также встречается на предметах вооружения. Бронзовый нож из кургана Солонечный белок на

Алтае (Руденко, 1960, с. 12, табл. XVIII, 4) датирован VIII–VI вв. до н.э. (Степная полоса ..., 1992, с. 165, табл. 61, 26). В большереченской культуре известны чеканы с изображениями стоящих медведей на обушке, фигуры медведей расположены одна над другой, представляя зооморфный ряд, характерный для декора оружия скифской эпохи (Троицкая, Бородавский, 1994, с. 86), датируются они VIII – первой половиной VI в. до н.э. Также здесь известен гребень с двумя стилизованными головками медведей, как и на вышеупомянутых пряжках.

Подобные же образы медведя были обнаружены в уюкской культуре – зеркало, у которого ручка оформлена в виде стоящего медведя мордой вниз (Степная полоса ..., 1992, с. 190, табл. 78, 35). В такой же стилистике встречаются изображения кабанов, датированные VII–VI вв. до н.э. (Черников, 1965, с. 34, 36).

Заключение

Таким образом, анализ представленных аналогий позволяет датировать появление и распространение образа медведя на территории Притяньшаня VIII–VI вв. до н.э. Причем, если на бронзовых бляшках и наскальных рисунках изображены животные полностью, то на конских пряжках представлено только изображения головы. Тем не менее, художественная стилистика изображений очень схожа и поэтому их можно датировать одним периодом. Образ медведя из Притяньшаня также может указывать на возможные культурные взаимодействия, которые оказывали воздействие на формирование особенностей «звериного» стиля саков Тянь-Шаня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.: АН СССР, 1952. 346 с. (МИА. № 26)
- Вишневская О.А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи VII–V вв. до н.э. по материалам Уйгарака. М.: Наука, 1973. 160 с.
- Гапоненко В.М.* Наскальные изображения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе: АН Киргизской ССР, 1963. С. 101–110.
- Иванов С.С., Бообек уулу Б.* Новый клад раннесакского времени из Кочкорской долины (Центральный Тянь-Шань) // Всадники великой степи: традиции и новации. Астана: ИА им. А.Х. Маргулана, 2014. С. 143–149. (Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астане. Т. IV)
- Камышев А.М.* Зооморфные сюжеты в торевтике Притяньшанья. Бишкек: Литературный Кыргызстан, 2023. 112 с.
- Руденко С.И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. // М.; Л.: АН СССР, 1960. 360 с.
- Рябкова Т.В.* Памирская I, курган 10 (к вопросу о культурно-хронологических связях комплекса) // Древние культуры Евразии. Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. СПб.: Инфо-ол, 2010. С. 237–240.
- Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время.* М.: Наука, 1992. 494 с. (Археология СССР)
- Табалдиев К.Ш.* Кинжалы и клад бронзовых изделий из Кыргызстана // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2007. С. 47–57.
- Толеубаев А.Т.* Раннесакская шиликтинская культура. Алматы: Садвакасов А.К., 2018. 528 с.
- Троицкая Т.Н., Бородавский А.П.* Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.
- Черников С.С.* Загадка Золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». М.: Наука, 1965. 190 с.
-

Сведения об авторе

Малике Камалидиновна Пиридинова, ведущий научный сотрудник отдела древней и средневековой истории в Национальном историческом музее КР, Бишкек, Кыргызстан, аспирант Казанского (Приволжского) Федерального университета, Российская Федерация, г. Казань. E-mail: piridinovas@gmail.com

ЗООМОРФНЫЙ СОСУД ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПОГРЕБЕНИЯ КУРГАНА 4 МОГИЛЬНИКА ФИЛИППОВКА 1

О.А. Мельникова

Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей, Оренбург, Россия

Аннотация. В статье рассматривается зооморфный сосуд из центрального погребения кургана 4 могильника Филипповка 1. Сосуд представляет собой сдвоенную чашу, ручки и постамент которой выполнены в виде протом полорогих копытных животных. К настоящему времени предмет прошел реставрацию и представлен в постоянной экспозиции Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея.

Ключевые слова: могильник Филипповка 1, звериный стиль, золотые и серебряные обкладки, деревянная чаша

Цитирование. Мельникова О.А. Зооморфный сосуд из центрального погребения кургана 4 могильника Филипповка 1 // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничнюка. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 21–22.

В 2006 г. при археологическом исследовании кургана 4 курганного могильника Филипповка 1 Приуральской археологической экспедицией Института археологии РАН под руководством Л.Т. Яблонского был обнаружен деревянный сосуд, обложенный серебряными и золотыми листами, с ручками и постаментом, выполненными в скифо-сибирском зверином стиле (Яблонский, 2013, с. 121). Сосуд являлся доминантой жертвенного комплекса, который располагался между стенками двух гробовин центрального погребения. (Влияния..., 2012б, с. 123).

Исходя из сохранности сосуда и необходимости в реставрации для последующего экспонирования, из раскопа он был извлечен монолитом, а в 2013 г. передан в Лабораторию научной реставрации произведений прикладного искусства Отдела реставрации и консервации Государственного Эрмитажа.

Благодаря тому, что внутренность сосуда была заполнена уплотненной почвой из погребения, это частично сохранило его форму и объем. Реставраторами было установлено, что предмет состоит из многочисленных деталей, которые крепились к деревянной основе при помощи гвоздиков. После частичной утраты деревянной основы чаши, а также под давлением грунта, в металлических обкладках появились многочисленные разрывы, трещины и утраты. Во время реставрации были проведены исследования по составу металла золотых обкладок зооморфных ручек и серебряных обкладок чаш методом рентгенофлуоресцентного анализа, микроскопические исследования, проведено дендрологическое исследование для установления породы дерева.

В результате реставрационных работ были укреплены две половины серебряных обкладок сосуда на несущий каркас из латунных проволок

различного профиля с учетом внутренней формы сосуда, к нему же были прикреплены латунные направляющие для фиксации голов животных. Внутри сосуда по месту нахождения были вклеены сохранившиеся фрагменты дерева. Собранный на каркасе сосуд был укреплен на специально изготовленной деревянной подставке.

Таким образом, итогом реставрационной работы стало формирование современного вида музейного предмета, который представлен в постоянной экспозиции «Золото сарматских вождей» Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея.

В настоящее время предмет являет собой деревянный восьмерковидный в плане сосуд, обложенный серебряными и золотыми пластинами, с противопоставленными редуцированными телами животных с подложенными под туловище ногами, что характерно для изображений в скифо-сибирском зверином стиле. После реставрации предмет приобрел следующие параметры: общая масса 3815,40 гр; длина вместе с зооморфными ручками – 62,7 см, высота 21 и 24 см. Золотом оформлены головы, передние части шей, рога, половины ног и копыта, серебром – «туловища»-сосуды и ноги. Металл прибывался к деревянной основе сосуда при помощи золотых и серебряных гвоздиков.

Технические решения и стилистические особенности данного сосуда выделяют его из обширной коллекции деревянных сосудов с металлическими обкладками и сближают с деревянными скульптурами оленей из кургана 1 могильника Филипповка 1. Так же, как и при создании скульптур оленей, техникой резьбы по дереву была изготовлена основа будущего сосуда, на нее были наложены металлические листы, по которым методом чеканки вдавливались орнаменты по вырезанному в дереве рельефу (Пшеничнюк, 2001, с. 29).

Ручки сосуда выполнены в виде объемных голов горного барана (*Ovis ammon*). Рога сегментированы, у большей головы сегменты оформлены в виде елочки, у меньшей – в виде колец. На обеих головах рога установлены на лбу, кольцевидно обгибают ухо и заканчиваются возле угла нижней челюсти. Глаза миндалевидные, подчеркнуты слезницы. Уши вертикально вытянуты к середине рога, с треугольными выемками у верхнего края и завитком, имитирующим шерсть ближе к голове. Завитками и округлыми галочками также декорированы щеки животных. У обоих животных с двух сторон валиком показаны пасти. Головы животных отличаются друг от друга размером: длина большей головы от конца носа до рогов – 20 см, другой головы – 18 см, максимальная ширина одинакова – 5,5 см. Голова меньшего размера отличается горбоносостью, присущей сайгакам (*Saiga tatarica*), не исключено, что здесь присутствует некий синкретизм образов (Канторович, 2025, с. 455). меховая опушка на шеях животных передана рифлением по золотому листу. Головы почти параллельны

подогнутым ногам, которые служат опорой всей конструкции. Бедра оформлены золотым листом, украшены декором в виде рифления и S-образных завитков с округлыми загибами в области суставов. Копыта обложены золотым листом, направлены друг к другу и соприкасаются кончиками, декор представлен завитком и вытянутой галочкой. Тела животных – шарообразные сосуды. На каждой серебряной обкладке нанесен спиралеобразный завиток.

Геральдически расположенные фигуры животных – не редкость в зверином стиле, а ближайшей аналогией изображения противопоставленных горных баранов является ручка ахеменидского сосуда из кургана 1 могильника Филипповка 1 (Коллекции..., 2018. Кат. 805; Влияния..., 2012, с. 84–85). Не исключено, что подобные импорты под влиянием кочевнического звериного стиля могли выступать прототипами для таких оригинальных предметов, как зооморфный сосуд из центрального погребения в кургане 4.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Канторович А.Р. Репертуар образов скифо-сибирского звериного стиля из курганов могильника Филипповка 1 (раскопки А.Х. Пшеничнюка) // Уфимский археологический вестник. 2025. Т. 25. № 3. С. 440–469. <https://doi.org/10.31833/uav/2025.25.3.031>
- Коллекции Филипповских курганов из фондов Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН. Уфа: Китап, 2018. 400 с.
- Пшеничнюк А.Х. Филипповские курганы в центре скифского мира: открытия и исследования // Золотые олени Евразии: Каталог выставки. СПб.: Славия, 2001. С. 29–33.
- Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. 1. М.: Таус, 2012а. 672 с.
- Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. 2. М.: Таус, 2012б. 468 с.
- Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Кн. 1. М.: ИА РАН. 232 с.

Сведения об авторе

Ольга Александровна Мельникова, Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей, Российская Федерация, г. Оренбург. E-mail: helga_89@mail.ru

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПТИЦ ИЗ МОГИЛЬНИКА ФИЛИППОВКА 1 ПО ИЗОБРАЖЕНИЯМ

О.В. Аникеева¹, С.А. Букреев²

¹ Государственный НИИ реставрации, Москва, Россия

² Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, Москва, Россия

Аннотация. В контексте влияния древних культур Ближнего Востока, Восточного Средиземноморья и Центральной Азии на мировоззрение ранних сарматов важны идентификация видов птиц и нюансы их сакральной символики. Проведенные исследования показывают, что к первой половине I тыс. до н.э. древние мастера четко осознавали, намеревались ли они создать собирательный образ или изобразить конкретный вид птицы сокола, ястреба или орла.

Ключевые слова: Южный Урал, могильник Филипповка 1, орел, сокол, ястреб, птица Варагн, Хварно

Цитирование. Аникеева О.В., Букреев С.А. Идентификация птиц из могильника Филипповка 1 по изображениям // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничного. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 23–27.

Изображения птиц в погребениях могильника Филипповка 1 встречаются редко, но удивляют разнообразием. Они происходят из царских курганов 1 и 4.

Из семи пять изображений птиц (рис. 1, 1; 2, 1) найдены в женском впускном погребении 2 кургана 1, одно – у северной полы кургана 1 (рис. 2, 2) (Яблонский, 2013, с. 225, кат. 3139). Последнее (рис. 2, 3) происходит из парного погребения 4 кургана 4 (Яблонский, 2013, с. 108, кат. 1226). Первые три относятся к хищным птицам:

- на оборотной стороне серебряного зеркала, в центре орнаментальной композиции (рис. 1, 1);

- на медальоне ювелирного изделия (рис. 1, 2) две идентичные фигуры фланкируют «мировое дерево», над которым парит крылатый солнечный диск. Птицы изображены схематично, что затрудняет их идентификацию, а семантика композиции и образов разобрана в подробной публикации (Аникеева, Колганова, 2020, с. 9–13).

Пара симметричных бронзовых фигурок птиц (рис. 2, 1) украшали кожаный пояс, положенный в футляр с палитрами в ноги погребенной женщины. Они изображают петухов, так как отличаются большими гребнями, длинными хвостами и вытянутыми шеями, поднятыми для крика. Известно, что в XI–VIII вв. до н.э. петух был одомашнен в Бактрии и западном Иране. Религиозное имя петуха – Пародарш в переводе с персидского означало «предсказатель рассвета», его кукареканье поутру возвещало победу света над могущественной ночной тьмой (Уша). У древних иранцев петух был и символом воскресения. Считалось актом благочестия иметь и выращивать домашнюю птицу; но после того, как петух прокукарекал, в пищу он не употреблялся (Аникеева и др., 2023, с. 354). В период эллинизма у греков и позже у римлян он символизировал воинскую доблесть, поэтому его изображения часто встречаются на бактрийских

монетах правителей и полководцев эпохи Александра Македонского из Амударьинского клада.

Другие два изображения (рис. 2, 2, 3), безусловно, принадлежат водоплавающим птицам. Форма и пропорции схематичных изображений лишь позволяют говорить, что они относятся к семейству утиных. У народов Эгейского региона в позднем бронзовом веке утки почитались за возможность существования сразу в трех стихиях: воде, земле и воздухе. Считалось, что в погребальных обрядах их амулеты способствуют переходу в иной мир. Интересно, что в Амударьинском кладе, наряду с образом утки (рис. 2, 8), присутствуют как реалистичный (рис. 2, 6), так и собирательный образ голубя (рис. 2, 10). В Восточном Средиземноморье он ассоциировался с водной стихией, водными божествами. Его образ связывали с куклами плодородия за способность голубя пить в движении и вырабатывать особую питательную жидкость – «зобное молоко», которым голуби вскармливают птенцов (Binnberg, 2019, p. 66, 72).

Остановимся подробнее на образе хищной птицы, изображенной в центре серебряного диска зеркала. Оно превосходно сохранилось, имело ажурную рукоять в зверином стиле и необычную орнаментальную композицию на оборотной стороне диска, поэтому сразу привлекло внимание исследователей (Яблонский 2016, с. 750–751; Yablonsky, Treister, 2019, p. 100–104, 133–134, fig. 15–18). Л.Т. Яблонский предположил, что птица, изображенная на зеркале (рис. 1, 1), вероятно, орел (Яблонский, 2016, с. 750). М.Ю. Трейстер (Yablonsky, Treister, 2019, с. 134) определил ей ближайшие аналогии: хищную птицу на глазурованной плитке (рис. 1, 3) из дворцового комплекса Персеполя и хищную птицу (рис. 2, 4) на медальоне и нашивках Аму-Дарьинского клада (Dalton, 1905, p. 33, pl. X, 25). Далее исследователь связывает семантику ее образа с египетским богом Хором,

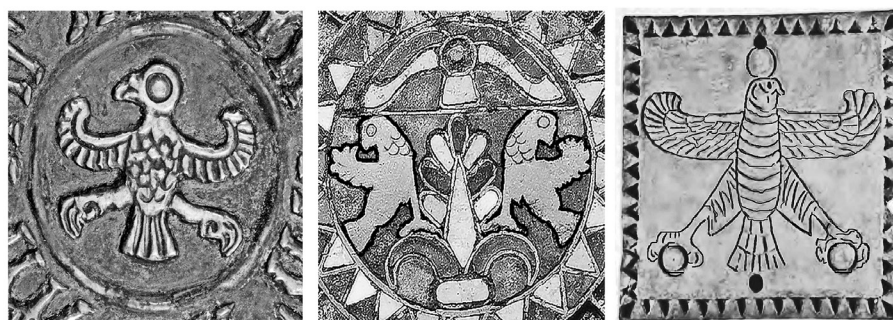
принимавшим образ сокола, и, опираясь на приведенные аналогии, утверждает, что этот образ был широко распространён в Ахеменидском искусстве. Другие исследователи, занимавшиеся иконографией образов из приведенных М.Ю. Трейстером аналогий, отнесли птицу к семейству соколиных, а семантику образа связали со священной для древних иранцев птицей Варагн из авестийских мифов (Soudavar, 2005, p. 123–124, fig. 12, 8; Curtis, 2007, p. 418–426; Аникеева, Колганова, 2020, с. 16).

Эти птицы различаются рисунком оперения на крыльях, груди, хвосте, контурами ног, пропорциями головы, клюва и глаз. Их объединяет лишь характерная поза, получившая в литературе название «геральдической».

У птицы на зеркале (рис. 1, 1) акцентированы непропорционально большие когти с мощными когтями и сильный клюв, то есть мастер стремился изобразить великую и могущественную птицу. Без сомнения, птица на зеркале является орлом (семейство ястребиных), а не представителем семейства соколиных. Ее можно идентифицировать на основании следующих орнитологических признаков:

1. Судя по одинаковой толщине лап, оперением покрыты и голень, и цевка¹ до самых пальцев (у соколов и ястребов цевка голая);

2. Широкий, плавно закругленный силуэт крыла с десятью четко различимыми первостепенными перьями, очерчивающими нижний край крыла. Орлы часто парят в полете, и их десять са-

1

2

3

4 Силуэты парящих орлов

5 Контур крыльев сокола в полете

6 Силуэты парящих ястребов

Рис. 1. Изображения хищных птиц: 1, 2 – Филипповка 1 курган 1 погребение 2; 3 – дворцовый комплекс Персеполя. Реальные силуэты хищных птиц в полете: 4 – орел; 5 – сокол; 6 – ястреб

¹ Цевка (лат. tarsometatarsus) — кость ноги, расположенная между голенью и пальцами, образуется слиянием нижнего (дистального) ряда предплюсневых костей с тремя средними (2–4-й) сросшимися по длине плюсневыми костями.

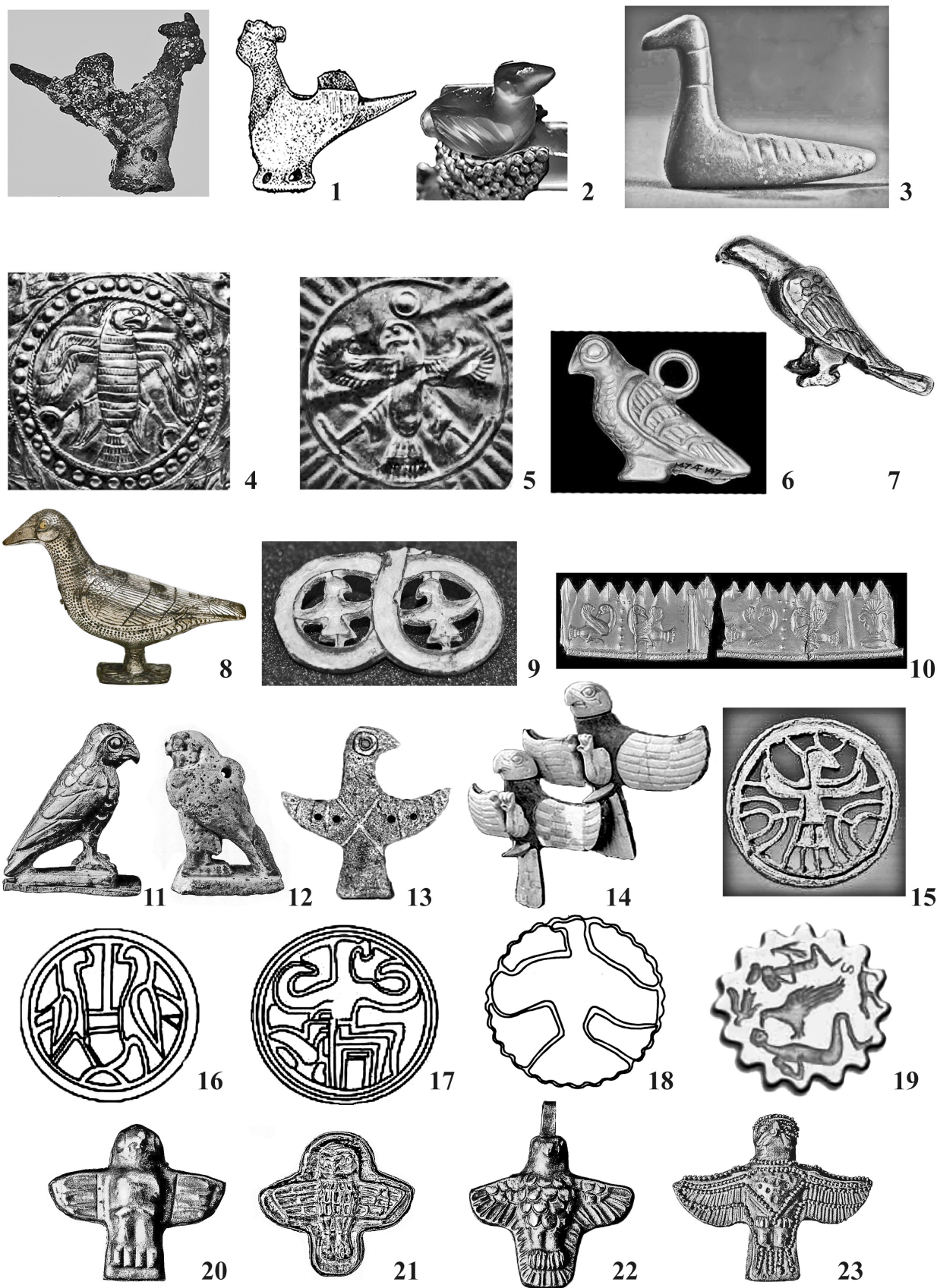

Рис. 2. Изображения хищных птиц: 1 – Филипповка 1 курган 1 погребение 2; 2 – межкурганное пространство могильника Филипповка 1; 3 – Филипповка 1 курган 4 погребение 4; 4–10 – Амударьинский клад; 11–12, 20–23 – храм Афины Эфесской; 13–18 – некрополь Гонур-тепе; 19 – Бактрия, <https://bactria-margiana.blogspot.com/2015/> (дата обращения 03.10.2025)

мых внешних первостепенных перьев широко расправлены, напоминая пальцы. Это хорошо видно на силуэтах орлов в различных положениях полета (рис. 1, 4), что отличает их от силуэта парящего сокола (рис. 1, 5). Самые большие и крайние первостепенные перья орлов часто использовались для украшения головных уборов или в священных ритуалах, что позволяет предположить, что мастера, возможно, знали, что у орлов именно десять таких перьев;

3. Широкий, короткий хвост (соколы и ястребы имеют узкие, относительно длинные хвосты (рис. 1, 4, 5));

4. Большой загнутый клюв с заметным гребнем-надклювьем сверху (рис. 1, 1), которого нет у более мелких клювов ястребов и соколов.

Крупные круглые глаза, пожалуй, являются единственной чертой, нехарактерной для орлов. Они типичны для соколов, глаза которых из-за темного зрачка и радужной оболочки кажутся больше, чем у других хищных птиц. Однако, поскольку орлы славятся своим острым зрением, древний художник, возможно, таким образом хотел подчеркнуть это.

Птица на плитке из Персеполя (рис. 1, 3) имеет небольшую голову, клюв, и глаза изображены схематично и видны только при внимательном рассмотрении. Ее иконографические особенности характерны для ястребов:

1. Параллельный полосатый узор на груди и животе («тельняшка»);

2. Широкие крылья расправлены почти перпендикулярно телу, а маховые перья заметны только на самых кончиках крыльев (ср. с силуэтами парящих ястребов – рис. 1, 6);

3. Передняя часть стопы без перьев, выглядит гораздо тоньше, чем покрытая перьями голень;

4. Пропорционально более длинный и узкий (обычно полосатый) хвост (рис. 1, 6);

5. Небольшой, резко изогнутый клюв;

6. Небольшие глаза.

Таким образом, обе птицы изображены в «геральдической» позе: вертикальное положение корпуса, широко расправленные в полёте мощные крылья, сильные вытянутые в стороны ноги с чётко очерченными когтями, между которыми находится опущенный вниз хвост (рис. 1, 1, 3; 2, 4). Отметим, что птица из Персеполя изображена с тремя четко очерченными кругами – два зажаты в лапах и одним над головой. Вполне вероятно, что это служит семантической аналогией или символической связью между этими разными изображениями птиц. Ведь в реальной жизни такие хищные птицы парят, поджав лапы, и опускают их, чтобы перенести груз (рис. 1, 4–6).

В Амударьинском кладе присутствуют изображения четырех видов птиц (рис. 2, 4, 5, 7, 9). Литая фигурка сидящей птицы (Зеймаль, 1979, с. 69, № 148), безусловно, изображает ястреба (рис. 2, 7). Мы не видим полосчатого рисунка оперения на

груди, остальные признаки характерны для этой птицы и перечислены выше.

Хищные птицы на медальонах и нашивках (рис. 2, 4, 5) изображены в геральдической позе (Dalton, 1905, p. 89, pl. X, 25; XI, 33, 34; XXI, 34, 35). Поскольку их анатомические детали тонко выгравированы, то отчетливо видно, что мастер намеренно создал собирательный образ мощной, агрессивной птицы, сочетающей черты орла, ястреба и сокола. Первая птица имеет полосатое тело и длинный хвост ястреба, большую голову и угловатую кривизну крыльев сокола, а также загнутый клюв и равномерно оперенные ноги орла. Вторая птица имеет клюв и оперение крыльев, характерные для орла, оперение ног ястреба (голые плюсны, оперенные голени), круглые глаза и форму головы сокола. Над головой у нее видно кольцо или двойное полушарие.

В авестийской традиции изображения сокола и орла традиционно ассоциировались со священной птицей Варагн или Верагна. Эта птица была хранителем одного из самых почитаемых абстрактных божеств древних иранцев – Хварены (Хварно, Фарра), божественной сущности, олицетворяющей живительную силу Солнца и огня, а также духовную силу, дарующую удачу, богатство и могущество. В то же время только Варагн могла как даровать, так и лишить Хварно, если человек сбивался с праведного пути (Аникеева, Колганова, 2020, с. 15–17). В мифах Варагн могла также олицетворять саму Хварену, и амулеты, изготовленные из его перьев, считались приносящими удачу и защиту как в этом мире, так и в загробном (Curtis, 2007, p. 423).

Орнитологическое исследование хищных птиц и их иконографии показывает, что в сакральном контексте птица Верагна обычно изображается в геральдической позе, иногда с одним (над головой) или тремя (над головой и в когтях) полушариями или кольцами, символизирующими сияющую Хварену. Помимо сокола и орла, с этим сакральным образом также ассоциируется ястреб (рис. 1, 2). Кроме того, Варагн могла изображаться как собирательный образ, что подтверждается при изучении хищных птиц из сокровищницы Окса.

Насколько тонко древние мастера воспринимали и передавали отличительные черты и внешний вид различных хищных птиц, продемонстрируем на изображениях соколов и сов. Характерные фигурки сов (рис. 2, 20–23) с пухлым телом, большой головой, крупными глазами, короткими широкими крыльями и мощными когтями найдены среди золотых украшений в храме Артемиды Эфесской (Das Artemision von Ephesos, 2008, s. 130–132, kat. 9–12). Фигуры соколов (рис. 2, 9, 11–16) известны по печатям и украшениям II–I тыс. до н.э. из древней Бактрии, Маргианы и Анатолии, встречаются они в изделиях Амударьинского клада (Salvatori, 2020, p. 119, fig. 12, 10, 11; Sarianidi, 2007, p. 104, fig. 172; 222; 241).

Изображение грифа встречается на печати из Маргианы (рис. 2, 18): у него небольшая, явно лысая голова, относительно длинная шея и тонкий вытянутый клюв (Salvatori, 2020, p. 111, fig. 9, 2). Более реалистичное изображение этой птицы найдено на бактрийской печати (рис. 2, 19).

Орнитологическое изучение видовой принадлежности хищных птиц и их иконографии показало, что при осуществлении сакральных действий птица Варагн изображается в геральдической позе, в некоторых случаях с одной (над головой) или тремя (над головой и в лапах) полусферами или кольцами, семантика которых соответствует сияющему Хварно. Кроме сокола и орла, со священной птицей ассоциируется и ястреб (рис. 1, 3). Также птица Варагн могла сознательно изображаться как образ собирательный, что было установлено при изучении изображений хищных птиц с амударьинскогоклада.

Похоже, что эта система образов начинает формироваться в Бактрии и Маргиане, где в последней трети II тыс. до н.э. изображение священной птицы Варагн было широко распространено. В древнем Иране и Анатолии подобные параллели оформляются только к началу – середине I тыс. до н.э. Для западной Анатолии (особенно, греческих поселений) характерна статичная поза стоящего или сидящего сокола, что связано с египетской семантикой Хора-сокола.

Как видно из приведенных здесь примеров, древние мастера к середине I тыс. до н.э. отчетливо осознавали, собирательный образ или конкретный вид птицы (сокола, ястреба, орла) они хотят получить. Поэтому, нам кажется, что прежде, чем выстраивать трактовку предметов атрибуции и соотносить ее с определенной религиозной семантикой, было бы полезно узнать мнение специалиста об определенной видовой принадлежности птиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникеева О.В., Колганова Г.Ю. Ювелирное изделие из погребения 2 кургана 1 могильника Филипповка 1: техника изготовления, назначение и семантика образов // Нижневолжский археологический вестник. 2020. Т. 19. № 1. С. 6–27. <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.1>
- Аникеева О.В., Балабанова М.А., Клепиков В.М., Пилипенко А.С. Погребение «жрицы» из Филипповки: опыт комплексного исследования // Stratum plus. 2023. № 3. С. 341–367. <https://doi.org/10.55086/sp233341367>
- Зеймаль Е.В. Амударьинский клад: каталог выставки. Л.: Искусство. 1979, 96 с.
- Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по раскопкам 2004–2009 гг.) Каталог коллекции. Кн. 1. М.: ИА РАН, 2013. 231 с.
- Яблонский Л.Т. Новые археологические данные об ахеменидских влияниях на Южном Урале // Вестник древней истории. 2016. № 3 (76). С. 744–766.
- Binnber J. Like a duck to water – birds and liquids in the Aegean Bronze Age // The Annual of the British School at Athens. 2019. Vol. 14. Pp. 41–78.
- Curtis V.S. Religious iconography on ancient iranian coins // After Alexander: Central Asia before Islam. Ed by J. Gribb, G. Herrmann. Oxford: University Press, 2007. Pp. 412–434.
- Dalton O.M. The Treasure of The Oxus with other objects from ancient Persia and India. London: British Museum, 1905. 219 p.
- Das Artemision von Ephesos. Heiliger Platz einer Göttin. Katalog Ausstellung Istanbul. Wien: Kunsthistorisches Museum: Phoibos-Verlag, 2008. 256 s.
- Salvatori S. Bactria and Margiana seals: A new assessment of their chronological position and a typological survey // The East and the West. 2020. Vol. 50. No. 1/4. Pp. 97–145.
- Sarianidi V. Necropolis of Gonur-depe. Athens: Kapon editions, 2007. 340 p.
- Soudavar A. The Formation of Achaemenid Imperial Ideology and its Impact on Avesta. The World of Achaemenid Persia. London, New York: I.B. Taurisp, 2005. Pp. 111–138.
- Yablonsky L.T., Treister M. Yu. New Archaeological Data on Achaemenid Influences in the Southern Urals // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2019. Vol. 25. Pp. 79–161.

Сведения об авторах

Ольга Викторовна Аникеева, кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник, Государственный научно-исследовательский институт реставрации, Российская Федерация, г. Москва. E-mail: olganikeeva@yandex.ru

Сергей Анатольевич Букреев, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, Российская Федерация, г. Москва. E-mail: sbukreev62@mail.ru

САРМАТЫ ФИЛИППОВКИ В КОНТЕКСТЕ КРАНИОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ЦИФРОВОЙ АППРОКСИМАЦИИ

А.И. Нечвалода¹, Н.Г. Мухигули², В.В. Куфтерин³

¹ Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, Уфа, Россия

² Независимый исследователь, Тбилиси, Грузия

³ Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия

Аннотация. Рассматриваются некоторые результаты изучения краниологических материалов из Филипповских курганов – некрополя кочевой знати Южного Урала V–IV вв. до н.э. Морфологически филипповские черепа демонстрируют предельный вариант типа «восточных европеоидов». По двум женским черепам выполнены цифровые аппроксимации, представляющие собой дальнейшее развитие метода антропологической реконструкции.

Ключевые слова: палеоантропология, краниометрия, межгрупповой анализ, популяционные связи, палеогенетика, антропологическая реконструкция лица по черепу, прогнозирование пигментации, ранние кочевники, ранний железный век, Южный Урал

Цитирование. Нечвалода А.И., Мухигули Н.Г., Куфтерин В.В. Сарматы Филипповки в контексте краниологии и антропологической цифровой аппроксимации // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничникова. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 28–32.

Финансирование. Работа выполнена в соответствии с планами НИР Института этнологии и антропологии РАН (Тема 5. Ультрасоциальность человека: биосоциальные и кросскультурные аспекты – Рег. № НИОКТР 124112200079-1).

Антропологические материалы из раскопок Филипповских курганов заслуженно вызывают пристальный интерес специалистов, поскольку характеризуют особенности физического типа и популяционные связи кочевой элиты важного в культурогенетическом отношении периода (конец V – IV вв. до н.э.) – древнепрохоровского или позднесавроматского (Яблонский, 2017; Савельев, 2023). По данным археологии, выявляются разнонаправленные контакты населения, оставившего захоронения Филипповских комплексов, что актуализирует вопросы об их направлении и характере, которые реконструируются с помощью данных смежных дисциплин.

Первые краниологические материалы из раскопок Филипповского могильника, произведенных А.Х. Пшеничником в 1986–1990 гг., изучены Р.М. Юсуповым. В общей сложности из 17 исследованных курганов получено четыре мужских (к. 5/1, 9/1, 12/1 и 24/1) и два женских (к. 12/1 и 14/2) черепа, пригодных для краниологического исследования. Индивидуальная краниометрическая информация по этим черепам была введена в научный оборот уже после смерти Р.М. Юсупова (Юсупов, Нечвалода, 2012)¹. Типологически автор характеризовал филипповские черепа как имеющие смешанное происхождение. Их морфологическую основу составляет европеоидный комплекс

«протоевропейского типа», близкий к «андроновскому». Монголоидная примесь констатировалась Р.М. Юсуповым на основании пониженной высоты черепного свода, ослаблении профилировки лицевого скелета на верхнем уровне и угла выступления носа отдельных черепов (Юсупов, Нечвалода, 2012, с. 260–261). Эмпирическое межгрупповое сопоставление позволило автору отметить сходство черепов из Филипповки с «савроматскими» из Альмухаметово и раннесарматскими из Ново-Мурапталово и Старых Кишкков, а также говорить «...о единстве их расогенеза, связанного с сако-массагетскими племенами Приаралья и Семиречья VII–II вв. до н.э.» (Юсупов, Нечвалода, 2012, с. 262).

Проведенное позднее сопоставление этой небольшой серии с рядом южноуральских групп (Мечет-Сай, Прохоровка, Старые Кишки, Черная 2 и Кардаилово, Лебедевка) с помощью U-теста Манна – Уитни показало, что филипповские черепа заметно отличаются от северных сарматских из Кишкков прежде всего по высоте и ширине лицевого скелета. Межгрупповой канонический анализ и расчет расстояний Махаланобиса продемонстрировали наибольшее морфологическое сходство краниологической серии из Филипповки с черепами из Переволочанских курганов (расстояние –4,79) и Мечет-Сая (–4,48) (Нечвалода, 2016).

¹ Более ранние публикации Р.М. Юсупова содержат только описание краниологического материала. См.: Юсупов Р.М. Палеоантропологическая характеристика ранних кочевников Южного Урала по материалам Филипповских курганов // Золотые олени Евразии: каталог выставки. СПб.: Славия, 2001. С. 38–39. Он же. Палеоантропология ранних кочевников Южного Урала по материалам Филипповских курганов // XV Уральское археологическое совещание: тез. докл. Оренбург: ООО «Оренбургская губерния», 2001. С. 148–150. Он же. Палеоантропология ранних кочевников Южного Урала по материалам Филипповских курганов // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа: Гилем, 2006. С. 63–65.

Новые средние величины для серии из Филипповки, полученные в результате раскопок 2004–2013 гг., были представлены в монографии Л.Т.Яблонского (Яблонский, 2017, с.227). Опубликованные средние включают данные по пяти мужским и десяти женским черепам (измерения А.А.Хохлова и Л.Т.Яблонского). Парные сопоставления с использованием *t*-критерия Стьюдента привели автора к заключениям об отличии филипповских черепов от скифских из Северного Причерноморья, а также аржанских. На основании этого был сформулирован вывод о независимом формировании раннесарматского морфологического комплекса на территории Южного Урала (Яблонский, 2017, с. 227–228).

Масштабный межгрупповой анализ с привлечением новой серии из Филипповки позволил М.А.Балабановой обнаружить для нее морфологические аналогии не только среди приуральских групп «савроматского» и раннепрохоровского времени, но и среди скифских Северного Причерноморья (серия из Присивашья, «царские скифы» из Александрополя и Желтокаменки). Последнее рассматривалось либо как свидетельство их единой «карасукско-восточно-андоновской» генетической основы, либо как результат контактов, в том числе брачных, между отдаленными группами ранних кочевников (Балабанова, 2021). Предпринятый А.А.Хохловым с соавторами вариант межгруппового анализа обозначил связь филипповской серии не только с раннекочевниками Южного Урала и Нижнего Поволжья VI–V/IV и IV–III вв. до н.э., но и приуральскими саками, а также «тасмолинцами» Центрального Казахстана (Хохлов и др., 2024). Морфологических аналогий со скифскими группами здесь обнаружено не было, впрочем, в отличие от исследования М.А.Балабановой (Балабанова, 2021), для сопоставления привлекались данные лишь по трем скифским сериям с территории Украины, опубликованным еще в 1960–1970-х гг. (Хохлов и др., 2024, с. 35).

Итак, филипповские черепа в общем представляют предельное выражение мезобрахикранного широколицего краниологического варианта, с уплощенным на верхнем уровне ортогнатным лицевым скелетом и, в ряде случаев, умеренно выступающими носовыми костями – того типа, который известен в литературе под термином «восточные европеоиды» (Яблонский, 2017, с.221). В связи с этим понятен повышенный интерес к ан-

тропологическим реконструкциям, выполненным по черепам из Филипповки и позволяющим документально представить морфологический комплекс, который был характерен для социальной элиты ранних кочевников Южного Урала.

Первые скульптурные реконструкции по черепам из Филипповских курганов выполнены Т.С.Балуевой (мужчина из к. 5 и женщина из к. 12) и А.И.Нечвалодой (мужчина из к. 24 и женщина из к. 14)². В дальнейшем, одним из авторов был реконструирован облик мужчины и женщины из коллективного погребения кургана 12 (Нечвалода, 2016), а Л.Т.Яблонским – облик «жрицы» из погр. 2 «царского» кургана 1 (Аникеева и др., 2023, с. 358). Скульптурная реконструкция лица по черепу – довольно трудоемкий процесс, который, кроме того, не всегда может быть осуществлен при плохой сохранности материала. Альтернативой могут служить графические методы, позволяющие представить полный визуальный образ популяции, поскольку число графических реконструкций лимитировано лишь числом имеющихся черепов³.

Приводимые далее цифровые аппроксимации представляют собой дальнейшее развитие графических методов, разработанных М.М.Герасимовым, его последователями и учениками (Герасимов, 1955). Как и в его подходе, процесс начинается с нанесения контуров на изображение черепа с учетом толщины мягких тканей. Однако вместо ручной прорисовки контуров добавление мягких тканей производится цифровым способом с помощью программы Adobe Photoshop. Эти элементы либо генерируются искусственным интеллектом с использованием генеративно-состязательных сетей (GAN), либо берутся из этнографических полевых фотоматериалов, собранных во время антропологических экспедиций, либо представляют их комбинацию. Таким образом, цифровая аппроксимация является разновидностью композитного портрета – метода, давно и прочно занявшего свое место в криминалистической габитоскопии.

Следующим шагом является прогнозирование пигментации, осуществляемое с использованием панели HirisPlex-S, которая позволяет предсказывать цвет глаз, волос и кожи на основе генотипирования маркеров (SNP и инделов), вовлеченных в фенотипы по пигментации⁴. Из филипповских материалов к настоящему времени опубликованы результаты исследования только структуры мт-ДНК «жрицы» из кургана 1 (Аникеева и др., 2023).

² См.: История башкирского народа. Т. I. М.: Наука, 2009 (фото 37, 38); Нечвалода А.И. Антропологическая реконструкция лица по черепам мужчины и женщины из Филипповского могильника // Пшеничнюк А.Х. Филипповка: некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 270–275.

³ См.: Лебединская Г.В. Реконструкция лица по черепу (методическое руководство). М.: Старый сад, 1998. С. 11–12.

⁴ См.: Draus-Barini J., Walsh S., Pośpiech E., Kupiec T., Głab H., Branicki W., Kayser M. Bona fide colour: DNA prediction of human eye and hair colour from ancient and contemporary skeletal remains // Investigative Genetics. 2013. Vol.4: 3. <https://doi.org/10.1186/2041-2223-4-3>;

Breslin K., Wills B., Ralf A., Garcia M.V., Kukla-Bartoszek M., Pospiech E., Freire-Aradas A., Xavier C., Ingold S., de la Puente M., van der Gaag K.J., Herrick N., Haas C., Parson W., Phillips C., Sijen T., Branicki W., Walsh S., Kayser M. HirisPlex-S system for eye, hair, and skin color prediction from DNA: Massively parallel sequencing solutions for two common forensically used platforms // Forensic Science International: Genetics. 2019. Vol. 43. e102152.

Рис. 1. Реконструкция лица по черепу «жрицы» из погребения 2 кургана 1 могильника Филипповка. Анимированный вариант представлен по ссылке https://disk.yandex.ru/i/1JvKHAdJ_cAiJA

Рис. 2. Реконструкция лица по черепу женщины из погребения 1 (скелет 2) кургана 12 могильника Филипповка. Анимированный вариант представлен по ссылке <https://disk.yandex.ru/i/v3vxiLC5ZcHjg>

Для сарматского генофонда в целом, при высоком уровне его разнообразия и констатации отсутствия на настоящем этапе выраженных различий между хронологическими группами сарматов, показано преобладание западно-евразийских типов гаплогрупп; также устанавливается независимое формирование генетического состава ранних кочевников западной и восточной частей скифской ойкумены (Пилипенко и др., 2020; Unterländer et al., 2017; Krzewińska et al., 2018; Gneccchi-Ruscione et al., 2023). В связи с этим, в нашем случае для предикции пигментации были использованы имеющиеся сведения по генотипам ранних сарматов из Покровки (2) (Unterländer et al., 2017), Сегизая (2) и Бисобы (1) (Gneccchi-Ruscione et al., 2023), а также поздних из Темясово (1) и Черного Яра (1) (Krzewińska et al., 2018) – всего семь образцов. Предсказанный системой HirisPlex-S фенотип глаз в двух случаях из семи оказался светлым (Покровка и Темясово), в остальных – темным. Фенотипы цвета волос оказались темными в четырех случаях из пяти (исключение – Покровка), а фенотипы цвета кожи, определенные в шести случаях, поровну распределились между темными и промежуточными оттенками.

Цифровая аппроксимация по черепу из погребения «жрицы», обнаруженного Л.Т. Яблонским в 2013 г., выполнялась в рамках выставки «Золото сарматских вождей», проходившей в ГМИИ им. А.С. Пушкина в 2023 г. Для ее создания использовалась нейросеть Stable Diffusion (рис. 1). Позже была создана цифровая аппроксимация на основе референса – скульптурной реконструкции облика «жрицы» из данного погребения, выполненной автором раскопок (см. по ссылкам: <https://disk.yandex.ru/i/KzPHcgSD96EoXg> и <https://disk.yandex.ru/i/xyLBB8AemxpARA>). На ее лице в данной аппроксимации присутствуют татуировки, что вполне обоснованно исходя из артефактов, обнаруженных в погребении (иглы для татуажа).

Другая аппроксимация представляет облик рядовой кочевницы, череп которой был обнаружен в камере кургана 12 во время раскопок некрополя А.Х. Пшеничнюком. Референсом послужила скульптурная реконструкция, выполненная ранее А.И. Нечвалодой, по черепу из фондов Отдела этнологии Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН (рис. 2).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникеева О.В., Балабанова М.А., Клетиков В.М., Пилипенко А.С. Погребение «жрицы» из Филипповки: опыт комплексного исследования // *Stratum plus*. 2023. № 3. С. 341–367.
- Балабанова М.А. Об антропологических связях скифов Северного Причерноморья и савромато-сарматского населения VI–III вв. до н.э. // *Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. 2021. Т. 26. № 2. С. 38–55. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.3>
- Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). М.: АН СССР, 1955. 585 с. (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Нов. серия. Т. XXVIII)
- Нечвалода А.И. Сарматы Филипповки: антропологический портрет (краниология и реконструкция внешнего облика по черепу) // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Оренбург: ОГПУ, 2016. С. 197–204.
- Пилипенко А.С., Черданцев С.В., Трапезов Р.О., Томилин М.А., Балабанова М.А., Пристяжнюк М.С., Журавлев А.А. К вопросу о генетическом составе сарматского населения Нижнего Поволжья (данные палеогенетики) // *Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. 2020. Т. 25. № 4. С. 17–50. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.2>
- Савельев Н.С. О культурной атрибуции могильника Филипповка // *Современные решения актуальных проблем евразийской археологии*. Вып. 3. Барнаул: АлтГУ, 2023. С. 192–197.
- Хохлов А.А., Китов Е.П., Мышкин В.Н. К проблеме связей социальной элиты кочевников Южного Приуралья по данным краниологии из Филипповских курганов // *Нижеволжский археологический вестник*. 2024. Т. 23. № 1. С. 27–45. <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.2>
- Юсупов Р.М., Нечвалода А.И. Палеоантропология ранних кочевников Южного Урала по материалам Филипповских курганов // А.Х. Пшеничнюк. Филипповка: некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 258–269.
- Яблонский Л.Т. На востоке скифской ойкумены. М.: Грифон, 2017. 400 с.
- Gneccchi-Ruscione G.A., Khussainova E., Kahbatkyzy N., Mursalina L., Spyrou M.A., Bianco R.A., Radzeviciute R., Martins N.F.G., Freund C., Iksan O., Garshin A., Zhaniyazov Z., Bekmanov B., Kitov E., Samashev Z., Beisenov A., Berezina N., Berezin Y., Biró A.Z., Evinger S., Bissembaev A., Akhatov G., Mamedov A., Onggaruly A., Voyakin D., Chotbayev A., Kariyev Y., Buzhilova A., Djansugurova L., Jeong C., Krause J. Ancient genomic time transect from the Central Asian Steppe unravels the history of the Scythians // *Science Advances*. 2021. Vol. 7. eabe4414. <https://doi.org/10.1126/sciadv.abe4414>
- Krzewińska M., Kiliń G.M., Juras A., Koptekin D., Chyleński M., Nikitin A.G., Shcherbakov N., Shuteleva I., Leonova T., Kraeva L., Sungatov F.A., Sultanova A.N., Potekhina I., Łukasik S., Krenz-Niedbala M., Dalén L., Sinika V., Jakobsson M., Storå J., Götherström A. Ancient genomes suggest the eastern Pontic-Caspian steppe as the source of western Iron Age nomads // *Science Advances*. 2018. Vol. 4. eaat4457. <https://doi.org/10.1126/sciadv.aat4457>

Unterländer M., Palstra F., Lazaridis I., Pilipenko A., Hofmanová Z., Groß M., Sell C., Blöcher J., Kirsanow K., Rohland N., Rieger B., Kaiser E., Schier W., Pozdniakov D., Khokhlov A., Georges M., Wilde S., Powell A., Heyer E., Currat M., Reich D., Samashev Z., Parzinger H., Molodin V.I., Burger J. Ancestry and demography of Iron Age nomads of the Eurasian Steppe // Nature Communications. 2017. Vol. 8. e14615. <https://doi.org/10.1038/ncomms14615>

Сведения об авторах

Алексей Иванович Нечвалода, научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Российская Федерация, г. Уфа. E-mail: striwolf@mail.ru

Ника Гиоргиевич Мухигули, независимый исследователь, Грузия, г. Тбилиси. E-mail: sulkalmakh@gmail.ru

Владимир Владимирович Куфтерин, доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Российская Федерация, г. Москва. E-mail: vladimirkufterin@mail.ru

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА (НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ)

А.А. Бисембаев¹, А.И. Хаванский²

¹ Институт археологии Казахстана им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

² МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена обзору археологических исследований Приаральско-Мугоджарского макрорегиона Западного Казахстана. Исследование древнего периода связано с процессами, происходившими на территории «Великой степи». Можно проследить четыре периода изучения археологических памятников ранних кочевников. Выделяются природно-географические локальные районы. Это позволяет наметить перспективные пути дальнейших исследований.

Ключевые слова: Западный Казахстан, Приаральско-Мугоджарский макрорегион, сарматы, история изучения, элитные памятники, ранний железный век

Цитирование. Бисембаев А.А., Хаванский А.И. Ранний железный век Западного Казахстана (некоторые итоги и перспективы исследования) // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничного. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 33–36.

Западный Казахстан представляет собой уникальную природно-географическую зону с широкой территориальной протяжённостью, включающую разные ландшафтные области – лесостепь, степь, полупустыню и пустыню. Особенности природных условий, а также расположение региона практически в центре степного пояса Евразии оказали заметное влияние на формирование и характер памятников кочевого населения раннего железного века. Условия окружающей среды, состояние водных ресурсов, температурные характеристики, а также разнообразие флоры и фауны подробно описаны в специализированной литературе, что позволяет реконструировать хозяйственно-экономические аспекты жизни местного населения в I тыс. до н.э. (Таиров, 1993, с. 3–23).

Исследование памятников середины – второй половины I тыс. до н.э. Западного Казахстана связано с процессами, имеющими общий характер для населения всего евразийского пространства, особенно для значительного по территории «Великого пояса степей». Важнейшим фактором стало формирование двух импульсных центров в Причерноморье и Семиречье, яркими представителями которых в середине I тыс. до н.э. стали скифы и саки (Акишев, 1972, с. 31–46).

Специфика ведения кочевого хозяйства, выраженная в отсутствии необходимости каждодневного труда всего мужского населения, значительный прирост численности вкупе с высокой подвижностью создавали все условия для участия кочевников Западного Казахстана во внешнеполитических процессах, что нашло отражение в сведениях античных и восточных авторов. Таким образом, формируется блок письменных источников по истории кочевого населения региона, к сожалению, расплывчатый, субъективный, во многом

неконкретный, и соответственно, позволяющий трактовать сведения в различных ракурсах. Пожалуй, этим можно объяснить наличие большого количества вариантов размещения кочевых групп, упоминаемых в источниках, на тех или иных территориях.

Переход к кочевому хозяйственно-культурному типу сыграл ключевую роль в преодолении экономических кризисов, обусловленных природными изменениями и усилением процессов аридизации. В результате этого были освоены огромные территории, что привело к значительному увеличению численности населения. Одним из доказательств служит явное численное доминирование погребальных памятников ранних кочевников железного века в данном регионе. Археологические исследования, активно проводившиеся здесь с конца XX до начала XXI в., демонстрируют существенное превосходство числа курганов ранних кочевников над памятниками бронзового века или средневековья, иногда в несколько раз. Особенно заметна эта картина в районах бассейнов Илека, Ори и на левом берегу реки Урал.

Курганы, относящиеся к середине I тыс. до н.э., отличаются большим разнообразием. Они демонстрируют влияние южно-приаральских миграционных движений и датируются IV–III вв. до н.э. Эти памятники связаны с воздействием культуры эллинизма, вызванным походами Александра Македонского и последующими войнами диадохов. Поздние захоронения железного века, обнаруженные ближе к концу тысячелетия, отображают сложные миграционные процессы, берущие начало в Центральной Азии. Эти процессы затронули регионы, сильно удалённые от их эпицентра – современные территории Монголии и северного Китая (Гуцалов, 2004).

При рассмотрении обширной территории региона важно определиться с географическим содержанием, так как «Западный Казахстан» – термин в большей мере административный. Термины «Арал-Каспийский регион», «Левобережный бассейн Урала», «Восточный Прикаспий» не охватывают всю территорию в силу значительной площади. Нам представляется наиболее уместным термин «Приаральско-Мугоджарский макрорегион». Дополнительное деление на локальные микрорайоны привязано к гидросети (Ахатов, Бисембаев, 2015, с. 503–505). Природно-географические черты рассматриваемого региона оказывали важнейшее влияние на особенности и количественный состав памятников ранних кочевников. Оформление природно-климатических данных в тех

чертах, что мы наблюдаем сегодня, отразилось на хозяйственных занятиях населения, выразилось в формировании пастбищно-кочевой системы (Акишев, 1972, с. 31) – основы экономики nomadных обществ.

Приаральско-Мугоджарский макрорегион оконтурен с севера крупной магистральной рекой – Уралом, на востоке включает Мугоджары, с юга ограничен северным Приаральем, а с запада – Прикаспийской низменностью. В раннем железном веке он представлял собой густозаселенный район кочевых объединений. Обширная территория с Прикаспийской низменностью на западе, Туранской на юго-востоке, Устюртом на юге и долиной р. Урал с севера на юг имеет весь набор географических зон, указанных выше. Зона пустыни

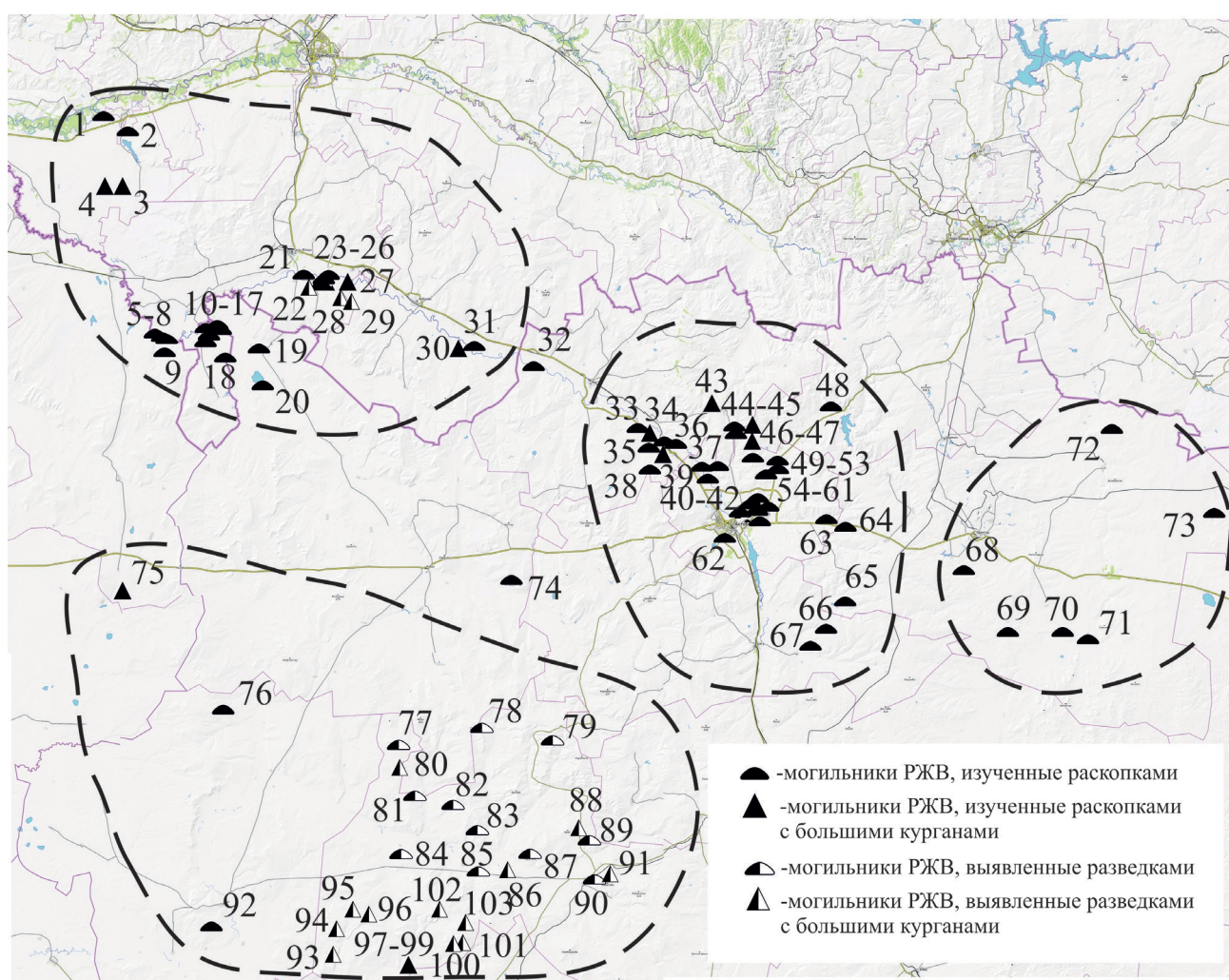

Рис. 1. Карта памятников раннего железного века Приаральско-Мугоджарского региона.

1 – Краснопартизанский; 2 – Краснохолмский; 3, 4 – Филипповка 1–2; 5 – Ульгули; 6–8 – Илекшар I–III; 9 – Караоба; 10–17 – Покровка I, 2, 5–10; 18 – Покровка 4; 19 – Жиренкопа VI; 20 – Тортоба; 21 – Тамар-Уткуль; 22 – Тара-Бутак; 23 – Близнецы; 24 – Мечетсай; 25 – Кумакский; 26 – Увак; 27 – Пятимары I; 28, 29 – Пятимары II–III; 30 – Акоба II; 31 – Акоба V; 32 – Целинный I; 33 – Танаберген II; 34 – Нагоренский; 35 – Жалгызоба; 36 – Кумиссай; 37 – Кызылжар; 38 – Сынтас; 39 – Бесоба; 40–42 – Восточно-Курайлинский I–III; 43 – Бисоба; 44, 45 – Шеменевский I–II; 46, 47 – Шпаки I–II; 48 – Шаншар; 49 – Кайынбулак II; 50 – Щилисай II; 51–53 – Имангазы-Карасу I–III; 54 – Каргала; 55 – Песчаный Карьер; 56–58 – Акжар I–III; 59 – Учебный полигон; 60, 61 – Жаман-Каргала I–II; 62 – Автодром; 63, 64 – Ульке I–II; 65 – Сарыгау I; 66 – Онайбулак; 67 – Сапибулак; 68 – Матвеевский; 69 – Ойсылкара VII; 70 – Кудуксай; 71 – Жанабаз; 72 – Майтобе; 73 – Жолуткен; 74 – Талдысай I; 75 – Лебедевский; 76 – Ешкыкырган I; 77 – Егендысай I; 78 – Карасай I; 79 – Бадамша I; 80 – Щилисай; 81 – Молбай II; 82 – Жанатан II; 83 – Кумды; 84 – Кумкудук I; 85 – Жуантобе I; 86 – Сарытогай; 87 – Сарытобе V; 88 – Копа I; 89 – Копа II; 90 – Каратобе II; 91 – Каратобе I; 92 – Сегизсай II; 93, 94 – Канбактысай I–II; 95, 96 – Кожымбогет II, IV; 97–99 – Таскопа I, V, VI; 100, 101 – Еланбулак I, II; 102 – Шийли; 103 – Терисбулак I

в виде песков Больших и Малых Барсуков расположена в Северном Приаралье. Небольшая по площади, без четко выраженной южной границы, вдающаяся в степь отдельными островками, северную часть рассматриваемого региона занимает лесостепь. Реликтовое урочище с присутствием лесных колков – Уркач (Оркаш) – уходит глубоко в степь, находится в районе стыка верховьев Илека, Эмбы и Ори (Чибилев, 1987, с. 86–103). Речные направления также являлись факторами разграничения кочевий, в какой-то мере оконтуривая границы этнических и политических объединений.

Магистральная река Приаральско-Мугоджарского региона Илек со своими притоками проходит в северном направлении, постепенно смещаясь к западу, к месту впадения в р. Урал. Наиболее многочисленные памятники раннего железного века приурочены к Илекскому бассейну, что объяснимо с позиций природно-географического характера. Илек – магистральный, левобережный приток Урала, несущий свои воды по меридиану, и, таким образом, максимально комфортен для кочевания с севера на юг вдоль его берегов. Он полноводен и сам имеет богатые притоки, способные обеспечить жизнедеятельность больших скотоводческих коллективов.

Изучение памятников раннего железного века Западного Казахстана достигло определенных результатов, позволяющих подвести некоторые итоги и наметить перспективные направления дальнейших исследований. Начиная с первых работ в регионе до настоящего времени процесс изучения археологического наследия можно условно разделить на четыре этапа. Каждому из этапов свойственны свои достижения, недостатки, гипотезы и идеи, получавшие как признание, так и неприятие исследователей. Три предшествующих – дореволюционный, начальный советский и развитый – ранее рассматривались одним из авторов (Бисембаев, 2008, с. 155–168).

В 2002 г. был создан специализированный Центр истории и археологии, которому на длительный период удалось поставить изучение памятников ранних кочевников на программную основу, привлекая исследователей из ведущих исследовательских организаций. В Актобе Центр истории, этнографии и археологии был создан в январе 2006 г. Итоги работ в первые десятилетия текущего века уже подводились (Бисембаев, Ахатов, 2021, с. 95–108). Актюбинский центр истории, этнографии и археологии провел значительный объем полевых исследований на территории области в двух направлениях – разведочного и раскопочного характера, накопив значительный объем материала, позволивший пойти по пути выделения локальных микрорайонов.

С 2014 по 2018 г. археологические исследования осуществлялись по территории основного, Илекского локального микрорайона. В 2015–2017 гг. полевые исследования проводились в рамках грантового проекта «Динамика формирования культур и миграционные процессы эпохи раннего железного века и средневековья Приаральско-Мугалжарского региона». Были раскопаны такие памятники, как Шпаки II, Кураша, Кайынбулак, Бисоба.

Начиная с 2019 г. в Актюбинской области проводятся масштабные археологические и этнографические исследования, объединенные под эгидой единой программы, инициированной Институтом археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. Одно из направлений программы связано с изучением памятников кочевой элиты кочевников раннего железного века, археологические объекты которых присутствуют на территории Уило-Кобдинского археологического микрорайона в значительном количестве (Бисембаев, Хаванский, 2020, с. 101–107).

Промежуточным итогом исследования раннего железного века Приаральско-Мугоджарского региона стало создание базы данных и картографирование памятников с помощью системы SAS. Planet (рис. 1).

В данном исследовании остановимся только на аспекте географического расположения могильников и наличия в них курганов, которые можно считать погребениями элиты. В рабочем порядке за критерии элитных комплексов были выбраны диаметр кургана более 30 м, высота более 2 м, наличие предметов из драгоценных металлов и инсигнии власти. В некоторых случаях в базу данных включались могильники, исследованные только разведками, но с несомненными топографическими и физическими признаками могильников раннего железного века. Было выделено несколько географических групп памятников, которые отделяются от соседних памятников значительными промежутками свободной территории. Там памятников раннего железного века либо нет вовсе, либо их количество минимально.

1. Верхнеилекская группа. Располагается в верховьях и среднем течении р. Илек. Данную группу выделил и обосновал ее культурное своеобразие Н.С. Савельев под названием *мугоджарской* (Савельев, 2021, с. 64). Принимая в целом аргументацию и выводы Н.С. Савельева, хотелось бы отметить, что с точки зрения географической локализации название группы скорее отражает термин «верхнеилекская». На территории собственно Мугоджар находятся только восточные памятники данной группы, а основная масса – в бассейне р. Илек. Элитные памятники данной группы – Бесоба, Бисоба, Нагорненский.

2. *Нижнеилекская группа*. Располагается в нижнем течении р. Илек. Элитные комплексы данной группы представлены такими яркими могильниками, как Филипповка 1, Филипповка 2, Пятимары I.

3. *Уило-Хобдинская группа*. Находится в бассейне рек Уил и Хобда. Элитные комплексы данной группы представлены могильниками Таскопа I и Таскопа V.

4. *Орь-Иргизская группа* выделяется предвительно.

Следующие исследования, направленные на сравнение аспектов кочевых культур крупного исторического периода – раннего железного века Приаральско-Мугоджарского региона, – позволят проследить динамику историко-культурных процессов и развитие традиций древнего населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акишев К.А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // *Поиски и раскопки в Казахстане*. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 31–46.

Ахатов Г.А., Бисембаев А.А. Характеристика природно-географических условий Западного Казахстана как экониши кочевого населения раннего железного века и средневековья // *Казахское ханство в потоке истории: Сб. науч. ст., посвящ. 550-летию образования Казахского ханства*. Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2015. С. 499–509.

Бисембаев А.А. Исследование археологических памятников кочевников скифо-сакской эпохи Западного Казахстана: некоторые итоги и перспективы // *Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. Материалы междунар. науч. конф. Астана: Президентский центр культуры Республики Казахстан, 2008. С. 155–168.*

Бисембаев А.А., Ахатов Г.А. История изучения памятников ранних кочевников Приаральско-Мугалжарского региона в период суверенитета (1991–2021 гг.) // *Маргулановские чтения–2021. Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Великая степь в контексте этнокультурных исследований», посвящ. 30-летию Независимости Республики Казахстан и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана. Т. 1. Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2021. С. 95–108.*

Бисембаев А.А., Хаванский А.И. Таскопа I – новый памятник элиты ранних кочевников // *Волго-Уральский регион от древности до средневековья. Материалы VI Нижневолжской Международной археологической научной конференции*. Волгоград: ВолГУ, 2020. С. 101–107.

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск: Полиграфсервис, 2004. 136 с.

Савельев Н.С. Мугоджарская группа ранних кочевников Южного Урала скифо-сарматского времени // *Исторические Исследования*. 2021. № 16. С. 54–77.

Таиров А.Д. Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников урало-казахстанских степей в I тысячелетии до н.э. // *Кочевники урало-казахстанских степей*. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 3–23.

Чибилев А.А. Река Урал. Л.: Гидрометеиздат, 1987. 168 с.

Сведения об авторах

Арман Ауганович Бисембаев, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии эпохи средневековья Института археологии Казахстана им. А.Х. Маргулана, Казахстан, г. Алматы. E-mail: abissembaev@mail.ru

Алексей Иванович Хаванский, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет), Российская Федерация, г. Москва. E-mail: arkaim01@yandex.ru

**СВЯТИЛИЩЕ КОЧЕВНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА У с. БЛАГОСЛОВЕНКА
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ)****Е.А. Купцов, А.А. Евгеньев, И.М. Сосновцева**

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия

Аннотация. В статье приведены предварительные результаты исследований кольцевого валообразного сооружения-святилища (курган 2) курганного могильника 4 у с. Благословенка. В ходе работ выявлено значительное количество костей животных, несколько жертвенных комплексов и индивидуальных находок. Выделяется два этапа функционирования сооружения: V–IV вв. до н.э. и I в. до н.э. – середина II в. н.э.

Ключевые слова: Оренбургская область, Оренбургский район, охранно-спасательные археологические полевые работы, курганный могильник, кольцевое валообразное сооружение-святилище, кочевники эпохи раннего железа

Цитирование. Купцов Е.А., Евгеньев А.А., Сосновцева И.М.. Святилище кочевников раннего железного века у с. Благословенка (предварительные результаты исследований) // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничного. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 37–41.

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 23-68-10006 «Этнокультурные процессы в бронзовом и раннем железном веке в свете междисциплинарных исследований в Южном Приуралье».

Кольцевые валообразные сооружения кочевников раннего железного века, обычно трактуемые как святилища, известны на огромной территории, простирающейся от Устюрта и Южного Урала до Правобережья Днепра и Центрального Предкавказья (Яценко, 2025, с. 22–31; Канторович, Маслов, 2025, с. 45–47). На территории Оренбургского Приуралья и Западного Казахстана в настоящее время выявлены десятки подобных сооружений. Тем не менее общее количество полностью исследованных на территории региона святилищ еще относительно невелико (Смирнов, Попов, 1969, с. 210–216; Моргунова, Купцов, 2017, с. 80–85; Моргунова, Купцов, 2018, с. 19–29; Яценко, 2025, с. 26; Бисембаев и др., 2025, с. 226–233). В этой связи интерес представляют материалы кургана 2 курганного могильника 4 у с. Благословенка, исследованного отрядом Оренбургской археологической экспедиции в 2023–2024 гг.

Состоявший из двух насыпей памятник археологии «Курганный могильник 4 у с. Благословенка» был выявлен в 2023 г. Он располагался в Оренбургском районе Оренбургской области (рис. 1, 1), в 0,32 км к юго-востоку от с. Благословенка на первой надпойменной террасе левого берега р. Бердянка (левобережный приток р. Урал, Уральский речной бассейн) (Харламов, 2025, с. 35–36). В сентябре 2024 г. в ходе охранно-спасательных полевых работ на земельных участках, отводимых под застройку коттеджного комплекса Марьяна Роцца, некрополь был исследован полностью (Евгеньев, 2025, с. 2–89).

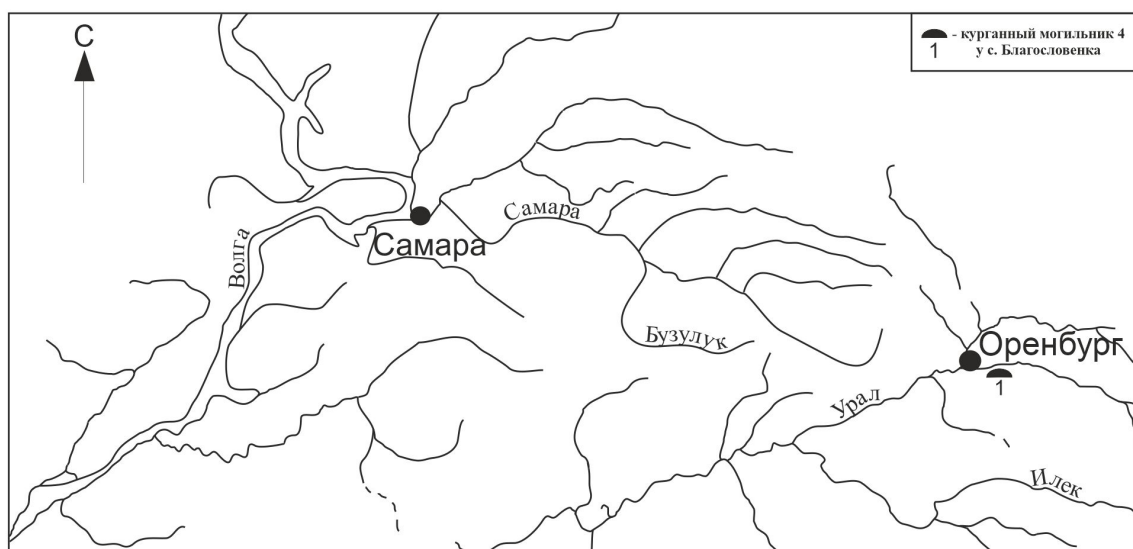
Курган 2, представлявший собой кольцевое валообразное сооружение диаметром 60 м и высотой 0,5–1 м, находился в южной части могиль-

ника. Стратиграфия сооружения прослежена по профилям трех бровок, зафиксировавших близкое строение всех частей исследуемого объекта. Имеющий округлую в плане форму вал состоял из гумусированного суглинка коричневого цвета и, очевидно, насыпался прямо на погребенную почву, т.к. следов ее возможной подрезки проследить не удалось. Заполнение внутренней площадки кольцевого сооружения («чаши») представляло собой гумусированный слой темно-коричневого цвета, сформировавшийся в процессе археологизации, очевидно, срезанного до уровня материка и оставшегося длительное время открытым грунтом. Согласно данным космоснимков, с внешней стороны вал окружал неглубокий кольцевой ров шириной 15–25 м.

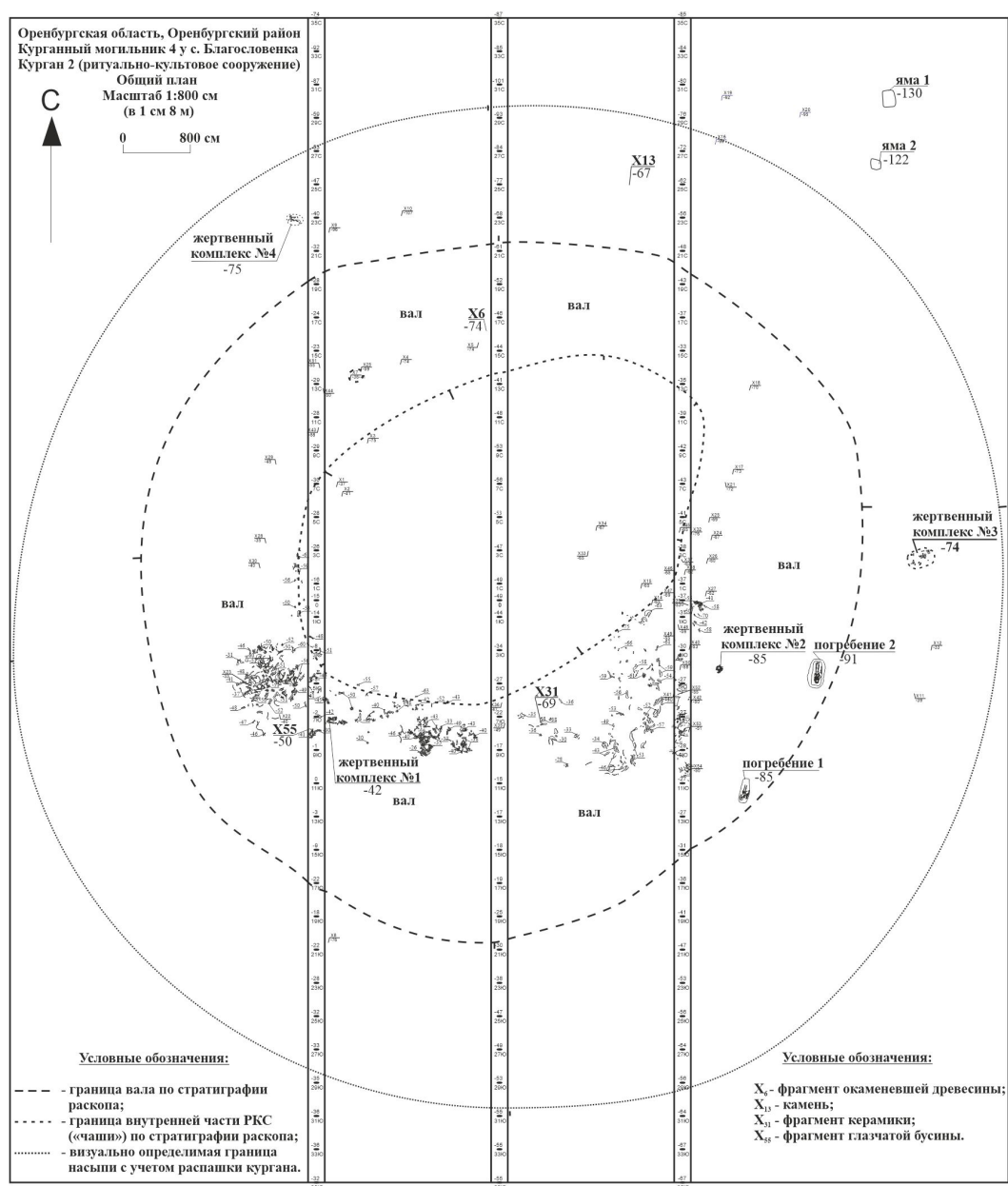
На уровне погребенной почвы, под валом, опоясывающим с юга внутреннее пространство кольцевого сооружения, были прослежены массовые скопления костей животных, располагавшиеся на значительной площади. Отдельные кости животных встречались и в других местах сооружения (рис. 1, 2).

В ходе разбора кольцевого вала были зафиксированы несколько индивидуальных находок. Они представлены фрагментом окаменевшей древесины (X6), плиткой песчаника (X13), фрагментом кругового импортного сосуда красно-коричневого цвета (X31) и фрагментом крупной округлой поперечно-сжатой бусины из глухого синего стекла с бело-синими глазками (X55) (рис. 2, 10).

На уровне погребенной почвы под валом юго-западного сектора сооружения среди скоплений костей животных был выявлен костяк взрослого человека фрагментарной сохранности. Согласно

1.

2.

Рис. 1. Курганный могильник 4 у с. Благословенка.
1 – карта расположения памятника; 2 – курган 2 (кольцевое святилище)

положению костей, сохранившихся *in situ*, человек был уложен на спину, головой на юго-запад. Инвентарь отсутствовал. Поскольку останки человека находились на том же уровне, что и скопления костей животных, захоронению было присвоено условное наименование «жертвенный комплекс №1».

В юго-восточном секторе кольцевого сооружения была расчищена вырытая в материковом суглинке яма, скопление предметов из которой получило наименование «жертвенный комплекс №2». Здесь были найдены литой бронзовый ко-

тел, железные наконечник и вток копья, обтянутый фольгой из желтого металла железный колчаный крюк, фрагменты фольги (накладки на сосуд) и фрагменты проволоки из желтого и белого металлов, скопление однотипных бронзовых наконечников стрел и не менее трех комплектов железных предметов конской упряжи (удила, псалии) очень плохой сохранности (рис. 2, 1–9). Судя по компактному расположению стрел и наличию колчанного крюка, можно предполагать, что стрелы изначально были помещены в жертвенный комплекс в колчане.

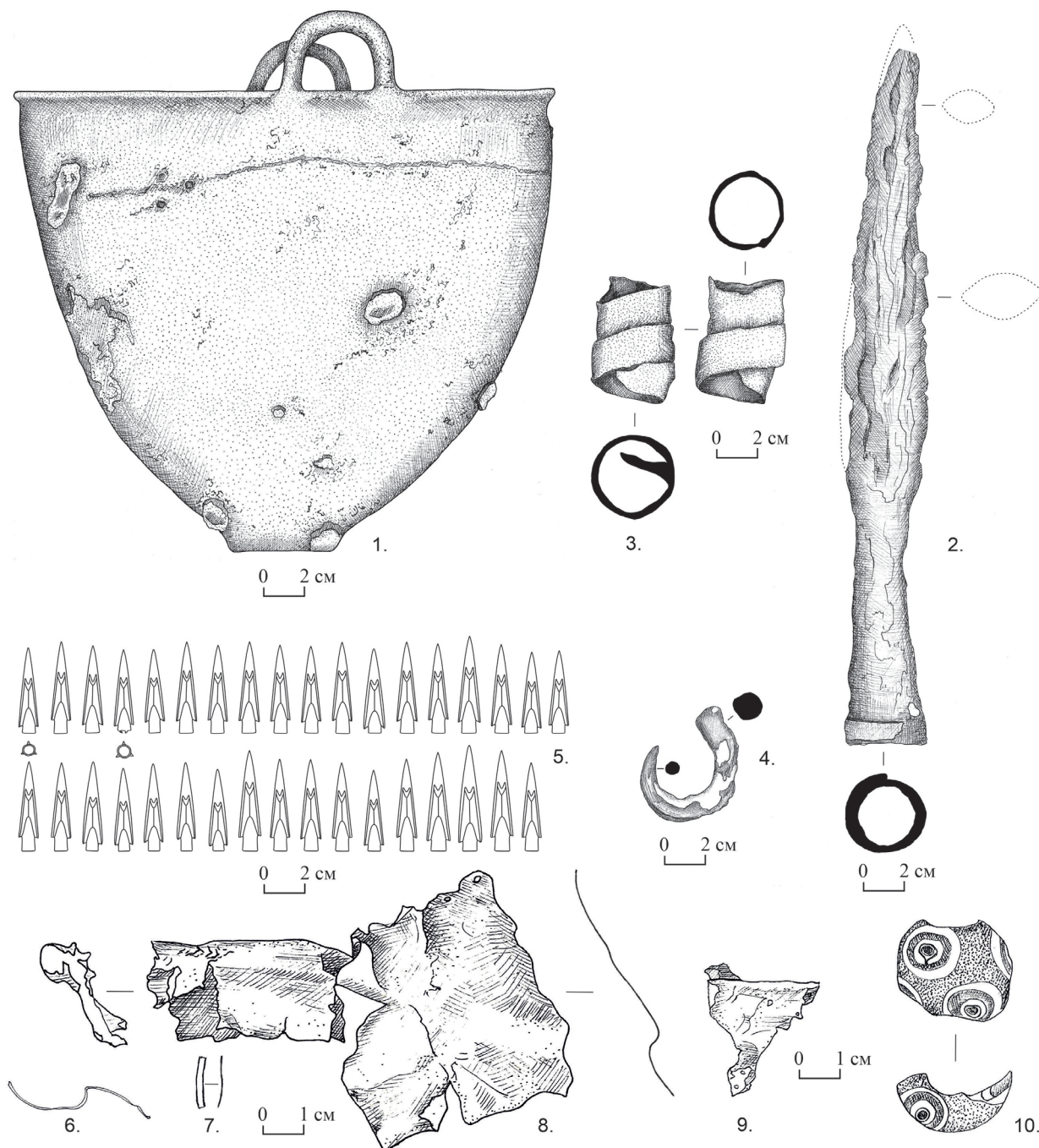

Рис. 2. Курганный могильник 4 у с. Благословенка. Курган 2 (кольцевое святилище). Находки.

Жертвенный комплекс №2: 1 – котел; 2 – наконечник копья; 3 – втулка (вток копья); 4 – колчаный крюк; 5 – наконечники стрел; 6, 7 – фрагменты проволоки; 8, 9 – накладки на сосуд (1, 5 – бронза; 2, 3 – железо; 4 – железо, желтый металл; 6, 8, 9 – желтый металл; 7 – белый металл). Насыпь (вал). 10 – фрагмент глазчатой бусины (X55) (стекло)

«Жертвенный комплекс №3», представлявший собой скопление костей животных, зафиксирован в восточном секторе сооружения. Он располагался обособленно, на удалении более чем 25 м к северо-востоку от основной массы скоплений костей, фактически за пределами вала, что и послужило основанием для выделения его в особый комплекс. В северной части комплекса были помещены конечности лошади, в южной – фрагменты ребер. В юго-восточной части комплекса обнаружены фрагменты мела и продолговатая галька, возможно, использовавшаяся в ритуальных целях.

«Жертвенный комплекс №4» выявлен в северо-западном секторе сооружения. Он также находился обособленно, за пределами вала и включал в себя скопление челюстей, конечностей и ребер лошади.

Кроме того, в юго-восточном секторе вала выявлено два детских погребения, которые по особенностям погребального обряда (вытянутое положение костяков, ориентировка в южный сектор, могильная яма с заплечиками) соотносятся с памятниками среднесарматской культуры ранних кочевников Южного Приуралья.

Исходя из стратиграфических и планиграфических наблюдений, можно восстановить некоторые особенности сооружения кургана 2. Изначально он представлял собой кольцевое сооружение, образованное круговым валом шириной 10–16 м и диаметром 42–45 м. Вал окружал неглубокий кольцевой ров шириной 15–25 м.

Внутренняя площадка кольцевого сооружения («чаша») имела овальные очертания. Диаметр площадки по линии север-северо-запад – юг-юго-восток составлял 17,8 м, по оси запад-юго-запад – восток-северо-восток – 27,8 м. Видимо, на всей ее площади изначально грунт был срезан до материка. Признаков каких-либо могильных ям или иных комплексов на внутренней площадке кольцевого сооружения не обнаружено.

Предварительно можно выделить два этапа функционирования кургана 2 курганного могильника 4 у с. Благословенка.

Время его сооружения, судя по хронологии встреченного в жертвенном комплексе №2 и в насыпи вала инвентаря, очевидно, не выходит за пределы V–IV вв. до н.э. На этом этапе, очевидно, сооружение использовалось в качестве святилища солярного культа. К этому же времени относится и значительная часть выявленных здесь остеологических комплексов, на что указывает их расположение на уровне погребенной почвы, строго под кольцевым валом.

Исследование костных останков животных из жертвенных комплексов святилища показало следующие результаты. Естественная сохранность костей оценивается как плохая и удовлетворительная, часть из них сильно фрагментирована (что затрудняет подсчет минимального количества забитых особей). На костях фиксируются погрызы собак, что может являться косвенными свидетельством того, что насыпь возведена не сразу. Возможно, изначально большинство костей были целыми. Обнаруженные остатки принадлежат минимум двум видам животных – лошади (*Equus caballus*) и верблюду (*Camelus bactrianus*). При этом абсолютное большинство костей принадлежит лошади. В коллекции полностью отсутствуют кости МРС и диких животных. Анатомический спектр лошади представлен всеми элементами скелета (но преимущественно нижними челюстями и длинными трубчатыми костями), а верблюда – единичными костями черепа, осевого скелета и костями конечностей. Костные остатки принадлежат половозрелым особям, кости от новорожденных особей не обнаружены. Данный комплекс по своему видовому и анатомическому составу близок остеологическому комплексу кургана 6 Переволоцкого могильника (Григорьева и др., 2022, с. 169–186).

Второй этап функционирования сооружения может быть предварительно датирован в рамках I в. до н.э. – середины II в. н.э. В среднесарматское время, вероятно, святилище из ритуального сооружения трансформируется в погребально-поминальное, о чем свидетельствуют погребения 1 и 2 в юго-восточном секторе вала. Нельзя исключить и вероятность того, что «жертвенный комплекс №1» представляет собой разрушенное глубокой распахкой диагональное захоронение и относится к этому же времени.

Ситуация, зафиксированная в ходе исследований у с. Благословенка, еще раз свидетельствует о полифункциональности кольцевых валообразных сооружений на территории региона и длительном, в рамках раннего железного века, хронологическом периоде их функционирования. Отличия в вариантах использования кочевниками этого сооружения в V–IV вв. до н.э. и в среднесарматское время, по нашему мнению, позволяют предполагать некоторые трансформации в религиозно-обрядовой системе кочевого населения различных этапов развития сарматской культуры Южного Приуралья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бисембаев А.А., Хаванский А.И., Жамбулатов К.А. Святилище позднесарматского времени Акбулак II из Западного Казахстана // Археология Евразийских степей. 2025. № 1. С. 22–34. <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.1.226.235>

Григорьева И.М., Рослякова Н.В., Купцов Е.А. Археозоологическое исследование кольцевого сооружения-святилища Переволоцкого могильника в Оренбургском Приуралье // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 2 (46). С. 169–186. <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2023.46.12>

Евгеньев А.А. Отчет об археологических раскопках объекта археологического наследия «Курганный могильник 4 у с. Благословенка» в Оренбургском районе Оренбургской области. Т. I. Оренбург: ОГПУ, 2025. 99 с. // Архив АЛ ОГПУ.

Канторович А.Р., Маслов В.Е. Ритуальное сооружение в курганном могильнике Новозаведенное-V на Ставрополье // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда. Т. II. Красноярск: СФУ, 2025. С. 45–47.

Моргунова Н.Л., Купцов Е.А. Исследование кольцевого святилища сарматской культуры у посёлка Переволоцкого // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение. Челябинск: ГИМЮА, 2017. С. 80–85.

Моргунова Н.Л., Купцов Е.А. Кольцевое святилище сарматской культуры у поселка Переволоцкий // Евразийский перекресток. Вып. 9. Оренбург: Университет, 2018. С. 19–29.

Смирнов К.Ф., Попов С.А. Сарматское святилище огня // Древности Восточной Европы. М.: Наука, 1969. С. 209–215. (МИА. № 169)

Харламов П.В. Отчет о проведении археологических разведок в Акбулакском, Оренбургском и Ташлинском районах Оренбургской области в 2023–2024 гг. Оренбург: ОГПУ, 2025. 103 с. // Архив АЛ ОГПУ.

Яценко С.А. Некоторые особенности святилищ ранних кочевников // Поволжская археология. 2025. № 1. С. 22–34. <https://doi.org/10.24852/PA2025.1.51.22.34>

Сведения об авторах

Евгений Александрович Купцов, инженер учебной археологической лаборатории Оренбургского государственного педагогического университета, Российская Федерация, г. Оренбург. E-mail: e-kuptsov@mail.ru

Андрей Александрович Евгеньев, кандидат исторических наук, инженер учебной археологической лаборатории, доцент кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета, Российская Федерация, г. Оренбург. E-mail: oren-arch@mail.ru

Ирина Михайловна Сосновцева, младший научный сотрудник отдела научных исследований Оренбургского государственного педагогического университета, Российская Федерация, г. Оренбург. E-mail: irinasosnovtceva@gmail.com

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ МИКРОБИОМОРФНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КАМЕННОГО АЛТАРИКА ИЗ МОГИЛЬНИКА КИЧИГИНО I

К.Г. Маргарян, О.Г. Занина

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пушкино, Россия

Аннотация. В статье приводятся новые данные археоботанического изучения каменного сосуда из кургана 4 могильника Кичигино I. Было выявлено, что каменный алтарь несет следы растирания растительных остатков. В силу фрагментарности микроволокон вопрос о таксономической принадлежности растения остается открытым.

Ключевые слова: каменные жертвенники, алтарики, ранний железный век, ранние кочевники Южного Урала, проблема функционального назначения

Цитирование. Маргарян К.Г., Занина О.Г. Первые результаты микробиоморфного исследования каменного алтарика из могильника Кичигино I // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничного. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 42–44.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-20055, <https://rscf.ru/project/24-18-20055/>

До сих пор нет единства мнений касательно функционального назначения каменных сосудов (алтариков), которые чаще всего в историографической литературе, посвященной кочевникам раннего железного века, фигурируют как алтарики, жертвенники, терочки, курильницы и краскотерки. Уже эти названия несут в себе функциональную нагрузку, которая, к сожалению, практически никогда не подтверждена естественно-научными методами исследования. Ученые, ранее изучавшие функциональную роль каменных алтариков, занимают диаметрально противоположные точки зрения, рассматривая эти изделия как культовые предметы для проведения обрядов (Граков, 1947, с. 109; Смирнов, 1964, с. 162), как «ритуальные краскотерки», на которых изготавливались «ритуальные красящие вещества», предназначенные для нанесения татуировки (Васильев, 1998, с. 32), или как давящий камень для выжимания сока сомы (Федоров, 2001). Другие исследователи видят в них бытовое назначение, воспринимая их как не более чем косметические столики для получения румян (Ильинская, 1968, с. 150–151; Зуев, 1996, с. 54–68).

Трасология рассматриваемых предметов также практически не проводилась, упор в основном делался на технико-технологическом анализе (Волкова и др., 2020, с. 109–111; Бейсенов и др., 2020). В статье А.З. Бейсенова, И.В. Горащука и Д.Б. Дуйсенбая рассматриваются три каменных сосуда, найденных на поселении сакского времени Абылай в Центральном Казахстане. Авторы делают вывод, что без химического анализа определить функциональное назначение этих предметов не представляется возможным (Бейсенов и др., 2020, с. 193–194).

Настоящее исследование посвящено анализу каменного алтарика из центрального погребения кургана 4 могильника Кичигино I (рис. 1). Он прямоугольной формы, асимметричен. Его размеры 16,6–16,8×11,5–14,8 см, ширина бортика 1,1–2,5 см, высота 2,2–4,1 см. Линиями разграничены дно алтарика и бортик. Не совсем ясно, была ли у него такая форма первоначально или он со временем был обломан. На обратной стороне присутствует след преднамеренной деформации от удара. По всей площади жертвенника имеются следы обивки. Обратная сторона предмета сильно заполирована. На одном из ребер и основании каменного блюда, которое также заполировано, присутствуют следы прокала красного цвета (первоначально в статье (Коноплева, 2015) предполагалось, что это следы красной краски, которые проникли в поры камня). Во время трасологического анализа внутри чаши жертвенника были выявлены следы растирания вещества мягкой волокнистой структуры¹. На дне изделия есть пятна темно-серого вещества (смола?) неясного происхождения (Коноплева, 2015).

Для подтверждения трасологического анализа в 2024 году дополнительно был проведен анализ комплекса биоморф, в т. ч. фитоцитов. Материал с жертвенника подготавливали по следующей методике: алтарь очищали замачиванием в дистиллированной воде с двукратной её сменой. Эта процедура проводилась с целью исключения постседиментационного загрязнения. Это основано на предположении, что чем глубже от поверхности, тем больше вероятность, что остатки связаны с жизнедеятельностью индивидов, а не контаминированы материалом вмещающих отложений.

¹ Трасологический анализ был проведен во время стажировки К.Г. Маргарян в Институте истории материальной культуры РАН под руководством к.и.н. Н.Н. Скаун. Автор признателен Наталье Николаевне за предоставленные консультации во время исследования.

Рис. 1. Каменный алтарик из центрального погребения кургана 4 могильника Кичигино I

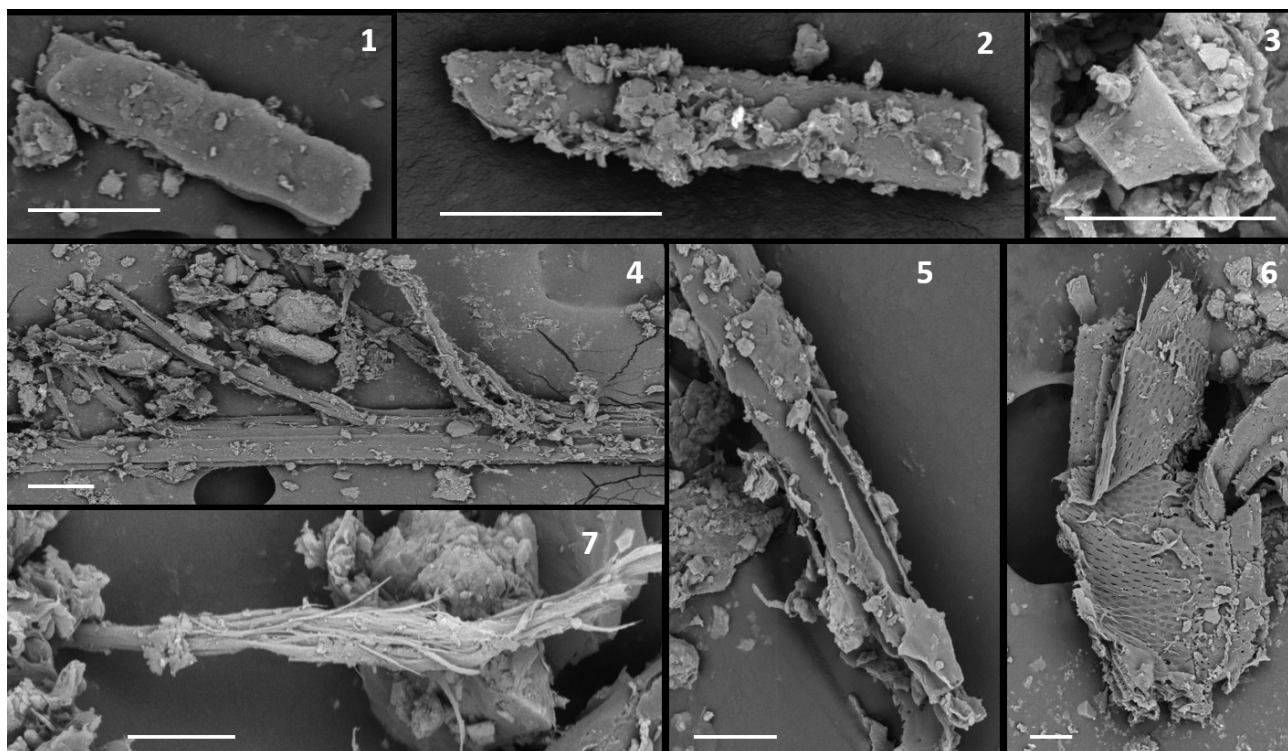

Рис. 2. Растительные остатки, выделенные из смывов алтарика из кургана 4 могильника Кичигино I.
1–3 – фитоолиты (1 – ELONGATE SINUATE; 2 – ELONGATE ENTIRE; 3 – RONDELL); 4, 7 – «размахрѐнные» растительные остатки;
5 – остатки растительных тканей с кремнѐнными стенками; 6 – сосуд растения с пористым типом утолщения оболочки.
Шкала – 20 мкм

Жертвенник поместили в полипропиленовый лоток и озвучили в ультразвуковой ванне Stegler 10DT. Затем темные пятна и каверны «рабочей поверхности» жертвенника очистили стерильной бамбуковой палочкой с визуальным контролем через бинокляр и, если оставался видимый налёт, то операция повторялась.

Далее жертвенник извлекли из лотка и промыли дистиллированной водой над лотком и высушили. После чего раствор из лотка фильтровался через систему вакуумной фильтрации с мембранными фильтрами МФАС-ВА с диаметром поры 0,2 мкм. Полученный на фильтре осадок анализировали в препаратах с глицерином с помощью светового микроскопа Carl Zeiss AxioLab A1 при увеличении в 100 и 400 раз с применением фазового контраста. Подсчет микробиоморф производился на временных препаратах размером 24×50 мм. Высушенную лёгкую фракцию образца для уточнения морфологии отдельных микробиоморф исследовали в сканирующем электронном микроскопе Vega3 Tescan в режиме высокого и переменного вакуума с использованием анализаторов BSE и SE.

Остатки, полученные на фильтре, состояли из небольшого количества фитолитов форм ELONGATE ENTIRE, ELONGATE SINUATE и RONDELL, представленных единично. Такие формы характерны как для двудольных трав, так и для злаков (рис. 2, 1–3).

Малое количественное содержание фитолитов ставит под сомнение «инситуальность» их на поверхности алтарика.

Отсутствие массовости и индикаторных форм фитолитов не даёт возможности говорить об использовании конкретных видов растений.

Хотелось бы отметить, что в материале смыва довольно обильно представлены обрывки «размахранных» на концах растительных тканей (рис. 2, 4, 5, 7). Вероятно, это следы давления и истирания. Однако эти остатки не являются специфическими и индикаторными. Все выявленные остатки – растительные, животных тканей не обнаружено. Вероятно, такое обилие проводящих тканей при отсутствии значимого количества фитолитов можно трактовать как использование стеблей. Остатки проводящих тканей превалируют и наиболее заметны.

Представленные данные подтверждают результаты трасологического исследования, в результате которого были выявлены следы растирания мягкого волокнистого вещества в чаше алтарика. В силу фрагментарности микроволокон вопрос о типе растения остается открытым. Результаты микробиоморфного анализа являются предварительными, для их верификации требуются дальнейшие исследования широкого ряда артефактов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бейсенов А.З., Горащук И.В., Дуйсенбай Д.Б. Трасологическое исследование каменных орудий поселения сакского времени Абылай, Центральный Казахстан // Поволжская археология. 2021. № 3 (37). С. 182–199. <https://doi.org/10.24852/pa2021.3.37.182.199>
- Васильев В.Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. 1998. Вып. 1. С. 25–43.
- Волкова Е.В., Горащук И.В., Денисов А.В. К вопросу о технологии изготовления и функциональном назначении так называемых «каменных жертвенников» // Волго-Уральский регион от древности до средневековья: материалы VI Нижневолжской Междунар. археологической науч. конф. Волгоград: ВолГУ, 2020. С. 108–113.
- Граков Б.Н. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов) // Вестник древней истории. 1947. № 3. С. 100–121.
- Зуев В.Ю. Научный миф о «савроматских жрицах» // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.: б/и, 1996. С. 54–68.
- Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев: Наукова Думка, 1968. 267 с.
- Коноплева К.Г. Предварительные итоги изучения каменных жертвенников из могильника Кичигино I // Международная полевая школа в Болгаре. Сборник материалов итоговой конф. Казань, Болгар: б/и, 2015. С. 169–171.
- Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 360 с.
- Федоров В.К. О функциональном назначении так называемых «савроматских жертвенников» Южного Приуралья (II) // Уфимский археологический вестник. 2001. Вып. 3. С. 21–49.

Сведения об авторах

Ксения Геннадьевна Маргарян, младший научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета, Российская Федерация, г. Челябинск. E-mail: konoplyova-ksenya@mail.ru

Оксана Геннадьевна Занина, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Российская Федерация, г. Пущино. E-mail: oksana.g.zanina@gmail.com

НАДПИСИ НА ФИАЛАХ ИЗ ПРОХОРОВКИ В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ

А.С. Балахванцев

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается возможность уточнения датировки прохоровских надписей на основе опубликованных в последние годы новых эпиграфических материалов. Делается вывод, что наиболее вероятными хронологическими рамками для их появления является период между 350 и 250 г. до н.э.

Ключевые слова: Прохоровка, южноуральские кочевники, торевтика, арамейская эпиграфика

Цитирование. Балахванцев А.С. Надписи на фиалах из Прохоровки в свете новых данных // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничного. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 45–46.

Фиалы с арамейскими надписями, обнаруженные в центральном погребении кургана 1 могильника у с. Прохоровка (Шарлыкский р-н, Оренбургская обл.), являются одним из наиболее ярких свидетельств контактов южноуральских кочевников с культурами Передней и Центральной Азии. Однако неясность хронологических рамок, внутри которых существовали эти замечательные образцы древней торевтики, не позволяет в полной мере использовать их как для датировки самого археологического памятника, так и для уточнения характера и направления тех связей, символом которых они являются.

В 2009–2012 гг. я опубликовал несколько работ (Балахванцев, Яблонский, 2009; Балахванцев, 2010; Влияния..., 2012, с. 222–227)¹, в которых – с некоторыми вариациями – был сформулирован вывод, что надписи датируются второй половиной IV – III вв. до н.э. Можно ли скорректировать эти даты, привлекая исследования по арамейской эпиграфике², появившиеся после 2010 г. либо бывшие тогда для меня недоступными?

Как уже неоднократно отмечалось ранее (Балахванцев, 2010, с. 266; с предшеств. литературой), из представленных в репертуаре прохоровских надписей знаков для установления хронологии наиболее важны формы букв *алеф* и *самех*. Форма лапидарного (монументального) *алефа* первой прохоровской надписи (фиала Атармихра) начинает формироваться в IV в. до н.э., когда правая наклонная гаста сдвигается вправо от левой вертикальной черты и одновременно выпрямляется (Lemaire, 2014, p. 241, fig. 3: Кешечек-кёйю). Аналогичную тенденцию в развитии *алефа* демонстрируют арамейские монументальные надписи с горы Геризим в Палестине (Dušek, 2012, p. 26), датировка которых не ранее конца III в. до н.э. (Dušek, 2012, p. 37) представляется мне заниженной. Затем левая вертикаль укорачивается настолько, что – как и у *алефа* в первой прохоровской надписи – уже

не опускается ниже горизонтальной гасты. Такое написание *алефа* впервые фиксируется в надписи из Пул-и Дарунта в Афганистане, выполненной в середине III в. до н.э. по приказу правителя Индии из династии Маурьев Ашоки (Benveniste, Dupont-Sommer, 1966, fig. 2). Эта же форма неоднократно встречается в надписях царя Армении Арташеса I, правившего в 188–160 гг. до н.э. (Периханян, 1965, с. 111, рис. 1; 2; Караханян, 1971, фото 1; 2).

Чем объясняется использование одинаковой по сути формы *алефа* в надписях, места находки которых отстоят друг от друга на тысячи километров? Наиболее логичным в данной ситуации представляется предположение о том, что новая форма лапидарного (монументального) *алефа* складывалась и возникла тогда, когда территории нынешних Израиля, Армении и Афганистана еще входили в состав одного государства – державы Ахеменидов, т.е. не позднее конца ахеменидской эпохи. В противном случае пришлось бы допустить возникновение и последующее моментальное исчезновение новой формы *алефа* в середине III в. до н.э. в западных районах империи Маурьев, откуда она – как свет потухшей звезды – в начале II в. до н.э. проникла в Армению, а затем, во II–I вв. до н.э., в Западный Иран и Палестину.

Форма лапидарного (монументального) *самеха* второй прохоровской надписи, левая ножка у которого короче правой, появляется уже в конце V в. до н.э. и активно используется в остраках персидского времени из Палестины (Lemaire, 2014, p. 244, fig. 5). Она также встречается в арамейских документах из Бактрии третьей четверти IV в. до н.э. (Naveh, Shaked, 2006, p. 92–93, 96, 117–118, 175, 177–178). Однако постепенно правая ножка укорачивается, и возникает новая форма *самеха*, похожая на греческую букву *пи*. Важно отметить, что старая форма *самеха* некоторое время сосуществовала с новой. Так, если в надписях Ашоки из Пул-и Дарунта и в Кандагар I используется только

¹ Еще две публикации, представляющие собой простые переводы работ 2009 и 2012 гг. на английский и – соответственно – немецкий язык, здесь не учитываются.

² Следует подчеркнуть, что все рассматриваемые в данной работе эпиграфические материалы – за одним исключением (надписи с горы Геризим) – датируются вполне надежно.

старая форма *самеха* (Benveniste, Dupont-Sommer, 1966, fig. 2), то в надписи Кандагар II – новая (Benveniste, Dupont-Sommer, 1966, fig. 2). В надписях Арташеса I фиксируется лишь старый *самех* с короткой левой ножкой (Дьяконов, Старкова, 1955, рис. 3; 4; Периханян, 1965, с. 111, рис. 1; 2; Караханян, 1971, фото 1; 2).

В одной из арамейских монументальных надписей с горы Геризим также встречается старая форма *самеха* (Dušek, 2012, p. 28). В относящейся к началу II в. до н.э. надписи на шлеме типа Монтефортино, который, скорее всего, происходит из Каппадокии, ножки *самеха* практически одинаковы (Балахванцев, Дедюлькин, 2023, с. 354, рис. 1, 5, 6). Наконец, в остраке из Мареша (Палестина),

датируемом 176 г. до н.э., используются только новые формы *самеха* (Dušek, 2012, p. 25, fig. 4). Из всего представленного выше материала можно сделать вывод, что, за исключением Армении, во второй половине III – начале II в. до н.э. характерная для ахеменидского времени форма *самеха* с короткой левой ножкой исчезает. Данное обстоятельство свидетельствует в пользу датировки второй прохоровской надписи не позднее середины III в. до н.э.

Таким образом, наиболее вероятными хронологическими рамками для нанесения прохоровских надписей на фиалы является период между 350 и 250 г. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балахванцев А.С. Приложение 5. Надписи на фиалах из Прохоровки // Яблонский Л.Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М.: Таус, 2010. С. 262–268.
- Балахванцев А.С., Дедюлькин А.В. Шлем типа Монтефортино с арамейской надписью с Северного Кавказа // Боспорский феномен: quarta pars saeculi. Итоги, вопросы, дискуссии. СПб.: Чистый лист, 2023. С. 350–355.
- Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т. Еще раз к вопросу о датировке надписей из Прохоровки // Вестник древней истории. 2009. № 2. С. 89–108.
- Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. 1. М.: Таус, 2012. 672 с.
- Дьяконов И.М., Старкова К.Б. Надписи Артаксия (Арташеса I), царя Армении // Вестник древней истории. 1955. № 2. С. 161–174.
- Караханян Г. Две новонайденные арамейские надписи // Историко-филологический журнал. 1971. № 3. С. 274–276 (на арм. яз.).
- Периханян А.Г. Арамейская надпись из Зангезура // Историко-филологический журнал. 1965. № 4. С. 107–128.
- Benveniste É., Dupont-Sommer A. Une inscription indo-araméenne d'Asoka provenant de Kandahar (Afghanistan) // Journal Asiatique. Paris. 1966. T. 254. P. 437–445.
- Dušek J. Aramaic and Hebrew inscriptions from Mt. Gerizim and Samaria between Antiochus III and Antiochus IV Epiphanes. Leiden: Brill, 2012. 200 p.
- Lemaire A. Scripts of Post-Iron Age Aramaic Inscriptions and Ostraca // “An eye for form”: epigraphic essays in honor of Frank Moore Cross. Eds. Jo Ann Hackett and Walter E. Aufrecht. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 2014. P. 235–252.
- Naveh J., Shaked S. The Khalili Collection. Ancient Aramaic Documents from Bactria (IV B.C.E.). London: The Khalili Family Trust, 2006. 288 p.

Сведения об авторе

Арчил Савелич Балахванцев, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Центром археологии доисламского Востока, Институт востоковедения РАН, Российская Федерация, г. Москва. E-mail: balakhvantsev@gmail.com

МЕЧИ И КИНЖАЛЫ ТИПА СОЛОХА В СКИФИИ V–IV ВВ. ДО Н.Э.

В.Ю. Зуев

Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Скифские мечи и кинжалы с когтевидными навершиями (тип Солоха) – яркое серийное явление V–IV вв. до н.э. Число находок заметно возросло к востоку от Поднепровья. Находки на Южном Урале и в Поволжье напоминают о существовании на северо-востоке от Скифии земель, где обитают скифы, отделившиеся от царских. Контаминация этого известия Геродота с характерными для парадных облачений царей скифов и их воинской элиты мечей и кинжалов с геральдическими орнитоморфными навершиями формирует новую гипотезу устройства скифского мира V–IV вв. до н.э.

Ключевые слова: мечи и кинжалы типа Солоха, скифы, отделившиеся от царских

Цитирование. Зуев В.Ю. Мечи и кинжалы типа Солоха в Скифии V–IV вв. до н.э. // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничного. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 47–52.

В конце 40-х годов прошлого века Б.Н. Граков (1899–1970) предложил новую трактовку некоторых скифских мечей, навершия которых он посчитал оформленными в виде пары когтистых птичьих лап, в основании которых изображены круглые глаза фантастических птиц (грифов). В ряде статей я имел случай объяснить, что никаких когтевидных наверший скифское клинковое оружие не знало, и мы имеем дело с единой линией эволюции идеи геральдического противостояния голов фантастических животных от реалистично изображаемых при литье из бронзы деталей рукоятей клинков до ажурных прорезных абстракций при ковке и гравировке рукоятей кинжалов и мечей из железа (Зуев, 2024 а, с. 1–10; 2024 б, с. 19–20; 2026, в печати).

В 1964 г. А.И. Мелюкова (1921–2004) свела подобные находки в Северном Причерноморье во II подраздел II отдела – клинки с антенновидными навершиями с зооморфным декором и бабочковидными (1 тип) или ложнотреугольными (2 тип) перекрестиями. А.И. Мелюкова собрала для своей диссертации сведения о 20 мечах и кинжалах этой серии (Мелюкова, 1964, с. 55–56).

В 2014 г. Д.А. Топал предложил отказаться от трудноупотребимого классификационного понятия А.И. Мелюковой и перейти к эпонимному понятию: *кинжки типа Солоха* (Топал, 2014, с. 381). Предложение Д.А. Топала было принято. Однако сопоставление клинков этой серии с эпонимным образцом породило серьёзную проблему: слишком многие навершия, входящие в этот классификационный ряд, явно отличаются декором от типологического образца, что порождает трудности трактовки изображений, которые абсолютно точно не являются когтевидными и не похожи на декор рукоятей солохского меча. Так, в 2024 г. мне довелось издать кинжал типа Солоха, найденный у с. Воскресенского в Оренбуржье, у которого в «когтевидном навершии» были изображены две пантеры в позе геральдического противостояния (табл. I, 1) (Зуев, 2024 в, с. 119–130).

За последние годы восточная граница нахождения клинков типа Солоха пролегла по землям речных пойм Иртыша и Тобола и даже достигла горных областей Алтая. Объяснять это территориальное расширение ареала нахождения скифских акинаков только влиянием и контактами скифов с восточными народами стало затруднительно. Правда, область распространения церемониальных клинков в золотом окладе до сих пор ограничена, помимо Приднепровья, районом Подонья на востоке, но число простых мечей и кинжалов этих типов в последние десятилетия археологических исследований стало преобладать на востоке – в Подонье, Поволжье и Южном Приуралье (табл. II, 3–6).

Обилие кинжалов типа Солоха на востоке Евразии требует нового осмысления материала. Для А.И. Мелюковой вооружение скифов было явлением культуры Причерноморья. Она следовала концепции Б.Н. Гракова, согласно которой скифские народы пришли в Причерноморье из-за Волги ещё в эпоху бронзы и развили своё вооружение автохтонно севернее Понта. Никаких связей с азиатским оружием эпохи архаики она не признавала, считая клинки, найденные восточнее Танаиса, не скифским вооружением. Почему, кстати, и считала клинки типа Солохи когтевидными. Она писала: «Принимая во внимание весьма ограниченное количество находок в Скифии рукоятей с навершиями в виде грифонов или орлиных голов, можно сделать вывод о том, что орлиные и грифоновые головы не были характерным мотивом украшения наверший скифских мечей. Они не свойственны также и савроматскому оружию. Полную противоположность Скифии и Сарматии в этом отношении представляют области, лежащие на востоке от них, особенно Сибирь, где эти мотивы господствовали на навершиях бронзовых кинжалов» (Мелюкова, 1964, с. 55). Сейчас такое отделение скифских клинков типа Солоха от более ранних мечей и кинжалов с зооморфно декорированными рукоятями из восточных ареалов степей

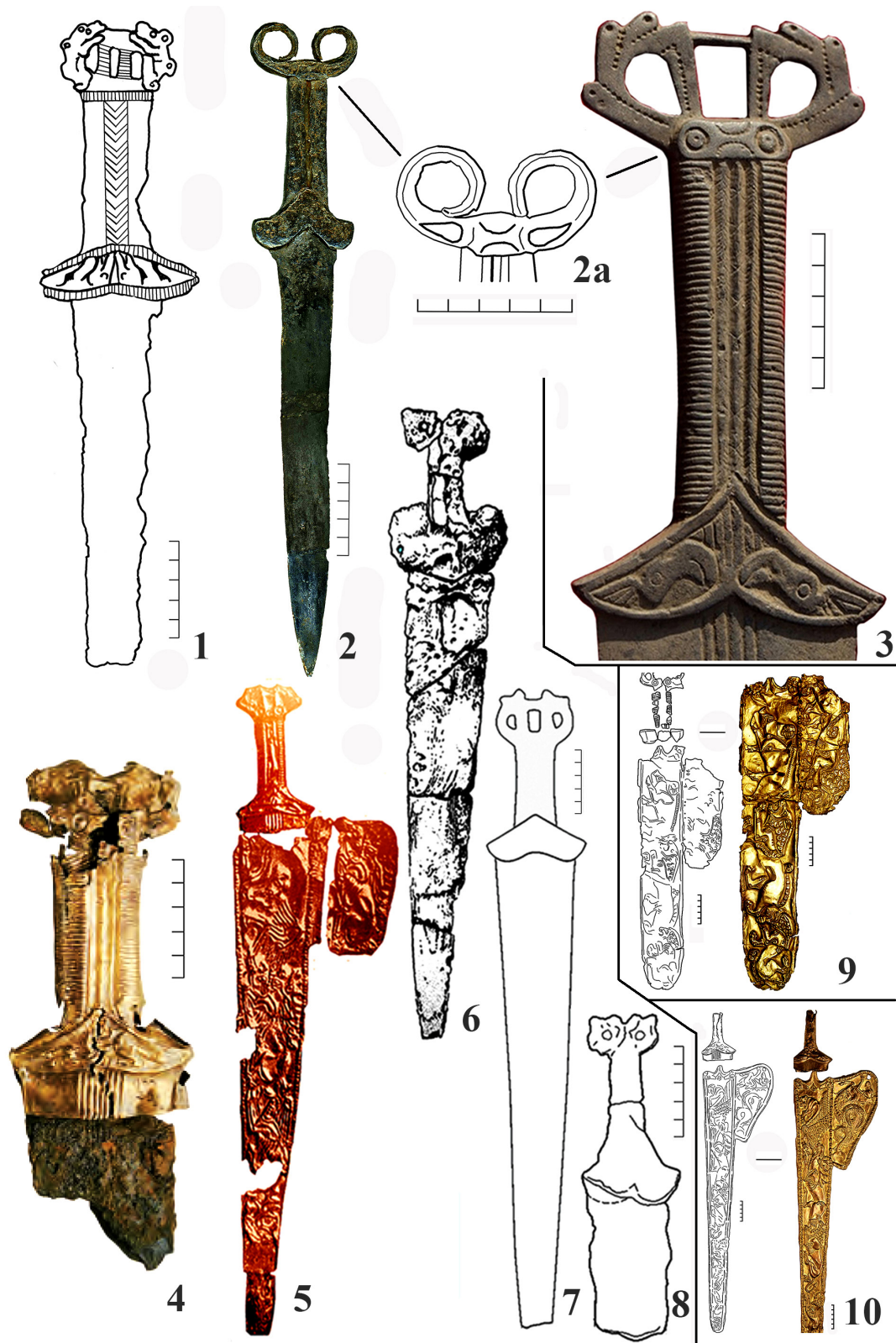

Табл. I. 1 – железный кинжал с геральдически противостоящими пантерами в навершии; находка у с. Воскресенское, Оренбург (по: Зуев, 2024в); 2 – железный кинжал с навершием в виде головок фантастических птиц; находка у с. Качеганово, Башкирия (фото и прорисовка автора); 2a – прорисовка изображений на навершии кинжала из Качеганово (рис. автора); 3 – железный меч типа Солоха со значком в навершии аналогичным гравировке на кинжале из Качеганово; находка на левобережье Днепра в 2020 г. (фото автора); 4 – железный кинжал с рукоятью, оправленной в золото; находка из кургана 4 у с. Осняги (по: Городцов, 1911); 5 – железный кинжал с рукоятью и ножами, оправленными в золото; находка из кургана 10/1909 г. в Елизаветовском могильнике (по: Миллер, 1910); 6 – железный кинжал; находка из кургана 6/1911 г. в Елизаветовском могильнике (по: Миллер, 1914); 7 – железный кинжал; находка из кургана 4/1910 г. в Елизаветовском могильнике (по: Миллер, 1914); 8 – железный кинжал; находка из кургана 34/1911 г. в Елизаветовском могильнике (по: Миллер, 1914); 9 – железный кинжал с рукоятью и ножами, оправленными в золото; находка из кургана, раскопанного И.И. Ушаковым в 1901 г. в Елизаветовском могильнике (по: Топап, 2021); 10 – железный кинжал с рукоятью и ножами, оправленными в золото; находка из кургана Куль-Оба (по: Топап, 2021)

Евразии кажется надуманным и необоснованным. Декор клинков типа Солоха убеждает в том, что стилизованные изображения голов фантастических птиц на навершиях рукоятей восходят своей иконографией именно к более ранним мечам и кинжалам востока степной Евразии с реалистично трактованными головами хищных птиц. В качестве примера сошлюсь на повторение орнамента на навершии архаичного кинжала с головками грифов из Качеганово в Приуралье (табл. I, 2) и на навершии меча типа Солоха, случайно найденного в левобережном Приднепровье в 2020 г. (табл. I, 3). Пространство между глазами птиц в обоих случаях украшено совершенно одинаковым значком из горизонтально расположенных полукружий (табл. I, 2a).

Новые находки клинков типа Солоха, которые я склонен называть мечами и кинжалами с ажурными навершиями, актуализируют проблему производственных центров и стандартизации скифской оружейной продукции в V–IV вв. до н.э. Учитывая, что часть подобных клинков находят оправленными в золотые оклады рукоятей и ножен с богатым зооморфным, антропоморфным и декоративным узором и сюжетными композициями, тиснёнными в драгоценном металле, проблема поисков центров производства мечей и кинжалов типа Солоха распадается на две темы – технология металлургии изготовления церемониального оружия и техника ювелирного декорирования рассматриваемых предметов.

В литературе по этому поводу существуют разные точки зрения. Харьковские исследователи Б.А. Шрамко (1921–2012) и И.Б. Шрамко (Шрамко, 1992, с. 221–223), анализируя находки кинжалов типа Солоха в левобережье Днепра, высказались за то, чтобы считать таким центром производства мечей и кинжалов типа Солоха Бельское городище, которое они считают древним городом Гелон, в котором могли жить не только металлурги, но и ювелиры, остатки производств которых для V в. до н.э. хорошо известны в материалах раскопок этого памятника. Б.А. Шрамко (Шрамко, 1976, с. 197–198) уверенно трактовал золотой оклад рукояти из кургана 4 у с. Осняги (близ Бельска), найденный при раскопках В.А. Городцова (1860–1945) в 1906 г. (Городцов, 1911, табл. III, 4) (табл. I, 4). Согласно мнению этих исследователей, клинки типа Солоха делались скифскими кузнецами, знакомыми с принципами чёрной и цветной металлургии, а ювелирное украшение церемониальных клинков изготовлялось в мастерских торевтов, находившихся под сильным влиянием греческих мастеров, приезжавших в Гелон из Боспора. Свою продукцию жители Гелона поставляли царским скифам, от которых мечи и кинжалы распространялись как представителям знати кочевников, так и шли в качестве дипломатических даров далеко за пределы самой Скифии.

Самобытной версии происхождения ювелирного декора мечей и кинжалов типа Солоха придерживалась А.П. Манцевич (1899–1982), которая полагала, что церемониальное скифское оружие в V–IV в. до н.э. оформлялось в мастерских Фракии, элита которой была очень тесно связана династическими узлами как с царскими родами Скифии, так и Боспорского государства (Манцевич, 1987, с. 69). Мнение А.П. Манцевич резко отличается от взглядов школы Б.Н. Гракова, для которой оружейные мастерские, где создавались церемониальные мечи и кинжалы, конкретно не определялись, но предполагалось, что таким центром являлось Каменское городище на Днепре (Граков, 1954, с. 121–123).

Ещё одну гипотезу, где могло существовать производство и декорировка церемониальных клинков типа Солоха, высказал А.А. Миллер (1875–1935), которому повезло найти при раскопках наибольшее число мечей и кинжалов типа Солоха в курганном некрополе Елизаветовского городища (курганы 10/1909, 4/1910, 6/1911, 34/191) (Миллер, 1910, с. 86–130; 1914, с. 220–247) (табл. I, 5–8). Эту гипотезу, как наиболее обеспеченную материалом, я считаю наиболее перспективной из всех высказанных на сей счёт. А.А. Миллер склонялся в пользу скифской трактовки обладателей этих мечей, говоря о ранних погребениях в скифо-сарматских курганах Елизаветовского могильника (Миллер, 1911 (1914), с. 46–48), а Н.И. Сокольский (1916–1973) видел в них сармато(савромато)-меотское варварское население (Сокольский, 1954, с. 137–142). Но савромато-сарматская трактовка этих материалов явно анахронична и является данью признания устаревшей ныне савроматской концепции Б.Н. Гракова, а под меотами следует понимать у Н.И. Сокольского любых жителей побережья Меотиды, включая и скифов. Поэтому гипотезу елизаветовского центра производства мечей типа Солоха я условно называю «боспорской», поскольку именно в этом случае имеются не только априорные доводы в её пользу (развитая металлургическая и ювелирная промышленность), но и любопытное обстоятельство – отсутствие клинков типа Солоха (как скифского оружия) в паноплии боспорских воинов за исключением некрополя Елизаветовского городища, включая курган, раскопанный там же И.И. Ушаковым (1870–1962) в 1901 г. (табл. I, 9), на Азиатском Боспоре (Шилов, 1966, с. 174–191) и в Куль-Обе (Пантикапее), столице европейского Боспора (табл. I, 10) – кургане элитарного, экстраординарного для Боспора ранга (Дюбрюкс, 2010, т. I, с. 211; т. II, с. 107, рис. 238; 239).

Находки подобного оружия за пределами Боспора и Скифии как на западе, так и на востоке трактовались как дипломатические дары, или шире – след военно-политического влияния скифов на своих соседей. В этом отношении един-

Табл. II. 1 – карта находок мечей и кинжалов типа Солоха

по данным Б.Н. Гракова, К.Ф. Смирнова, А.И. Мелюковой 1961–1964 г. (составлена автором);

2 – карта находок мечей и кинжалов типа Солоха по данным 2024 г. (нумерация Д.А. Топала с дополнениями автора):

1 – Агатово; 2 – Львов; 3 – Талмаза; 4 – Пуркары; 5 – Глиное; 6 – Тимофеевка; 7 – Новофёдоровка; 8 – Солоха; 8а – Никополь; 9 – Нагорное; 10 – Великая Белозёрка; 11 – Акимовка; 13 – Куль-Оба (Керчь); 14 – Елизаветовская; 15 – Ялхой-Мохк; 16 – Петровка; 17 – Волосская Балаклея; 18 – Жаботин; 18а, б – случайные находки из коллекции КГИМ Украины; 19 – Вязовок; 20 – Самовица; 21 – Куриловка; 22 – Гладковщина; 23 – Ковали; 24 – Софиевка; 25 – Киев; 26 – Аксютинцы; 27 – Волковцы; 28 – Ромны; 29 – Мгарь; 30 – Осняги; 31 – Мастюгино; 32 – Хлебное; 33 – Вязники; 34 – Садовка; 35 – Муром; 36 – Яблочный; 37 – Шняево; 38 – Пилюгино; 39 – Солодовка; 40 – Исикай; 41 – Кара-Оба; 42 – Кировский; 43 – Самара; 44 – Ахрат; 45 – Похвистнево; 46 – Безречье; 47 – Казань; 48 – Пьяный Бор; 49 – Чеганда; 50 – Усть-Качка; 51 – Уфа; 52 – Вязовка; 53 – Даниловка; 54 – Талачево; 55 – Родниковка; 56 – Зильдярово; 57 – Ивановка; 58 – Новая Богдановка; 59 – Филипповка; 60 – Покровка; 61 – Лебедёвка; 62 – Тасастау; 63 – Сарытау; 64 – Жаман-Каргала; 65 – Новый Кумак; 66 – Исянгулово; 67 – Тляумбетово; 68 – Акназарово; 69 – Аскарово; 70 – Муракаево; 71 – Мисяш; 72 – Шабунина; 73 – Воробьёво; 74 – Воскресенское; 75 – Кайтаск; 76 – Тюмень; 77 – Петропавловск; 78 – Новый Шарап; 79 – Киренск);

3–6: железные кинжалы типа Солоха из Южного Приуралья. 3 – находка у с. Акназарово, Башкирия (по: Исмагилов, 1978); 4 – находка у д. Дадановка, Башкирия (по: Исмагилов, 1978); 5 – находка у с. Новая Богдановка, Оренбуржье (по: Смирнов, 1961); 6 – находка у с. Зильдярово, Башкирия (по: Таиров, Переводчикова, 2015);

7 – фрагмент костяной пластины с изображением головы волка из Мирмекия; находка 1957 г. (ГЭ.ОАМ. Инв. № Мир. 57–1)

ственная находка в Крыму клинка типа Солоха в кургане Куль-Оба рассматривалась как скифский элемент в погребении царя, захороненного в столице Боспорского царства. Такими же дарами обьяснялись и многочисленные находки клинков типа Солоха в Елизаветовском могильнике на Дону.

Сейчас, благодаря исследованиям Д.А. Топала (Топал, 2021; 2024, с. 163–186), общая картина находок клинков типа Солоха значительно изменилась по сравнению со временами Б.Н. Гракова (табл. II, 1). Их число к востоку от Дона превышает все находки в Северном Причерноморье. Значительное число находок кинжалов типа Солоха в Южном Приуралье (в том числе и в погребениях знаменитого Филипповского курганного могильника¹) даёт право рассматривать этот регион как ареал распространения в V–IV вв. до н.э. культуры номадов, известных нам по данным Геродота как «отложившиеся скифы». Заманчиво трактовать и факт отсутствия золотых окладов мечей и кинжалов типа Солоха в Приуралье в контексте идеи особенности (отделения) приуральских скифов от царских скифов Причерноморья, культура которых сложилась в это же время в степном Причерноморье и была тесно связана в своём генезисе с кочевниками восточной части степей Евразии. Именно царским скифам, как, вероятно, и «отложившимся скифам» Южного Приуралья, наиболее вероятно с позиций хронологии отнести принадлежность холдного клинкового оружия типа Солоха.

Картографируя случайные находки клинков типа Солоха, мы не только расширяем число известных клинков этого типа. Работая в содружестве с исследователем кочевых шляхов и исторической географии региона Воронежской, Белгородской и Курской областей А.Г. Словохотовым, нам удалось заметить ряд закономерностей соотношения случайных находок скифских мечей и кинжалов с древними путями, идущими вдоль кромки лесостепи как с востока на запад, так и с юга на север к центрам оседлых культур лесной зоны и больших городищ лесостепного мира скифо-сарматской эпохи (Зуев, Словохотов, 2026, в печати).

«Случайность» находок скифо-сарматского оружия в лесостепной зоне караванных путей совсем не случайна. Вероятнее всего мы имеем дело с использованием отдельных клинков в ритуальной практике кочевников поминального характера. Обилие находок этих клинков на Южном Урале и в Среднем Поволжье также корреспондирует с сообщением Геродота о существовании на северо-востоке от Скифии земель, где обитают скифы, отделившиеся от царских, о судьбе которых в науке идут давние споры. Критически рассматривая античную литературную традицию о Северном Причерноморье, М.И. Ростовцев заметил, что все попытки локализовать этносы, упомянутые Геродотом, связать их с памятниками археологии являются лишь погоней за бестелесными фантомами. И всё же филологи, историки и археологи упорно продолжают время от времени сопоставлять археологические реалии с историческим контекстом, намеченным древней литературной традицией. Филологи, изучавшие географию Скифии эпохи Геродота в конце XIX – начале XX в., уверенно писали о скифах-кочевниках в степях Южного Приуралья. В 20–40-е гг. прошлого века археологическая школа Б.Н. Гракова разработала гипотезу единого савромато-сарматского мира на просторах от Подонья до Приуралья. Эта концепция в настоящее время переживает глубокий методологический кризис и представляется антиисторичной, что требует в археологии и древней истории степной Евразии скифо-сарматского периода смены парадигм.

Контаминация известия Геродота об отложившихся скифах с таким ярким элементом воинской культуры, как мечи и кинжалы с орнитоморфными навершиями, характерными для парадных облачений царей скифов и их воинской элиты, является новой, весьма перспективной на мой взгляд, гипотезой устройства скифского мира V–IV вв. до н.э. степной Евразии, окружавшей с северо-востока греко-варварское Боспорское царство на берегах Меотиды и Понта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бутягин А.М. Боспорский город в системе греко-варварских отношений в доримскую эпоху // Таврические студии. № 10. Симферополь: Антиква, 2016. С. 13–18.
- Городцов В.А. Дневник археологических исследований в Зеньковском у. Полтавской губ. в 1906 г. // Труды XIV Археологического съезда. Т. III. М.: тип. О-ва распр. полез. кн. Преимник В.И. Воронов, 1911. С. 93–161.
- Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре. М.: АН СССР, 1954. 238 с. (МИА. № 36)
- Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Т. I. Тексты. Т. II. Иллюстрации. СПб.: Коло, 2010. 728 с., 312 с.
- Зуев В.Ю. Мечи и кинжалы типа Солоха (круглые глаза, клювы и когтистые лапы как элементы декора скифского вооружения V–IV вв. до н.э. степной Евразии) // Восточный курьер. № 4. 2024а. С. 1–10. <https://doi.org/10.18254/S268684310033450-3>

¹ В контексте находок предметов, декорированных в зверином стиле из курганов Филипповки, найденных в погребениях с кинжалами типа Солоха (Сокровища, 2023), становится более понятным источник происхождения уникальной находки из Мирмекия (табл. II, 7), сделанной в боспорском городе в 1957 г. – резной костяной пластины с головой волка (Бутягин, 2016, с. 17).

Зуев В.Ю. Мечи и кинжалы типа Солоха в Скифии и на Боспоре // Нимфей и его соседи: Культурные процессы и взаимодействие. Тезисы докладов науч. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения Н.Л. Грач и 85-летию Нимфейской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2024б. С. 19–20.

Зуев В.Ю. Два кинжала V в. до н.э. из урало-казахстанских степей с зооморфно декорированными навершиями // XVI Оразбаев окулары: халыкаралық ғылыми әдістемелік конференция материалдары (Алматы қ., 26–27 сәуір 2024 ж.). Алматы: Қазақ университеті, 2024в. С. 119–130.

Зуев В.Ю. Мечи и кинжалы типа Солоха в Скифии и на Боспоре // Нимфей и его соседи: Культурные процессы и взаимодействие. Материалы науч. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения Н.Л. Грач и 85-летию Нимфейской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2026. (в печати)

Зуев В.Ю., Словохотов А.Г. Культовые места скифской эпохи на Муравском шляхе у р. Уды («Случайные» находки у с. Бессоновки Белгородской области) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. Циркумпонтика. 2026. Вып. VII. № 5. (в печати)

Исмаилов Р.Б. Кинжалы позднесавроматского времени из Башкирии // Советская археология. 1978. № 4. С. 229–238.

Манцевич А.П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1987. 143 с.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов. М.: АН СССР, 1964. 92 с. (САИ. Вып. Д1-4)

Миллер А.А. Раскопки в районе древнего Танаиса // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 35. СПб.: Типография главного управления уделов, 1910. С. 86–130.

Миллер А.А. Область Войска Донского // Отчёт Императорской Археологической комиссии – 1911. СПб.: Типография главного управления уделов, 1914. С. 46–48.

Миллер А.А. Раскопки у ст. Елизаветовской в 1911 году // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 56. СПб.: Типография главного управления уделов, 1914. С. 220–247.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М.: АН СССР, 1961. 162 с. (МИА. Вып. 101)

Сокольский Н.И. Боспорские мечи // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Том II. М.: АН СССР, 1954. С. 122–196. (МИА. Вып. 33)

Сокровища сарматских вождей. Древности середины I тысячелетия до н.э. из Филипповских курганов на Южном Урале. М.: ГМИИ, 2023. 230 с.

Таиров А.Д., Переводчикова Е.В. Искусство раннесакского времени Южного Урала и его восточные параллели // Stratum plus. 2015. № 3. С. 121–141.

Топал Д.А. Акинаки классической Скифии: тип Солоха // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти А.И. Мелюковой (с. Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.). Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2014. С. 380–406.

Топал Д.А. Акинак на западе скифского мира. Кишинев: Muzeul Național de Istorie a Moldovei, 2021. 648 с. (Biblioteca «Tyragetia». Т. XXXV)

Топал Д.А. Грифовые кинжалы типа Иссык и акинаки востока Евразии. Алматы: НИЦИА Бегазы-Тасмола, 2024. 224 с.

Шилов В.П. Ушаковский курган // Советская археология. 1966. № 1. С. 174–191.

Шрамко И.Б. Об одном типе мечей скифской эпохи // История и археология Слободской Украины. Харьков: ХарГУ, 1992. С. 221–223.

Шрамко Б.А. Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы формирования и семантики образов звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976. С. 194–209.

Сведения об авторе

Вадим Юрьевич Зуев, кандидат исторических наук, лауреат Государственной премии Российской Федерации в области науки, независимый исследователь, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург. E-mail: vadim.zuev.1964@mail.ru

РЕДКАЯ НАХОДКА ЖЕЛЕЗНОГО КИНЖАЛА С ПРОРЕЗНОЙ РУКОЯТЬЮ САКСКОГО ПЕРИОДА ИЗ ПРИТЯНЬШАНЯ

С.С. Иванов

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек, Киргизия

Аннотация. Статья посвящена находке редкого железного кинжала с территории сакской культуры Притяньшанья. Он имеет прорезную рукоять, овально-кольцевое навершие и прямое перекрестие. Аналогии из Восточного Казахстана, Лесостепного и Горного Алтая, Минусинской котловины, Тувы и Западной Монголии позволили установить, что данный кинжал относится к IV–III вв. до н.э.

Ключевые слова: ранний железный век, сакский период, Притяньшанье, железный кинжал, культурные связи

Цитирование. Иванов С.С. Редкая находка железного кинжала с прорезной рукоятью сакского периода из Притяньшанья // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничного. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 53–57.

Введение

Комплекс вооружения сакской культуры Притяньшанья остается одной из наименее исследованных категорий ее предметного комплекса. Несмотря на то, что эта культура в период с конца VII по первую половину II в. до н.э. охватывала значительную часть данного региона (Иванов, 2018), предметов вооружения в ареале ее распространения отмечено относительно ограниченное количество.

Последнее обстоятельство связано с целым рядом факторов. Предметы вооружения сравнительно редко находят в составе сопроводительного инвентаря погребальных памятников отмеченной культуры, так как они помещались преимущественно в элитарные и статусные воинские захоронения, в рядовых же погребениях элементы комплекса вооружения практически отсутствуют. А сравнительно с недавнего времени они стали известны в Притяньшанье с поселений сакского периода, что связано с успехами их изучения в последние годы (Жамбулатов и др., 2022). В то же время значимая часть предметов вооружения представляет собой случайные находки, причем нередко они обладают большим типологическим разнообразием, чем образцы оружия, известные из погребальных или поселенческих памятников.

Ярким примером в этом отношении являются кинжалы, которых с территории Притяньшанья в сакский период известно порядка 50 единиц, но лишь примерно пятая их часть происходит из погребальных памятников, остальные же были найдены при случайных обстоятельствах. Причем именно последние нередко не имеют аналогов среди образцов клинкового оружия, происходящих из захоронений. По этой причине каждая находка такого рода кинжалов вызывает значительный интерес, так как показывает, какое многообразие типов

этого вида оружия существовало в рассматриваемом регионе в I тыс. до н.э. в реальности.

В этом отношении довольно показательна находка кинжала редкого типа, не имеющего прямых аналогов на территории Притяньшанья, собственно публикации которого посвящена настоящая статья.

Данный кинжал был найден местными жителями в 2023 г. в Кегетинском ущелье на востоке Чуйской области¹. Опрос показал, что ему не сопутствовали какие-либо другие предметы, фактически он представляет собой одиночную случайную находку.

Описание кинжала

Предмет изготовлен из железа и достаточно сильно корродирован, так как находился сравнительно неглубоко от современной поверхности. Но, несмотря на это, его важнейшие морфологические детали вполне хорошо сохранились.

Кинжал имеет прямое неширокое перекрестие, слабо деформированное с одной стороны, прямоугольное в разрезе, которое постепенно сужается к краям. Рукоять предмета незначительно сужается к навершию, посередине ее проходит узкая сплошная продольная прорезь. Обе части рукояти прямоугольные в разрезе. Верхняя ее часть прямо под навершием завершается узкой, едва заметной «колодочкой». Само навершие имеет овально-кольцевую форму, причем внутренняя его часть сформирована довольно узкой прорезью. Оно по сравнению с рукоятью несколько сужается, в разрезе – прямоугольное. Лезвие кинжала заметно погнуто с одной из фронтальных сторон, широкое у основания, затем несколько сужается, но в целом имеет прямые режущие стороны. Оно довольно тонкое, посередине проходит продольное ребро жесткости, местами слабо различимое из-за коррозии.

¹ Выражаю огромную благодарность краеведу Л. Милокову за возможность ознакомиться с данным кинжалом.

Помимо этого детальный осмотр кинжала позволил установить, что он был выкован из цельного куска железа, за исключением перекрестья, которое было приварено после отковки основной части предмета, а затем дополнительно проковано.

Размеры кинжала: общая длина (с учетом искривления лезвия) 28,5 см, из которых на рукоять приходится 11,3 см., ее ширина составляет 0,8 см, навершие – 6,5 × 2,2 см, его толщина 0,6 см, ширина лезвия 3,1–4,1 см, его толщина (с учетом ребра жесткости) до 0,5 см (рис. 1).

Хронология

Поскольку кинжал был найден при случайных обстоятельствах, установить точное время его использования несколько затруднительно. Впрочем, данный предмет обладает целым рядом морфологических деталей, которые, наряду с привлечением наиболее близких типологических параллелей, могут помочь ответить на этот вопрос.

Собственно с территории сакской культуры Притяньшанья короткоклинковое оружие с сочетанием признаков, как у кинжала из Кегеты, неизвестно (в особенности такие детали, как прорезная рукоять и овальное навершие с прорезью). Впрочем, цельнокованные железные кинжалы с близкими по облику прямыми перекрестьями в ее ареале отмечались ранее. В частности, это экземпляры из кургана 6 могильника Акчий-Карасу на Западном Тянь-Шане и из кургана 22 могильника Куренкей II на Внутреннем Тянь-Шане, которые в целом могут быть отнесены к IV–III вв. до н.э. (Ташбаева, 2011, с. 68–69, рис. 60, 1; Иванов, 2020, с. 1012–1013, рис. 1, 3, 7).

Территориально ближайшие типологические аналогии кегетинскому кинжалу известны из кургана 4 могильника Кызыл-Ту в Восточном Казахстане. Здесь было найдено два железных кинжала со сходными прямыми перекрестьями и прорезными рукоятями, но первый из них имел «рожковое»

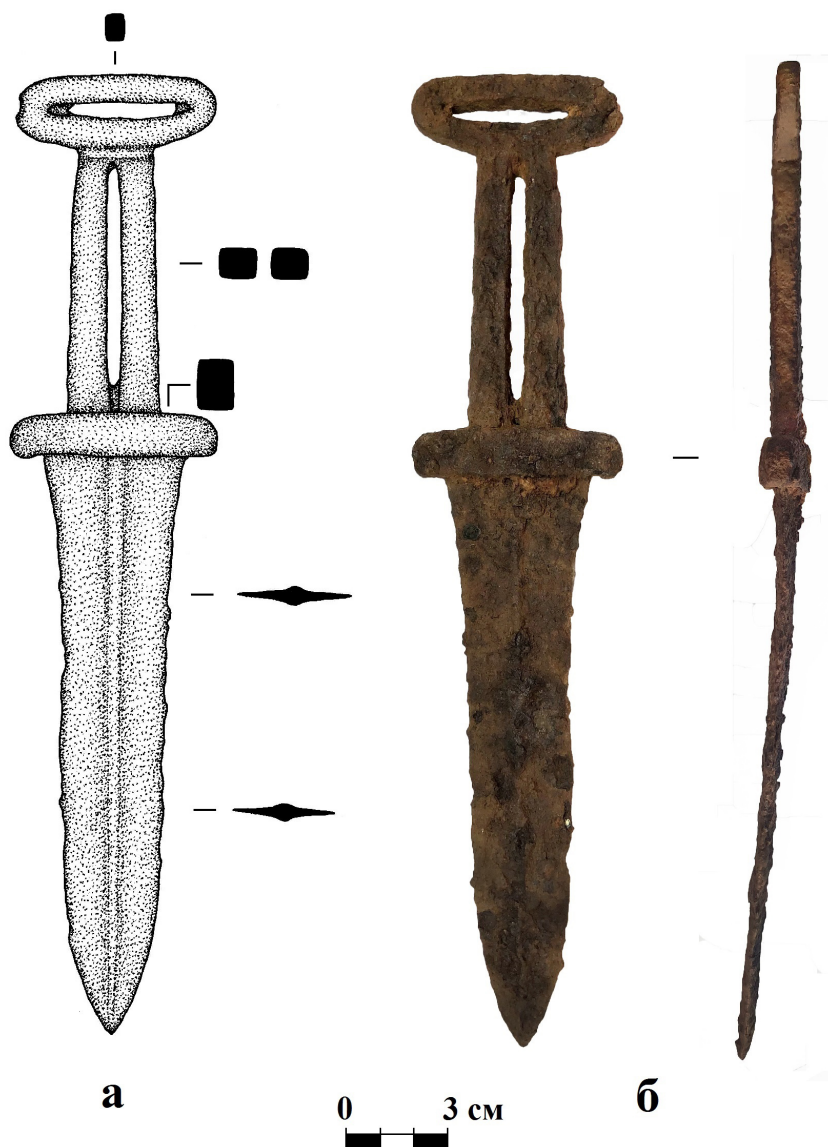

Рис. 1. Железный кинжал из Кегетинского ущелья, Чуйская долина

навершие, а второй – обломанное, по-видимому, волотовидное навершие. Данные кинжалы были отнесены к IV–III вв. до н.э. (Черников, 1956, с. 58, рис. 22, 1; Боковенко, Заднепровский, 1992, с. 142, 146–147, табл. 56, 3/1).

Впрочем, кинжалы и мечи с прямыми перекрестьями IV–II вв. до н.э. известны также и в сопредельных районах Средней Азии. Так, одни из наиболее сходных образцов клинкового оружия отмечены в Согде, в кургане 10 могильника Агалыксай (Обельченко, 1978, с. 117, рис. 1, 2), также в склепе 1 могильника Чарышлы и склепе 10 могильника Янаджи на Узбое (Юсупов, 1986, с. 49–52, 78–90, рис. 12, 1; 32, 29, 30). Однако все же необходимо отметить, что прямые перекрестья у клинкового оружия продолжили существовать в Средней Азии и в последующие несколько столетий (Литвинский, 2001, с. 235–238, табл. 61).

Помимо близлежащих к Притяньшанью территорий, целый ряд типологически сходных кинжалов отмечен в более отдаленных регионах степного пояса Евразии. Так, образцы клинкового оружия, обладающие идентичными или близкими чертами, происходят из культур скифского типа Лесостепного Алтая. Практически полная аналогия кегетинскому кинжалу известна из кургана 23 могильника Новотроицкий-2, который датируется в пределах IV–III вв. до н.э. (Шульга и др., 2009, с. 148–149, 181, рис. 99, 1; 108, 1; Лихачева, 2020, с. 78, 86; рис. 34, 1). Однако в рассматриваемом регионе имеется еще несколько кинжалов, которые по ряду признаков также демонстрируют близость к кегетинскому. К примеру, это экземпляры с прямым перекрестьем и прорезной рукоятью, но иными типами навершия (курган 16 могильника Новотроицкий-2, курган 2 могильника Бийск-2), или же с аналогичными по форме навершием и перекрестьем, но рукоятью без прорези (курган 10 могильника Новотроицкий-2, курган 3 могильника Раздумье-VI) (Лихачева, 2020, с. 76–77, 83–84, рис. 32, 4; 33, 2; 36, 4; 39, 2). В одном случае (курган 15 могильника Новотроицкий-1) также зафиксирован экземпляр с такими же овально-кольцевым навершием и прорезной ручкой, но с дуговидным перекрестьем (Шульга и др., 2009, с. 148–149, 181; рис. 21, 9; 108, 3; Лихачева, 2020, с. 76–77, 84; рис. 32, 2). Примечательно, что время существования всех кинжалов укладывается в пределы IV–III вв. до н.э.

Ряд морфологически близких, но не идентичных кинжалов известен также из ареала распространения пазырыкской культуры Горного Алтая. Здесь отмечен целый ряд образцов короткоклинкового оружия с прорезью, чаще обладающих валиковым навершием и прямым, реже – бабочковидным и дуговидным перекрестьями (курганы 16 и 23 могильника Юстыд, курган 3 могильника Уландрык III) (Кубарев, 1987, с. 55, рис. 20, 3; 1991, с. 74, рис. 16, 7, 8; табл. XXXVIII, 10; LI, 33).

Но при этом наибольшее сходство с кинжалом из Кегеты обнаруживают лишь единичные экземпляры из Горного Алтая. Так, особо можно отметить частично разрушенный votивный кинжал из кургана 3 могильника Уландрык III, который обладает кольцевым навершием и прорезной рукоятью и, по-видимому, прямым перекрестьем (Кубарев, 1987, табл. LXX, 16). Также определенную близость демонстрируют еще два кинжала – из Большого Еломана и Малталу IV (курган 11), которые имеют все аналогичные признаки, кроме перекрестья, представленного сердцевидной и бабочковидной формами (Кубарев, 1981, с. 35, рис. 3, 5; 1992, с. 58–59, рис. 18, 2). Кроме того, вызывает интерес деревянная модель кинжала в ножнах с прорезной рукоятью и овально-кольцевым навершием из кургана 1 могильника Уландрык I (Кубарев, 1987, табл. IV, 6).

Что же касается хронологии рассмотренных выше кинжалов с прорезной рукоятью в древностях пазырыкской культуры, то основная их часть относится к IV–II вв. до н.э., за исключением тех из них, которые имеют более ранние типы перекрестьев – бабочковидные и сердцевидные. Последние могут быть датированы не ранее V–IV вв. до н.э.

Целый ряд образцов клинкового оружия, сходных по морфологическим признакам с кинжалом из Кегеты, известны также из ареала тагарской культуры в Минусинской котловине, но практически все они представляют собой случайные находки. Так, полные аналогии с ним находят кинжалы (Членова, 1967, с. 16, 22–23; табл. 4, 5; 11, 7). Не меньший интерес представляет также бронзовый экземпляр с прорезной рукоятью, деформированным овально-кольцевым навершием и прямым перекрестьем, переданным в виде парных головок кабанов (Членова, 1967, с. 22, табл. 23, 30). Кроме того, ряд кинжалов имеют сходный облик, но обладают иными типами навершия – прямым или дуговидным (Членова, 1967, табл. 4, 6, 7). Все они хронологически укладываются в пределы IV–III вв. до н.э. (Членова, 1967, с. 22–23).

Кроме того, определенный интерес вызывают еще два экземпляра клинкового оружия с территории распространения тагарской культуры. Первый из них, бронзово-железный кинжал, имеет прорезную рукоять, но также обладает архаичными бабочковидным перекрестьем и валиковым навершием. Вследствие этого Н.Л. Членова была склонна отнести его к V–IV вв. до н.э., но, видимо, он едва ли может быть датирован позднее V в. до н.э. (Членова, 1967, табл. 11, 6). Второй, бронзовый, кинжал имеет неширокое бабочковидное перекрестье, архаичную рукоять с тремя валиками и деформированное овально-кольцевое навершие, что позволяет отнести его по крайней мере к V – началу IV в. до н.э. (Членова, 1967, с. 16–17, табл. 4, 4).

Ряд кинжалов с прорезной рукоятью, также близких кегетинскому, был отмечен восточнее,

в культурах скифского облика Тувы и Западной Монголии. Так, в первом регионе, в срубе 28 могильника Суглуг-Хем I был найден железный экземпляр с данным типом рукояти, частично обломанным овально-кольцевым навершием и сильно разрушенным, видимо, прямым перекрестьем (Семенов, 2003, с. 18, 28; табл. 32, 24; 106, 3). Кроме того, в срубе 7 могильника Хайыракан 5 известен еще один бронзовый кинжал с прорезной ручкой, прямыми навершием и перекрестьем (Семенов, 2003, с. 45, 49; табл. 82, 7). Данные кинжалы, судя по вещевому комплексу захоронений, в которых они были найдены, могут быть отнесены по крайней мере к IV – началу II в. до н.э.² Отдельный интерес вызывает еще один бронзовый кинжал из кургана 1 могильника Дагаг-Тэли I – он так же имел прорезную рукоять, ажурное бабочковидное перекрестье и сильно разрушенное навершие, которое, вероятнее всего, было овально-кольцевым. Погребение, из которого он происходило, было отнесено А.Д. Грачом в целом к V–III вв. до н.э. (Грач, 1980, с. 302–303, рис. 59, 1).

В Западной Монголии ряд бронзовых кинжалов с прорезным типом рукояти известен из могильника Улангом. Здесь они имеют чаще всего узкое бабочковидное перекрестье и валиковое или же кольцевое навершие. Исследователями они в целом относятся к V–III вв. до н.э. (Новгородова, 1989, с. 261, 294; рис. на с. 262; Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011, с. 136–137; рис. 37, 5, 7).

Таким образом, на основе приведенных аналогий можно заключить, что кинжалы, обладающие наиболее близкими морфологическими признаками к экземпляру из Кегеты, имели хождение в пределах IV–III вв. до н.э. Как видно, к этому же времени можно отнести и рассматриваемый кинжал из Притяньшанья.

Культурный аспект кинжала из Кегеты

Примечательно, что основная часть типологически ближайших к рассматриваемому кинжалу аналогий концентрируется в Лесостепном и Горном Алтае, Минусинской котловине и Туве. А на более западных территориях – Южном Урале, Зауралье и Нижней Волге клинковое оружие с прорезными рукоятями и овально-кольцевыми

навершиями в это же время вообще практически не встречается. Это позволяет ограничить основную территорию исходного распространения кинжалов данного типа. Важную роль в понимании этого играет наличие в Горном Алтае, Минусе, Туве и Западной Монголии группы бронзовых и биметаллических кинжалов, обладающих более ранними признаками – это бабочковидное и сердцевидное перекрестья, а один бронзовый кинжал с овально-кольцевым навершием из Минусинской котловины, как отмечалось выше, имел также архаичную рубчатую рукоять. Все это позволяет датировать подобные кинжалы не ранее V в. до н.э. Причем Лесостепной Алтай и Восточный Казахстан очевидно не входили в зону первоначального распространения кинжалов этого типа – они были восприняты носителями местных культур скифского типа, видимо, только в начале IV в. до н.э. в ходе интенсификации контактов с соседней пазырыкской культурой.

Не были типичны кинжалы с прорезной рукоятью и овально-кольцевым навершием также для сакской культуры Притяньшанья. Собственно, по этой причине это пока единственный подобный экземпляр на всей ее территории распространения. В данный регион он, по-видимому, мог попасть в результате культурных контактов с каменной культурой Лесостепного Алтая, которые интенсивно поддерживались между двумя регионами на протяжении V – первой половины II в. до н.э. (Иванов, 2016).

Выводы

Таким образом, кинжал из Кегеты является пока что единственной находкой клинкового оружия в ареале сакской культуры Притяньшанья, обладающей сочетанием редчайших морфологических черт – прорезной рукоятью, овально-кольцевым навершием и прямым перекрестьем. Впрочем, именно они позволили довольно твердо установить время существования данного кинжала и определить его в рамках IV–III вв. до н.э. Кинжалы этого облика в целом не характерны для данного региона, что позволяет рассматривать кегетинский экземпляр в качестве импорта с территории Лесостепного Алтая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Боковенко Н.А., Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Восточного Казахстана // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 140–148. (Археология СССР)
- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 264 с.
- Жамбулатов К.А., Казизов Е.С., Ахияров И.К. Комплекс наконечников стрел раннего железного века из аварийного памятника Байтерек 1 (восточная окраина г. Алматы) // Археология Казахстана. 2022. № 2 (16). С. 57–73. <https://doi.org/10.52967/akz2022.2.16.57.73>

² Вл.А. Семенов, изучавший данные погребальные комплексы могильников Суглуг-Хем I и Хайыракан, склонен датировать их в рамках II в. до н.э. (Семенов, 2003, с. 76–77), с чем согласиться полностью нельзя.

- Иванов С.С.* Этнокультурные взаимосвязи ранних кочевников Притяньшанья и Алтая в скифо-сакскую эпоху // *Мир Большого Алтая*. 2016. № 2 (4.2). С. 869–885.
- Иванов С.С.* Культура саков Притяньшанья: современное состояние и важнейшие проблемы исследования // *Scripta antiqua*. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Т. 7. М.: Собрание, 2018. С. 11–23.
- Иванов С.С.* К вопросу о происхождении и хронологии кинжалов раннесарматского облика на территории сакской культуры Притяньшанья // *Мир Большого Алтая*. 2020. № 6 (3). С. 1010–1019.
- Кубарев В.Д.* Кинжалы из Горного Алтая // *Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии*. Новосибирск: Наука, 1981. С. 29–54.
- Кубарев В.Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 304 с.
- Кубарев В.Д.* Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.
- Кубарев В.Д.* Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 218 с.
- Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии. Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.: Восточная литература, 2001. 528 с.
- Лихачева О.С.* Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н.э.). Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2020. 304 с.
- Новгородова Э.А.* Древняя Монголия. М.: Наука, 1989. 383 с.
- Обельченко О.В.* Мечи и кинжалы из курганов Согда // *Советская археология*. 1978. № 4. С. 115–127.
- Семенов Вл.А.* Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. СПб: Петербургское востоковедение, 2003. 240 с.
- Таибаева К.И.* Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая. Бишкек: Илим, 2011. 274 с.
- Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А.* Новотроицкий некрополь. Барнаул: АлтГУ, 2009. 329 с.
- Худяков Ю.С., Эрдэнэ-Очир Н.* Военное дело древних кочевников Монголии (II тысячелетие – III век до н.э.). СПб.: СПбГУ, Нестор-История, 2011. 171 с.
- Черников С.С.* О работах Восточно-Казахстанской экспедиции // *КСИИМК*. Вып. 64. М.: АН СССР, 1956. С. 43–60.
- Членова Н.Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.
- Юсупов Х.* Древности Узбоя. Ашхабад: Ылым, 1986. 222 с.
-

Сведения об авторе

Сергей Сергеевич Иванов, кандидат исторических наук, доцент, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Киргизия, г. Бишкек. E-mail: sak@yandex.ru

КИНЖАЛ РАННЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ЛЕСОСТЕПНОГО ЗАУРАЛЬЯ

А.Д. Таиров

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Аннотация. Публикуется уникальный железный кинжал из села Шутихинское в лесостепном Зауралье. Аналогии его навершию, рукояти и клинку встречены в памятниках V–III вв. до н.э. различных регионов Евразии – от Китая до Трансильвании и Ирана. Выдвинуто предположение о связи происхождения раннесарматских кинжалов с «гофрированным» клинком с территорией империи Ахеменидов.

Ключевые слова: лесостепное Зауралье, раннесарматское время, железный кинжал, империя Ахеменидов

Цитирование. Таиров А.Д. Кинжал раннесарматского времени из лесостепного Зауралья // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничного. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 58–62.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №24-18-20055 «Хозяйство и социальная организация скотоводческих обществ Южного Зауралья: от поздней древности до Нового времени», <https://rscf.ru/project/24-18-20055/>

В 2020 г. учитель физкультуры МКОУ «Шутихинская СОШ» С.В. Булыгин в противопожарной опашке у выселка Юндово на юго-западной окраине села Шутихинское (Шутиха) Катайского округа Курганской области нашел небольшой железный кинжал, который он передал в Катайский районный краеведческий музей¹ (рис. 1).

Рукоять кинжала фигурная, состоящая из пяти невысоких «бочонков», разделенных узкими рельефными валиками. Причем четыре нижних «бочонка», считая от перекрестия, разделены двумя одинаковыми по толщине валиками, а четвертый и пятый «бочонки» – одним. «Дно» нижнего «бочонка» опирается на перекрестие, «крышка» верхнего, пятого, «бочонка» выступает в качестве основания для навершия. Навершие серповидное с уплощенными окончаниями. В сечении у рукояти оно почти круглое, на окончаниях – прямоугольное. В центре навершия, напротив рукояти, три невысоких валика, разделенных узкими желобками. Ширина валиков почти равна толщине таковых на рукояти (рис. 2).

Перекрестие узкое прямое, в плане ромбовидное. Следов кузнечной сварки на нем не отмечено. Клинок вытянуто-треугольный, в сечении близкий к ромбическому. От перекрестия по обеим его сторонам на длину 9,3 см идут пологие дуговидно-треугольные в сечении доли глубиной не более 0,2 см, шириной у перекрестия 0,9 см, плавно сужающиеся к кончику параллельно лезвиям. Эти доли, образовавшиеся в связи с использованием овальных и треугольных шаблонов при формовке клинка, и дополнительная проковка кромки привели к образованию с каждой стороны клинка по три ребра жесткости. Острие клинка массивное ромбическое.

Обращают на себя внимание размеры кинжала из Шутихи. По своим параметрам он соответствует «уменьшенным» кинжалам сарагашенского этапа тагарской культуры Хакасско-Минусинской котловины, для которых характерны небольшие размеры и укороченная, «под три пальца» рукоять (Петренко, Минор, 2017, с. 62). Общая длина шутихинского кинжала 22,5 см, длина рукояти от перекрестия до навершия всего 6,4 см, а вместе с перекрестием и навершием – 8,8 см. Однако, как считают А.Л. Петренко и О.В. Минор, «укороченность клинка и рукояти не является признаком потери боевой функциональности». Удерживался такой кинжал «шпажным хватом» с упором навершия в центр ладони, что позволяло, за счет нормализации положения клинка к оси руки, нанести противнику менее мощные, но зато более быстрые удары на большем расстоянии (Петренко, Минор, 2017, с. 63).

Прокованные широкие дуговидные или треугольные в сечении доли, образующие три ребра жесткости с каждой стороны клинка, являются, по мнению ряда исследователей, одним из характерных признаков части раннесарматских мечей и кинжалов с прямым перекрестием и разной формы навершием, которые появляются не ранее III–II вв. до н.э. (Овсянников, Савельев, 2019, с. 209–210; Николаев, 2019, с. 71, рис. 2, 1; 3, 1, 2; 2021а, с. 340). Впрочем, как считает М.Г. Мошкова, «единичные экземпляры мечей этого типа появляются еще в погребениях IV в. до н.э. ... Однако вполне сформировавшейся и ведущей формой они становятся лишь на рубеже IV–III вв. до н.э. и безраздельно господствуют до конца прохоровского периода» (Мошкова, 1963, с. 34). К такому же выводу приходит и В.Н. Васильев, по мнению

¹ Шифр хранения ОФ9333. Пользуясь случаем, выражаем искреннюю признательность С.В. Булыгину, показавшему место находки кинжала и рассказавшему об обстоятельствах его находки, а также директору МУК «Катайский районный краеведческий музей» О.С. Зелениной, оказавшей всемерное содействие в его изучении.

которого мечи и кинжалы с прямым перекрестием и серповидным или рожковидным навершием (тип III, подтип А) появляются ещё в IV в. до н.э., а массовыми они становятся в III–II вв. до н.э. (Васильев, 2001, с. 45).

Кинжалы с двумя долами, образующими три ребра жесткости, Р.Б.Исмагилов выделял в отдельную серию – с «гофрированным» клинком, аналогии которым за пределами территории Башкирии, по его утверждению, пока неизвестны (Исмагилов, 2001, с. 120). «Аналогии такой технологии изготовления долов на клинках второй половины I тыс. до н.э. за пределами Южного Приуралья практически не известны», – отмечает и С.Ю.Николаев (Николаев, 2021а, с. 340). Происхождение кинжалов с «гофрированным» клинком не установлено, «на Южном Урале, в Волго-Уральском регионе и Урало-Казахстанских степях какие-либо прототипы для оружия данной группы не известны, и она может рассматриваться как яркая инновация» (Савельев, Николаев, 2020, с. 155).

В Степной Евразии, за пределами Южного Урала, нам известны два клинка с двумя неглубокими долами, образующими три ребра жесткости. Это длинный меч из села Ключи Алтайского края

с серповидным навершием, прорезной овальной в сечении рукоятью и прямым перекрестием. У него «линзовидный в сечении клинок с двумя намеченными долами». Датирован он IV–III вв. до н.э. (Могильников, 1997, с. 45, рис. 39, 2).

У кинжала, найденного в Киргизии, в окрестностях поселка Бордунский Чуйской долины, прямой, слегка расширяющийся в средней части клинок и эллипсоидная рукоять, навершие утрачено. С.С.Иванов отмечает, что клинковое оружие с дуговидным перекрестием наибольшее распространение получает в IV – начале III в. до н.э., а кинжалы с эллипсоидной рукоятью датируются в пределах IV–III вв. до н.э. Тем не менее Бордунский кинжал он относит к началу – первой половине III в. до н.э., основываясь на том, что долы на лезвийной части характерны преимущественно для клинкового оружия Южного Приуралья в III–II вв. до н.э. (Иванов, 2020, с. 122–123, рис. 1, 2; 2, 2)

Среди китайских коротких мечей с навершием в виде конической воронки, небольшой цилиндрической рукоятью диаметром около 1 см и длиной от 5,7 до 8,4 см, разделенной «двумя узлами, как в бамбуке», эпохи сражающихся царств и династии Цин (V – конец III в. до н.э.), есть эк-

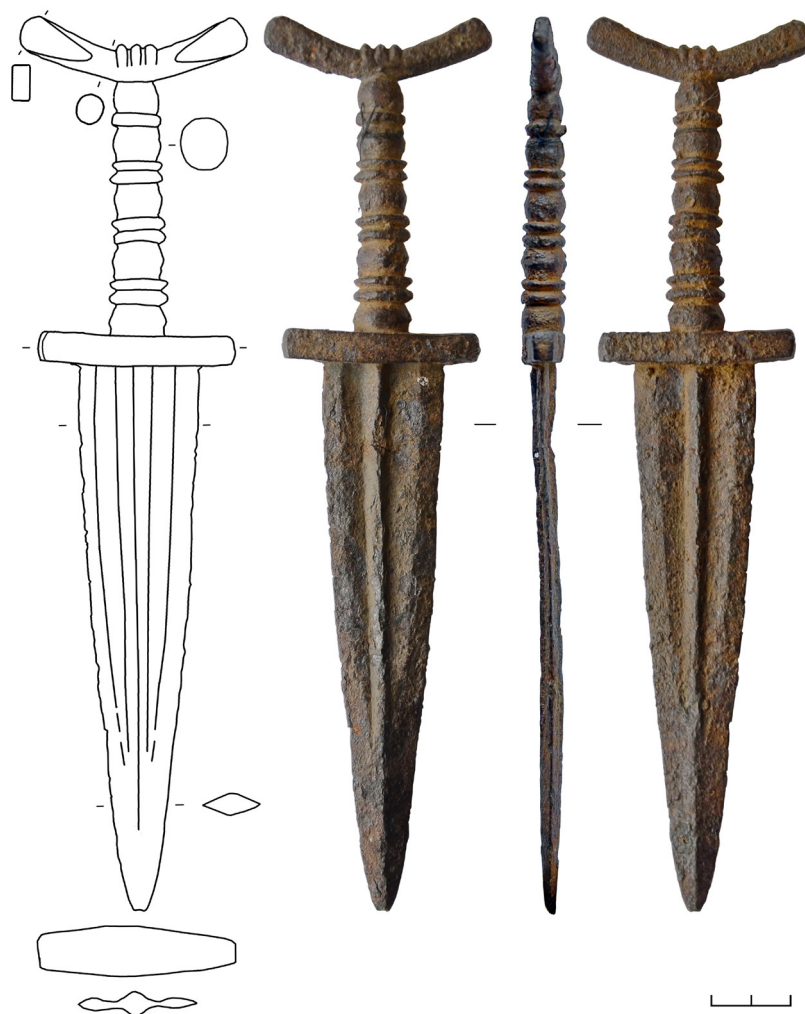

Рис. 1. Кинжал из села Шутихинское (Шутиха)

земляры с тремя ребрами жесткости на каждой стороне клинка, образованные, возможно, двумя неглубокими продольными долами (Ли Джи Ын, 2010, с. 165, табл. 47, 2, 4; 49, 2, 3, 5, 6).

Профилированная, круглая или овальная в сечении рукоять, состоящая из колец и шариков, является особенностью группы однопольных акинаков типа Ноград, ареал которых не выходит за пределы Среднего Подунавья, Трансильвании и Южного Прикарпатья. Навершие их прямое или слегка изогнутое, серповидное с расширенными окончаниями, перекрестие – почковидное (Топал, 2021, с. 193–210, рис. 85, 1, 6; 86; 87, 2, 5, 10, 12, 15; 88, 2; Кат. табл. 4, 19; 5, 22, 24; 11, 63, 66; 12, 70, 71). По мнению Д.А. Топала, акинаки типа Ноград «возникают... в конце VII – начале VI в. до н.э. и используются фактически до конца столетия» (Топал 2021, с. 209). Впрочем, абсолютное большинство экземпляров с профилированной рукоятью датированы им среднескифским периодом – ССК-2 (500–425 гг. до н.э.) (Топал, 2021, с. 497–498, Кат. табл. 5, 22, 24; 11, 66; 12, 70, 71).

Возможно, профилированная рукоять, состоящая из нескольких широких колец, отмечена на двух кинжалах с прямым перекрестием и Г-образным и серповидным навершиями из кургана 18 могильника Старые Кишки. Однако их клинки вытянуто-треугольной формы, линзовидные (?) в сечении, не имеют долов (Васильев, 2001, табл. VI, 35, 40, рис. 14, 6, 9).

Некоторые визуальные параллели навершию кинжала из Шутихи мы можем видеть на навершии кинжала из села Ибрагимово (Башкортостан). У него также раскованы концы, а в середине, в месте крепления к рукояти, навершие расширяется, и на нем сделаны три поперечные насечки. Клинок кинжала вытянуто-треугольной формы, по обеим его сторонам идут пологие линзовидные в сечении долы (Исмагилов, 2001, с. 122, рис. 37; Николаев, 2021б, с. 136, рис. 5, 4).

Два небольших валика, образованные тремя узкими, треугольными в сечении, желобками, посередине верхней части рожковидного навершия отмечены на кинжале конца IV–III вв. до н.э. из окрестностей совхоза Костриковский Кустанайской области. Образованы они, вероятно, при формировании навершия в результате рубки верхней части полосы металла, пошедшей на изготовления кинжала. Концы круглого у рукояти навершия сильно уплощены ковкой и имеют подпрямоугольное сечение. Рукоять кинжала двутавровая, овальная в разрезе. На лицевой и оборотной ее сторонах – прямоугольный в сечении желобок, а на боковых прослеживается слабо выраженное ребро. Перекрестие узкое, прямое. Посередине верхней части клинка проходит узкий треугольный желобок, переходящий в нижней части в ребро (Таиров, Ульянов, 1996, с. 143–144, рис. 3, 2). Двутавровая рукоять является одним из признаков ранних прохо-

Рис. 2. Навершие и рукоять кинжала из села Шутихинское (Шутиха)

ровских кинжалов, датируемых, в большинстве своем, IV–III вв. до н.э. (Федоров, 2008, с. 74–76; Николаев, 2021в, с. 206; 2022, с. 212, 216).

Три вертикальных валика присутствуют на навершии церемониального золотого кинжала ахеменидского времени (около 500 г. до н.э.) из Хамадана (Экбатана). Определенные ассоциации с шутихинским кинжалом вызывает и его рукоять – овальная в плане, расчлененная на три части узкими рельефными валиками [Forgotten..., 2005, p. 233, fig. 430; Moshtagh Khorasani, 2006, p. 88, fig. 1; 2018, p. 54–55, photo 4; 2022, p. 200–201, fig. 9; Малозёмова, 2014, с. 135, рис. 5]. Еще более ярко эта особенность рукояти выступает на церемониальном золотом кинжале ахеменидского времени из Экбатана, хранящемся в Музее Метрополитен. Причем по центру его клинка проходят долы, образующие три ребра жесткости с каждой стороны. Перекрестие этого кинжала с головами козлов на окончании по своим очертаниям весьма близко прямому, а по центру навершия проходит валик [Sekunda, 1992, p. 56]. Среди престижного клинкового оружия ахеменидского Ирана есть и прямые аналогии клинку кинжала из Шутихи – клинок бронзового кинжала с ажурной рукоятью и прямым перекрестием VI–IV вв. до н.э. (Историческое...; Museum-class ancient...).

В целом, только клинковое оружие Ирана ахеменидского времени сочетает в себе параллели в оформлении навершия, клинка и, в какой-то степени, рукояти и перекрестия кинжалу из Шутихи. Это позволяет нам связывать его происхождение, как и происхождение раннесарматских кинжалов с «гофрированным» клинком, с территориями империи Ахеменидов.

Параметры кинжала. Общая длина – 22,5 см, рукоять с перекрестием и навершием – 8,8 см. Навершие: длина 5,6 см; высота: левое окончание – 0,9 см, центр – 0,7–0,8 см, правое окончание –

0,9 см; толщина: левое окончание – 0,5 см, центр – 0,9 см, правое окончание – 0,5 см. Рукоять: длина – 6,4 см, размеры у перекрестия – 1,2×1,4 см, размеры у навершия – 1,1×0,9 см. Перекрестие: длина – 5,0 см; ширина: левое окончание – 0,7 см, центр – 0,8 см, правое окончание – 0,8 см; толщина: левое окончание – 0,7 см, центр – 1,2 см, правое окончание – 0,6 см. Клинок: длина – 13,7 см; ширина: у перекрестия – 3,0 см, пяты на перекрестие со стороны рукояти – 3,2 см; толщина: у перекрестия по центру клинка – 0,7 см, у перекрестия на уровне долов – 0,4 см, у окончания клинка – 0,6 см.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев В.Н. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до нашей эры. Уфа: Гилем, 2001. 153 с.

Иванов С.С. Два новых кинжала раннесарматского облика из Чуйской долины // Нижневолжский археологический вестник. 2020. Т. 19. № 2. С. 120–128. <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.6>

Исмагилов Р.Б. Клинковое оружие эпохи ранних кочевников из Южного Приуралья (случайные находки) // Уфимский археологический вестник. 2001. Вып. 3. С. 117–147.

Историческое холодное оружие: Безжалостная бронза [Электронный ресурс]. URL: https://forum.guns.ru/forum_na/forum_picture/027572/27572579_19031.jpg.html (дата обращения: 01.07.2025)

Ли Джи Бин. Китайский импорт в памятниках юга России (I в. до н.э. – III в. н.э.). Дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2010. 329 с.

Малозёмова Е.И. Образы животных в оформлении иранского холодного оружия // Бестиарий III. Зооморфизмы в традиционном универсуме. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 129–146.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. М.: ИА РАН, 1997. 195 с.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. М.: АН СССР, 1963. 56 с. (САИ. Вып. Д1-10)

Николаев С.Ю. Комплекс сарматского клинкового оружия из окрестностей сел Кузбашево и Биш-каин в Южном Приуралье // Уфимский археологический вестник. 2019. Вып. 19. С. 69–77. <https://doi.org/10.31833/uav.2019.19.006>

Николаев С.Ю. Три сарматских меча из окрестностей села Охлебинино (Южное Приуралье) // Уфимский археологический вестник. 2021а. Т. 21. № 2. С. 339–345. <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.2.012>

Николаев С.Ю. Случайные находки мечей и кинжалов ранних кочевников северо-восточной периферии степей Южного Приуралья (вторая половина I тыс. до н.э. – рубеж эр) // Уфимский археологический вестник. 2021б. Т. 21. № 1. С. 128–144. <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.1.012>

Николаев С.Ю. Три сарматских кинжала с подножия горы Торатау // Нижневолжский археологический вестник. 2021в. Т. 20. № 2. С. 204–213. <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.11>

Николаев С.Ю. Случайные находки мечей и кинжалов ранних кочевников из долины реки Большой Ик в Южном Приуралье // XXII Уральское археологическое совещание: материалы Всеросс. науч. конф., посвящ. 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рождения Тамилы Михайловны Потемкиной (Курган, 21–25 ноября 2022 г.). Курган: КГУ, 2022. С. 212–216.

Овсянников В.В., Савельев Н.С. Воинское святилище на Акбердинском городище // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 201–226.

Петренко А.Л., Минор О.В. О вотивизации сарагашенских кинжалов в Хакасско-Минусинской котловине // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2017. № 22. С. 62–64.

Савельев Н.С., Николаев С.Ю. Комплекс сарматских кинжалов из окрестностей села Толбазы в Южном Приуралье // Нижневолжский археологический вестник. 2020. Т. 19. № 1. С. 140–166. <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.8>

Таиров А.Д., Ульянов И.В. Случайные находки оружия ближнего боя из коллекции лаборатории археологических исследований Челябинского университета // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: Труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск: Каменный пояс, 1996. С. 139–147.

Топал Д.А. Акинак на западе скифского мира. Кишинев: Muzeul Național de Istorie a Moldovei, 2021. 648 с.

Федоров В.К. О датировке 1–4 Прохоровских курганов // Уфимский археологический вестник. 2008. Вып. 8. С. 69–90.

Forgotten Empire. The world of Ancient Persia / edited by John Curtis and Nigel Tallis. London: The British Museum press, 2005. 272 p.

Moshagh Khorasani M. Arms and Armor of Achaemenians and Sassanians // Fezana Journal, Summer 2006. Pp. 87–93.

Moshtagh Khorasani M. Les armes et armures achemenides // Teheran. 2018. N 149. Pp. 52–61.

Moshtagh Khorasani M. Achaemenid Akinakes: Origins and Types // The Oriental Studies. 2022. № 89. Pp. 181–206.

*Museum-class ancient Achaemenid Persian Luristan bronze dagger with openwork handle *LUR142* // Time vault gallery [Электронный ресурс]. URL: <https://timevaultgallery.com/ancient-achaemenid-persian-bronze-dagger-with-openwork-handle/> (дата обращения 14.07.2025)

Sekunda N. The Persian Army: 560–330 BC. Oxford: Osprey Publishing Ltd, 1992. 64 p.

Сведения об авторе

Александр Дмитриевич Таиров, доктор исторических наук, директор Научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), Российская Федерация, г. Челябинск. E-mail: tairov55@mail.ru

**ГРУППА САРМАТСКИХ МЕЧЕЙ И КИНЖАЛОВ С АРХАИЧНЫМИ ЧЕРТАМИ
С ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО УРАЛА: ТИП ТОРАТАУ****С.Ю. Николаев**

Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, Уфа, Россия

Аннотация. Среди раннесарматских мечей и кинжалов, в основном из числа «случайных» находок, выделяется группа, отличающаяся по ряду параметров от основной массы клинкового оружия. Несмотря на общий прохоровский облик, мечи и кинжалы данной группы несут некоторые архаичные черты. По немногим аналогиям из погребальных комплексов датируется данная группа концом IV – III в. до н.э. В качестве наименования данной группе клинкового оружия предлагается «тип Торатау».

Ключевые слова: раннесарматская эпоха, ранние кочевники, мечи и кинжалы, случайные находки

Цитирование. Николаев С.Ю. Группа сарматских мечей и кинжалов с архаичными чертами с территории Южного Урала: тип Торатау // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничного. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 63–65.

Введение

Среди клинкового оружия ранних кочевников есть группа мечей и кинжалов, которые выделяются своим внешним обликом, несмотря на то, что всеми исследователями они признаются раннесарматскими.

В.Н. Васильев данную группу выделил на основании формы навершия и перекрестья (Васильев, 2001, с. 44), включив в нее, однако, ряд мечей и кинжалов савроматского и т.н. «переходного» типа, поскольку в своем анализе практически не учитывал иные элементы клинкового оружия (форма и сечение клинка, рукояти).

Подробный разбор данной группы мечей и кинжалов был сделан В.К. Федоровым (Федоров, 2008, с. 74–77). Отмечая редкость клинкового оружия данного облика у сармат, В.К. Федоров анализировал аналогии отдельным элементам (напр., двутавровая рукоять), практически не исследуя данный тип полностью (собственно, такая цель перед ним и не стояла). Основной вывод – у сарматского клинкового оружия иногда встречаются архаичные элементы.

Основная проблема у авторов, охарактеризовавших рассматриваемую группу мечей и кинжалов (как и во всех других попытках типологических построений сарматского клинкового оружия), заключается в том, что для своих исследований они брали находки из погребальных комплексов. Данные находки имеют, как правило, хорошую временную и культурную привязку, однако отличаются плохой сохранностью, что не позволяло выделить важные особенности некоторых элементов. В то же время, материалы из числа т.н. «случайных находок», благодаря хорошей сохранности, дают возможность учесть эти особенности.

Основные характеристики типа

Клинок пятиугольной формы, с параллельными или слегка расходящимися в стороны лезвиями примерно до середины, после чего переходит в вытянуто-треугольную форму до кончика. Сечение линзовидное, без долов (рис. 1, 1, 5, 8) либо с широкими прокованными долами (рис. 1, 3, 4, 6).

Перекрестье прямое либо с незначительно загнутыми в сторону клинка концами (рис. 1, 2), брусковидное, очень широкое по сравнению с классическим раннесарматским – 1 см и шире. Изготовлено из полосы железа, согнутой пополам и наваренной на конец сильной части клинка¹.

Рукоять в большинстве случаев прямая или слегка расширяющаяся к перекрестью, двутавровая в сечении. Редко – ромбическая (рис. 1, 3)².

Навершие антенное³, почти всегда прямое или слегка загнутое вверх. Лишь в одном из известных автору случаев (Исмагилов, 2001, табл. X, 95) антенны навершия загнуты в разомкнутое кольцо (рис. 1, 4). Изготовлено навершие из округлого в сечении дрота толщиной до 1 см отдельно и приварено к концу рукояти.

Из представленных мечей и кинжалов данного облика пять (рис. 1, 1–4, 8) относятся к числу т.н. «случайных» находок (Исмагилов, 2001; Николаев, 2021; 2022; 2025).

Аналогии и датировка

Среди находок в погребальных комплексах, как уже указывалось выше, мечи и кинжалы имеют крайне плохую сохранность (например, рис. 1, 7). Из известных автору на сегодняшний момент лишь два экземпляра клинкового оружия данного типа, происходящие из Прохоровского могильника (курган 2, погребения 1 и 2), сохра-

¹ Наиболее прочная часть клинка, чаще всего 1/3, расположенная возле рукояти.

² Следует отметить, что на данном этапе работы автор не ставил перед собой цели представить исключительно все мечи и кинжалы этого типа с территории Южного Урала и Поволжья. Часть из них ещё не опубликована.

³ Термин «серповидное» навершие для мечей и кинжалов раннесарматского облика, очевидно, следует уже давно считать устаревшим, т.к. это лишь один из вариантов наверший, в то время как способ изготовления в виде антенн является характеризующим.

Рис. 1. Мечи и кинжалы типа Торатау с территории Южного Урала.

1 – подножье горы Торатау (по: Николаев, 2021); 2 – Сосновка (по: Исмагилов, 2001; Николаев, 2025); 3 – Кабагуш (по: Исмагилов, 2001); 4 – Марьевка (по: Исмагилов, 2001); 5 – Прохоровка, к. 2 погр. 2 (по: Яблонский, 2010); 6 – Прохоровка, к. 2 погр. 1 (по: Яблонский, 2010); 7 – Мечет-сай, к. 7 погр. 6 (по: Смирнов, 1975); 8 – Исянгулово (по: Исмагилов, 2001; Николаев, 2022)

нились достаточно хорошо, чтобы был понятен их реальный облик и очевидна типологическая принадлежность (Яблонский, 2010, с. 76, 147, 196, рис. 50, 30; 84) (рис. 1, 5, 6).

В.Н.Васильев к типу III (с прямым перекрестьем и прямым навершием) отнес целую группу находок, в том числе происходящих из погребальных комплексов (Васильев, 2001, с. 44). У большинства из них сохранность плохая, из-за «вздутия» железа отдельные особенности (сечение рукояти и клинка, перекрестья) установить практически невозможно. Тем не менее, очевидно, что большинство из приведенных В.Н.Васильевым экземпляров относится скорее к т.н. «переходному» типу, не имеющего практически никакого отношения к оружию сарматского облика (Николаев, 2023), либо к уже классическим раннесарматским мечам и кинжалам, у которых навершие прямое. Совершенно справедливо им был выделен один из кинжалов из Прохоровки (рис. 1, 6) и, возможно, кинжал из погребения 6 кургана 7 могильника Мечет-сай (Смирнов, 1975, с. 119, рис. 41, 9; Васильев, 2001, рис. 10, 4).

Погребения 1 и 2 кургана 2 Прохоровского могильника Л.Т.Яблонский датировал IV–III вв. до н.э. (Яблонский, 2010, с. 76). Кургана 7 могильника Мечет-сай К.Ф.Смирнов также датировал этим временем (Смирнов, 1975, с. 130). При этом, в погребениях более позднего времени, датируемых III–II вв. до н.э., находки клинкового оружия такого типа не известны.

Выводы

Таким образом, очевидно, что среди всего массива известных на настоящий момент мечей и кинжалов несомненно сарматского облика вышеописанный тип выделяется своими архаичными признаками (двухтавровая рукоять, широкое массивное перекрестье, массивное навершие с диаметром дрота до 1 см). Тем не менее, в этих же признаках, кроме сечения рукояти, уже виден и облик классического прохоровского оружия. И, что важно, именно на клинках этого типа впервые появляются прокованные (т.н. «гофрированные») доли, которые имеют свое продолжение на ранне-сарматских мечах и кинжалах (например, Исмагилов, 2001, табл. V, 40–48).

На основании приведенных выше аналогий датировать данный тип клинкового оружия можно концом IV – III в. до н.э.

Наиболее северной находкой клинкового оружия данного типа следует считать (на настоящий момент) короткий меч из Сосновки (рис. 1, 2), наиболее южной – кинжал из могильника Мечет-сай (рис. 1, 7).

В связи с тем, что автор впервые обратил свое внимание на мечи и кинжалы данного облика при публикации комплекса с подножия горы Торатау (Николаев, 2021), за ними при обсуждении закрепилось название «тип Торатау». Данное наименование предлагается использовать и в дальнейшем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев В.Н. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до н.э. Уфа: Гилем, 2001. 153 с.
- Исмагилов Р.Б. Клинковое оружие эпохи ранних кочевников из Южного Приуралья (случайные находки) // Уфимский археологический вестник. 2001. Вып. 3. С. 117–147.
- Николаев С.Ю. Три сарматских кинжала с подножия горы Торатау // Нижневолжский археологический вестник. 2021. Т. 20. № 2. С. 204–213. <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.11>
- Николаев С.Ю. Случайные находки мечей и кинжалов ранних кочевников из долины реки Большой Ик в Южном Приуралье // Материалы Всеросс. науч. конф., посвящ. 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рождения Тамилы Михайловны Потемкиной (Курган, 21–25 ноября 2022 г.). Курган: КурГУ, 2022. С. 212–216.
- Николаев С.Ю. Клинковое оружие «переходного» типа по материалам случайных находок в Южном Приуралье // Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматских культур: материалы XI Всерос. науч. конф. с междунар. участием «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. памяти А.С. Скрипкина, г. Волгоград, 15–19 мая 2023 г. Волгоград: ВолГУ, 2023. С. 69–80.
- Николаев С.Ю. Комплекс клинкового оружия ранних кочевников из коллекции школьного музея с. Месели Республики Башкортостан, XXIII Уральское археологическое совещание. Материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Оренбург, 14–18 апреля 2025 г. Т. 2. Оренбург: ОГПУ, 2025. С. 34–39.
- Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 176 с.
- Федоров В.К. О датировке 1–4 Прохоровских курганов // Уфимский археологический вестник. 2008. Вып. 8. С. 69–90.
- Яблонский Л.Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М.: Таус, 2010. 383 с. (МИАР. № 12)

Сведения об авторе

Сергей Юрьевич Николаев, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Российская Федерация, г. Уфа. E-mail: nikolaev.sergey123@yandex.ru

АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА САКСКОЙ ГРИВНЕ II–I ВВ. ДО Н.Э.
ИЗ ПАТТАНА В КОХИСТАНЕ

С.А. Яценко

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Аннотация. Рассмотрены особенности позднесакской золотой гривны, найденной на севере Пакистана и остающейся малоизвестной. Перечень ее образов показывает связь ее создателей как с сакским миром Центральной Азии, так и с более западными регионами. Антропоморфные композиции, вероятно, представляют сцены из кочевого эпоса.

Ключевые слова: индо-саки, Гиндукуш, золотая гривна, восточные и западные аналогии, эпические сюжеты, II–I вв. до н.э.

Цитирование. Яценко С.А. Антропоморфные изображения на сакской гривне II–I вв. до н.э. из Паттана в Кохистане // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничного. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 66–68.

Интересующая нас гривна была обнаружена в горах пакистанского Гиндукуша в конце 1980-х гг., неоднократно публиковалась и комментировалась (см. первоначальные: Rahman, 1990; Jettmar, 1991). В дальнейшем пакистанские коллеги пытались уточнить ряд характеристик изделия (Zaman, 1997; Khan, 1997; Nameed, 2015). Однако многие вопросы, связанные с этим выдающимся ювелирным памятником ранних кочевников, остаются непроясненными. Его качественные фото до сих пор не слишком доступны специалистам, а имеющиеся прорисовки во многих деталях неточны; ныне он хранится в National Museum of Pakistan в Карачи. В результате этот артефакт привлек мало внимания специалистов (Nameed, 2015, p. 74). К сожалению, вскоре после находки местный ювелир грубо разрезал этот массивный золотой предмет весом около 16 кг (!) на 57 кусочков разного размера (в основном – очень мелких, на которых уже нельзя разглядеть детали); немалая их часть потеряна для науки. 11 фрагментов – более крупные: четыре из них, вероятно, относились к центральной части с прямоугольным сечением, остальные семь имели округлое сечение. Такая конструкция близка образцам ранних сакских гривен из Аржана-2 и Сибирской коллекции (Чугунов и др., 2014, с. 49, 310, рис. 284). Не только конструкция, но и стилистика изображений, многие элементы композиции на гривне близки аржанскому шедевру (Чугунов, 2024, с. 404–412). Однако паттанский артефакт было гораздо больше по размеру аржанского и неизмеримо тяжелее, и вряд ли кем-то из смертных реально носился. Изделие сильно потерто с лицевой стороны, т.к. оно долго использовалось в неких ритуалах, возможно – украшая большую статую (Khan, 1997, p. 130).

Появление паттанской гривны в верховьях р. Инд можно связать с событиями не ранее середины II в. до н.э., когда большие юэцжи оттеснили часть среднеазиатских саков на юг (Денисенко,

2025, с. 174–175). Многие смущает при прямом сравнении с изделиями конца VII в. до н.э. из Аржана-2. Это, например, наличие здесь среди 11 основных видов животных обезьян, разнотипных птиц, присутствие композиций с антропоморфными персонажами и растений (деревьев). Шейные золотые украшения иранских народов древности с антропоморфными персонажами, растениями и т.п. совершенно не известны в Центральной Азии

Рис. 1. Сцена с тремя парами мужчин

скифо-сакской эпохи. Однако они хорошо документированы одновременно с Аржаном в далеком от Тувы регионе – на пекторальных держав Ближнего Востока – Ассирии, Урарту, Манной (Яценко, 2019, рис. 4). То же сочетание композиций с животными, с людьми и с разными растениями видим позже, в IV в. до н.э. на греко-скифской мужской пекторали из Толстой Могилы (Симфония пекторали, 2021, с. 95–161); деревья включает и синхронная ей женская греко-скифская пектораль из Большой Близницы. Изображенными персонажами близки к паттанской гривне и ахеменидские пекторали из армянского Армавира (деревья, птицы) и Музея Михо (птицы, сцена конфликта воинов) (Яценко, 2019, рис. 5, 2; 6). При этом металлические сакские изделия, включающие группы людей, практически неизвестны (см. лишь бронзовую пластинку из некрополя Нуркен-2 (Яценко, 2014, с. 319–321; рис. 1). Вероятно, перед нами набор композиций, связанный как с копированием древних реликвий в зверином стиле, так и с новыми сюжетами, ставшими результатом западных влияний.

На паттанской гривне фигуры людей, как и животных, обычно представлены динамично. Везде изображены молодые безбородые персонажи. Явных атрибутов власти и особого статуса они не имеют.

На большом фрагменте 1 в центре (где композиция «наклонена» на левый бок) видим три пары мужских фигур, обращенных друг к другу и изображенных в профиль (рис. 1). Прежде всего, это фигуры двух сидящих мужчин (на корточках – левый, скрестив ноги – правый), между которыми есть конфликт. Это самая главная здесь пара (ее края частично налегают на менее значимые фигуры). Оба мужчины вооружены (у левого видна секира (?), у обоих – лук в горите слева в разных ракурсах). Однако левый не достает оружия; он, видимо, что-то говорит, и его правая рука приподнята в особом жесте. Выделены некие детали их головных уборов. Над головами сидящих – крона дерева (?). Правый достал лук и натянул тетиву, целя собеседнику в живот. Тот, похоже, реагиру-

Рис. 2. Сцена с танцором

ет на это достаточно спокойно. Между головами и коленями мужчин изображены два непонятных наклоненных вправо одинаковых крупных предмета в форме куба с ручкой сверху. Выше первой пары изображена вторая, но они не сидят, а стоят напротив друга, лишь чуть подогнув ногу. От их фигур сохранилось слишком мало. По бокам между парами мужчин находится еще одна пара «статистов» – меньшего роста и на периферии. Они неумело втиснуты в свободные участки композиции. Левый спокойно стоит с копьем. Фигура правого мала и сверху непонятна из-за деформации.

На другом фрагменте видим интересную сцену (рис. 2). Левее ее неправдоподобно огромный барс нападает на лису (?), которая уже упала. Спирной к чудовищу изображен человек с большим крючковатым носом, с луком в горите на правом боку. Поза его необычна: он, видимо, танцует, задирая по очереди вверх согнутые в коленях ноги: тело его немного наклонено вперед, а руками он хлопает в ладоши (?) перед собой. Подчеркнуты и такие детали облика, как свисающий конец пояса, ремни внизу сапожка, капюшон короткого кафтана и довольно длинные волосы сзади.

Думаю, на обоих сохранившихся фрагментах изображены популярные тогда фольклорные (скорее эпические) сюжеты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Денисенко В.Л. Культурные связи кочевых народов Центральной Азии и Северной Индии в эпоху раннего железного века. Т. 1–2. Дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2025. 472 с.
- Симфония пекторали. До 50-річчя знайдення пекторалі з кургану Товста Могила. Киев: Мистецтво, 2021. 183 с.
- Чугунов К.В. Аржан-2: Погребально-поминальный комплекс в тувинской «долине царей». СПб.: Гос. Эрмитаж, 2024. 516 с.
- Чугунов К.В., Парцигер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. 500 с.
- Яценко С.А. О нескольких находках композиций с антропоморфными персонажами VI–III вв. до н.э. из Центральной Азии // Восхождение к вершинам археологии. Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2014. С. 318–328.
- Яценко С.А. Пекторали иранцев и иранизированных народов древности // МАИАСП. 2019. № 11. С. 33–72.

- Hameed M.* Scythian Art in Gandhara: A Case Study of the so-called Golden Girdle from Pattan (Kohistan) // *Ancient Pakistan*. 2015. Vol. XXVI. Pp. 73–95.
- Jettmar K.* The art of northern nomads in the Upper Indus Valley // *South Asian Studies*. 1991. No 7. Pp. 1–20.
- Khan M.N.* Some Thoughts on the Nature of the Gold Ornament from Pattan (Indus Kohistan) // *Ancient Pakistan*. 1997. Vol. 12. Pp. 127–138.
- Rahman S.* Unique find of Gold Ornaments from Pattan (Kohistan) // *Journal of Central Asia*. 1990. Vol. 13/1. Pp. 1–27.
- Zaman S.* Gold Ornament from Pattan (Kohistan). A Detailed Analysis. M.F.A. thesis. Peshawar, 1997.
-

Сведения об авторе

Сергей Александрович Яценко, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация, г. Москва. E-mail: sergey_yatsenko@mail.ru

**БРОНЗОВЫЕ ПРЯЖКИ СО СЦЕНОЙ ТЕРЗАНИЯ
В ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ II–I ВВ. ДО Н.Э.
НА ТЕРРИТОРИИ БУХАРСКОГО СОГДА****К.С. О कोरोков**

Институт археологии РАН, Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются две бронзовые пряжки из раннекочевнических курганных могильников на территории Бухарского Согда. Предметы имеют хорошо известные аналогии в погребальных комплексах раннесарматского времени от Северного Казахстана до Волго-Донского междуречья.

Ключевые слова: Средняя Азия, Согд, раннесарматская культура, курганный могильник, пряжки, звериный стиль, миграция

Цитирование. О कोरोков К.С. Бронзовые пряжки со сценой терзания в погребальных памятниках II–I вв. до н.э. на территории Бухарского Согда // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничного. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 69–71.

Финансирование. Работа подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Сохранение археологического наследия: методические аспекты и материалы полевых исследований» (№ НИОКТР 122011200265-6).

В ходе исследования курганных могильников в Бухарском оазисе в 1960–е гг. был получен ряд материалов, находящихся аналогии в сарматских памятниках Урала и Поволжья. К предметам такого рода относятся две бронзовые поясные пряжки из могильников Шахривайрон и Лявндак, в настоящее время хранящиеся в Государственном музее Востока.

Описание

В подбойном погребении кургана 2 могильника Шахривайрон на тазовых костях погребенного, головой ориентированного в южный сектор, был зафиксирован поясной набор из двух пластинчатых пряжек. На левом крыле таза находилась бронзовая пряжка (рис. 1, 1), пару ей составляла разрушенная костяная пряжка, от которой сохранилась бронзовая кнопка для фиксации ремня. Параметры бронзовой пряжки: длина – 9,3 см, ширина – 4–4,26 см, ширина рамки – 0,3 см, максимальная толщина – 0,27 см, минимальная толщина – 0,07 см, высота крючка с рамкой – 1,3 см, крючок выступает за пределы рамки на 1,1 см. В рамке изображена сцена терзания тигром верблюда. Отливка не очень качественная, отсутствуют хвост тигра, часть шеи верблюда под правой лапой тигра, а также часть живота верблюда возле бедер. Резцом проработаны глаза, уши и лапы животных, обозначены шерсть на спине, плечах и шее верблюда, намечены полосы на бедре и брюхе тигра. Слева на рамке, на стороне тигра, возвышается неподвижный язычок. По четырем углам имеются отверстия для крепления к ремню. В погребении

также находились железный меч с прямым перекрестием без навершия, железные наконечники стрел, лепная курильница, гончарные кувшины и кубок, бронзовая пряжка из двух прямоугольных секций с перемычкой и неподвижным язычком, железная круглая пряжка с подвижным язычком. В качестве погребальной пищи в погребальную камеру были помещены кости мелкого рогатого скота в сопровождении железного ножа с вогнутым лезвием и горбатой спинкой.

В подбойном погребении кургана 16 второй юго-восточной группы могильника Лявндак бронзовая пряжка с изображением сцены терзания тигром верблюда (рис. 1, 2) находилась на поясе погребенного, ориентированного головой на юг. Параметры предмета: длина – 9,4 см, ширина – 4 см, ширина рамки – 0,35 см, максимальная толщина – 0,3 см, минимальная толщина – 0,15 см. Отливка не очень качественная – отсутствует правая нога тигра и средние части вертикальных планок рамки. Резцом после отливки насечками обозначены шерсть на спине и шее верблюда, а также полосы на хвосте и лапах тигра. Отверстия для крепления к ремню сохранились только по углам правее фигуры верблюда. У предмета плавные контуры, складывается ощущение, что он является итогом многократного копирования. Абрисы фигур на пряжках почти идентичны, что производит впечатление изготовления с одного образца. В погребении также были зафиксированы бронзовые обоймы от кожаного ремня на правом бедре и два железных наконечника стрел возле правой голени.

¹ Коллекционные номера Государственного музея Востока – 50754 КП и 50753 КП.

Обсуждение

В пределах современных границ Казахстана и среднеазиатских республик известны многочисленные курганные могильники и одиночные погребения, обряд и инвентарь которых имеет параллели в сарматском мире Поволжья и Южного Урала, что неоднократно подчеркивалось исследователями. К устойчивым характеристикам погребальной обрядности следует отнести форму погребений (подбой под западной стенкой, катакомбы II типа по классификации К.Ф. Смирнова, прямоугольные ямы и ямы с заплечиками), южную ориентировку погребенных, наличие костей мелкого рогатого скота в погребении, использование курильниц различных типов (Окороков, 2025, с. 70–72).

Наличие в среднеазиатских погребальных комплексах предметов различного происхождения в свою очередь породило дискуссию о культурной принадлежности погребенных. К предметам такого рода следует относить поясные наборы из крупных пластинчатых пряжек с неподвижным язычком, яркой разновидностью которых являются пряжки с зооморфным изображением из могильников Лявандак и Шахривайрон в Бухарском оазисе. О.В. Обельченко, исследователь этих комплексов, относил обнаруженные им предметы «к кругу памятников скифо-сарматской культуры Приуралья и Северного Казахстана или сакской культуры

Средней Азии» (Обельченко, 1968, с. 55), поскольку ему уже были известны находки аналогичных предметов в сарматских могильниках.

В настоящее время известно еще десять подобных предметов. География их распространения довольно широка и, помимо долины Зеравшана, включает в себя Южный Урал – Тастагым, Талдысай I (курган 5, погребение 1), Жусандый; Южное Зауралье – Каратомар (курган 1, яма 5А), Ванюши; Северный Казахстан – Карамурун II (курган 1); Нижнее Поволжье и Волго-Донское междуречье – Кривая Лука VII (курган 9, погребение 28), Писаревка II (курган 6, погребение 2), Петрунино II (курган 1, погребение 4), а также западную часть Южного Прикаспия – Гхалекути II (погребение II).

А.С. Скрипкин, выделяя пряжки со сценой терзания в качестве маркера заключительного этапа раннесарматской культуры, замечает, что они не могли появиться раньше II в. до н.э., так как их происхождение связано со временем бытования в центральноазиатских памятниках ажурных поясных пластин (Скрипкин, 2019, с. 23). Близкой точки зрения придерживается В.П. Глебов (Глебов, 2016, с. 75). М.Ю. Трейстер отмечает, что такие пряжки не являются предметами центральноазиатского импорта, но восточное влияние, выраженное в принципе размещения ажурного изображения в прямоугольной рамке, несомненно. География распространения пряжек этого типа позволя-

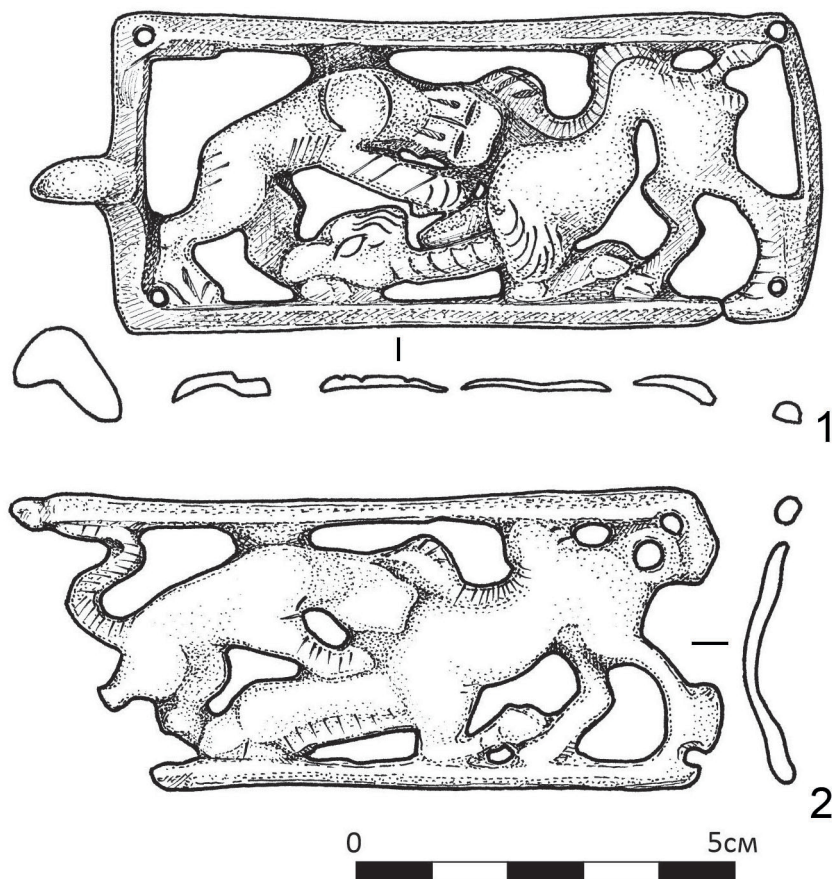

Рис. 1. Бронзовые пряжки из Бухарского оазиса. 1 – могильник Шахривайрон; 2 – могильник Лявандак

ет предполагать их производство в любых частях Азиатской Сарматии (Трейстер, 2019, с. 190).

Стилистические особенности зооморфных изображений на пряжках позволяют разделить их на несколько групп. На возможное существование таких групп впервые обратил внимание И.В. Сергацков, отметивший идентичность образов на пряжках из Карамуруна II и Петрунино II (Сергацков, 1990, с. 28). Еще одна группа, включающая в себя пряжки из Каратомара, Жусандыоя и Писаревки II, рассмотрена в работе А.М. Сеитова (Сеитов, 2020, с. 143). Зеравшанские пряжки относятся к третьей стилистической группе, к которой принадлежит пряжка из Тастагыма, а также, предположительно, предметы из Талдысая I и Ванюш. О принадлежности предметов из Кривой Луки VII и Гхалекути II к одной из упомянутых групп судить сложно из-за особенностей (дефектов) литья и не вполне качественных прорисовок. Вероятно, они относятся к самостоятельным вариациям воспроизводства сюжета, о чем говорит, например, положение неподвижного язычка на другой стороне рамки.

В настоящее время трудно судить о хронологическом соотношении разных стилистических групп, но предварительно следует отметить, что стилистически группа Каратомар-Жусандыоя-Писаревка выглядит наиболее ранней из-за высокой степени детализации изображения, находящего некоторые аналогии в центральноазиатских комплексах, а пряжка из Талдысая обнаружена в кур-

гане с круговой планировкой погребений, в центральном погребении вместе с бронзовой трехлопастной базисной стрелой и клинком прохоровского типа.

Интересно, что прямоугольные бронзовые пряжки с изображением лежащего верблюда, которые, как правило, рассматриваются вместе с пряжками со сценой терзания, имеют несколько иную географию распространения. Помимо Средней Азии – Бабаховский могильник (ограда XIV) и Шаштепа (впускное погребение 2), они известны на юге Башкортостана – Ново-Калкашский II (курган 2, погребение 5), а основной их массив происходит из комплексов Нижнего Поволжья – Верхнее Погромное (курган 4, погребение 4), Белокаменка II (курган 7, погребение 3), Косика (погребение 26) и Нижнего Дона – Заливский (курган 1, погребение 9), Донской (курган 1/1991, погребение 21), Красногоровка III (курган 11, погребение 10), хутор Веселый (курган 2, погребение 6).

Заключение

Таким образом, пряжки из Шахривайрона и Лявандака можно рассматривать в качестве маркеров заключительного этапа раннесарматской культуры, созданных под воздействием восточных изобразительных традиций на территории Азиатской Сарматии и попавших в согдийские погребения не ранее середины I в. до н.э., судя по наличию там железных пряжек с подвижными язычками (Окороков, 2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Глебов В.П. Пряжки с зооморфными изображениями в раннесарматской культуре Нижнего Подонья // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова: сборник статей. Оренбург: ОГПУ, 2016. С. 69–79.
- Обельченко О.В. Лявандакская пряжка (к истории ранних кушан) // Общественные науки в Узбекистане. 1968. № 8. С. 53–56.
- Окороков К.С. Раннесарматские погребальные традиции в памятниках кочевников Средней Азии и Казахстана во II в. до н.э. – I в. н.э. // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда. Т. 2. Красноярск: СФУ, 2025. С. 70–72.
- Сеитов А.М. Поясные пряжки раннесарматского времени Тургая // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9. № 1 (30). С. 141–146. <https://doi.org/10.17816/snv202091203>
- Сергацков И.В. Раскопки курганов на Иловле // Древности Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград: ВГПУ, 1990. С. 26–29.
- Скрипкин А.С. Кочевой мир юга Восточной Европы во II–I вв. до н.э. (Восточные инновации, факты, причины, последствия) // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 1. С. 20–34. <https://doi.org/10.15688/JVOLSU4.2019.1.2>
- Трейстер М.Ю. «Импорты» из Центральной Азии и Сибири в погребальных памятниках Азиатской Сарматии II–I вв. до н.э. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2019. № 4. С. 180–239. <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2019-4-66-180-239>

Сведения об авторе

Константин Сергеевич Окороков, младший научный сотрудник Отдела сохранения археологического наследия, Институт археологии РАН, Российская Федерация, г. Москва. E-mail: okorokov.arx@mail.ru

НЕОРДИНАРНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ОХЛЕБИНИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

А.С. Проценко

Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа»,
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, Уфа, Россия

Аннотация. Предыдущие исследования позволили выявить общие черты погребального обряда древнего населения, что способствует выделению захоронений, отличающихся от общей картины. В данной работе рассмотрен ряд погребений, отличающихся по составу сопроводительного инвентаря и особенностям обустройства могильной ямы.

Ключевые слова: Южный Урал, р. Белая, некрополь, погребальный обряд

Цитирование. Проценко А.С. Неординарные погребения Охлебининского могильника // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничнюка. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 72–73.

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 23-78-10057 «Динамика культурного развития и освоения Южного Урала с древности и до вхождения в состав России (IV в. до н.э. – XVI в н.э.): междисциплинарное археологическое исследование».

Могильник находится в 45 км к юго-востоку от г. Уфы, в 4,5 км к северо-востоку от с. Охлебинино Иглинского района Республики Башкортостан. Расположен на высоком (около 100 м) крутом правом берегу р. Белая в устье левого притока – р. Сим, занимает юго-западную часть одновременного Охлебининского II (Акташ) городища и тянется за пределы вала не менее чем на 500 м (Пшеничнюк, 1968, с. 59; Ляскович и др., 2024, с. 38). По данным А.Х. Пшеничнюка, могильник заполнялся непрерывно с IV в. до н.э. по III в. н.э. (Пшеничнюк, 1987, с. 68).

Как уже неоднократно отмечалось, Охлебининский могильник занимает видное место в работах археологов Южного Урала, которые неоднократно использовали материал с некрополя. В настоящее время материалы некрополя выступают в качестве вспомогательной и дополнительной аргументации в исследованиях типологического и хронологического характера (см. напр.: Воробьева, 2023; Красноперов, 2024, с. 234–237; и др.).

В настоящем исследовании проанализировано 492 захоронения, обнаруженных в ходе раскопок 1965, 1980 и 1981 гг. (раскопы IV, V и VI), включенные в диссертационную работу автора (Проценко, 2022). К неординарным были отнесены захоронения, отличающиеся от основной массы погребений по составу сопроводительного инвентаря и особенностям обустройства могильной ямы.

К неординарным захоронениям Охлебининского могильника из представленной выборки можно отнести три погребения.

Погр. 317 (1981 г.): размеры могильной ямы 180×90 см, глубина 90 см (углублена в материк на 55 см). Костяк подростка лежал головой на юго-запад. Сопроводительный инвентарь: стеклянная бусина, скарабей голубого цвета, две бронзовых обоймочки – на шее; маленькая глиняная неор-

наментированная чашечка с уплощенным дном и примесью песка в тесте – у левого локтя; 16 астрагалов со сверлинами сбоку, 20 накладок из зубов медведя, клык животного (медведя), костяная трубочка – у левой голени (Пшеничнюк, 1981, л. 46).

Погр. 343 (1981 г.): размеры могильной ямы 135×55 см, глубина 64 см (углублена в материк на 15 см). Костяк подростка лежал головой на северо-северо-восток. Сопроводительный инвентарь: 30 астрагалов с боковыми сверлинами – за черепом; кости животного – у правой руки; ожерелье из клыков животного – у таза справа; две синих бусинки, зуб медведя и маленькая костяная подвеска – на груди; железные удила и костяной «мундштук» – у правой голени; костяная пряжка прямоугольной формы (Пшеничнюк, 1981, л. 54).

Интересным и своего рода уникальным является погр. 125, в котором зафиксировано использование охры в обустройстве могильной ямы. Размеры могилы 275×92 см, глубина 150 см (углублена в материк на 108 см). Стенки могилы от уровня материка и до глубины 50 см густо окрашены охрой. На дне могилы лежал костяк мужчины на спине, вытянуто головой на северо-запад. Сопроводительный инвентарь: железный наконечник копья – справа у черепа, острием к ступням; железный двулезвийный меч с прямым перекрестием и волютообразным (?) навершием – лежал вдоль туловища с левой стороны, от левого плеча к левому колену, поверх руки; железная кольцевая пряжка с неподвижным крючком – у правого бедра; железный нож – у правого тазобедренного сустава; 41 бронзовый наконечник стрелы с остатками древков – у левой голени, острием к ступням. На дне могилы и в засыпке встречены кусочки охры (Пшеничнюк, 1980, л. 54–55). Это единственное на сегодняшний момент кара-абызское захоронение, в котором была использована охра. В свою оче-

редь, отметим, что самым распространенным из красящих веществ на территории Южного Урала была именно охра, разнообразно применявшаяся в ритуальных целях с древнейших времен (Викторова, 2017, с. 124–125).

Трактовка рассмотренных погребений (контекстуальный анализ) будет представлена в докладе на конференции и в развернутой публикации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Викторова В.Д. Вещь и знак в археологии. Екатеринбург: Квадрат, 2017. 272 с.

Воробьева С.Л. Хронология Охлебининского могильника по элементам убранства костюма в контексте взаимосвязи кара-абызского населения с кочевниками Южного Урала // Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматских культур. Материалы XI Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. памяти А.С. Скрипкина. Волгоград: ВолГУ, 2023. С. 91–102.

Красноперов А.А. Привозные фибулы Прикамья первых веков н.э.: динамика распространения // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2024. № 2 (50). С. 230–258. <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2024.50.14>

Лясович В.И., Проценко А.С., Русланов Е.В. Новые данные по погребальному обряду Охлебининского могильника (Южное Приуралье) // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36. № 2. С. 36–51. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(2\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(2).-02)

Пишеничнюк А.Х. Охлебининский могильник // Археология и этнография Башкирии. Т. III. Уфа: БФАН СССР, 1968. С. 59–104.

Пишеничнюк А.Х. Научный отчет о раскопках Охлебининского могильника (Иглинский район Башкирской АССР) в 1980 г. // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Ед. хр. 94.

Пишеничнюк А.Х. Научный отчет о раскопках Охлебининского могильника (Иглинский район Башкирской АССР) в 1981 г. // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Ед. хр. 104.

Пишеничнюк А.Х. Исследования по раннему железному веку // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1987. С. 67–76.

Проценко А.С. Погребальный обряд кара-абызской культуры как отражение социальной структуры оседлого населения Южного Приуралья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2022. 26 с.

Сведения об авторе

Антон Сергеевич Проценко, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии, Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа»; научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, Российская Федерация, г. Уфа. E-mail: anton.procenko@mail.ru

АНАЛИЗ ИЗОТОПОВ $^{87}\text{SR}/^{86}\text{SR}$ В ИЗУЧЕНИИ ПРЕДНАМЕРЕННОЙ ДЕФОРМАЦИИ ЧЕРЕПА (САРГАТСКАЯ КУЛЬТУРА)**С.В. Шарапова¹, М.А. Грачев², М.К. Карапетян³, Д.В. Киселева⁴, Т.Г. Окунева⁴,
А.А. Перевозчикова³, А.Д. Рыбакова⁴, Е.С. Шагалов^{4,5}**¹ Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия² Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия³ НИИ и Музей антропологии им. Д.Н. Анучина МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия⁴ Институт геологии и геохимии УрО РАН, Екатеринбург, Россия⁵ Уральский государственный горный университет, Екатеринбург, Россия

Аннотация. Рассматриваются предварительные результаты изотопных исследований эмали зубов индивидов, у которых выявлена деформация черепа. Анализируемый материал происходит из двух закрытых комплексов кургана Новопокровка X (Среднее Прииртышье, Западная Сибирь). Все погребения периферийные впускные, определена их принадлежность к древностям саргатской культуры с возможной датировкой не ранее рубежа эр – первые века н.э.

Ключевые слова: лесостепь Западной Сибири, саргатская культура, кольцевая деформация, изотопный состав стронция

Цитирование. Шарапова С.В., Грачев М.А., Карапетян М.К., Киселева Д.В., Окунева Т.Г., Перевозчикова А.А., Рыбакова А.Д., Шагалов Е.С. Анализ изотопов $^{87}\text{SR}/^{86}\text{SR}$ в изучении преднамеренной деформации черепа (саргатская культура) // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничного. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 74–79.

Благодарности. Авторы выражают искреннюю признательность П.А. Косинцеву и А.С. Якимову, а также всем участникам полевых и камеральных исследований.

Лесостепь Западной Сибири – ареал саргатской культуры и окраина обширной территории распространения преднамеренной деформации головы. Судя по имеющимся антропологическим материалам (Багашев, 2000; Ражев, 2009), в раннем железном веке данный обычай охватывал немногочисленный сегмент лесостепного социума Тоболо-Иртышья (Шарапова, 2022, с. 144–145, табл. VI).

По результатам проведенного исследования Д.И. Ражев заключил, что в большинстве случаев деформация выражена слабо или средне, относится к вариациям одного типа – кольцевая¹ (Ражев, 2009, с. 147–149). Отдельные случаи преднамеренных деформаций связывали с происхождением вне лесостепной зоны региона, что не противоречило гипотезам о принадлежности саргатской элиты к кочевым родам, выдвинутым по археологическим данным (Корякова, 1988, с. 160–161), а также дополнялось отсроченным характером погребения (Ковригин и др., 2006, с. 193, 197, 200–201). Обращает на себя внимание тот факт, что захоронения людей с кольцевой деформацией – периферийные впускные с возможной датировкой (когда сохранность объектов позволяла провести хронологическую оценку) не ранее рубежа эр – финала саргатской культуры (Шарапова, 2022, с. 144–145, табл. VI). Согласно опубликованным результатам палеогенетических исследований отдельных

индивидов с деформацией кольцевого типа, не исключается внешнее генетическое влияние на их происхождение (Шарапова и др., 2019; 2020). Кроме того, отмечалась сложность в попытках интерпретировать единичные варианты мтДНК и Y-хромосомы для популяций раннего железного века в терминах возможных векторов генетических связей из-за чрезвычайно высокой миграционной активности раннекочевых групп (Пилипенко и др., 2018, с. 130; Шарапова и др., 2020, с. 371).

Известно, что палеоантропологический материал саргатской культуры демонстрирует количественное преобладание мужских скелетов над женскими и детскими; сохраняется такая половозрастная особенность и среди останков индивидов с деформацией черепа (Ражев, 2009, табл. 5.8, 5.9; Шарапова, 2022, табл. VI). В этой связи новые находки, относящиеся к категории немногочисленных, представляют несомненный интерес.

Раскопанный нами в 2022–2023 гг. курган Новопокровка X в Среднем Прииртышье содержал захоронения восьми индивидов разного пола и возраста. В двух периферийных археологически синхронных впускных погребениях в ненарушенном контексте обнаружены скелетные останки подростка 10–13 лет и женщины 25–35 лет (погребения 2 и 4 соответственно) (Шарапова и др., 2024). У обоих индивидов отмечена прижизненная деформация черепа (Шарапова и др., 2024, рис. 8).

¹ Единичный пример прижизненной затылочной деформации был отмечен у мужчины в бескурганном погребении Сопининского I могильника; контекст, вещевой комплекс и результаты разнопланового анализа скелетных останков допускают инокультурное различие от остальной части саргатской курганный выборки (Шарапова, 2022, с. 116, табл. VIII).

Невзирая на низкую сохранность материала и его высокую степень фрагментации (разрушен лицевой отдел), можно сделать вывод о том, что сама деформация носит слабовыраженный характер и выполнена в схожей манере. Полноценные исследования дискретно-варьирующих признаков черепа и посткраниального скелета не проводились. Тем не менее у женщины из погребения 4 фиксируется сакрализация пятого поясничного позвонка, являющаяся генетически обусловленным признаком и маркером родственных связей (при определенных условиях). У подростка же данный признак не установлен в силу плохой сохранности скелета, обусловленной захоронением в гумусовом горизонте насыпи кургана. Прочих специфических морфологических особенностей обнаружено не было. По этим причинам судить о наличии генетического родства между индивидами, исходя из результатов палеоантропологического анализа, невозможно. По инвентарю и обряду оба погребения, очевидно, могут быть датированы временем не ранее рубежа эр или несколько позднее.

Преднамеренная деформация черепов, археологическая синхронность комплексов и отсроченный характер захоронений при отсутствии явных свидетельств родства между женщиной и подростком в некоторой степени стали определяющими для поиска региона их возможного происхождения². Для измерения изотопных отношений $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ использованы образцы эмали зубов анализируемых индивидов³, в качестве фоновых – образцы травы и почвы как с курганов, так и отобранные в окрестностях сел Новопокровка и Богдановка, воды из Иртыша и деревенского колодца (табл. 1). В целом, можно считать, что отбор проб соответствует системе, для корректной интерпретации предполагающей не только локальные измерения современных или археологических материалов (Киселева и др., 2021), но и учет археологического контекста. Так, для сравнения учтены опубликованные данные отношения $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в зубах современной местной фауны (цокор и хомяк) и из археологических объектов IV–III вв. до н.э. кургана Новопокровка 16 (эмаль зубов человека из центрального погребения и лошадей из жертвенников⁴) (Шарапова и др., 2023, табл. 4).

Таблица 1. Изотопные отношения $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в эмали зубов человека и образцах биодоступного стронция

№ п/п	№ лаборатории	Материал образца / шифр пробы	$^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$	Погрешность абсолютных величин ($\pm 2s$, abs)	Примечание
1	25-579	Эмаль зуба человека (нижний правый премоляр P ₂)	0,709952	0,000010	Курган Новопокровка X, погребение 2, подросток 10–13 лет
2	25-580	Эмаль зуба человека (верхний правый резец I ₂)	0,709933	0,000011	Курган Новопокровка X, погребение 4, женщина 25–35 лет
3	22-666	Эмаль зуба человека (нижний левый моляр M ₂)	0,709328	0,000006	Курган Новопокровка 16, нижняя челюсть скелета 1 (вероятно, женщина 35–50 лет), из грабительского лаза
4	22-667	Эмаль зуба человека (нижний правый резец I ₂)	0,709455	0,000009	Курган Новопокровка 16, скелет 1 (вероятно, женщина 35–50 лет), дно могильной ямы
5	22-1938	ИРАЕ-3024/1, эмаль зуба лошади (верхний M1)	0,709982	0,000008	Курган Новопокровка 16, жертвенник №6 в юго-восточной части ровика
6	22-1939	ИРАЕ-3024/2, эмаль зуба лошади (верхний P1)	0,709943	0,000008	Курган Новопокровка 16, жертвенник №4 в восточной части ровика
7	22-1940	ИРАЕ-3024/5, эмаль зуба лошади (нижний m1)	0,70994	0,000009	Курган Новопокровка 16, жертвенник №1 в северной перемычке ровика

² Пробы пригаров со стенок бронзового котла и остеологического материала переданы в лаборатории для радиоуглеродного датирования и анализа стабильных изотопов, так же как и образцы каменистой части височных костей для молекулярно-генетического исследования.

³ Некоторые современные исследования индивидуальной мобильности акцентируют необходимость использования нескольких образцов из зубов, которые отличаются сроками минерализации, отдавая предпочтение первому-третьему молярам (Добровольская и др., 2025, с. 131). Однако сохранность палеоантропологического материала не всегда соответствует критериям отбора проб. Даже в ненарушенном контексте из-за ряда тафономических процессов наблюдается средняя или низкая комплектность останков.

⁴ В кургане Новопокровка X в остатках жертвенников и поминальных тризн отсутствовали черепа и зубы домашней фауны, что в определенной мере иллюстрирует неслучайный выбор животных в ритуальных целях.

Таблица 1 (продолжение). Изотопные отношения $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в эмали зубов человека и образцах биодоступного стронция

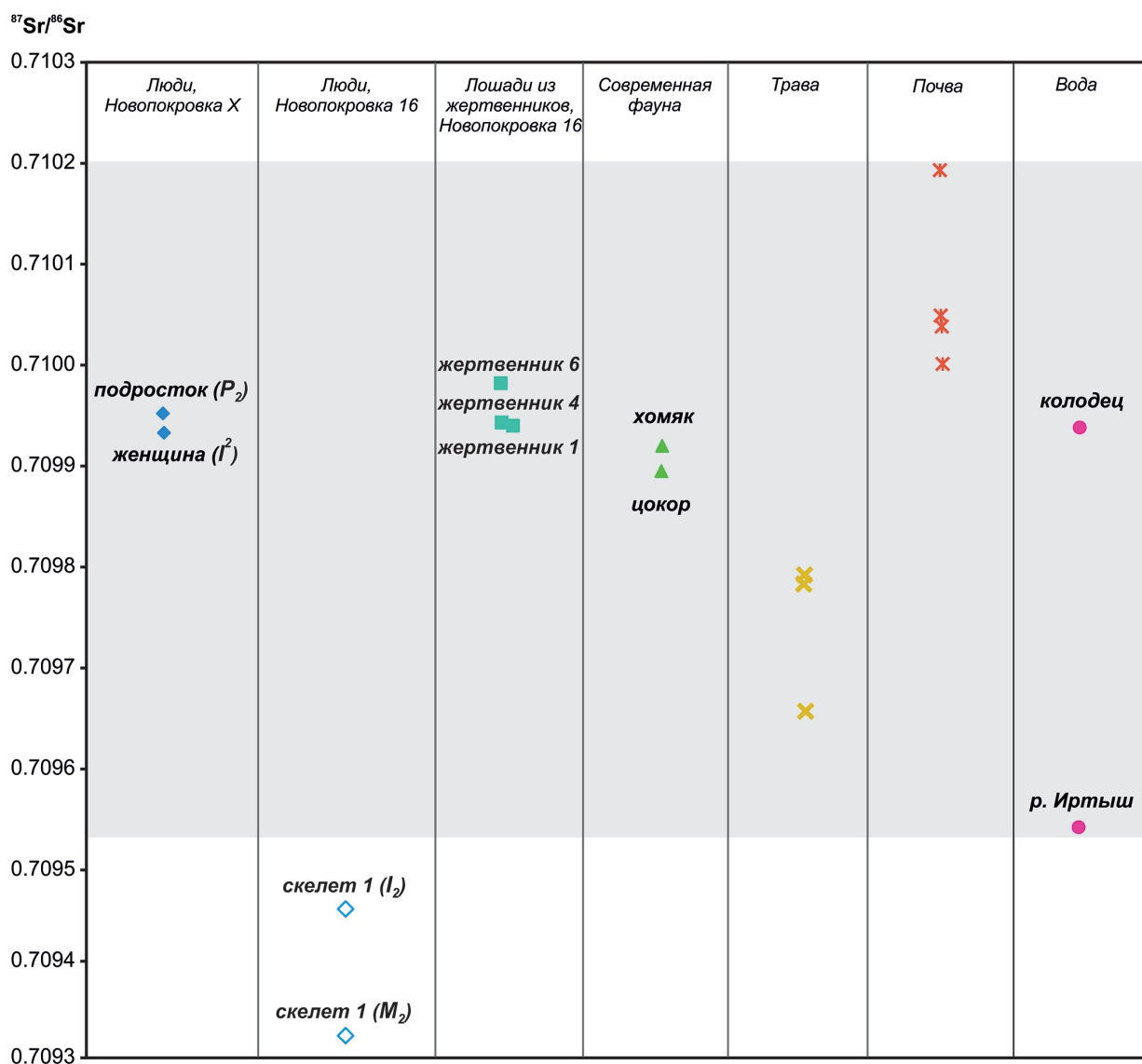
№ п/п	№ лаборатории	Материал образца / шифр пробы	$^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$	Погрешность абсолютных величин ($\pm 2s$, abs)	Примечание
8	22-1936	ИРАЕ-3024/16, цокор (резец)	0,709895	0,000010	Курган Новопокровка 16, нора
9	22-1937	ИРАЕ 3024/57, хомяк (резец)	0,70992	0,000010	Новопокровка 16, нора
10	22-2322	НП-5, трава	0,709783	0,000008	с. Новопокровка, причал, р. Иртыш
11	22-2317	НовПок-1, трава	0,709792	0,000019	с. Богдановка
12	22-2319	НовПок-3, трава	0,709657	0,000017	Курган Новопокровка 15
13	22-2266/23-495	НП-2, почва	0,710193	0,000020	Курган Новопокровка X, раскоп, средняя часть восточной бровки
14	22-2267/23-494	НП-3, почва	0,710049	0,000014	Курган Новопокровка X, раскоп, низ восточной бровки
15	22-2268/23-493	НовПок-2, рекультивированная почва	0,710038	0,000019	Курган Новопокровка 16
16	22-2269/23-492	НовПок-4, почва с кургана	0,710001	0,000018	Курган Новопокровка 15
17	22-2159	НП-6, вода	0,709542	0,000018	с. Новопокровка, причал, р. Иртыш
18	22-2160	НП-9, вода	0,709938	0,000008	с. Новопокровка, колодец

Как видно из таблицы 1, изотопные отношения $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в исследованных зубах женщины и подростка близки между собой, а также в целом соответствуют фоновым значениям (эмаль современной фауны, вода в колодце) и практически совпадают с $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ отношениями в эмали лошадей из жертвенников в кургане Новопокровка 16. Это позволяет предположить местное происхождение подростка и женщины из кургана Новопокровка X. Между тем наблюдаемые незначительные расхождения в показателях не выходят за пределы погрешности метода исследования. Вода в колодце отражает состав грунтовых вод, интегрированных с местными почвами, в то время как река несет сигнал с обширного водосборного бассейна, что уже отмечалось (Шарапова и др., 2023, с. 77). Полученные значения у почв выше, чем у растений, животных и людей. Это классическая экологическая закономерность: растения не полностью усваивают стронций из почвы, может происходить фракционирование или, что более вероятно, основной источник стронция для растений – это не сама почва, а почвенная влага/грунтовые воды. К некоторым внешним факторам фоновых вариаций относят региональную изменчивость (которая крайне редко превышает 0,001) или сходный источник стронция в диете в виде локальных ресурсов (Price et al., 2002, p. 117–118). Совпадение изотопных сигнатур материалов из разнообразных контекстов (люди из погребений 2 и 4, лошади из

жертвенников) разных археологических объектов (курганы Новопокровка X и 16 соответственно) рисует картину тесно интегрированного с местной экосистемой сообщества, которая, при условии местного происхождения этих людей и этих животных, на протяжении нескольких столетий если и не подвергалась существенным изменениям, то оставалась без значительного воздействия извне.

Вместе с тем нельзя исключать, что женщина и подросток из впускных захоронений кургана Новопокровка X в период формирования их зубной эмали проживали в пределах одного локуса. Дело в том, что минерализация эмали происходит в детском и подростковом возрасте; в этот же период стронций, химически подобный кальцию, включается в зубную ткань. После формирования ремоделирование эмали и ее состава не происходит. Следовательно, изотопный сигнал в эмали конкретного зуба будет фиксировать место проживания индивида и окружающие его геохимические условия в тот этап жизни, в пределах которых происходило формирование зуба непосредственно (Hrncić, Laffoon, 2019, p. 5303)⁵. Тем не менее, не исключается возможность перемещений на ближние и дальние расстояния в последующие годы жизни как женщины, так и ребенка. Разрешить поставленный вопрос для более детальной реконструкции индивидуальных перемещений в прошлом будет возможно с помощью изотопного анализа образцов костной ткани непосредственно.

⁵ Так, первые моляры формируются в возрасте примерно от рождения до 3–4 лет (изотопным индексом фиксируется местонахождение индивида в младенчестве и раннем детстве); премоляры – от 2 до 8 лет; вторые постоянные моляры – от 2 до 9–10 лет (фиксируется регион проживания в период раннего и позднего детства); третьи – в диапазоне от 8 до 15 лет (фиксируется местонахождение индивида в позднем детском и подростковом возрасте) (AlQahtani et al., 2010).

Рис. 1. Соотношение изотопов $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в эмали зубов людей и фоновых образцах

Изотопные подписи по содержанию стронция в останках людей и фоновых образцах оказались для нас неожиданными – предполагалось получить данные, согласующиеся с имеющимися результатами разнопланового изучения саргатских материалов и усиливающие гипотезу о внешнем импульсе деформации в ареале лесостепной культуры. Очевидно, что на данном этапе мы можем интерпретировать только конкретные новопокровские материалы, без переноса выводов о распространении преднамеренной деформации на другие памятники и ареалы культуры.

Резко отличное значение для погребенных из разных курганов (рис. 1) может не только указывать на потребление ресурсов в регионах с принципиально иной геологией, но и дополнять вариативность обрядовых проявлений. Ранее нами было высказано предположение о происхождении индивида из кургана Новопокровка 16 из северных и северо-западных районов Казахстана, соответствующих ареалу тасмолинской общности (Шарапова и др., 2023, с. 78), что, помимо прочего, подкрепля-

лось и зафиксированными специфическими чертами обряда (северная ориентировка могил, отсутствие керамики и аскетичность инвентаря). Определенную пищу для размышлений дает топография обширного могильного поля, объекты которого в фокусе комплексного изучения авторов. С одной стороны, допускается неместное происхождение индивида, погребенного в кургане Новопокровка 16, расположенного в глубине террасы на тех же доминирующих гипсометрических отметках, что и «царские» курганы (Грачев и др., 2024, с. 61–62); время их появления относят к IV–III вв. до н.э. (Корякова, 1994, с. 126). С другой стороны, топографическая привязка кургана Новопокровка X схожа с насыпями меньших размеров, локализованных у истоков оврагов правобережья Иртыша. Примечательно и то, что изначально небольшой курган был подновлен, в результате чего произошло изменение величины в сторону увеличения. Погребения женщины и подростка совершены не ранее рубежа эр в уже надстроенный курган на разную глубину, но с соблюдением планиграфии (Ша-

рапова и др., 2024, с. 153). Зафиксированный для них факт отсроченных похорон вкупе с вероятно местным происхождением позволяют говорить о сезонном характере, все же не исключающем и другие мотивы захоронений в одном кургане. Принятие лесостепи Среднего Прииртышья в качестве возможного региона происхождения данных индивидов в какой-то мере может объяснять слабо-выраженную деформацию, более сопоставимую с подражанием, реальное воплощение которого могло иметь совершенно иную, локальную форму и манеру реализации, что обнаруживается в отдельных материалах культуры (Шарапова и др., 2025, с. 605–606).

Предварительные результаты проведенного исследования в очередной раз обращают наше внимание на вопрос происхождения саргатской элиты. Очевидно и то, что на протяжении длительной истории населения саргатской культуры мотивы выбора места захоронения в кургане или в пределах могильного поля носили сложный и разносторонний характер и, по-видимому, не в последнюю очередь могли определяться происхождением индивида. Необходимость получения репрезентативной выборки не отрицается, но и при интерпретации единичных случаев учет деталей как обрядовых, так и фиксируемых антропологически позволяет получить картину, которая не лишена связности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Багашев А.Н. Палеоантропология Западной Сибири: лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 2000. 374 с.
- Грачев М.А., Зимица О.Ю., Приходько Н.В., Шарапова С.В. Курганы саргатской культуры Среднего Прииртышья: новые подходы к оценке социального ландшафта // Нижневолжский археологический вестник. 2024. Т. 23. № 4. С. 53–74. <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.3>
- Добровольская М.В., Строков А.А., Смирнов А.Л., Нелюбов С.А. Изотопный состав стронция в скелетных останках людей как отражение миграций и мобильности: разнообразие форматов исследований и ограничения // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. № 2 (69). С. 125–136. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-69-2-11>
- Киселева Д.В., Анкушева П.С., Анкушев М.Н., Окунева Т.Г., Шагалов Е.С., Касьянова А.В. Определение фоновых изотопных отношений биодоступного стронция для рудника бронзового века Новотемирский // КСИА. 2021. Вып. 263. С. 176–187. <https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.263.176-187>
- Ковригин А.А., Корякова Л.Н., Курто П., Ражев Д.И., Шарапова С.В. Аристократические погребения из могильника Карасье 9 // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб. статей к 70-летию А.Х. Пшеничного. Уфа: Гилем, 2006. С. 187–203.
- Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск: УрГУ, 1988. 240 с.
- Корякова Л.Н. Урало-Иртышская лесостепь // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. Томск: ТомГУ, 1994. С. 113–169.
- Пилипенко А.С., Черданцев С.В., Трапезов Р.О., Чикишева Т.А., Поздняков Д.В., Молодин В.И. Уникальное захоронение воина гунно-сарматского времени в Западно-Сибирской лесостепи: результаты палеогенетического анализа // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46. № 4. С. 123–131. <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2018.46.4.123-131>
- Ражев Д.И. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург: УрО РАН, 2009. 492 с.
- Шарапова С.В. Древности раннего железного века лесостепного Зауралья и Западной Сибири. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2022. 208 с.
- Шарапова С.В., Бачура О.П., Грачев М.А., Каранетян М.К., Киселева Д.В., Косинцев П.А., Костомаров В.М., Окунева Т.Г., Шагалов Е.С., Якимов А.С. Информационный потенциал разрушенных погребений саргатской культуры: курган Новопокровка 16 в Среднем Прииртышье // Нижневолжский археологический вестник. 2023. Т. 22. № 2. С. 65–96. <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.2.4>
- Шарапова С.В., Грачев М.А., Косинцев П.А., Перевозчикова А.А., Пименов В.Е., Якимов А.С. Междисциплинарные исследования кургана Новопокровка Х (Среднее Прииртышье) // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2024. Т. 7. № 2. С. 121–158. <https://doi.org/10.24412/2658%E2%80%91913550%E2%80%91912024%E2%80%91912%E2%80%9191121%E2%80%9191158>
- Шарапова С.В., Пилипенко А.С., Ражев Д.И., Трапезов Р.О., Черданцев С.В. Два мужских погребения из кургана саргатской культуры: биоархеологический и палеогенетический обзор // Stratum Plus. 2020. № 3. С. 353–378.
- Шарапова С.В., Толмачева Е.Г., Костомарова Ю.В. Находки текстиля и пряслиц в погребениях саргатской культуры: новые данные // Уфимский археологический вестник. 2025. Т. 25. № 3. С. 598–609. <https://doi.org/10.31833/uav/2025.25.3.040>
- Шарапова С.В., Черданцев С.В., Трапезов Р.О., Пилипенко А.С. Кочевники и лесостепь: археология, антропология, палеогенетика // Крым в сарматскую эпоху (Пв. дон.э. – Vв. н.э.). Т. 5: Материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь: Салта, 2019. С. 321–327.

AlQahtani S.J., Hector M.P., Liversidge H.M. Brief communication: the London atlas of human tooth development and eruption // *American Journal of Physical Anthropology*. 2010. Vol. 142. P. 481–490. <https://doi.org/10.1002/ajpa.21258>

Hrnčič V., Laffoon J.E. Childhood mobility revealed by strontium isotope analysis: a review of the multiple tooth sampling approach // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2019. Vol. 11. P. 5301–5316. <https://doi.org/10.1007/s12520-019-00868-7>

Price T.D., Burton J.H., Bentley R.A. The Characterization of Biologically Available Strontium Isotope Ratios for the Study of Prehistoric Migration // *Archaeometry*. 2002. Vol. 44(1). P. 117–136. <https://doi.org/10.1111/1475-4754.00047>

Сведения об авторах

Светлана Владимировна Шарапова, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, Российская Федерация, г. Екатеринбург. E-mail: svetlanasharapova01@mail.ru

Максим Александрович Грачев, заведующий музеем археологии и этнографии Омского государственного педагогического университета, Российская Федерация, г. Омск. E-mail: grachevma@archeonow.ru

Марина Кареновна Карапетян, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник НИИ и Музея антропологии им. Д.Н. Анучина МГУ им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, г. Москва. E-mail: marishkakar@hotmail.com

Дарья Владимировна Киселева, кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Института геологии и геохимии УрО РАН, Российская Федерация, г. Екатеринбург. E-mail: kiseleva@igg.uran.ru

Татьяна Геннадьевна Окунева, младший научный сотрудник Института геологии и геохимии УрО РАН, Российская Федерация, г. Екатеринбург. E-mail: okunevatatjana@mail.ru

Алла Александровна Перевозчикова, старший специалист НИИ и Музея антропологии им. Д.Н. Анучина МГУ им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, г. Москва. E-mail: allarevik@gmail.com

Анна Дмитриевна Рыбакова, инженер-исследователь Института геологии и геохимии УрО РАН, Российская Федерация, г. Екатеринбург. E-mail: rubakova170@gmail.com

Евгений Сергеевич Шагалов, кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Института геологии и геохимии УрО РАН; доцент Уральского государственного горного университета, Российская Федерация, г. Екатеринбург. E-mail: shagalov@igg.uran.ru

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СТЕПНОГО И ЛЕСОСТЕПНОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В СЕР. I ТЫС. ДО Н.Э. ПО ДАННЫМ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ

А.Х. Чиркова

НИИ и Музей антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

Аннотация. Исследование посвящено сравнительному анализу краниологических серий ранних кочевников Южного Урала VII–IV вв. до н.э. и Ново-Сасыкульского могильника пьяноборской культуры I–II/III вв. н.э. по дискретно-варьирующим признакам черепа с целью рассмотрения вопроса о вероятной генетической связи между этими группами.

Ключевые слова: Южный Урал, ранний железный век, савроматский период, пьяноборская культура, палеоантропология, краниофенетика

Цитирование. Чиркова А.Х. К вопросу о взаимодействии степного и лесостепного населения Волго-Уральского региона в сер. I тыс. до н.э. по данным палеоантропологии // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничного. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 80–83.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-68-00011 «Tempora incognita в истории Волго-Уральского региона: культурно-исторические, антропологические палеоэкологические предпосылки и последствия смены эпох и культур на рубеже поздней бронзы – в начале раннего железного века», <https://rscf.ru/project/25-68-00011/>

Культурно-исторические процессы, происходящие в среде южноуральских кочевых племен, были тесно связаны с развитием культур кочевников на западе и востоке степного пояса Евразии. Ранние кочевники взаимодействовали с другими родственными кочевыми объединениями из сопредельных территорий, а также с оседлым населением земледельческих центров Средней Азии на юге и представителями лесостепных культур на севере (Таиров, 2019).

В настоящей работе рассматривается небольшой сюжет, затрагивающий вопросы взаимодействия южноуральских кочевников с населением лесостепных культур. Свидетельства о связях ранних кочевников Южного Урала с лесостепным населением фиксируются как по данным археологии, так и по палеоантропологическим материалам.

По данным археологии, ранние кочевники и лесостепное население Южного Урала представляло собой единую Южно-Уральскую культурно-историческую область, сформировавшуюся на основе специфических ландшафтных характеристик региона под мощным кочевническим воздействием (Савельев, Яблонский, 2014, с. 478).

Говоря о лесостепи Южного Приуралья, необходимо отметить, что если в первой половине – середине I тыс. до н.э. она являлась далекой юго-восточной периферией оседлого мира Волго-Камья с незначительным воздействием кочевого мира, то во второй половине – конце I тыс. до н.э. высокий уровень интеграции кочевников и оседлого населения стимулировал формирование нового и очень яркого культурного образования – кара-абызской культуры (Савельев, Яблонский, 2014, с. 502).

Что касается ранних кочевников Южного Зауралья, то основной вектор их интересов был направлен на север – в лесостепное Зауралье, прежде всего в ареал формирующейся иткульской культуры. Вероятно, уже в VI в. до н.э. племена иткульской культуры попали в определенную, скорее всего, данническую зависимость от кочевников. Таким образом, лесостепные и степные племена Южного Зауралья, вероятно, явились теми звеньями, которые соединили ананьинский мир Волго-Камья с сакским миром степной Евразии (Таиров, 2019, с. 136).

Рассмотрим вкратце вопрос влияния ранних кочевников на формирование населения лесостепных культур по палеоантропологическим материалам.

По данным краниометрии Р.М. Юсуповым допускалось, что ранние кочевники могли принимать участие в формировании кара-абызского населения (Юсупов, 1991). Об этом кратко упоминала и С.Г. Ефимова (Ефимова, 2002). Она также отмечала, что в последние века I тыс. до н.э. – первые века н.э. население Нижнего Прикамья и правобережья Белой имело близкий антропологический облик, а заметного влияния пришлых сарматских и гафурийских групп на краниологические характеристики кара-абызского населения выявлено не было (Ефимова, 1981, с. 72).

Результаты проведенного Н.А. Лейбовой анализа одонтологического материала демонстрируют широкие связи населения кара-абызской культуры, в число которых входили и ранние кочевники Южного Приуралья (Лейбова, 2021, с. 119).

Влияние кочевников на формирование лесостепного населения по краниологическим данным изучалось А.Н.Багашевым. По результатам краниометрического исследования им были выявлены ближайшие генетические связи населения гороховской и саргатской культур с сарматскими и савроматскими популяциями (Багашев, 1996, с. 27; Багашев, Слепцова, 2024, с. 313).

По данным одонтологии А.В.Слепцовой также было выявлено сходство между населением саргатской и гороховской культур с ранними кочевниками Южного Урала (Слепцова, 2020, с. 149–151; Багашев, Слепцова, 2024, с. 320).

Основной причиной, побудившей автора обратиться к данной теме, стал полученный результат межгруппового краниофенетического исследования, проведенный путем применения анализа соответствий (Correspondence analysis) в другом своем исследовании, по итогам которого наиболее близкой к краниологической серии ранних кочевников Южного Урала VII–IV вв. до н.э. оказалась выборка черепов из Ново-Сасыкульского могильника пьяноборской культуры I–II/III вв. н.э. (Чиркова, 2026).

Такие популяционно-генетические системы, как краниологические и одонтологические фены, а также дискретно-варьирующие признаки (ДВП) посткраниального скелета позволяют говорить не только о сходстве, но и о родстве исследуемых популяций (Мовсесян, 2005, с. 7). Возможно, что выявленное по результатам анализа ДВП черепа близкое расположение ранних кочевников Южного Урала с населением пьяноборской культуры может свидетельствовать о наличии у них единой генетической основы (Чиркова, 2026, в печати).

До недавнего времени палеоантропологическое изучение ранних кочевников Южного Урала проводилось лишь по данным измерительных признаков, по которым южноуральские кочевники имели значительные отличия от населения пьяноборской культуры, что не позволяло говорить о возможном родстве между этими группами (Акимова, 1968; Ефимова, 1981, с. 72). Но в отличие от измерительных признаков распределение ДВП не подвержено эпохальной изменчивости и поэтому могут с наибольшей степенью достоверности выявлять генетические связи даже между сильно отличающимися, на первый взгляд, популяциями (Мовсесян, 2010, с. 44).

В этой связи возникает вопрос: могла ли действительно существовать генетическая связь между рассматриваемыми популяциями, как это было показано корреспондентским анализом, или же это случайное совпадение, обусловленное недостатком краниофенетических данных по лесостепному населению, которых не хватает для проведения более исчерпывающего сравнительного анализа. Известно, что результаты анализа могут зависеть и от выбранного статистического метода, и от иссле-

дуемого набора краниофенетических признаков, изменение которого существенным образом влияет на взаимное расположение сопоставляемых серий (Куфтерин, 2019, с. 69).

Работа посвящена сравнительному анализу краниологических серий ранних кочевников Южного Урала VII–IV вв. до н.э. и Ново-Сасыкульского могильника пьяноборской культуры I–II/III вв. н.э. по ДВП черепа с целью рассмотрения вопроса о вероятной генетической связи между этими группами.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужила сборная краниологическая серия (N=59) из следующих могильников Южного Урала VII–IV вв. до н.э.: Аландский III, Бис-Оба, Близнецы, Буруктал, Варненский, Гумбейский, Елантау, Кичигино I, у с. Наваринка, у хут. Барышников, у с. Липовка, Любимовка, Мечет-Сай, Малый Климовский курган, Кумкуль II, Солнце-Талика, Николаевка II, Новый Кумак, Пятимары, Тара-Бутак и Увак. Черепа были исследованы автором статьи в фондах Научно-исследовательского института (НИИ) и Музея антропологии МГУ и Научно-образовательного центра (НОЦ) евразийских исследований ЮУрГУ. В работе использовались следующие коллекции из хранения НИИ и Музея антропологии МГУ: КО 3/10, 16–21, 23; КО 241/1–9, 12–14, 16, 19; КО 233/4, а также инв. №№ 8364, 10283–10285, 10287, 10560, 10565, 10567, 10569, 10570, 11109, 11645, 11649, 11650, 11654, 11657, 11669–11671

Краниологическая серия из Южного Урала сравнивается с выборкой черепов (N=98) из Ново-Сасыкульского могильника пьяноборской культуры I–II/III вв. н.э. (Бакалинский район Башкортостана), которая была исследована В.В.Куфтериным (Куфтерин, 2018).

Исследование совершено по краниофенетической программе, принятой московской школой антропологов (Мовсесян, 2005). Проведен сравнительный анализ двух групп по 21 ДВП черепа. Эмпирический этап анализа заключался в подсчете частот каждого признака, а статистический – в применении коэффициента сопряженности (χ^2) для оценки достоверности расхождений между двумя рассматриваемыми выборками черепов.

Результаты и обсуждение

В результате сравнения краниофенетических частот выявлено, что краниологические серии ранних кочевников Южного Урала и Ново-Сасыкульского могильника имеют достоверные отличия лишь по шести признакам из 21, представленными: надглазничными отверстиями, блоковой остью, зародышевыми швами, вставочными костями заднего родничка, шовными косточками в лямбдовидном шве и разделением подъязычного канала перемычкой.

Таблица 1. Частоты дискретно-варьирующих признаков черепа в группах ранних кочевников VII–IV вв. до н.э. и из Ново-Сасыкульского могильника и значение критерия χ^2

№	Признак	Ранние кочевники Южного Урала (сборная серия)			Ново-Сасыкульский могильник (по: Куфтерин, 2018)			χ^2
		N=59			N=98			
		N	n	p	N	n	p	
1	<i>Sutura frontalis (metopica)</i>	53	2	0,038	98	7	0,071	p= ,4039
2	<i>Foramen supraorbitale</i>	52	21	0,404	98	58	0,592	p= ,0282
3	<i>Foramen frontale</i>	53	5	0,094	98	13	0,133	p= ,4880
4	<i>Spina trochlearis</i>	50	1	0,020	98	12	0,122	p= ,0402
5	<i>Foramen infraorbitale accessorium</i>	33	5	0,152	95	25	0,263	p= ,3472
6	<i>Os zygomaticum bipartitum (следы)</i>	25	3	0,120	97	9	0,093	p= ,1321
7	<i>Foramen parietale</i>	45	24	0,533	97	61	0,629	p= ,1189
8	<i>Stenocrotaphia</i>	26	1	0,038	97	15	0,155	p= ,1179
9	<i>Os epiptericum</i>	24	3	0,125	97	22	0,227	p= ,2701
10	<i>Foramen tympanicum</i>	39	2	0,051	97	9	0,093	p= ,4221
11	<i>Os postsquamosum</i>	25	5	0,200	96	26	0,271	p= ,4699
12	<i>Os Incae</i>	41	1	0,024	96	3	0,031	p= ,8271
13	<i>Os triquetrum</i>	46	1	0,022	96	2	0,021	p= ,9720
14	<i>Sutura mendosa (следы)</i>	34	13	0,382	96	11	0,115	p= ,0005
15	<i>Os apicis lambdae</i>	41	3	0,073	92	32	0,348	p= ,0009
16	<i>Ossa Wormii suturae lambdoideae</i>	26	13	0,500	90	70	0,778	p= ,0057
17	<i>Os asterii</i>	23	3	0,130	95	22	0,232	p= ,2868
18	<i>Ossa Wormii suturae occipito-mastoi- deae</i>	17	4	0,235	93	13	0,139	p= ,3165
19	<i>Canalis condylaris</i>	22	16	0,727	90	69	0,767	p= ,6986
20	<i>Canalis hypoglossalis bipartitum</i>	31	1	0,032	94	16	0,170	p= ,0520
21	<i>Tuberculum praecondylare</i>	31	1	0,032	93	9	0,097	p= ,2533

(при $p > 0,05$ — не значимо; $p < 0,05$ — значимо; $p < 0,01$ — очень значимо; $p < 0,001$ — максимально значимо)

Таким образом, краниологические серии ранних кочевников Южного Урала и Ново-Сасыкульского могильника достоверно различаются почти по трети от всех рассматриваемых краниофенетических признаков. По большинству ДВП черепа эти две серии не имеют статистически значимых расхождений. Конечно, это не является прямым доказательством генетической близости двух рассматриваемых групп, но и отрицать такую вероятность нельзя. По крайней мере, не приходится говорить о прямой связи между этими сериями, которые не только сильно отличаются по краниометрическим признакам, но также разделены относительно большим временным промежутком.

Считается, что пьяноборская культура сформировалась на основе ананьинской культуры, которая, в свою очередь, начинала складываться в Волго-Камье на рубеже VIII–VI вв. до н.э. (Акимов, 1968, с. 30; Ефимова, 1981, с. 64). По данным археологии фиксируются связи ранних кочевников Южного Урала с ананьинской культурой, при этом если с конца VIII по конец VI в. до н.э. отношения

между ними не были глубокими, то уже в VI–IV вв. до н.э. эта связь становится более интенсивной (Таиров, 2019, с. 130–131; Савельев, Яблонский, 2014, с. 484). Также отмечается, что постоянные связи с населением Среднего и Южного Урала имели для «ананьинцев» VIII–VI вв. до н.э. узловое значение, так как скорее всего отсюда поступал основной поток цветного металла в Волго-Камье (Таиров, 2019, с. 132). Отсюда можно предположить о наличии более тесных контактов кочевого населения с населением ананьинской культуры, которые могли отразиться на последующем формировании населения пьяноборской культуры.

В отличие от данных археологии, по палеоантропологическим материалам складывается совершенно другая картина. Согласно М.С. Акимовой, между населением пьяноборской и предшествующей ананьинской культурой по данным краниологии отсутствовала прямая генетическая связь. Точку зрения М.С. Акимовой поддерживали С.Г. Ефимова (Ефимова, 1991, с. 16) и В.В. Куфтерин, который позднее на материалах анализа чере-

пов из Ново-Сасыкульского могильника по краниометрической программе подтвердил, что пьяноборское население правомерно рассматривать как потомков племен, живших в Прикамье задолго до формирования ананьинской культуры, а позже вошедших в состав носителей последней (Акимова, 1968, с. 35; Куфтерин, 2020, с. 94).

В связи с этими данными рассуждать о генетической связи ранних кочевников VII–IV вв. до н.э. с населением пьяноборской культуры через ранние контакты с ананьинским населением, видимо, не приходится.

Заключение

Итак, ранее по результатам предварительного краниофенетического анализа было выявлено сближение краниологической серии ранних кочевников Южного Урала VII–IV вв. до н.э. с выборкой черепов из Ново-Сасыкульского могильника I–II/

III вв. н.э. (пьяноборская культура). Дополнительно проведенный сравнительный анализ этих серий в настоящем исследовании выявил статистически достоверные отличия групп по трети рассматриваемых ДВП черепа. На данном этапе поставленный вопрос о вероятной генетической связи между рассматриваемыми популяциями остается открытым.

Таким образом, если и можно говорить о близких контактах ранних кочевников с лесостепным населением в середине I тыс. до н.э., то, вероятно, только с племенами, населявшими регион Волго-Камья еще до формирования ананьинской культуры.

Конечно, данное заключение имеет предположительный характер, и это следует учитывать. В дальнейшем рассматриваемая тема нуждается в комплексном палеоантропологическом исследовании с упором на изучение палеофенетических систем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука, 1968. 119 с.
- Багашев А.Н. Материалы по краниологии населения гороховской культуры // Тюменский исторический сборник: материалы науч. конф., посвящ. 50-летию исторического факультета Тюменского госуниверситета. Тюмень: ТюмГУ, 1996. С. 20–28.
- Багашев А.Н., Слепцова А.В. Данные краниологии и одонтологии к проблеме формирования населения гороховской археологической культуры эпохи раннего железа // Уфимский археологический вестник. 2024. Т. 24. № 2. С. 312–332. <https://doi.org/10.31833/uav/2024.24.2.018>
- Ефимова С.Г. К краниологии раннего железного века Волго-Камья // Вопросы антропологии. 1981. № 67. С. 64–73.
- Ефимова С.Г. Население Восточной Европы в эпоху железа и позднеримское время // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М.: Научный мир, 2002. С. 279–306.
- Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: МГУ, 1991. 95 с.
- Куфтерин В.В. К вопросу об участии населения пьяноборской культуры в формировании народов Волго-Камья: дискретные признаки на черепах из Ново-Сасыкульского могильника // Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур: сб. матер. Междунар. науч. симп. (г. Уфа, 6–7 декабря 2018 г.). Уфа: Мир печати, 2018. С. 98–109.
- Куфтерин В.В. Краниоскопия населения Гонур-депе: новые данные // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2019. № 2. С. 61–71. <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2019.2.061-071>
- Куфтерин В.В. Краниология Ново-Сасыкульского могильника // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2020. Вып. 1 (48). С. 82–96. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2020-1-82-96>
- Лейбова Н.А. Население кара-абызской культуры Южного Приуралья по данным одонтологии // Уфимский археологический вестник. 2021. Т. 21. № 1. С. 118–127. <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.1.011>
- Мовсесян А.А. Фенетический анализ в палеоантропологии. М.: Университетская книга, 2005. 272 с.
- Мовсесян А.А. Поздние скифы и сарматы в свете данных палеофенетики // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2010. № 4. С. 43–48.
- Савельев Н.С., Яблонский Л.Т. Степь и лесостепь на начальном этапе раннесарматской культуры Южного Урала // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. Казань: ИА АН РТ, 2014. С. 478–515.
- Слепцова А.В. Происхождение и хронологическая динамика состава населения саргатской культуры эпохи раннего железного века Западной Сибири по одонтологическим данным // Camera praehistorica. 2020. № 1 (4). С. 139–155.
- Таиров А.Д. Южный Урал в эпоху ранних кочевников / История Южного Урала: в 8 т. Т. 3. Челябинск: ЮУрГУ, 2019. 400 с.
- Чиркова А.Х. Ранние кочевники Южного Урала VII–IV вв. до н.э. по данным краниофенетики: предварительные результаты // Археология Казахстана. 2026, № 2 (32). (В печати)
- Юсупов Р.М. Историческая антропология Южного Урала и формирование расового типа башкир. Уфа: Китап, 1991. 35 с.

Сведения об авторе

Алина Харисовна Чиркова, кандидат исторических наук, научный сотрудник, НИИ и Музей антропологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, г. Москва. E-mail: chirkovaah@my.msu.ru

ОТРАЖЕНИЕ И ОТОБРАЖЕНИЕ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ
В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУРАХ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

В.А. Иванов

Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, Уфа, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу отражения эпохи Великого переселения народов (ВПН) в археологических культурах и типах археологических памятников Урало-Поволжья и отображения этого явления в трудах современных исследователей региона. Морфологические признаки, хронология и география распространения археологических культур и типов памятников показывают, что археологический материал отражает эпоху ВПН как мозаику различных этнокультурных образований, существовавших на территории региона одновременно. Но и отображение этого материала археологами – это тоже мозаика интерпретаций, главным образом этнокультурных. Отсутствие единой методологии познания и понимания археологических источников и общепринятой методики их анализа привело к самоизоляции археологических коллективов и отдельных авторов в их выводах и историко-археологических реконструкциях. Это фактически лишает труды современных авторов их просветительского и образовательного потенциала для широкой аудитории.

Ключевые слова: Великое переселение народов, отражение, отображение, археологическая культура, археологический тип, хронология

Цитирование. Иванов В.А. Отражение и отображение эпохи Великого переселения народов в археологических культурах Урало-Поволжья // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х.Пшеничникова. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 84–91.

В археологии Урало-Поволжья найдется немного тем, в разработке которых, в той или иной степени, приняли участие если не абсолютное большинство, то, во всяком случае, значительное число современных исследователей¹. Эпоха Великого переселения народов (ВПН), общепризнанной датой которой являются IV–VII вв. н.э. (Большая Российская...), – одна из них.

Если задаться целью изложить историографию изучения эпохи ВПН в регионе, то только за период с начала 2000-х гг. мы можем назвать более двух десятков работ, в которых с той или иной степенью широты охвата темы излагаются взгляды исследователей на археологическое *отражение* этой эпохи в регионе и предлагаются варианты её *отображения* во взглядах исследователей.

Поскольку я не ставлю своей задачей дать развернутую историографию темы², ограничусь только списком работ в хронологическом порядке, начиная с 2000-х гг., в названии или контексте которых присутствует эпоха ВПН (Матвеева, 2004; Сунгатов и др., 2004; Зубов, Михеев, 2006; Любчанский, 2006; 2015; Овсянников, 2006; Голдина, 2006; Расторопов, 2009; Шмуратко, 2009; Боталов, 2008, с. 171–253; 2013; 2016; 2019; Сунгатов, 2020; Богачев, Зубов, 2012; Мажитов, 2012; Иванов, 2017; 2020; Археология..., 2022).

Археологическим *отражением* эпохи ВПН в Урало-Поволжье является появление в регионе новых археологических культур и типов археоло-

гических памятников, не имеющих генетической связи с культурами и памятниками эпохи раннего железного века – рубежа эр.

Несмотря на мое желание показать отражение и отображение рассматриваемой эпохи в отдельных контекстах, выдержать этого принципа не удастся, поскольку уже на начальном этапе описания археологических культур между исследователями нет единства. Наглядный тому пример – бахмутинская культура, памятники которой в первой половине I тыс. н.э. представлены на большей части Южного Предуралья в Камско-Бельско-Уфимском междуречье. На карто-схеме, составленной и опубликованной А.Г.Колонских, эту территорию занимали носители *бахмутинской культуры*, восточной границей расселения которых выступает бассейн нижнего течения р. Уфа, западной – левобережья приустьевой части низовьев р. Белая и два городища на правом берегу р. Кама – Чеганда I и Момылевское; южная граница – памятники т.н. «Уфимского полуострова»; северная – бассейн р. Буй (Колонских, 2022, с. 337, рис. 1).

Однако в изложении Т.И. Останиной в указанное время на этой же³ территории обитали носители *мазунинской культуры*, территория которой «занимает примерно 1/3 часть современной Удмуртии и Башкортостана, а также северо-восточные района Татарстана и юго-западную окраину Пермского края» (Останина, 2022, с. 129–133, рис. 1–4).

¹ Включая и автора этих строк.

² Хотя в дальнейшем изложении она все равно будет присутствовать.

³ Даже большей по площади.

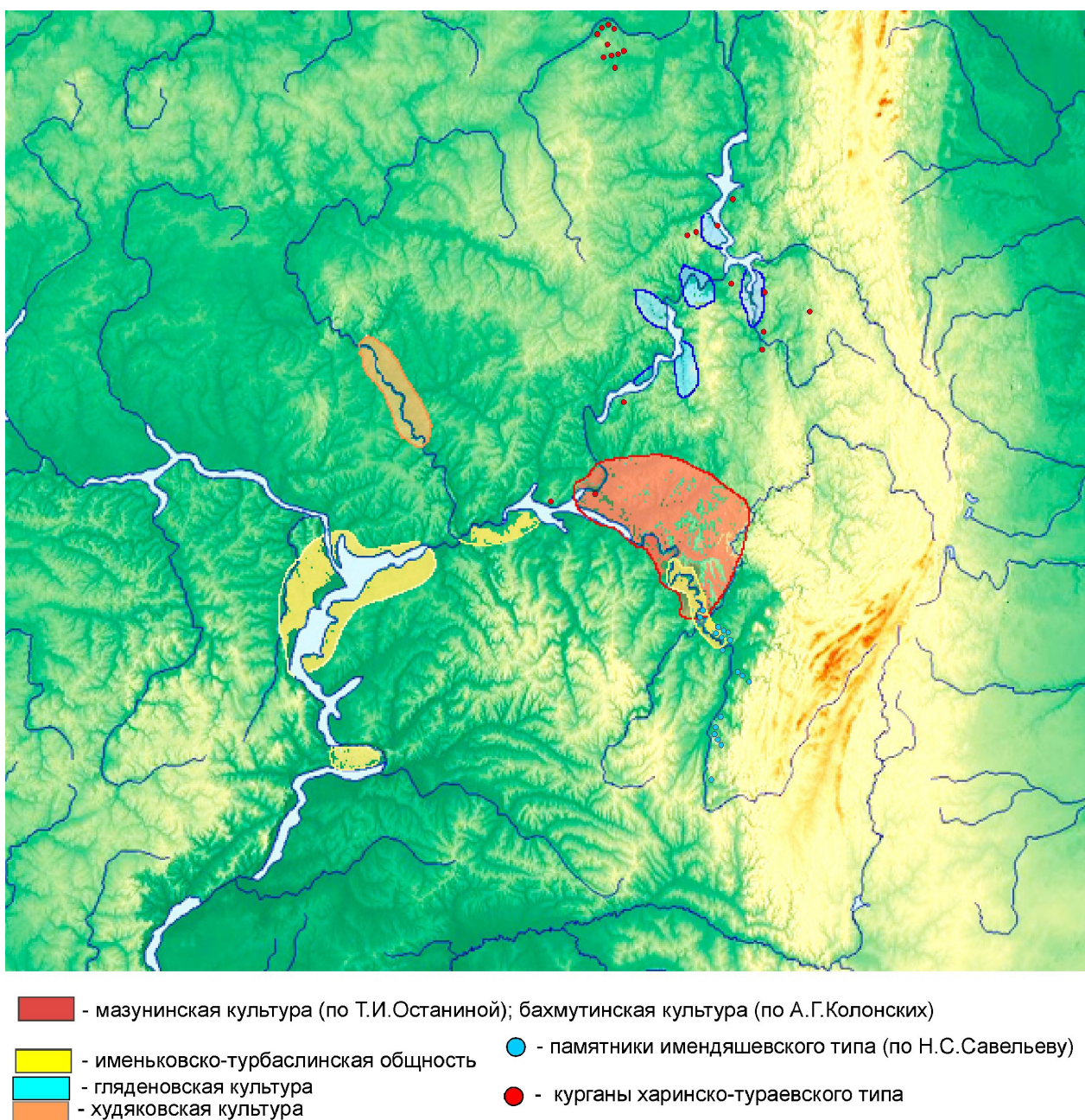

Рис. 1. Карта-схема археологических культур и типов эпохи Великого переселения народов в Урало-Поволжье

Таким образом, заинтересованный читатель/исследователь волен выбирать, какая из названных археологических культур (и кто из названных исследователей) ему более импонируют, и в своих изысканиях оперировать либо той, либо другой культурой. На практике же это будет означать (и означает), что знакомящиеся с основами археологии студенты удмуртских вузов изучают мазунинскую археологическую культуру, тогда как студенты башкирских вузов – бахмутинскую.

Севернее огромную территорию занимают памятники гляденовской культуры, ареал которой «включает территорию от устья р. Шаквы на юге до бассейна р. Косьвы на севере. С северо-востока на юго-запад эта область пересекается р. Камой. На западе ареал гляденовской культуры ограничи-

вается водоразделом рек камского бассейна, верховья которых выходят к верховьям рек бассейна р. Вятки. С юга ограничивается водоразделом между бассейном р. Тулвы, притоки которой выходят к верховьям южного притока р. Камы – р. Буй и к рекам бассейна р. Белой» (Перескоков, 2022, с. 84, рис. 1; 87; 88).

Западнее в среднем и нижнем течении р. Вятка выделяется территория худяковской археологической культуры (Лещинская, 2022, с. 208, рис. 1).

В лесо-лесостепном пограничье Урало-Волжского региона располагаются памятники именковской культуры, ареал распространения которой «охватывает Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье, от среднего течения р. Суры на западе до р. Белой на востоке и от Самарской Луки на юге до

нижнего течения р. Мёши на севере» (Сташенков, Вязов, 2022, с. 367).

В среднем течении р. Белой, от современного г. Бирска до устья р. Сим, компактно расположены памятники турбаслинской культуры, составляющей как бы локальный вариант культуры именьковской⁴ (Иванов, 2022, с. 345).

Наконец, как щепоть соли, щедро рассыпанная по поверхности каравая, на территории региона широко представлены памятники, общее название которых может звучать как «харинские/харинская культура», «харинско-тураевские», «старо-муштинские». Они выявлены на огромной территории от рр. Вычегда и Сылва на севере (Шойнаятский, Юванаятский, Борганьельский, Вомынъягский курганные могильники) до низовьев Белой и Камы на юге (Старо-Муштинский, Тураевский курганно-грунтовые могильники) и от Верхней Камы на западе до среднего течения р. Сылва на востоке (Чазевский, Пеклыбский, Митинский, Агафоновский, Харинский, Бродовский курганные могильники).

В предгорьях Южного Урала, по левобережью среднего течения р. Белой, в рассматриваемое время формируются памятники именьковско-турбаслинского типа (Савельев, 2017, с. 19, рис. 1, 33).

Итак, эпоха ВПН на территории Урало-Поволжья (далее района устья р. Камы я не иду) – это мозаика археологических культур и типов (рис. 1).

Как эта мозаика *отображается* в понимании и интерпретации современных исследователей?

Начнем с хронологии. Дата мазунинской культуры (по Р.Д. Голдиной – поздняя стадия чегандинской культуры) традиционно и устойчиво определяется в пределах III–V вв. н.э. (Останина, 2022, с. 146–150).

Поскольку А.Г. Колонских в своей работе вопрос о хронологии бахмутинской культуры обошел, нам приходится довольствоваться тем, что верхнюю дату этой культуры исследователь увязывает с проникновением на территорию Уфимско-Бельского междуречья носителей кушнаренковской культуры в конце VI – VII вв. (вероятная причина угасания жизнедеятельности бахму-

тинских памятников). Вслед за В.Ф. Генингом и А.Н. Султановой А.Г. Колонских допускает сосуществование в регионе бахмутинцев, турбаслинцев, кушнаренковцев и караякуповцев до конца VIII в. (Колонских, 2022, с. 344).

Что касается нижней даты этой культуры, то здесь, вероятно, следует придерживаться времени не ранее начала V в.⁵, увязав её со временем появления в регионе памятников харинского и тураевско-старо-муштинского типов.

Дату позднего этапа гляденовской культуры М.Л. Перескоков обозначает началом III – первой четвертью V в. В связи с датировкой позднего гляденовского исследователя считает необходимым памятники типа Тураевских и Кудашевских курганов «рассматривать как особый культурно-хронологический горизонт⁶ со всеми присущими ему признаками, имеющий компактные хронологические рамки (третья четверть IV – начало V в.)» (Перескоков, 2022, с. 99).

Худяковскую культуру («вятские древности») Н.А. Лещинская датирует первой половиной I тыс. н.э. В контексте нашей темы нам наиболее интересна азелинская стадия середины III – V в. (Лещинская, 2022, с. 222).

Общая дата именьковской культуры определяется IV–VII вв., и в этот хронологический отрезок вписывается дата существования турбаслинской культуры – вторая половина V – рубеж VI–VII вв. (Сташенков, Вязов, 2022, с. 382; Иванов, 2022, с. 356).

Курганные могильники «харинской культуры» и тураевско-старо-муштинского типа датируются в основном по каждому конкретному могильнику. Ключевые, скажем так, могильники этой группы датируются: Тураевские курганы – четвертая четверть IV в. (Гавритухин, Красноперов, 2022, с. 186), ему почти синхронен курган №1 Кудашевского I могильника, датированный концом IV – первой половиной V в. (Казанцева, 2022, с. 195). Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник исследователи датировали III–IV вв. (Сунгатов и др., 2004, с. 83). Курганы могильника Чазево I по калиброванным радиоуглеродным датам отно-

Таблица 1. Графическое отображение хронологии археологических культур эпохи ВПН в Урало-Поволжье

Века:	III	IV	V	VI	VII
Мазунинская					
Бахмутинская					
Именьковская и турбаслинская					
Гляденовская					
Худяковская					
Харинская					
Имендзевский					

⁴ Почему я так считаю, об этом будет сказано ниже.

⁵ Как это было в свое время сделано В.Ф. Генингом (Генинг, 1972, с. 240, 263).

⁶ Курсив М.Л. Перескокова.

сятся к концу VI – VII в. (Мингалева, 2011, с. 56). Концом IV – концом VI в. также по результатам радиоуглеродного анализа датируется Митинский курганный могильник (Шмуратко, 2023, с. 124). В целом же памятники «харино-салиховского» кластера Д.В. Шмуратко датирует IV–VII вв. (Шмуратко, 2011, с. 13).

Датирование по C^{14} нижних горизонтов культурного слоя городища Уфа II, в которых залегает керамика имендьяшевского типа, позволяет отнести её ко второй половине III – первой половине IV в. (это её нижняя дата). Верхнюю дату керамики имендьяшевского типа Н.С. Савельев ограничивает началом – первой половиной V в. (Савельев, 2025, с. 197, 203).

Представленная графически в виде таблицы разработанная исследователями хронология перечисленных культур и культурных типов показывает, что в археологии и этнокультурной истории региона выделяется период, в котором они (вернее – их носители) должны были сосуществовать одновременно – это IV–V вв. (табл. 1).

Отображение этого периода в его историческом и этнополитическом контекстах очень сложно. С одной стороны, ещё «во II в. в Поволжье, а затем и в Подонье появляется новая волна ираноязычных кочевников, также вышедших из Средней Азии, положивших начало формированию позднесарматской культуры» (Скрипкин, 1990, с. 223). С другой, по мнению современных исследователей, позднесарматская культура как целостное явление так толком и не сложилась и на рубеже III/IV вв., если и присутствует, то только в Нижнем Поволжье (Малашев, Кривошеев, 2022, с. 36).

Отсюда следует логический вывод: если в современном представлении, опубликованном в фундаментальном академическом издании⁷, «позднесарматской культуры» на Урале не существовало, следовательно, все археологические культуры и типы памятников, генетически возводящиеся к поздним сарматам (Шмуратко, 2009), с ними *никак не связаны*.

В первую очередь это касается происхождения и этнокультурной принадлежности имендовской и турбаслинской археологических культур, которые давно уже связываются с поздними сарматами (Сунгатов, 1998, с. 108–110; Казаков, 2011, с. 18–19). Правда, в последнее время уфимские исследователи предлагают новое отображение турбаслинского генезиса. А именно через взаимодействие «турбаслинцев» (постпозднесарматов?)⁸ с имендьяшевским населением (Савельев и др., 2024, с. 218).

Но коль скоро генетические корни указанных культур сарматскими не являются⁹, возникает вопрос – где их искать? Объективно, ответ на него дает С.Г. Боталов, выделивший в степях Урало-Иртышского междуречья памятники *гунно-сарматского* этнокультурного (или этнополитического) объединения.

В отражении исследователя это было сложнейшее по своему составу и, соответственно, по своей археологической морфологии объединение. По мнению С.Г. Боталова, в него, кроме гунно-сарматов, входили приуральские финно-угорские (караабызско-имендьяшевские), зауральские угорские (кашинский и прыговский археологические типы) племена (Боталов, 2008, с. 252). В Урало-Поволжском регионе автор выделяет два гуннских этнокультурных ареала (ЭКА) – Волжско-Камский (именьковский) и Уфимско-Бельский (турбаслинский). Административно-политическим центром которого, естественно, являлось городище (протогород) Уфа II с прилегающими к нему могильниками позднегуннской (турбаслинской) кочевой аристократии (Боталов, 2019, с. 181–194).

Но на западе Восточной Европы в IV в. ещё процветала Готская держава Эрманариха/Германариха, «королевской культурой» которой являлась черняховская археологическая культура, восточные пределы которой достигали верховьев Северского Донца. А восточнее, уже в Среднем Поволжье, обитали племена, подвластные Эрманариху – меря, мордва, мешера и «роганстадзанс». Или в археологическом отражении – рязано-окские могильники, памятники селиксенского типа и памятники типа городища Лбище на Самарской Луке (Зиньковская, 2012, с. 10–11, рис. 3; 4).

В материале последних¹⁰ присутствуют западные элементы – зарубинецкие и черняховские, что, по мнению исследователей, свидетельствует о полиэтничности имендовской культуры, включавшей в себя «представителей ираноязычных, праславянских и финно-угорских народов (археологически прослежены параллели в материалах позднесарматской, бакальской, караякуповской, киевской, кушнаренковской, поздnezарубинецкой, пшеворской, турбаслинской и др. культур)» (Стащенко, 2022, с. 386).

Насколько Д.А. Стащенко «толерантен» в своем отображении имендовской культуры¹¹, настолько категорична в этом вопросе Р.Д. Голдина. В чем можно убедиться из её высказываний относительно этнической принадлежности носителей имендовской культуры и носителей археологических культур и типов, отражающих эпоху ВПН в Волго-Камье.

⁷ Следовательно – на долгие годы.

⁸ Знак вопроса поставлен авторами.

⁹ Вернее, в свете сказанного выше, не могут ими быть.

¹⁰ Включая и технологию изготовления керамических сосудов.

¹¹ А с учетом её территориальных масштабов – этнокультурной ситуации в Волго-Камье вообще.

По поводу именьковской культуры исследователь выступает как последовательный продолжатель концепции Г.И. Матвеевой о её славянской принадлежности: «именьковское население представляло собой **наиболее крупный массив древних славян** (выделено мной – *авт.*), который оказал большое влияние на пермян Приуралья» (Голдина, 2022, с. 121).

Этнокультурные процессы в регионе в IV в. Р.Д. Голдина отображает как отражение военных действий дружин короля Эрмана-риха (Германа-риха). В Волго-Камье эти действия в двух миграционных волнах: азелинской (предположительно германо-славянской) в третьей четверти IV в. и тураевско-кудашевской (славяне, они же ранние именьковцы) в четвертой четверти IV в. В обоих случаях, как считает автор, в составе пришельцев могли находиться носители черняховской культуры. Последние четко обозначены на материалах Тарасовского могильника (Голдина, 2022, с. 118). На составленной Р.Д. Голдиной карте-схеме памятников эпохи ВПН III–V вв. Волго-Уралья Тураевский, Старо-Муштинский, Кудашевский могильники выступают как маркеры предполагаемых маршрутов движения гото-славян в регионе (Голдина, 2022, с. 113, рис. 7).

В развернутом виде с привлечением широкого массива археологических источников концепцию гото-славянского (преимущественно славянского) присутствия в Приуралье в III–V вв. Р.Д. Голдина излагает в монографии, совсем недавно опубликованной (Голдина, 2025).

Взгляды Р.Д. Голдиной на течение и содержание этнокультурных процессов в Волго-Камском регионе самым непосредственным образом отражаются на интерпретации исторических судеб вятского (азелинского) и камского (позднеглаголеновского) населения, предлагаемых Н.А. Лещинской и М.Л. Перескоковым соответственно. И в том и в другом случае названные исследователи отмечают внедрение в IV в. в местную финно-пермскую и пермскую этническую среду пришлых с юго-запада и юга гото-славяно-позднесарматских военнизированных групп, изменивших материальную культуру и социальное устройство местного населения, но практически не затронувших его этнического состава (Перескоков, 2018, с. 119).

Из всей этой этнокультурной «круговерти» оказываются выпавшими памятники бахмутинской/мазунинской или (по хронологии) мазунинской/бахмутинской культуры. «Бахмутинцам» здесь «не везет» особенно. Для них до сих пор остаются неизвестными ни исходные корни, ни историческая судьба.

Если мазунинская культура, благодаря исследованиям Тарасовского могильника, сейчас однозначно трактуется как продолжение (мазу-

нинская стадия) чегандинской/пьяноборской культуры (Останина, 2022, с. 155; Голдина и др., 2022, с. 173), то относительно происхождения бахмутинской культуры никакой четкости во мнениях не наблюдается¹².

А.Н. Султанова в своей кандидатской диссертации, отмечая пьяноборско-каракумскую основу раннего Бирского могильника (этнокультурное единство), считает, что на рубеже IV–V вв. оно было нарушено «волнами пребывающего на Южный Урал населения» – бахмутинского, турбаслинского, кушнаренковского, караякуповского. На Бирском могильнике они представлены все, но под «бахмутинской доминантой» (?), поэтому «расчленять памятник между отдельными археологическими культурами (на бахмутинскую, турбаслинскую, кушнаренковскую, караякуповскую) **было бы большой ошибкой** (выделено мной – *авт.*)» (Султанова, 2000, с. 125–129).

Позже эту мысль приводит А.Г. Колонских – «население V–VIII вв., по мнению исследователя (А.Н. Султановой – *авт.*), представляет новое «бахмутинское» общество, появление которого связано с процессом смешения местного (раннебахмутинского) и пришлого (турбаслинского, кушнаренковского и караякуповского) при этнической доминанте первого» (Колонских, 2022, с. 336).

Сейчас подобное заключение выглядит неактуальным, поскольку Бирский могильник – единственный в Предуралье памятник, эмпирическая база которого позволяет выстроить культурно-хронологическую схему взаимодействия и преемственности (если таковая имеется) археологических культур I тыс. н.э., чего до сих пор не сделано.

А.Н. Султанова в своем диссертационном исследовании использовала материалы 705 погребений, обнаруженных на Бирском могильнике в течение двенадцати лет начиная с 1958–1962 гг. и до 1990–1991 гг. По данным Р.Р. Руслановой и Е.В. Русланова, к 2022 г. на могильнике было исследовано уже 713 погребений (Русланова, Русланов, 2022). Этого вполне достаточно для того, чтобы с высокими показателями результативности провести сравнительно-типологический анализ погребальных комплексов, в первую очередь, на предмет выяснения степени генетической связи бахмутинских и «раннебахмутинских» (мазунинских) погребений, чтобы, наконец, понять: это две культуры или этапы развития одной и той же?

Итак, какие же **выводы** вытекают из всего сказанного выше? Вопрос очень сложный, поскольку развернутый ответ на него затрагивает не только эмпирическую составляющую археологического познания, но и этическую сторону этого процесса.

С одной стороны, очевидно и бесспорно, что эпоха ВПН в Урало-Поволжье достаточно наглядно отражена в археологических культурах и типах

¹² Именно четкости, а не единообразия.

памятников III–V вв. Каждая из этих культур и каждый из этих типов стараниями многих исследователей получили чёткую морфологию, хронологию¹³ и вполне обоснованные границы своих ареалов.

Эти культуры представляли собой своеобразные «анклавы», разделенные незаселенными территориями, куда (так показывает карта-схема на рис. 1) и приходили «поздние сарматы или готославяне».

Но здесь сразу же обозначается ситуация, объективно очевидная, а субъективно непонятная, требующая специального теоретического осмысления и интерпретации. А именно – согласно имеющейся хронологии, практически все эти археологические культуры и типы существовали в регионе *одновременно*. И здесь встает вопрос, который современные исследователи старательно обходят – а каким образом это могло выглядеть в реальности? Каким образом и благодаря каким социально-психологическим механизмам могло существовать «бахмутинское общество» или именковская культура, состоявшие из индивидов, имевших заведомо различную этнокультурную принадлежность¹⁴ и сохранявших свою самобытность в течение всего времени своего существования в регионе¹⁵?

Какие психологические, социально-экономические, социально-политические или природно-климатические факторы могли повлиять на решение поздних сарматов седентаризироваться и перейти к земледелию, да ещё пашенному (именковская культура)¹⁶.

Какие внутренние механизмы, кроме желания и воли исследователя, обуславливали выделение и существование в Урало-Поволжье гуннских этнокультурных ареалов (да и вообще ЭКА как исторических явлений), с одной стороны, состоявших из гомогенных археологических культур, а с другой – образующих мощное политическое объединение? Что могло «цементировать» такое объединение изнутри? И может ли этот «цементирующий» фактор быть отражен в археологическом материале?

И в чем, по мнению С.Г. Боталова, заключается несостоятельность мнений тех исследователей, которые задолго до выхода его монографии 2019 г. показали всю мифологичность «Уфимского протгородского центра»?

Почему «готославянские дружины» короля Эрманариха/Германариха, создавшие крупное

этнокультурное объединение – именковскую культуру (именковско-турбаслинскую общность – по Е.П. Казакову), в своих походах предпочитали «ломиться» вглубь Прикамской тайги, чтобы вскоре там раствориться в местной этнической среде и исчезнуть. Но при этом они игнорировали лесостепь Южного Предуралья, отдав её «на откуп» немногочисленным и слабо вооруженным «турбаслинцам», так и не смешавшимся с местным населением (Юсупов, 2002, с. 34)? Что отпугивало готославянских «рыцарей», вооруженных по новейшему слову тогдашней военной техники, от этой территории?

Наконец, зачем нужно в наших археологических изысканиях «изобретать велосипед», т.е. доказывать уже доказанное? В 2009 г. Д.В. Шмуратко на результатах сравнительно-статистического анализа уральских культур эпохи ВПН показал, что участие зауральских (саргатских) племен в культурогенезе прикамского населения не прослеживается (Шмуратко, 2009, с. 180; 2011). Но через девять лет М.Л. Перескоков со ссылкой только на своих коллег по Пермскому университету¹⁷ доказывает то же самое (Перескоков, 2018, с. 119).

Эти и другие подобные вопросы (точнее, отсутствие ответов на них) со всей очевидностью показывают, что, во-первых, современные археологи в своих исследованиях совершенно игнорируют научную историографию (создается впечатление, что принципиально)¹⁸.

Во-вторых, за первую четверть текущего столетия в Урало-Поволжье сложилась *гетерогенная* археология. Она обусловлена не наличием и соперничеством различных научных школ в достижении *объективного археологического знания*, а уровнем амбициозности лидеров и членов археологических коллективов, многочисленных в регионе.

В-третьих (и это если не главное, то существенно значимое), современное состояние *отображения* археологических материалов и ситуаций в трудах исследователей *значительно снижает* (если не полностью исключает) их просветительский и образовательный потенциал для широкой аудитории. Не будем лукавить, но в нашем регионе сейчас существуют уфимская (со своим внутренним членением), ижевская, пермская (тоже со своим внутренним членением), челябинская археологии. Это при том, что территория, источниковая база и исследовательские проблемы у нас общие.

¹³ Сейчас уже опирающуюся и на результаты радиоуглеродного датирования.

¹⁴ Следовательно, и говоривших на разных языках.

¹⁵ То есть, согласно демографической теории, гласящей, что смена поколений происходит каждые 25, максимум 30 лет, это 7–8 поколений.

¹⁶ Тем более, если поздних сарматов в регионе не было.

¹⁷ В библиографическом списке монографии М.Л. Перескокова работы Д.В. Шмуратко вообще отсутствуют.

¹⁸ По роду своей научной работы мне приходится иметь дело с большим количеством диссертационных исследований, в которых историография той или иной проблемы – обязательный компонент. Так что я «нахожусь в теме».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археология* Волго-Уралья. В 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов. Казань: АН РТ, 2022. 700 с.
- Богачев А.В., Зубов С.Э.* Племена Среднего Поволжья во второй половине I тысячелетия нашей эры // *История башкирского народа: в 7 т. Уфа.: Гилем, 2012. С. 84–98.*
- Большая Российская энциклопедия.* Электронный вариант. Режим доступа: <https://old.bigenc.ru/archeology/text/1905835>
- Боталов С.Г.* Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск: Рифей, 2008. 672 с.
- Боталов С.Г.* Этнокультурная ситуация в Урало-Казахстанских степях эпохи средневековья в свете новых археологических данных // *Этнические взаимодействия на Южном Урале.* Челябинск: Рифей, 2013. С. 201–207.
- Боталов С.Г.* Современное состояние исследований эпохи средневековья лесостепного Зауралья. Вопросы культурно-хронологической интерпретации // *Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза).* Челябинск: Рифей, 2016. С. 44–58. (Этногенез уральских народов)
- Боталов С.Г.* Эпоха Великого переселения народов и раннее Средневековье Южного Урала (II–VIII века) // *История Южного Урала: в 8 т. Т. 4.* Челябинск: ЮУрГУ, 2019. 384 с.
- Гавритухин И.О., Красноперов А.А.* Тураевский курганный могильник // *Археология* Волго-Уралья. В 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов. Казань: АН РТ, 2022. С. 175–192.
- Генинг В.Ф.* Южное Приуралье в III–VII вв. н.э. (проблема этноса и его происхождения) // *Проблемы археологии и древней истории угров.* М.: Наука, 1972. С. 221–295.
- Голдина Р.Д.* О моделях взаимодействия различных этносов эпохи Великого переселения народов в Прикамье // *Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов.* Ижевск: УдГУ, 2006. С. 281–304.
- Голдина Р.Д.* Общая характеристика культурных процессов в Среднем и Нижнем Прикамье (2-я пол. I–V вв.) // *Археология* Волго-Уралья. В 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов. Казань: АН РТ, 2022. С. 101–125.
- Голдина Р.Д.* Великое переселение народов в Приуралье (по материалам археологии). Ижевск: УдГУ, 2025. 192 с. (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 33)
- Голдина Р.Д., Бернц В.А., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М.* Тарасовский могильник – опорный памятник Среднего Прикамья // *Археология* Волго-Уралья. В 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов. Казань: АН РТ, 2022. С. 157–173.
- Зиньковская И.В.* К исторической географии Остроготского королевства Эрманариха // *Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология.* 2012. №1. С. 5–14.
- Зубов С.Э., Михеев А.В.* Этнокультурные процессы в Западном Поволжье на рубеже раннего железного века и раннего средневековья (проблемы хронологии и этнической атрибуции памятников писеральско-андреевского типа // *Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб.ст. к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка.* Уфа: Гилем, 2006. С. 205–225.
- Иванов В.А.* Южное Предуралье в эпоху Великого переселения народов – археолого-географический контекст // *Поволжская археология.* 2017. №4 (22). С. 8–23. <https://doi.org/10.24852/pa2017.4.22.8.23>
- Иванов В.А.* Миграции как механизм культурогенеза у населения Урала и Предуралья в эпоху Великого переселения народов // *Этнические взаимодействия на Южном Урале. Великое переселение народов: диалог культур: материалы VIII Междунар. науч. конф.* Челябинск: ГИМЮА, 2020. С. 58–65.
- Иванов В.А.* Турбаслинская культура // *Археология* Волго-Уралья. В 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов. Казань: АН РТ, 2022. С. 345–356.
- Казаков Е.П.* Этнокультурная ситуация IV–VII вв. н.э. в Среднем Поволжье // *Finno-Ugrica.* 2011. №12–13. С. 8–39.
- Казанцева О.А.* Кудашевский I курганно-грунтовой могильник // *Археология* Волго-Уралья. В 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов. Казань: АН РТ, 2022. С. 193–206.
- Колонских А.Г.* Бахмутинская культура // *Археология* Волго-Уралья. В 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов. Казань: АН РТ, 2022. С. 334–344.
- Лецинская Н.А.* Памятники III–V вв. бассейна р. Вятки // *Археология* Волго-Уралья. В 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов. Казань: АН РТ, 2022. С. 207–225.
- Любчанский И.Э.* Этнокультурная реконструкция происхождения носителей традиций турбаслинского керамического комплекса // *Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб.ст. к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка.* Уфа: Гилем, 2006. С. 227–234.
- Любчанский И.Э.* Историческая география этнополитических процессов на Южном Урале в эпоху Великого переселения народов // *Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всеросс. науч. конф.* Челябинск: ЧГКМ, 2015. С. 268–272.
- Мажитов Н.А.* Башкортостан в IV–VIII вв. // *История башкирского народа: в 7 т. Уфа.: Гилем, 2012. С. 123–146.*
- Малашев В.Ю., Кривошеев М.В.* Позднесарматские памятники Волго-Уралья // *Археология* Волго-Уралья. В 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов. Казань: АН РТ, 2022. С. 18–37.

- Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именковская культура. Самара: Самарский университет, 2004. 168 с.
- Мингалев В.В. Особенности внутрикурганной конструкции могильника Чазево I // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2011. Вып. VII. С. 52–68.
- Овсянников В.В. Этнокультурная ситуация в среднем Прибье в гунно-сарматский период (по материалам Шиповского грунтового могильника) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. Ижевск: УдГУ, 2006. С. 81–88.
- Останина Т.И. Мазунинская культура III–V вв. // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов. Казань: АН РТ, 2022. С. 126–156.
- Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь: ПГНИТ, 2018. 320 с.
- Перескоков М.Л. Среднее Прикамье в III–V вв. Поздний этап гляденовской культуры // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов. Казань: АН РТ, 2022. С. 83–100.
- Расторопов А.В. Вопросы этнокультурной истории населения именковской культуры // Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сб.ст. к 70-летию П.Н. Старостина. Казань: АН РТ, 2009. С. 139–142.
- Русланова Р.Р., Русланов Е.В. Бирский и Кушнаренковский могильники эпохи раннего средневековья в свете новых полевых исследований // Поволжская археология. 2022. № 2 (40). С. 42–55. <https://doi.org/10.24852/pa2022.2.40.42.55>
- Савельев Н.С. О происхождении убаларского культурного типа в лесостепи Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. 2017. Вып. 17. С. 18–38. <https://doi.org/10.31833/uav.2017.17.004>
- Савельев Н.С. Имендьяшевские древности лесостепи Южного Приуралья: культурная атрибуция, хозяйственная специфика, внешние связи // Поволжская археология. 2025. № 3 (53). С. 191–206. <https://doi.org/10.24852/pa2025.3.53.191.206>
- Савельев Н.С., Куфтерин В.В., Сулейманов Р.Р., Сатаев Р.М. Усадьба эпохи Великого переселения народов на поселении Акбердино-3 в лесостепи Южного Приуралья // Поволжская археология. 2024. № 3 (49). С. 202–221. <https://doi.org/10.24852/pa2024.3.49.202.221>
- Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблема хронологии и ее исторический аспект. Саратов: СарГУ, 1990. 223 с.
- Сташенков Д.А., Вязов Л.А. Именковская культура // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов. Казань: АН РТ, 2022. С. 364–386.
- Султанова А.Н. Бирский могильник: историко-археологическое исследование. Дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000. 225 с.
- Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V–VIII вв. н.э.). Уфа: Гилем, 1998. 169 с.
- Сунгатов Ф.А. Южный Урал в период Великого переселения народов // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Великое переселение народов: диалог культур: материалы VIII Междунар. науч. конф. Челябинск: ГИМЮА, 2020. С. 66–83.
- Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху Великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовой могильник). Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2004. 172 с.
- Шмуратко Д.В. Этнокультурная ситуация в Прикамье в эпоху Великого переселения народов // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2009. Вып. VI. С. 176–180.
- Шмуратко Д.В. Культурогенез харинского населения Верхнего Прикамья в эпоху Великого переселения народов (по данным статистического анализа) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 1 (216). История. Вып. 43. С. 10–16.
- Шмуратко Д.В. Радиоуглеродные даты курганного могильника эпохи Великого переселения народов у деревни Митино Пермского края // Вестник гуманитарного образования. 2023. № 1 (29). С. 118–128. <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.23.011>
- Юсупов Р.М. Антропологический состав башкир и его формирование // Башкиры: Этническая история и традиционная культура. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2002. С. 21–44.

Сведения об авторе

Владимир Александрович Иванов, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела археологических исследований, ИИЯЛ УФИЦ РАН, Российская Федерация, г. Уфа; старший научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Российская Федерация, г. Казань. E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

«МИГРАЦИЯ» ПРЕДМЕТОВ ИЗ ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА И ВОИНСКАЯ МИГРАЦИЯ В РАЙОНЫ ЗАПАДНОГО ПОВОЛЖЬЯ

С.Э. Зубов

Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королева, Самара, Россия

Аннотация. Памятники писеральско-андреевского типа в Западном Поволжье уже много десятилетий привлекают внимание исследователей раннего железного века Восточной Европы. Ни у кого из специалистов не вызывает сомнения миграционный характер населения, оставившего эти памятники, но до сих пор не утихают споры о возможных ареалах исхода пришельцев. В работе ведущим признаком для поиска исходных территорий мигрантов считается погребальная обрядность. Предполагается, что пришельцы-воины использовали в быту и погребальной обрядности изделия местных мастеров. Изделия из цветных металлов имеют свой неповторимый облик, однако при этом видится, что их формирование происходило под пьяноборским влиянием. Это, в частности, подтверждается импортами или копированием отдельных культурообразующих типов украшений и элементов поясной гарнитуры пьяноборской культуры. Делается вывод, что на территории лесостепного пояса в Западном Поволжье, в Окско-Сурско-Волжском междуречье на местной основе сложился особый тип памятников или сформировалась новая археологическая культура с восточным (пьяноборским) влиянием, на которую был наложен зауральский миграционный микс синкретичной воинской субкультуры.

Ключевые слова: Волго-Уралье, ранний железный век, пьяноборская культура, кара-абызская культура, писеральско-андреевский тип памятников, воинская миграция, воинская субкультура, аккультурация

Цитирование. Зубов С.Э. «Миграция» предметов из цветного металла и воинская миграция в районы Западного Поволжья // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничного. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 92–98.

Проблема расселения древних племен Волго-Уралья на заключительном этапе раннего железного века является одной из ключевых и принципиальных в археологии указанного региона и сопредельных территорий. Этническая и историко-культурная ситуация в регионе в разные периоды характеризуется различной динамикой расселения древних народов. Интерес к этой проблематике не случаен. В ряде моментов именно миграции оказывают влияние на формирование новой этнокультурной среды, которая фиксируется археологическими методами и зачастую способствует выделению новых археологических культур. А распространение определенных артефактов в древности за пределы их основного очага бытования может быть как результатом миграции, так и представлять собой импорт или культурное влияние.

В этом ключе особый интерес в научном сообществе вызывают погребальные памятники I–II вв. н.э., отразившие сложные этнокультурные процессы, происходившие в лесостепных районах Западного Поволжья в конце эпохи раннего железа. В научной литературе за ними закрепилось название памятников писеральско-андреевского типа (Халиков, 1987).

На момент введения в научный оборот этого термина А.Х. Халиковым ученые оперировали тремя исследованными памятниками погребального характера. В их число входили Писеральские курганы, раскопанные А.Х. Халиковым в 1958 г.

(Халиков, 1962), Андреевский и Староардатовский курганы, исследованные П.Д. Степановым в 1964 и 1967 гг. соответственно (Степанов, 1964; 1980; Гришаков, 2000). В 1991 г. отрядом Марийской археологической экспедиции раскопками кургана 1 были начаты исследования Климкинского курганного могильника (Архипов, Шадрин, 1995), закончившиеся в 2000 г. раскопками кургана 2 А.В. Михеевым (Зубов, Михеев, 2006; Михеев, 2009). Следует отметить, что А.В. Михеев относит Климкинский курганный могильник к типу курганно-грунтовых, отмечая наличие рядных грунтовых захоронений вне курганной насыпи (Михеев, 2009, с. 86). В 2010 г. С.Э. Зубовым и О.А. Радюшем были открыты новые памятники, вещевой инвентарь которых наиболее близок материалам Андреевского кургана – I и II Пильнинские грунтовые могильники на юге Нижегородской области (Зубов и др., 2011). В полевых сезонах 2021, 2023 и 2024 гг. на территории I Пильнинского грунтового могильника были проведены небольшие археологические работы на площади в общей сложности около 400 м² и выявлено 7 захоронений писеральско-андреевского типа I–II вв. н.э. Разведочными работами 2024 г. в Пильнинском районе Нижегородской области был выявлен еще один грунтовый могильник этого времени – Юморга I (Зубов и др., 2025, с. 31–32). Материалы изученного погребения с характерной керамикой и сюльгамой с миндалевидной рамкой позволяют уверенно отнести его к

числу писеральско-андреевских. Там же в 2025 г. поверхностными сборами местных жителей около с. Жданово был зафиксирован участок, на котором, по всей видимости, находится еще один могильник писеральско-андреевского времени.

Таким образом, на сегодняшний день известны семь погребальных памятников писеральско-андреевского типа (Писеральские курганы, Андреевский курган, Староардатовский курган, Климинские курганы, Пильнинские I и II грунтовые могильники, грунтовый могильник Юморга I)¹ и одно местонахождение, в принадлежности которого к погребальным объектам еще следует убедиться.

С самого начала исследований памятников писеральско-андреевского типа было высказано однозначное мнение о миграции пришлого населения (Степанов, 1980; Халиков, 1987). Позднее автором был введен новый термин для понимания процессов формирования памятников писеральско-андреевского типа – «воинский выплеск», подчеркивающий особый характер малой инвазивной миграции (Зубов, 2004).

Несмотря на более чем 60-летнюю историю изучения памятников писеральско-андреевского типа, вопрос об истоках населения, оставившего эти погребальные объекты, остается предметом острых дискуссий. Однозначно вопрос их генезиса связан со взаимодействием как местного, так и пришлого населения, в материальной культуре и погребальной обрядности которого специалисты усматривают различные этнокультурные компоненты. На сегодняшний день выделяются городецкий, пьяноборский, пшеворо-зарубинецкий, южно-сибирский, саргатский, сарматский, кара-абызский компоненты в сложении населения, оставившего памятники писеральско-андреевского типа (Гришаков, Зубов, 2009, с. 73, 92, табл. 4; Зубов и др., 2021, с. 392–393). Городецкий компонент усматривается как местный, а все остальные компоненты в разных сочетаниях видятся исследователями в пришлом населении, отражающими исходные территории миграционных когорт.

Критика усматриваемого исследователями пришлого сарматского компонента наиболее полно раскрыта в работах Г.И. Матвеевой (Матвеева, 2003) и С.Э. Зубова (Зубов, 1999; Гришаков, Зубов, 2009; Зубов, 2011). Пшеворо-зарубинецкий компонент выделяется по отдельным категориям вещей, не позволяющим, на наш взгляд, учитывать их при решении вопросов культурогенеза и соотносить эти материалы с исходными территориями миграций в Западное Поволжье. В.В. Ставицким была особо рассмотрена проблема «западного» компонента в культуре Андреевского кургана. Автором был проанализирован широкий

круг аналогий предметам Андреевского кургана, имеющим западное происхождение, связанных с военной активностью носителей писеральско-андреевских традиций (Ставицкий, 2013). При этом было отмечено наличие ряда близких параллелей как в инвентаре, так и в погребальной обрядности андреевского населения, в материалах Вязовского и Ново-Никольского могильников Верхнего Дона, связанных с местной «позднескифской» традицией. Однако, следует отметить, что указанные памятники являются более поздними по отношению к Андреевскому кургану, особенно в части грунтовых погребений (Медведев, 1990; 2018). В последнее время В.В. Ставицкий усматривает истоки населения, оставившего Андреевский курган, в древностях кара-абызской культуры (Ставицкий, 2017).

Новый пришлый компонент в культуре писеральско-андреевского типа памятников был предложен к рассмотрению А.Х. Халиковым, исходным центром распространения которого он считал районы Южного Зауралья и северо-западного Казахстана, где, по его мнению, «...встречается удивительное сочетание всех специфических черт погребального обряда андреевско-писеральского типа» (Халиков, 1987, с. 12–13). К сожалению, автором не были представлены свидетельства этого «удивительного сочетания». В итоге наряду с сарматскими и пьяноборскими чертами он выделил как ведущий южно-сибирский (тюркоязычный) компонент в формировании писеральско-андреевских древностей (Халиков, 1986, с. 75; 1987, с. 17). Эти откорректированные построения А.Х. Халикова вызвали, с одной стороны, возражения среди ряда исследователей (Матвеева, 1986, с. 160; Гришаков, 1990, с. 134–137), с другой – обрели опосредованную поддержку (Зубов, 1999, с. 46; Зубов, Михеев, 2006, с. 216–222, табл. 4). С.Э. Зубов и В.В. Гришаков предложили вести поиск аналогий в погребальной обрядности писеральско-андреевского населения среди западносибирских древностей, опираясь на материалы погребальной обрядности ранних захоронений Андреевского кургана и особенностей погребальных традиций ряда могил саргатской культуры, относящихся к рубежу эр (Гришаков, Зубов, 2009, с. 64–74). Оппонируя этой гипотезе, Н.С. Мясников и Д.Г. Бугров считают, что более перспективным направлением поиска является юго-западное («позднескифское») (Бугров, Мясников, 2018). Хотя некоторые аналогии, которыми эти исследователи подтверждают свою мысль, древнее материалов писеральско-андреевского круга как минимум на два-три столетия, другие – на столетие позже. Указанные авторы и сами отмечают хронологическое несоответствие памятников писеральско-андреевского типа с при-

¹ В настоящий перечень не включены Сергачский могильник «Кожина Слобода» (Гришаков, 2010) и Гороховецкий могильник, предварительный анализ которых вызывает сомнения в их принадлежности к памятникам писеральско-андреевского типа и требует отдельного, более внимательного рассмотрения.

веденными ими аналогиями, поскольку «...этому противоречит хронологический разрыв между финалом «скифоидных» культур на рубеже IV–III вв. до н.э. (на Среднем Дону – в начале III в. до н.э.) (Бугров, Мясников, 2018, с. 327). Ссылка же на позднеананьинский Чурачикский могильник (Бугров, Мясников, 2018, с. 327), функционирующий не позднее III в. до н.э., в пассаже о весьма давних традициях контактов «между населением Подонья и Среднего Посурья» применительно к материалам I–II вв. н.э. кажется весьма натянутой. Рассматриваемые авторами верхнедонские могильники II–III вв. н.э. (Бугров, Мясников, 2018, с. 327) приходится на время завершения функционирования или уже полного отсутствия памятников писеральско-андреевского типа.

Сложность выделения этнокультурного компонента пришлого населения видится еще и в том, что культура мигрантов в значительной мере могла потерять свой первоначальный облик. Это положение значительно осложняется, по мнению С.Э. Зубова, наличием особой воинской субкультуры, которая выработалась в процессе военных походов, при которой этнокультурные характеристики в материальной культуре носят размытый характер, и только погребальная обрядность в какой-то мере несет в себе заряд этнокультурной принадлежности (Зубов и др., 2021, с. 408).

Однако культурные изменения могут вызываться не только сменой населения, но и появлением культурных инноваций в результате прогрессивного развития, культурных влияний и активного взаимодействия, а также социальных катаклизмов. В таком случае следует выработать алгоритм разграничения культурных изменений, вызванных притоком нового населения в результате миграции, от культурных изменений, произошедших по другим причинам.

Во многих исследованиях, посвященных культурным и этническим взаимодействиям, рассматриваются вопросы аккультурации, заимствований, торговых обменов, войн и миграций. При этом подчеркивается, что археологический анализ этих взаимодействий сильно ограничен характером и возможностями археологических источников. В этом аспекте задачей исследования является выделение групп диагностирующих признаков, одни из которых отражают явления культуры, вызванные миграцией их носителей, а другие несут в себе следы передачи культуры посредством торговых обменов, обменов производственными и бытовыми традициями и в целом всех форм прямых и обратных культурных связей между индивидами или группами людей, сопровождающихся пространственной передачей явлений культуры (Арешян, 1989, с. 47). Именно в этом контексте был предложен критерий интерпортантности (Арешян, 1989, с. 51), использующийся в археологии для выделения групп археологических ти-

пов, отражающих передачу культуры посредством интерпортантной трансмиссии, представленной в большинстве случаев обменом культурными явлениями (торговый обмен, обмен производственными и бытовыми традициями) (Арешян, 1989, с. 47).

Наличие местных своеобразных вещей уже в ранних комплексах Андреевки, Староардатовая и Пильны говорит о том, что перед нами результат смешения пришлого и местного компонентов, когда пришельцы-завоеватели стали пользоваться местными изделиями путем изъятия у населения завоеванной территории или заказа на его изготовление. К производству изделий местным населением можно однозначно отнести изготовление керамической посуды, а в металлообработке – наконечников стрел, поскольку они имеют в значительной мере невосполнимый характер. Довольно многочисленные украшения костюма воинов-мигрантов из цветных металлов несут в себе особые традиции местного производства, известные по результатам раскопок поселенческих памятников и различных местонахождений, в том числе кладов (Мясников, 2017; Зубов и др., 2021, с. 407–408), усложненные характерными чертами, а иногда и полными аналогами из материалов пьяноборской культуры Западного Приуралья (Зубов, 2025, с. 114). Все это наводит на мысль о том, что пришельцы-воины использовали в быту и погребальной обрядности именно местные изделия. Следуя этому, можно сделать вывод, что на момент прихода мигрантов существовала иная, отличная от городецкой, культура или сильно трансформированная к этому времени.

Анализ вещевого материала из погребальных памятников писеральско-андреевского типа и поселенческих слоев I–II вв. н.э. позволяют говорить о своеобразной культурной традиции изготовления изделий из цветных металлов. Эти изделия по форме, креплению и манере оформления орнаментальных мотивов имеют близкий пьяноборским вещам облик. Особенно это касается оформления декора «веревочкой», орнамент в виде т.н. «прорезных треугольников» (на самом деле – напаянных ромбиков) и прочее. Очевидно, именно в связи с этой похожестью и выявлялся исследователями пьяноборский компонент в погребальных материалах писеральско-андреевских древностей. Довольно большое количество таких предметов из цветных металлов, имеющих некоторую близость с пьяноборской металлопластикой, известно из материалов городищ и селищ Чувашского Поволжья. Наибольшую сводку этих артефактов, происходящих из поселенческих материалов, мы видим в работах Н.С. Мясникова (Мясников, 2016; 2017).

В материалах Ягаткинского (Пичке-Сарче), Тиханкинского, Ящеринского Третьих Вурманкасы городищ, Конарского селища и ряда местонахождений были обнаружены своеобразные изделия из цветных металлов, характерные для материа-

лов погребальных памятников писеральско-андреевского типа. Эти находки имеют облик, близкий пьяноборским вещам, но в тоже время отличающийся от них.

К таковым можно отнести многочисленные подвески в виде утиных лапок, подвески-«псевдоцикады» – данный термин ввел Н.С. Мясников по аналогии с более поздними южными фибулами «цикадами» (Мясников, 2016, с. 67), подвески и нашивки в виде клыков медведя, в более ранней традиции получившие название «сапожковидных» или «сапожковых», различные круглые «умбоновидные» (конические в профиле) бляшки с поперечной планкой для крепления на тыльной стороне.

Для территории Окско-Сурско-Волжского междуречья характерны бронзовые пластинчатые ажурные бляхи-броши с тремя полусферическими выступами с правой и с левой стороны и двухрядной окантовкой полосами с ложношнуровым орнаментом. В центральной части рамки несколько горизонтальных рядов (от двух до шести) ромбиков, которые дают эффект «вырезанных противопоставленных треугольников». Эти ряды иногда разделены продольными валиками. Валик в одном случае также украшен ложноверевочным орнаментом. Пенснеобразные сюльгамы с миндалевидной рамкой также тяготеют к этой территории (Зубов, 2011, рис. 62). Довольно многочисленны круглые сюльгамы с округлой дужкой на рамке для прохождения иглы и пуговковидными выступами (от двух до пяти), хотя они распространены на значительной территории ландшафтных зон лесостепи и леса (преимущественно на южной окраине лесной зоны) с юго-запада от Окско-Донского водораздела на северо-восток до Средней Камы (Столяров, 2021, рис. 1).

Этот далеко не полный перечень категорий вещей можно расценивать как уже существовавшие в местной среде до прихода милитаризированных мигрантов и использованные ими.

При этом в нашем распоряжении имеются изделия из цветных металлов, которые имеют абсолютно лекальный характер с древностями Прикамья и являющимися культуурообразующими типами женских украшений пьяноборской культуры. К таковым следует отнести две поясные эполетообразные застежки из клада на Тиханкинском городище (Мясников, 2017, рис. 2, 13, 14) и Большаянгильдинского селища (Мясников, 2017, рис. 7, 12). Круглые застежки с неподвижным крючком происходят из материалов Конарского селища (Мясников, 2017, рис. 3, 4–6) и Янмурзинского клада (Мясников, 2017, рис. 7, 8). Наибольший интерес представляют материалы городища

Третьи Вурманкасы из раскопок Н.С. Мясникова², где представлены шесть бронзовых застежек с неподвижным крючком и семь плоских ажурных «прорезных» накладок-нашивок, форма и стилистика которых не вызывают сомнений в их пьяноборской принадлежности (см. аналогии: Агеев, 1992, табл. 1, 15; 3, 21–22; 9, 6, 25, 26, 33; 11, 28–30). Кроме этого, в указанной коллекции присутствует височная подвеска с литой конической трубицей, а также фрагментированная пенснеобразная застежка-сюльгама с миндалевидной рамкой, умбоны которой выполнены в пьяноборском стиле и имеют многочисленные аналогии в материалах этой археологической культуры.

Указанные пьяноборские украшения следует соотносить с определенной аккумуляцией, существованием и торговыми обменами. Собственно, именно они маркируют своеобразную «миграцию вещей» с востока на запад, из Среднего Прикамья в Сурский бассейн Волго-Окского междуречья. Очевидно, развитое бронзолитейное дело носителей пьяноборской культуры оказало значительное влияние на формирование металлопластики из цветных металлов местного населения позднегогородского времени. В этой связи понятна отмеченная исследователями близость материалов писеральско-андреевского типа к пьяноборским древностям. При этом можно с уверенностью предполагать отсутствие миграционных потоков самого пьяноборского населения в этот регион, поскольку погребальная обрядность и керамическое производство населения I–II вв. н.э. в Западном Поволжье ничего общего с пьяноборским не имеет (Зубов, 2009).

Торговые отношения населения Сурского бассейна Волго-Окского междуречья с населением пьяноборской культуры Средней Камы строились в первую очередь, очевидно, на получении цветного металла и изделий из него, поскольку Западное Поволжье не имеет своих запасов меди, в отличие от Западного Приуралья. Вполне возможно, что попадание пьяноборской металлопластики в регион связано с межбрачными обменами. Интересно, что из всего корпуса известных пьяноборских вещей преобладают женские украшения одежды и поясной гарнитуры. Думается, что торговля и межбрачные контакты являются звеньями одной цепи.

Городище Третьи Вурманкасы по прямой расположено в 350 км от западной окраины пьяноборской культуры. Применительно к современным дорогам (а мы знаем, что дороги прокладываются на максимально удобных геоморфологических участках) это расстояние значительно увеличивается, до 500 км пути. Это же расстояние состав-

² Благодарю Н.С. Мясникова за возможность использовать в настоящей работе неопубликованные материалы городища Третьи Вурманкасы, которые были представлены им на 7-й Международной конференции «Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов» в докладе «Материалы I–II вв. н.э. с городища Третьи Вурманкасы в Сурско-Свияжском междуречье».

ляло при зимнем проходе по замерзшим водным артериям – Каме и Волге. При дневной норме в 20–25 – 30–35 км (20–25 км – расстояние между почтовыми станциями в XVIII–XIX вв., 30–35 км – среднесуточная скорость перевозки грузов гужевым или вьючным транспортом) такой путь можно было преодолеть за 2–3 недели (Гольц, 2007, с. 124).

И это, по археологическим материалам, не предел дальности передвижения и распространения вещей из Прикамья и Западного Приуралья на запад. Так, к примеру, на территории г. Тула в процессе исследования городища Страхово 2, относящегося к горизонту памятников типа Упа 2, в слое IV н.э. был выявлен фрагмент пьяноборской эполетообразной поясной застёжки с одним жгутом и двумя соединительными тягами (Столяров, 2023, рис. 6, 15). По классификации Б.Б. Агеева данная застёжка близка к типу 3 отдела А (Агеев, 1992, с. 40). Расстояние между местом нахождения этой застёжки типично пьяноборской поясной гарнитуры до западной окраины пьяноборского мира вообще превышает 1000 км по прямой.

При этом продвижение на восток, в Зауралье и Западную Сибирь культуруобразующих эполетообразных застёжек и других типов поясной гарнитуры и украшений одежды пьяноборской культуры или их копирование и модификация в местной среде является отдельной темой для разговора.

В плане западной «миграции вещей» интересны находки тринадцати поясных накладок с противоположащими грифонами (ШРКМ КП ОФ – 4761–4776) и фрагментированной поясной застёжки в виде стоящего оленя с рогами голов грифонов (ШРКМ КП ОФ – 4777) кара-абызской культуры раннего облика (IV–III вв. до н.э.) из коллекции Шиловского музейного историко-культурного комплекса Рязанской области. И если такое действительно дальнейшее депаспортизированное местонахождение этих поясных накладок может вызывать вопросы и сомнения, то наличие поясных накладок с изображением грифонов позднекара-абызского времени (II–III вв. н.э.) в погребальных материалах ранней мордвы (Ражкинский могильник) является неоспоримым фактом (Гришаков и др., 2016, рис. 26, 5). Таким образом, «миграция вещей» из ареала кара-абызской культуры, восточных соседей носителей пьяноборской культуры, распространялась ещё дальше на запад.

Расстояние по прямой до местонахождения кара-абызских элементов поясного набора от северной части распространения этой археологической культуры до пос. Шилово (Рязанская обл.) составляет около 1000 км, а до д. Ражки (Пензенская обл.) – 800, по современным дорогам это расстояние увеличивается до 1200 и 1000 км пути соответственно.

Следует отметить, что поясные накладки с грифонами в кара-абызской культуре были принадлежностью исключительно женского костюма.

Кстати, в коллекции Шиловского музея хранится поясная бронзовая застёжка с неподвижным крючком (ШРКМ КП ОФ – 5313) типично пьяноборского облика позднего этапа (I–II вв. н.э.), имитация плоской нашивки с «прорезным» спирально-витым орнаментом (ШРКМ КП ОФ – 5257) и ряд скульгам писеральско-андреевского типа (ШРКМ КП ОФ – 5259–5260, 5263–5265).

Возвращаясь к проблемам памятников писеральско-андреевского типа, заметим, что предложение В.И. Вихляева о выделении особой «андреевской» археологической культуры (Вихляев, 1999; 2000) в некоторой степени озадачила многих исследователей, занимающихся вопросами хронологии и этнической истории древних племен раннего железного века лесостепной и лесной зоны Поволжского региона и сопредельных территорий.

Кажущаяся преждевременность в части выделения В.И. Вихляевым новой «андреевской» археологической культуры заключалась в слабой аргументации выдвинутых положений и малоубедительной доказательной базе. При характеристике памятников «андреевской культуры» автор приводит достаточно большой на то время перечень археологических объектов. Однако в дальнейшем он оперирует исключительно материалами Андреевского кургана, изредка привлекая материалы Климкинского и Писеральских курганов и не используя совсем Сурско-Свияжские поселенческие материалы I–II вв. н.э. (Вихляев, 2000, с. 38–60). В этом, очевидно, заключалась основная ошибка, повлекшая за собой неприятие научным сообществом положений В.И. Вихляева.

Исследования последних лет позволяют предполагать, что к IV н.э. на территории лесостепного пояса в Западном Поволжье, в Окско-Сурско-Волжском междуречье на местной основе сложился особый тип памятников или сформировалась новая археологическая культура с восточным (пьяноборским) влиянием, на которую был наложен зауральский миграционный микс синкретичной воинской субкультуры. Именно таким образом, возможно, был сформирован писеральско-андреевский тип памятников, который, кстати, впоследствии оказывал некоторое культурное влияние на позднепьяноборское население. Сегодня видится новая задача в переосмыслении историко-культурной ситуации в регионе и более скрупулезном выявлении местных и пришлых элементов материальной и духовной культуры. В данном контексте положения В.И. Вихляева не следует безоговорочно отбрасывать, а проводить планомерную работу по изучению поселенческих материалов рубежа эр.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
- Арешян Г.Е.* К обоснованию методов исследования культурных и этнических контактов в древности (этнокультурные связи Юго-Восточной и Центральной Европы с Армянским нагорьем и Южным Кавказом) // Советская этнография. 1989. № 2. С. 45–55.
- Архипов Г.А., Шадрин А.И.* Исследование раннесредневековых курганов у с. Климкино // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1995. С. 110–129. (Археология и этнография Марийского края. Вып. 24)
- Бугров Д.Г., Мясников Н.С.* Некоторые проблемы выделения «этнокультурных компонентов» памятников андреевско-писеральского типа: погребальный обряд // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 314–335.
- Вихляев В.И.* Андреевская культура и ее роль в этнической истории Западного Поволжья // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию П.Д. Степанова. Саранск: ИСИ МГУ им. Н.П. Огарева, 1999. С. 17–30.
- Вихляев В.И.* Происхождение древнемордовской культуры. Саранск: ИСИ МГУ им. Н.П. Огарева, 2000. 132 с.
- Гришаков В.В.* Конские погребения VIII – первой половины Х вв. Чулковского могильника // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Йошкар-Ола: МарГУ, 1990. С. 127–146.
- Гришаков В.В.* Староардатовский I курган и его место в системе памятников андреевско-писеральского горизонта // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып. 2. Саранск, 2000. С. 44–54.
- Гришаков В.В.* Сергачский могильник «Кожина слобода» в системе памятников андреевско-писеральского горизонта // Пензенский археологический сборник. Вып. 3. Пенза: ПИРО, 2010. С. 103–115.
- Гришаков В.В., Зубов С.Э.* Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань: ИИ АН РТ, 2009. 173 с.
- Гришаков В.В., Белорыбкин Г.Н., Ставицкий В.В., Осипова Т.В.* Исследование Ражкинского могильника в 2015 г. // Долина древней мордвы. Ижевск: Принт-2, 2016. 284 с.
- Гольц Г.А.* Гужевой транспорт и гужевые пути сообщения в России (Исторический очерк) // Россия и современный мир: проблемы, мнения, дискуссии, события. 2007. № 1 (54). С. 119–139.
- Зубов С.Э.* К проблеме этнокультурной интерпретации памятников андреевско-писеральского типа // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию П.Д. Степанова. Саранск: ИСИ МГУ им. Н.П. Огарева, 1999. С. 44–51.
- Зубов С.Э.* Проблема малых миграций в раннем железном веке и раннем средневековье Волго-Камья и Западного Поволжья // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы третьих Халиковских чтений (27–30 мая 2004 г.) Казань: ИИ АН РТ, 2004. С. 78–82.
- Зубов С.Э.* О пьяноборском компоненте в памятниках писеральско-андреевского типа Западного Поволжья // Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения. Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Р.Г. Кузеева. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2009. С. 100–104.
- Зубов С.Э.* Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв. н.э.). Saarbrücken, Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG., 2011. 208 с.
- Зубов С.Э.* О проблемах диагностирования миграций по данным археологических источников (по материалам памятников Писеральско-андреевского типа I–II веков нашей эры) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Интеграции гуманитарного и естественно-научного подходов в археологии раннего металла. К 70-летию Александра Дмитриевича Таирова. Материалы IX Всеросс. науч. конф. Челябинск: ГИМЮУ, 2025. С. 110–116.
- Зубов С.Э., Гришаков В.В., Мясников Н.С.* Памятники писеральско-андреевского типа // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 3. Ранний железный век. Казань: АН РТ, 2021. С. 392–409.
- Зубов С.Э., Ермаков С.Ф., Федорова Е.Ю.* Разведочные работы 2024 года в Пильнинском районе Нижегородской области // Археологические открытия в Самарской области 2024 года. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2025. С. 31–32.
- Зубов С.Э., Лифанов Н.А., Радюш О.А.* Новые памятники писеральско-андреевского типа I–III вв. н.э. на территории Нижегородской области (предварительное сообщение). Вояджер. 2011. № 1. С. 13–30.
- Зубов С.Э., Михеев А.В.* Этнокультурные процессы в Западном Поволжье на рубеже раннего железного века и раннего средневековья (проблемы хронологии и этнической атрибуции памятников писеральско-андреевского типа) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Сб. ст. к 70-летию А.Х. Пшеничнюка. Уфа: Гилем, 2006. С. 204–225.

- Матвеева Г.И.* Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев: КГУ, 1986. С. 158–171.
- Матвеева Г.И.* К вопросу об основных компонентах формирования культуры Андреевского кургана // Археология восточноевропейской лесостепи: Сб. материалов Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию А.Е. Алиховой. Пенза: ПГПУ, 2003. С. 286–293.
- Медведев А.П.* Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж: ВГУ, 1990. 220 с.
- Медведев А.П.* Сарматы в лесостепи (40 лет спустя) // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2018. № 1. С. 14–30.
- Михеев А.В.* Климкинский могильник (по материалам исследований 2003–2004 гг.) // Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сборник статей к 70-летию П.Н. Старостина. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 81–91. (Археология Евразийских степей. Вып. 10)
- Мясников Н.С.* Археологические памятники первой половины I тысячелетия н.э. Сурско-Свияжского междуречья. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2016. 270 с.
- Мясников Н.С.* Клады и отдельные находки писеральско-андреевского времени в Сурско-Свияжском междуречье // Чувашский гуманитарный вестник. 2017. № 12. С. 3–26.
- Ставицкий В.В.* Западный компонент в материалах Андреевского кургана // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2013. № 3 (27). С. 126–141.
- Ставицкий В.В.* Западный и восточный импульсы в формировании культуры андреевско-писеральского населения // Filo Ariadne. 2017. № 1 (5). С. 125–142.
- Степанов П.Д.* Андреевский курган (предварительное сообщение) // Труды НИИЯЛИЭ. 1964. Вып. XXVII. С. 206–267.
- Степанов П.Д.* Андреевский курган (к истории мордовских племен на рубеже нашей эры). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1980. 108 с.
- Столяров Е.В.* Сюльгамы андреевско-писеральского типа с территории Окско-Донского водораздела // Поволжская археология. 2021. № 1 (35). С. 131–147. <https://doi.org/10.24852/PA2021.1.35.131.147>
- Столяров Е.В.* Городище Страхово 2. Горизонт I века // КСИА. Вып. 270. 2023. С. 70–83.
- Халиков А.Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края. Труды Марийской археологической экспедиции. Т. II. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962. С. 7–187.
- Халиков А.Х.* Об этнокультурной ситуации в Среднем Поволжье и Приуралье в I тысячелетии н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев: КГУ, 1986. С. 73–90.
- Халиков А.Х.* Памятники писеральско-андреевского типа в Волжском правобережье и их этнокультурная интерпретация // Древности Волго-Вятского междуречья. Археология и этнография Марийского края. Вып. 12. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1987. С. 8–24.
-

Сведения об авторе

Сергей Эдгардович Зубов, кандидат исторических наук, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Российская Федерация, г. Самара. E-mail: guberfond@rambler.ru

**БАССЕЙН ЧЕПЦЫ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ:
СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ****Е.М. Черных**

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

Аннотация. В работе рассматривается круг проблем в изучении памятников бассейна р. Чепца на поздней фазе эпохи Великого переселения народов. Формирование полумской археологической культуры на ее раннем этапе (V–VII вв.) можно рассматривать как период активной взаимоассимиляции носителей различных культурных традиций, имеющих как восточное (камское), так и западное (волжско-вятское) происхождение. Процессы культурного взаимодействия в разных частях этого географического ареала протекали по-разному. Уловить их особенности археология пока не может.

Ключевые слова: Камско-Вятское междуречье, V–VII вв., полумская культура, миграции, культурное взаимодействие

Цитирование. Черных Е.М. Бассейн Чепцы в эпоху Великого переселения народов: состояние проблемы и перспективы исследований // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничного. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 99–103.

Период середины – третьей четверти I тыс. н.э. в российской исторической науке относят к самому началу Средних веков, определяя его также поздней фазой эпохи Великого переселения народов (посгуннский, славянский, меровингский). Ход и итоги великих миграций во многом повлияли на дальнейшие исторические и культурные процессы, протекавшие в различных регионах Евразии.

Главные события эпохи Великого переселения народов на восточном фланге Европы протекали намного южнее Камско-Вятского междуречья, в степном евразийском «коридоре», где их традиционно связывают с массовым продвижением кочевников из Центральной Азии. Но они нашли отражение в смене достаточно стабильных (до III–IV вв.) обществ пьяноборской и гляденовской КИО более дискретными культурными образованиями начальной поры средневековья, в появлении мобильных военизированных групп, материальным выражением которых в Прикамье рассматриваются курганные могильники IV–VI вв. (Тураевский, Кудашевский, харинские и т.п.). Последний систематизированный обзор состояния проблемы (Гавритухин, 2022; Голдина, 2022а; 2022б). Как показывает археологический материал, именно в этот период «хаос» турбулентности достиг бассейна Чепцы – колыбели раннесредневековой полумской археологической культуры. Ее материалы в работах исследователей XX в. занимали едва ли не ключевое место в решении проблем предистории удмуртского народа, а также его ближайших соседей. Обзору современного состояния изученности круга раннесредневековых древностей этого в целом небольшого района Камско-Вятского междуречья и посвящена данная работа.

С точки зрения географического пространства главная река севера Удмуртии протяженностью чуть более 500 км, в отличие от Камы и Вятки, имеет широтную направленность – ее исток находится в Пермском крае, а устье – в Кировской области, в черте современного Кирово-Чепецка. Сначала река течет с северо-востока на юго-запад, а у с. Дебесы, коленчато изгибаясь, поворачивает на запад-северо-запад. Являясь левым притоком Вятки, Чепца относится к числу типично лесных равнинных рек с довольно быстрым течением. Русло Чепцы, нередко петляющее, с излучинами и старицами, вбирающее в себя многочисленные малые речки (разные источники называют цифры от 60 до 100), проложено в широкой долине. Бассейн реки удален от основных водных и сухопутных путей древности и средневековья. Тем не менее, есть прямой выход из Чепцы в Вятку и далее – в низовья Камы и Волгу. Возможен выход через верховья правых притоков Чепцы волоками на верховья Камы и в Среднее Прикамье. Из письменных источников известно, что путь с Камы на верховья Чепцы (возможно, Очерский волок¹) использовался в поздние средние века лихими русскими ватагами (Макаров, 1991, с. 68). Эти пути, к сожалению, остаются не изучены археологическими методами.

Памятники середины – второй половины I тыс. н.э. стали известны еще в конце XIX – начале XX в. В работах второй половины XX в. (Генинг, 1958; 1959; Семенов, 1980; 1989; Иванов, 1998; Голдина, 1995; 1999) они получили культурную номинацию на археологической карте как полумская АК. Обозначены ключевые позиции исследователей по вопросам самостоятельности культуры,

¹ Характерно, что в начале XIX в. уральскими предпринимателями Строгановыми, владельцами Очерского железоделательного завода, был предпринят проект строительства канала для переброски воды с Чепцы в Очерский пруд (р. Очер, правый приток Камы). 5000 крепостных выкопали канал (Копань) протяженностью 1,5 км и шириной более 50 м, но решить проблему подъема воды в заводском пруду тогда не удалось.

ее происхождения, хронологии и периодизации, основных этнокультурных компонентов. В XXI в. ситуация с изученностью памятников этого хронологического круга на Чепце почти не изменилась, хотя оснований вернуться к проблеме формирования полумской культуры все же достаточно.

Хронологические рамки полумской культуры со временем менялись, чего нельзя сказать о территории, традиционно ограничиваемой верхним и средним течением Чепцы (от с. Дебесы на востоке до д. Адам на западе (Голдина, 1999, с. 346), или до г. Глазов (Иванов и др., 2004, с. 47) – около 120 км). Еще в первых работах на удмуртские темы В.Ф. Генинг определил время существования полума III–IX вв. (Генинг, 1958, с. 92–101; 1959, с. 194–200; 1962, с. 86–87). В дальнейшем, по мере накопления новых материалов, нижняя дата была поднята до конца V в. (Генинг, 1980, с. 138–139; 1988, с. 221). Решающее значение для пересмотра имело открытие и исследование в 1970–80-е гг. В.А. Семеновым самого крупного на сегодняшний день (более 700 погребений) полумского могильника у д. Варни – его комплексы послужили базой для детальной хронологии и периодизации раннесредневековых чепецких древностей в рамках конца V–IX вв. (Семенов, 1980, с. 63). В 1990-х гг. на могильнике изучена курганная часть, датированная концом IV – первой половиной V в. (Иванов, 1999, с. 24–35).

Памятники на Чепце начальной поры полумской культуры, синхронизируемые с поздним периодом эпохи Великого переселения народов (V–VII вв.), как и в предшествующий период финала раннего железного века, по-прежнему немногочисленны. Их размещение на карте демонстрирует в некоторой степени географическую неравномерность исследований, но и не только это (рис. 1). Бассейн Чепцы, в силу его пространственных границ, в середине I тыс. н.э. становится местом встречи и взаимодействия двух этнокультурных массивов местного населения – вятско-камского пьяноборского и камского позднегладеновского.

Могильники пьяноборской КИО I–V вв. (худяковская культура) в настоящее время представлены на правом берегу Вятки, вблизи устья Чепцы, а также в ее низовьях. Это Городищенский, Первомайский, Баевский. Им соответствуют поселенческие слои на городищах Никульчинское, Кривоборское, возможно, Городищенское (Лещинская, 2014, с. 10–11, рис. 1; 2022а, с. 208, рис. 1). Периодом VI–VII вв. датируются захоронения на Концовском могильнике (Стефанова, 1982; Иванова, 1988); возможно, продолжает использоваться Баевский (Лещинская, 2022б, с. 568). В.А. Семенов допускал, что первой половиной I тыс. н.э. можно также датировать ряд поселений в бассейне Чепцы, на которых найдена т.н. «пористая» керамика, отличная от «собственно полумской» (Семенов, 1989, с. 21–23). Ниже устья Косы к таковым он от-

носил группу поселений на правом берегу Чепцы, у д. Градобоево Зуевского района Кировской области. В.А. Семенов также упоминает «пористую» керамику из поселений у дд. Сосновка и Елово в Ярском районе, с Извильского, Хомяковского городищ и Хомяковского селища (Семенов, 1989, с. 21, рис. 1). А.Г. Иванов, в ходе раскопок поселения Дереганцы II в непосредственной близости от «градобоевского куста», получил небольшую коллекцию подобной керамики, и, основываясь на ее морфологических признаках (наличие воротничка по шейке, шнурово-гребенчатый орнамент), отнес комплекс к ананьинскому времени (Иванов, 1991, с. 47–48). По его мнению, «пористая» керамика на чепецких памятниках встречается довольно широко как в пространственном, так и хронологическом аспектах (Иванов, 1998, с. 27). В дальнейшем А.Г. Иванов как будто согласился с мнением В.А. Семенова о принадлежности «пористой» керамики на памятниках полумской культуры носителям позднеазелинской традиции (Иванов и др., 2004, с. 46–52). На тот момент подобная керамика была известна вне комплексов с вещами, хотя заслуживало внимания упоминание довольно раннего железного трехлопастного наконечника стрелы на Заболотновском селище (Семенов, 1976, с. 133–134).

Возвращаясь в ареал «собственно полумской культуры» в верхнем течении Чепцы, заметим, что отдельные памятники ее раннего (V–VII вв.) этапа (городища, селища, могильники) изучены сравнительно хорошо на участке между селами Дебесы и Полом, где они образуют две локальные группы – варнинскую и полумскую. В обеих локациях могильникам сопутствуют городища и селища. Именно на них были сосредоточены главные усилия удмуртских исследователей в 1970–90-е гг. Наиболее ранние материалы, позволившие датировать начало сложения полумских памятников на Верхней Чепце, получены А.Г. Ивановым на Варнинском могильнике в 1990-е гг. Они представлены комплексами из девяти распаханных курганов и 18 погребений (Иванов, 1998, с. 28; 1999). Автор уверенно обозначил соответствие вещевых комплексов из этих погребений памятникам Прикамья «типа Тураево – Броды – Бурково (ранняя часть) – Качка – Бирск (периоды II–III по А.К. Амброзу) – поздняя фаза мазунинских могильников (по Т.И. Останиной)» и датировал их концом IV – первой половиной V в. (Иванов, 1999, с. 24–35). К этой же хронологической группе им отнесены два грунтовых погребения (№ 28 и № 74) из Варнинского могильника (Иванов, 1998, с. 36–37). Фрагменты лепных сосудов из подкурганных захоронений Варнинского могильника имеют крайне плохую сохранность. Все они характеризуются светло-коричневым цветом, слабым обжигом и очень рыхлой фактурой, примесью толченой раковины и органики, орнаментом в виде различных вариан-

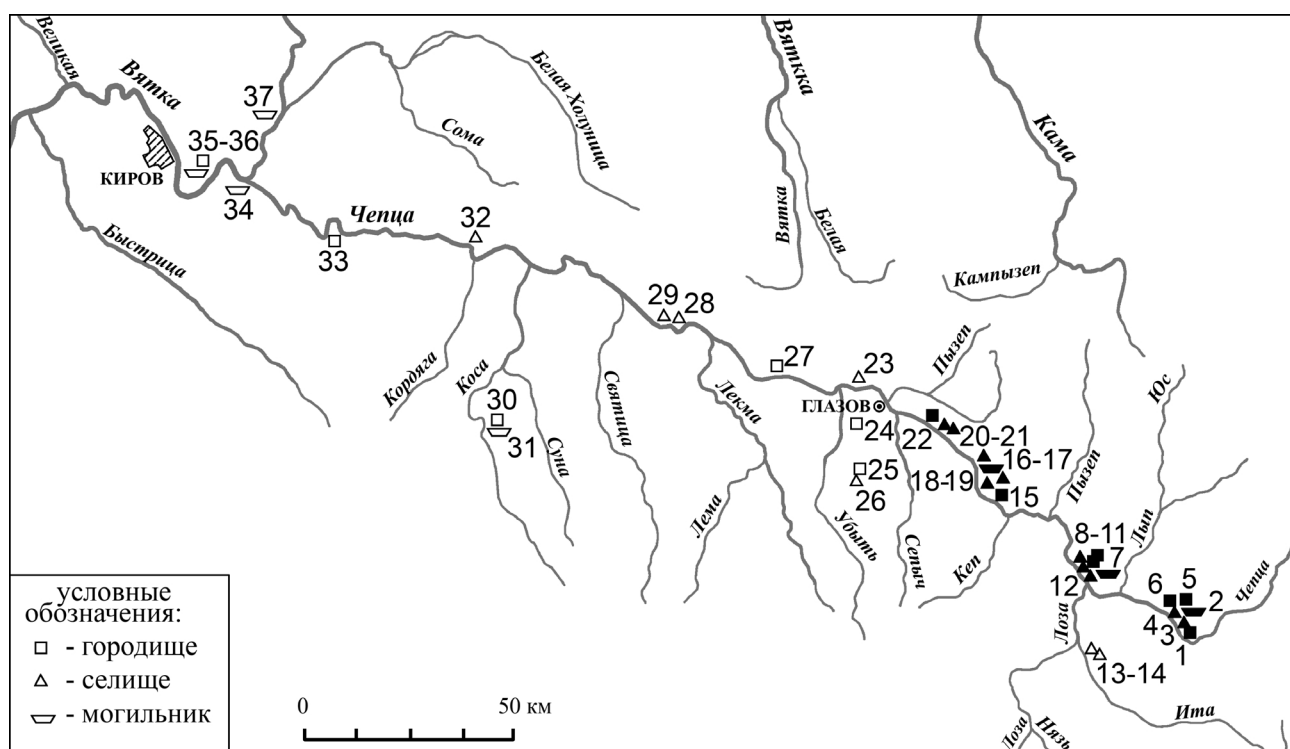

Рис. 1. Карта памятников бассейна р. Чепца I тыс. н.э., упоминаемых в статье (по: Иванов, 1998, с дополнениями). 1 – Дебесское городище (Байгурезь); 2 – Варнинский могильник; 3 – Варнинское I селище; 4 – Варнинское II селище; 5 – Варнинское I городище (Карйыл); 6 – Варнинское II (Гопул гурезь) городище; 7 – Поломский I могильник; 8 – Поломское I городище (Каравалес); 9 – Поломское II городище (Гыркесшур); 10 – Поломское I селище («Плесо»); 11 – Поломское II селище («Аммональный склад»); 12 – Поломское IV селище; 13, 14 – Зура I, II поселения; 15 – Карйылское городище (Карйыл); 16 – Бalezинский могильник; 17 – Бalezинское I селище; 18, 19 – Бalezинские II, III поселения; 20 – Весьякарское селище; 21 – Заболотновское селище («Гопул»); 22 – Заболотновское городище (Садейкар); 23 – Нижнебогатырское I поселение; 24 – Извильское (Чуринское) городище (Поркар); 25 – Хомяковское городище (Поркар); 26 – Хомяковское селище; 27 – Кушманское городище (Учкакар); 28, 29 – Сосновские I, II поселения; 30 – Городищенское городище; 31 – Городищенский могильник; 32 – Градобоево, поселение; 33 – Кривоборское городище; 34 – Баевский могильник; 35 – Никульчинское городище; 36 – Концовский могильник; 37 – Первомайский могильник.

Заливкой выделены памятники ранней полумской АК с материалами V–VII вв.

тов гребенчатого штампа (Иванов, 1999, с. 12–16). Ближайшие аналогии посуда из курганов имеет в позднегладеновской керамике очерской локальной группы (Иванов, 1998, с. 27–28).

В оценках динамики территориальной экспансии полумской АК к раннему этапу культуры (до VIII в.) в тот период были отнесены и некоторые памятники в среднем течении Чепцы, в Бalezинском и Глазовском районах УР (Карйылское и Бalezинское городища, Заболотновские городище и селище). Убедительные основания для их датировки на тот период отсутствовали, но имелись сведения об единичных находках украшений, характерных для VII в. (Иванов, 1998, с. 30–31, рис. 5, 18, 20).

Разведочные работы рубежа XX–XXI вв. позволили расширить этот список, а для некоторых памятников удалось найти и значимые хронологические реперы. Так, на Заболотновском селище, наряду с железным наконечником из сборов 1957 г., добавились новые находки: выразительная трехлепестковая литая накладка и темно-синяя многогранная бусина. Коллекцию керамики, помимо «классической» полумской, дополнили фрагменты «с рыхлой структурой и органической

примесью, светло-коричневого, желтовато-серого и оранжевого цвета, с орнаментом из оттисков шнура, гребенки, насечек или без орнамента» (Иванов и др., 2004, с. 154–155, рис. 45). Селище занимает поверхность первой надпойменной террасы, у подножия коренного берега. Схожей топографией характеризуется и Весьякарское селище, в разведочных сборах с которого присутствуют те же группы керамики и предметы, датируемые VII–IX вв. (розетковидная бронзовая штампованная накладка, железный штырь с граненной «шляпкой» на одном конце и острием – на другом (Иванов, 1998, с. 70–71; Иванов и др., 2004, с. 150–151). Работами А.Ю. Емельяновой на Нижнебогатырском I поселении чепецкой культуры, расположенном к северо-западу от Глазова, получены бронзовые украшения (подвеска, пронизка), бытование которых позволяет, пусть и осторожно, опустить нижнюю границу памятника до VII–VIII вв. (Емельянова, 2019, с. 7). Имеются сообщения о находках раннесредневековой керамики (в том числе, ананьинской) на Кушманском городище Учкакар в Ярском районе (Иванов и др., 2004, с. 200–201).

В 2017 г., около с. Бalezино (около 40 км к северо-западу от с. Полом) был открыт раннеполум-

ский Балезинский могильник. За семь полевых сезонов некрополь исследован на площади более 800 м²; на нем изучено более 80 погребений, датированных на основании аналогий вещевому материалу VI–VII вв., что подкреплено серией дат по ¹⁴C, с некоторым дрейфом как в V в., так и в VIII в. Одновременно в округе могильника были выявлены три селища, в керамических коллекциях которых имеются фрагменты с рыхлой фактурой глиняного теста от желто-коричневого до охристого цвета. На Балезинском I селище, расположенном рядом с могильником, такая керамика была найдена в яме (возможно, производственной), выявленной в обнажении берега. Черепки тонкостенные, с примесью толченой раковины в тесте, плохого обжига, крошащиеся при извлечении из слоя. Один из черепков имел слабо выраженное ребро на тулове. Сосуды орнаментированы поясами шнура, оттисков гребенчатого штампа (Черных, Перевозчикова, 2020, с. 11). Аналогичная керамика в небольшом количестве получена в ходе исследований Балезинского II поселения. Два поселения (Балезинское I и II) занимают, как и могильник, прикраевые участки первой надпойменной террасы Чепцы; Балезинское II поселение находится в глубине той же террасы. То есть, с учетом высказанных выше наблюдений, намечается определенная топографическая закономерность в размещении ранних поселений полумосквской АК, что важно учитывать при оценке перспективности разведочных работ на Чепце.

А.Г.Ивановым получены статистически значимые свидетельства близкого сходства погребальных традиций полумосквского населения с азелинскими, харинскими, гляденовскими, мазунинско-бахмутинскими группами (Иванов, 1998, с. 37–40). Эти наблюдения находят подтверждение в ходе изучения Балезинского могильника.

В топографии, погребальном обряде и инвентаре Балезинского могильника вятский компонент прослеживается особенно ярко. Это и размещение на низкой надпойменной террасе, отсутствие выразительных черт в рельефе местности, биобрядность (сочетание кремаций и ингумаций). По четкости рядов могил, вытянутых с северо-востока на юго-запад, ориентировке умерших на юг, наблюдается сходство с пьяноборскими (худяковская культура) могильниками Тюм-Тюм, Худяковский, Первомайский (Лещинская, 2014, с. 15). Вятскими по происхождению являются круглые ажурные бляхи-застежки с шумящими привесками, длинные пронизи из спиральновитой проволоки с завершениями в виде колесовидных привесок, мелкие

украшения из двух- и трехсоставных подвесок, пронизки-уточки с крупным колоколовидным туловом и головкой-крючком, объемные пронизки-коньки (Черных, 2025, с. 99–100, рис. 4).

Гляденовский импульс в ареал полумосквской культуры маркируется материалами поселений IV–V вв. н.э. Зура I и Зура II. Они расположены в пойме р.Ита, при впадении в Лозу, крупнейший левый приток Чепцы. Столь необычная топография представлялась прежде абсолютно неперспективной для поиска памятников раннего железного века – средневековья. На первом поселении изучены остатки жилищ. Массовый керамический материал и отдельные предметы (бусы, нож, наконечники стрел из кости, глиняные пряслица) обнаруживают близость в позднегляденовских и харинских комплексах Среднего/Верхнего Прикамья (Иванов, 2008; Степанова, Иванов, 2013, с. 138, рис. 3; Емельянова, Степанова, 2019, с. 20–21). Эти выводы нашли поддержку у М.Л.Перескокова, обозначившего путь переселения «гляденовцев» во II–IV вв. на запад, в бассейн Чепцы, со Средней Камы (Перескоков, 2018, рис. 96). Присутствие долговременных поселенческих объектов позднегляденовского типа в непосредственной близости от ядра будущей полумосквской культуры определенно указывает одну из таких исходных территорий.

Вопрос о вовлеченности позднеазелинских, харинских, мазунинско-бахмутинских групп в заселение бассейна р.Чепцы в свете современных исследований выглядит логичным, хотя и недостаточно обеспеченным источниками. Исследователи древностей эпохи Великого переселения народов полагают, что, начиная с III в. н.э., и особенно в конце IV в., историко-культурную ситуацию в Прикамье характеризуют деструктивные процессы, вызванные как экспансией степных групп, так и вовлечением в военные походы отдельных групп местного мужского населения, принявших «культ войны» и вкус богатой добычи (Гавритухин, 2022, с. 310–316). Как следует из логики дальнейших событий, военные элиты переносили усвоенный стиль жизни на своих соплеменников. Стремление к наживе порождало междоусобицы, которые наряду с экологическими потрясениями могли вызвать коллапс в прикамских обществах и послужить оттоку носителей различных культурных традиций из прежде освоенных районов Нижней и Средней Камы, Вятки во внутренние районы Камско-Вятского междуречья, в том числе на Чепцу, где до середины I тыс. н.э. проживали пусть и дисперсно группы родственного пьяноборского населения, памятники которых еще предстоит изучить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гавритухин И.О. Хронология и динамика культур в конце позднесарматского времени и начале эпохи Великого переселения народов // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов. Казань: АН РТ, 2022. С. 272–316.

- Генинг В.Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск: Удмуртское кн. изд-во, 1958. 192 с.
- Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала Академии наук СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 2. Казань: КФ АН СССР, 1959. С. 157–219.
- Генинг В.Ф. Заселение и этническая принадлежность населения Чепцы в I тыс. н.э. (по материалам Варнинского могильника) // Новый памятник поломской культуры. Ижевск: НИИ при СМ УдмССР, 1980. С. 136–151.
- Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н.э. – IV в. н.э.). М.: Наука, 1988. 240 с.
- Голдина Р.Д. О датировке поломской культуры // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск: Удмуртский университет, 1995. С. 16–30.
- Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский университет, 1999. 464 с.
- Голдина Р.Д. О Великом переселении народов // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов. Казань: АН РТ, 2022а. С. 5–10.
- Голдина Р.Д. Бассейн р. Чепцы в конце IV–IX вв. (поломская культура) // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов. Казань: АН РТ, 2022б. С. 539–565.
- Емельянова А.Ю. Разведочные работы в Глазовском районе Удмуртской Республики // Археологические открытия в Удмуртии 2018. Ижевск: УдГУ, 2019. С. 7.
- Емельянова А.Ю., Степанова Г.А. Исследования поселения Зура I в Игринском районе Удмуртии // Археологические открытия в Удмуртии 2018. Ижевск: УдГУ, 2019. С. 20–21.
- Иванов А.Г. Исследования в бассейне реки Чепцы // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 46–48.
- Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII в. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 309 с.
- Иванов А.Г. Новые материалы по ранней дате поломской культуры: курганная часть Варнинского могильника // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 6–52.
- Иванов А.Г. Поселение Зура – памятник гляденовско-осинского типа на р. Ита (Удмуртия): предварительное сообщение // Труды КАЭЭ. Вып. V. Пермь: ПГПУ, 2008. С. 134–139.
- Иванов А.Г., Иванова М.Г., Останина Т.И., Шутова Н.И. Археологическая карта северных районов Удмуртии. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. 276 с.
- Иванова М.Г. Концовский могильник: новые материалы // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1988. С. 4–24.
- Лецинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э. Ижевск: УдГУ, 2014. 472 с. (МИКВАЭ. Т. 27)
- Лецинская Н.А. Памятники III–V вв. бассейна р. Вятки // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов. Казань: АН РТ, 2022а. С. 207–225.
- Лецинская Н.А. Бассейн р. Вятки в VI–IX вв. (еманаевская культура) // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов. Казань: АН РТ, 2022б. С. 566–582.
- Макаров Л.Д. Литературные и летописные произведения Вятской Земли XVI–XVIII вв. как исторический источник // История, историография и источниковедение Удмуртии. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 60–77.
- Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь: ПГНИУ, 2018. 320 с.
- Семенов В.А. Новые памятники VI–XVIII веков в среднем течении р. Чепцы (Материалы к археологической карте Удмуртии) // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск: УНИИИЭЛЯ, 1976. С. 115–140.
- Семенов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск: НИИ при СМ УдмССР, 1980. С. 5–135.
- Семенов В.А. Этнокультурные компоненты поломской культуры // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1989. С. 20–33.
- Степанова Г.А., Иванов А.Г. Поселение Зура I – первый памятник гляденовской культуры на территории Удмуртии // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV Бадеровские чтения): Материалы Всеросс. науч.-практ. конф. Ижевск: УдГУ, 2013. С. 136–142.
- Стефанова И.И. Концовский могильник // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск: НИИ при СМ УдмССР, 1982. С. 90–103.
- Черных Е.М., Перевозчикова С.А. Раскопки Балезинского могильника на севере Удмуртской Республики // Археологические открытия в Удмуртии 2019. Ижевск: УдГУ, 2020. С. 10–11.
- Черных Е.М. Комплексы «коминтерновского типа» в Балезинском могильнике поломской культуры на севере Удмуртии // Археология евразийских степей. 2025. № 3. С. 96–106. <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.3.94.105>

Сведения об авторе

Елизавета Михайловна Черных, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии, Удмуртский государственный университет, Российская Федерация, г. Ижевск. E-mail: emch59@mail.ru

НОСИТЕЛИ ПОЗДНЕСАРМАТСКОГО КУЛЬТУРНОГО КОМПЛЕКСА В ЛЕСОСТЕПНЫХ И ПРИЛЕГАЮЩИХ СТЕПНЫХ РАЙОНАХ ЮЖНОГО УРАЛА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ III В. Н.Э.

М.В. Кривошеев¹, В.Ю. Малашев²

¹ Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

² Институт археологии РАН, Москва, Россия

Аннотация. В приуральских степях позднесарматские древности на сегодняшний день принято датировать второй половиной II и большей частью третьего столетия. Анализ материала показывает, что их верхняя хронологическая граница в Приуралье не выходит за пределы второй половины III в. н.э. Степные позднесарматские памятники IV в. н.э. здесь неизвестны. Картирование наиболее поздних комплексов и в Предуралье, и в Зауралье показывает их тяготение к предгорной и межгорной зонам.

Ключевые слова: позднесарматская культура, Приуралье, Зауралье, степь, лесостепь, III в. н.э., климатические изменения, могильники, погребения

Цитирование. Кривошеев М.В., Малашев В.Ю. Носители позднесарматского культурного комплекса в лесостепных и прилегающих степных районах Южного Урала во второй половине III в. н.э. // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничного. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 104–107.

Финансирование. Исследование выполнено на средства Российского научного фонда, грант № 25-28-00572 «Финал сарматской эпохи в волго-уральских степях: социально-исторические процессы и палеоэкологические условия».

В финале сарматской эпохи на территории южноуральских степей происходят довольно ощутимые изменения в историко-культурном контексте, которые отразились, в том числе, в кочевнических древностях региона. Если определенной точкой отсчета нового этапа в Волго-Донском регионе для позднесарматской культуры стала середина III в. н.э., когда был разрушен Танаис и начала формироваться культура «алан-танаитов» на основе двух компонентов: субстратного позднесарматского и суперстратного аланского, принесенного выходцами с территории Северного Кавказа, то на территории южноуральских степей можно говорить о существовании позднесарматских древностей на протяжении второй половины II в. н.э. и большей части третьего столетия (Малашев, 2009; 2013; Малашев, Кривошеев, 2022, с. 21).

На территории современных Башкортостана и Челябинской области (т.е. в целом к западу и востоку от гор Южного Урала) известен ряд курганных могильников позднесарматской культуры. Для большинства оценка хронологии погребальных комплексов из них не выходит за рамки первой половины III в. н.э.: Комсомольский IV и VI, Кара-тал I, Альмухаметовский, Сибай II, Бекешевские III курганы, Уметбаево, Лекандинские курганы, Уязыбашевский, Чумаровские I курганы, Ишкильдинский курган, Хворостянский I курганы, Магнитный, Большекараганский, Агаповский, Першино, Шатрово, Друженский. При этом имеется группа захоронений, датировка которых рассматривается в рамках середины – второй половины III в. н.э. Остановимся на них подробнее.

Дербеневский могильник насчитывает около 100 курганов. Исследован 31 курган, из которых тридцать относятся к позднесарматскому времени. Погребения были совершены в узких прямоугольных меридионально ориентированных ямах под индивидуальными насыпями; ориентировка погребенных – в северный сектор. У некоторых индивидов фиксируется искусственная деформация черепов. Погребальный инвентарь, включая лепную посуду, также соответствует вещевым наборам позднесарматской культуры степей Южного Урала. Датировка исследованных погребений может опираться на находки фибул (группы 13 с узкой треугольной и ромбической спинками, а также реплик двучленных прогнутых подвязных группы 16 по А.К. Амброзу) и калачевидных полых серег; наиболее ранним является фрагмент зеркала-подвески с боковой ручкой и рельефным орнаментом на обратной стороне (тип IX по Хазанову). В целом датировка памятника рассматривается в рамках середины – второй половины III в. н.э.

Темясовский могильник состоит из 12 насыпей; исследовано 8 курганов. Погребения совершены в широких и средних по ширине прямоугольных меридионально ориентированных ямах под индивидуальными насыпями и содержали коллективные захоронения (от 2 до 7 погребенных). Ориентировка погребенных (за одним исключением) – в северный сектор. Зафиксирована искусственная деформация черепов. Весь погребальный инвентарь полностью соответствует вещевым наборам позднесарматской культуры степей Южного Урала. Оценку хронологии дают находки фибул

(группы 13 по А.К. Амброзу с узкой треугольной и ромбической спинками, провинциально-римской шарнирной фибулы с эмалью и крупной, повторяющей схему лучковых одночленных фибул с широкой раскованной орнаментированной ножкой по В.Ю. Малашеву), реплики китайских зеркал и калачевидных полых серег в рамках середины – второй половины III в. н.э. Особенность могильника – одноактные коллективные захоронения, которые могут быть следствием какого-то эксцесса военного или эпидемиологического характера.

В Салиховском могильнике исследовано 27 курганов. Курганный обряд, погребения в узких прямоугольных меридионально ориентированных ямах под индивидуальными насыпями, ориентировка погребенных в секторе север – северо-восток, а также присутствие (около 10% случаев) костей мелкого рогатого скота в могилах связывают данные обрядовые признаки с позднесарматской культурой степей Южного Урала. Изредка встречается искусственная деформация черепов погребенных. Среди погребальных конструкций отметим яму с заплечиками и, скорее всего, подбой, диагностируемый по низкой ступеньке у продольной стенки. В качестве особенностей – использование камней в конструкции насыпи и широких ступе-

нек/уступов у одной или двух торцевых стенок, не имеющие аналогий; последние, с учетом их фиксации в нарушенных ограблениях погребений, являются, что наиболее вероятно, остатками грабительских ям. Погребальный инвентарь обнаруживает больше соответствий с памятниками оседлых культур Приуралья, нежели с предметами материальной культуры позднесарматских памятников: это керамический комплекс (за исключением части горшков и северокавказского кувшина) и металлический инвентарь (часть пряжек, детали поясов, подвески и др.). Предметы ременных гарнитур дают основания датировать могильник второй половиной III в. н.э., допуская возможность захождения в ранний IV в. н.э.

В Ахмеровском II курганном могильнике исследовано 27 курганов. Ряд его особенностей находит соответствия в позднесарматской культуре: наличие костей животных и сосудов под насыпью; меридионально ориентированные узкие прямоугольные ямы, как правило, под индивидуальными насыпями; деформация черепов у части погребенных. В захоронениях преобладает ориентировка в северный сектор; однако около 40% составляют ориентировки в восточный и южный секторы, что отличает его от могильников позднесармат-

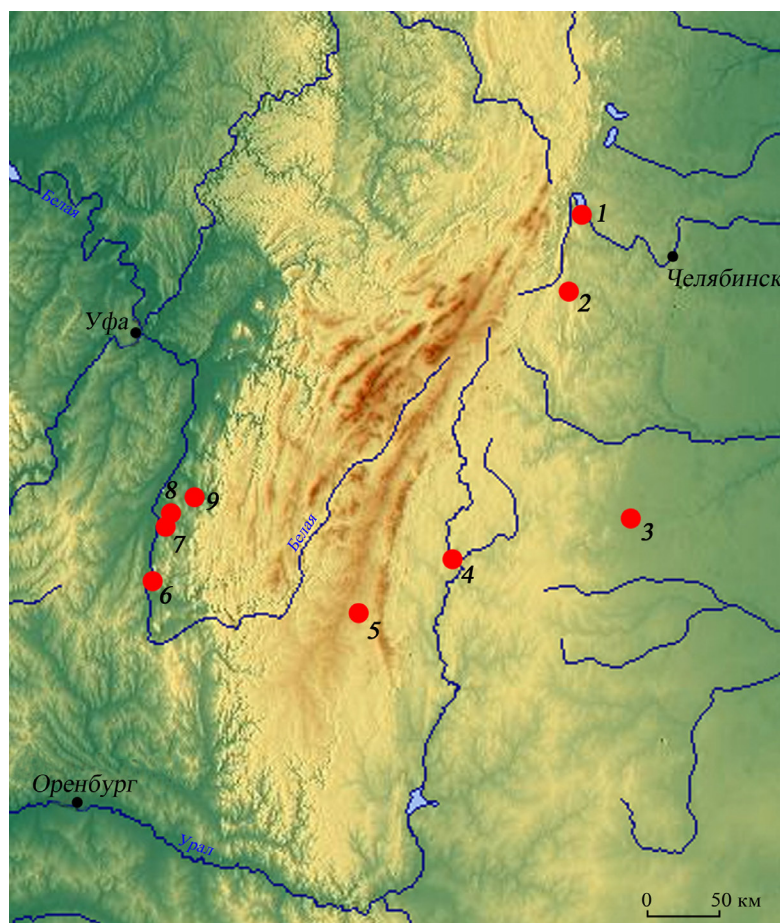

Рис. 1. Расположение курганных могильников Южного Урала, содержащих позднесарматские погребения середины – второй половины III в. н.э. 1 – Байрамгулово; 2 – Малковский; 3 – Друженский; 4 – Агаповский; 5 – Темясовский; 6 – Дербеневский; 7 – Салиховский; 8 – Ахмеровский II; 9 – Нижнеарметовский

ской культуры степей Южного Урала. Автор публикации склоняется к атрибуции памятника как оставленного позднесарматским населением, испытывавшим влияние местного оседлого населения. Керамический комплекс носит смешанный характер. Металлический инвентарь, аналогичный находкам в комплексах позднесарматской культуры, указывает на дату III в. н.э. (около середины столетия).

Нижнеарметовский могильник. Информация о погребальном обряде отсутствует. Некоторые находки (пряжка, сьюлгма) указывают на возможность датировки от середины III в. н.э.

Могильник Байрамгулово, курган 2. Погребение 2 было совершено в меридионально ориентированной яме, погребенный ориентирован головой на север. Поясной набор связан с кругом древностей мазунинской культуры. Керамическая посуда ассоциируется с традициями лесного населения региона. Предметы сбруйного набора (конструкция и стилистика) имеют ближайшие аналогии в курганах 1 и 3 могильника Лебедевка VI, а также кургане 6 могильника Целинный I. Ряд предметов данного набора являются хроноиндикаторами второй половины III в. н.э.

Малковский могильник, курган 1. Погребение было совершено в катакомбе II типа¹. Погребенная ориентирована головой на север. Стилистика наконечников-подвесок указывает на вторую половину III в. н.э.

Агаповский могильник, курган 6. Погребение было совершено в узкой прямоугольной яме с остатками деревянной внутримогильной конструкции. Погребенный ориентирован головой на северо-запад. Наконечник-подвеска от сбруйного набора указывает на вторую половину III в. н.э.

Дружененский могильник, сооружение. Погребение совершено в узкой прямоугольной меридионально ориентированной яме с ориентировкой погребенного головой на север-северо-восток. Ряд предметов сбруйного набора (наконечник-подвеска, накладки усеченно-конической формы) позволяют датировать комплекс второй половиной III в. н.э.

В данной выборке обращает на себя внимание наличие комплексов, в которых погребальный инвентарь напрямую ассоциируется с обликом вещевых наборов позднесарматской культуры южноуральских степей (Дербеневский могильник, Темясовские курганы), что может свидетельствовать о сравнительно недавнем пребывании в лесостепи данных групп населения, оставившего указанные некрополи. В остальных могильниках фиксируется смешанный характер погребального инвентаря, а в Ахмеровском II прослеживается даже влияние на погребальный обряд, что, видимо, связано с

уже установившимися контактами с автохтонным населением, требующими определенного времени.

Приведенный краткий обзор материалов из позднесарматских памятников указывает на их верхнюю хронологическую границу в южноуральской степи и лесостепи в пределах второй половины III в. н.э. Степные позднесарматские памятники IV в. н.э. здесь неизвестны (Малашев, 2009; 2013).

На современном этапе изученности археологического материала, определив хронологию существования позднесарматских комплексов южноуральских степей, можно говорить о причинах деградации кочевой культуры. Стоит связывать эти процессы с масштабными природно-климатическими изменениями, охватившими как минимум степную зону Восточной Европы и лесостепную зону Западной Сибири, начиная с III в. н.э. Они связаны с постепенным увеличением увлажненности климата, вызванным длительным периодом ослабления воздействия мощного азиатского антициклона (Сибирского максимума), который, зарождаваясь в глубинах Сибири, отвечает за формирование резко континентального климата с аридными условиями зимнего периода, благоприятными для кочевого и полукочевого скотоводства (Кривошеев, Борисов, 2023, с. 113–114). Пройдя уровень оптимума, увеличение гумидности, сопровождающееся повышением снежного покрова, относительно высокими зимними температурами и комплексом неблагоприятных факторов для кочевых племен, привело к кризису экономического базиса кочевого скотоводства и оттоку кочевых племен из степных районов (Кривошеев, Борисов, 2023, с. 116–117).

Картирование упомянутых выше наиболее поздних комплексов, которые могут датироваться второй половиной III в. н.э., показывает достаточно интересное распределение. В Предуралье, т.е. к западу от Уральских гор, такие могильники, как Салиховский, Нижнеарметовский, Ахмеровский II и Дербеневский сосредоточены в узкой предгорной лесостепной зоне правого берега р. Белая в 150–200 км южнее г. Уфа. Близкая картина отмечается и к востоку от Уральских гор. Здесь памятники второй половины III в. н.э. (Темясовский, Байрамгулово, Малковский) также находятся непосредственно в предгорной зоне и даже в межгорных долинах. Так, Темясовский могильник расположен в сужающейся межгорной долине (ширина не более 8 км в районе памятника), отделенной от предгорий передовым хребтом Ирендык. Байрамгулово и Малковский могильники расположены на широте Челябинска – на северной границе зауральского степного языка. Единичные комплексы из Дружененского и Агаповского могильников указывают на присутствие в степной зауральской

¹ Нам представляется сомнительной интерпретация могильной конструкции в погребении 1 кургана 1 Малковского могильника в качестве катакомбной (Боталов, Гуцалов, 2000, с. 53, рис. 15, I, 16, I). Вполне вероятно, в данном комплексе имеет место подбойная могила с узкой входной ямой и камерой в западной стенке.

зоне кочевников во второй половине III в. н.э., но о массовости этого явления говорить не приходится.

Нам представляется, что ситуация, при которой кочевники искали для себя новую форму организации хозяйства, вполне объясняется описанными выше природно-климатическими изменениями, связанными с увеличением увлажненности климата. Сосредоточение позднесарматских курганов в предгорной зоне как на правом берегу р. Белая, так и в предгорьях восточных склонов Урала, вполне вероятно, может указывать на переход к новым для степного населения формам скотоводства и использования горных долин в качестве пастбищ и

защиты без необходимости выхода в степные пространства, по крайней мере, в зимний сезон.

Такие трансформации в хозяйственно-бытовом укладе уже известны по этнографическим материалам Южного Зауралья на примере юго-восточных башкир XVIII–XIX вв., которые с зимовок в степных предгорьях или межгорных долинах поднимались на летние пастбища в горах (Таиров, 2025).

Нельзя исключать определенной интеграции кочевого населения, отступившего из степной зоны в предгорные и лесостепные зоны Приуралья, в среду местного населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск: Рифей, 2000. 265 с.

Кривошеев М.В., Борисов А.В. Палеоэкологические условия финала сарматской эпохи и их влияния на общества скотоводов и земледельцев Восточной Европы и Западной Сибири // Нижневолжский археологический вестник. 2023. Т. 22. № 2. С. 112–125. <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.2.6>

Малашев В.Ю. Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница // Российская археология. 2009. № 1. С. 47–52.

Малашев В.Ю. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н.э. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2013. 301 с.

Малашев В.Ю., Кривошеев М.В. Позднесарматские памятники Волго-Уралья // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов. Казань: АН РТ, 2022. С. 18–37.

Таиров А.Д. Скотоводческое хозяйство населения Южного Зауралья в раннем железном веке // Нижневолжский археологический вестник. 2025. Т. 24. № 4 С. 5–20. <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.4.1>

Сведения об авторах

Михаил Васильевич Кривошеев, кандидат исторических наук, заведующий лабораторией археологических исследований им. А.С. Скрипкина, Волгоградский государственный университет, Российская Федерация, г. Волгоград. E-mail: krivosheev.azi@volsu.ru

Владимир Юрьевич Малашев, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН, Российская Федерация, г. Москва. E-mail: malashev@yandex.ru

ПОСЕЛЕНИЕ С ПОЗДНЕСАРМАТСКИМ КЕРАМИЧЕСКИМ КОМПЛЕКСОМ У ГОРЫ ТУРАТАУ В ПРЕДГОРНОЙ ЛЕСОСТЕПИ ЮЖНОГО УРАЛА

Н.С. Савельев, Е.В. Русланов

Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, Уфа, Россия

Аннотация. Проникновение кочевников в Приуральскую лесостепь фиксируется начиная с VI в. до н.э. Причинами этого явления могли выступать как природные, так и социально-экономические факторы. Процесс взаимодействия оседлого и кочевого населения представлен в материалах погребальных и поселенческих памятников среднего течения р. Белая и ее крупных притоков. Результатом кросскультурных связей выступает сложение целого ряда ярких археологических феноменов: кара-абызской культуры, гафурийского, убаларского, имендяшевского типа памятников. Динамичная смена одного кочевого импульса другим с VI в. до н.э. до первых веков н.э. ставит лесостепь Южного Урала в уникальную суперпозицию региона, задействованного в процессах, схожих с Великим переселением народов, но задолго до его начала. В рамках раскрытия этапов взаимодействия по линии степь-лесостепь базисными могут выступать материалы однослойных, т.н. «чистых» поселенческих памятников, культурный слой которых отражает узкий хронологический период в процессе сарматизации Приуралья. Одним из таких памятников является селище Торатау-3, атрибутируемое как сезонная кочевническая стоянка поздних сармат, в составе которых также присутствовал относительно небольшой местный (убаларский) компонент.

Ключевые слова: лесостепное Приуралье, ранние кочевники, поздние сарматы, убаларский тип памятников, межкультурное взаимодействие, сезонные кочевнические стоянки

Цитирование. Савельев Н.С., Русланов Е.В. Поселение с позднесарматским керамическим комплексом у горы Туратау в предгорной лесостепи Южного Урала // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничного. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 108–111.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда №23-78-10057 «Динамика культурного развития и освоения Южного Урала с древности и до вхождения в состав России (IV в. до н.э. – XVI в. н.э.): междисциплинарное археологическое исследование».

Обусловленная транзональным положением гор Южного Урала ландшафтная асимметрия и мозаичность региона приводят, с одной стороны, к крайней неравномерности расположения археологических памятников, с другой – к далеким проникновениям северных ландшафтов на юг и наоборот, что в полной мере отражается и на особенностях освоения территории в различные исторические эпохи. Одной из таких территорий является полоса лесостепи по правобережью р. Белая, ограниченная с севера устьем р. Сим, с юга – устьем р. Нугуш, с востока – западным краем Уральских гор. Протяженность этой полосы около 160 км, максимальная ширина 40 км, но в среднем не превышает 15–20 км. В ландшафтном отношении эта полоса по правому берегу р. Белая, вытянутая меридионально вдоль края гор, относится к северолесостепной зоне, на противоположном левом берегу р. Белая находится южная лесостепь, в которой многочисленны курганные могильники эпохи бронзы – средневековья (Русланов, 2023).

Для эпохи раннего железа эта территория является крайним южным пределом распространения памятников кара-абызской культуры и, судя по т.н. «случайным находкам» мечей и кинжалов, зоной летовочного освоения кочевников

савромато-сарматского времени (Николаев, 2021, с. 207). Для начала новой эры в рассматриваемый предгорный анклав фиксируется массовое проникновение позднесарматского населения, что маркируется рядом крупных курганных могильников (Дербеневский, Салиховский, Нижнеарметовский, Ахмеровский II). Также в первые века н.э. на этой территории продолжало существовать и местное население, что виделось исследователям (Г.И. Матвеева, С.М. Васюткин, В.А. Иванов, Г.Н. Гарустович, В.В. Овсянников и др.) по многочисленным сборам с небольших стоянок и аналогиям части керамического комплекса в ряде позднесарматских курганов (подробнее см.: Савельев, 2017; 2025). Благодаря исследованиям последних лет было выявлено и рекогносцировано изучено селище Торатау-3, материалы которого позволяют более детально обратиться к характеристике этнокультурных процессов позднесарматского времени в предгорной лесостепи западной части Южного Урала.

Селище выявлено коллективом ИИЯЛ УФИЦ РАН осенью 2021 г. Расположено на вершине мысовидной площадки середины северо-восточного склона горы Туратау, на правом берегу р. Белая, в 2,7 км к востоку от нее. Памятник находится в

Ишимбайском районе Башкортостана, в 1,4 км к юго-востоку от д. Шихан и в 3,2 км к северо-востоку от д. Урман-Бишкадак. Площадка приурочена к небольшому суходолу водотока, проходящему восточнее и сформировавшемуся, вероятно, как русло сезонного родника. С юга площадка ограничена крутым подъемом горы Туратау, с запада, севера и востока – склонами мысовидного выступа. По данным разведочной шурфовки (всего заложено 12 шурфов), максимальные размеры памятника составляют 157×116 м, но само пятно культурного слоя, судя по распространению подъемного материала, не превышает 80×100 м. Максимальная концентрация находок – в восточной части мыса (не более 40×80 м), на площадке, непосредственно огибаемой суходолом.

Высотные показатели на площадке селища в целом варьируют в пределах 245–263 мБС, в месте основного скопления находок – 249–253 мБС, т.е. эта часть селища наиболее выровненная. Минимальные высотные отметки фиксируются на северной периферии памятника, максимальные – вдоль южной его границы, где начинается крутой подъем на гору Туратау. Средняя высота площадки – 253 мБС, что ниже вершины горы на 153 м, выше подножия горы на 73 м, выше уреза воды в оз. Тугарсалган (1 км к северу) на 83 м и выше уреза воды в р. Белая на 126 м.

Площадка памятника, как и весь северный склон горы Туратау, покрыта широколиственным лесом со слабо развитым дерновым покровом. Внутри пятна культурного слоя, определенного по подъемному материалу, было заложено два шурфа: № 13 – в месте максимальной концентрации находок, № 12 – в 70 м к юго-западу, рядом с началом подъема горы. Первый шурф дал 27 находок, в основном представленных фрагментами керамики, второй – всего три. Мощность культурного слоя в обоих случаях не превышает 0,2 м. Вместе с подъемным материалом количество найденных фрагментов керамики на селище – 64 (рис. 1, 1–9), также единично представлены колотые кости животных. Один из фрагментов керамики является частью петлевидной ручки сосуда (рис. 1, 6).

Визуальное изучение керамики, в том числе при увеличении 12×, показало единство всей коллекции, в которой по примесям выделяется три группы – с шамотом, песком и дробленным мягким белым камнем, которые присутствуют как в чистом виде (26,6% – 10,9% – 7,8% соответственно), так и в различных комбинациях. Так, шамот присутствует в 81,3% фрагментов (т.е. две трети керамики с шамотом также содержат примеси песка и мягкого белого камня), песок – в 45,3% (т.е. смешанные рецепты – более 75%), мягкий белый камень – в 48,4% (т.е. смешанные рецепты – почти 85%).

Судя по профилю и орнаментации одного из венчиков, в тесте которого примесь шамота, вдавлениями по наружной стороны среза (рис. 1, 5),

«шамотная» керамика должна рассматриваться как позднесарматская, известная как по рядом расположенным могильникам (Васюткин, 1977, рис. 3, 1), так и поселениям (Васюткин, 1986а, рис. 3; Гарустович, Рязанов, 2006, рис. 1, 2–4, 8; 3, 1–3, 16; Древности..., 2018, рис. 1.66, 4, 5; 2.203, 1). Керамика с примесью песка в предгорной лесостепи правобережья р. Белая в последние века до н.э. – первые века н.э. также известна – это т.н. убаларский культурный тип (Савельев, 2017). Для нее характерна резная геометрическая орнаментация (рис. 1, 7), воспринятая в IV в. до н.э. от оседающих кочевников филипповского круга (т.н. «гафурийский культурный тип»). На селище Берхомут, в 25 км к юго-востоку от селища Торатау-3, ранее был зафиксирован факт совместного нахождения убаларской и позднесарматской керамики (Гарустович, Рязанов, 2006, рис. 3, 12), также остаточные гафурийско-убаларские признаки присутствуют и в керамике курганного могильника Ахмерово II (Васюткин, 1977, рис. 4, 2, 6; 5, 3). Примесь мягкого белого камня не является определяющей для каких-либо культурных групп Южного Приуралья эпохи раннего железа, однако как небольшой процент (12,9%) она встречается на убаларском селище Магаш-1, единично присутствует на немного более раннем селище Магаш-4 (Савельев, 2017, с. 28), а также на позднесарматских селищах края горного каньона р. Нугуш – Афанасьевская, Сергеевка-1, Сергеевка-4 (Древности..., 2018).

Необходимо отметить, что рассматриваемая коллекция является смешанной позднесарматско-убаларской при доминирующей роли именно позднесарматских традиций. Об этом свидетельствует наличие тонкостенной чаши и высокой утонченной шейки (рис. 1, 3, 4) – характерных убаларских признаков (Савельев, 2017, рис. 3), но имеющих в примеси шамот. Не менее показателен и фрагмент горшка, на котором убаларский резной орнамент сочетается с позднесарматскими признаками – насечками по наружному срезу венчика и примесью шамота (рис. 1, 8). Все это позволяет говорить о достаточно небольшом убаларском компоненте в составе позднесарматского керамического комплекса и активно идущем процессе его ассимиляции.

Предварительно, исходя из имеющегося материала, датировка селища Торатау-3 может быть ограничена II–III вв. н.э. – по наличию аналогий керамике в могильнике Ахмерово II и по отсутствию убаларских реликтов в немного более поздних (вторая половина III – начало IV в. н.э., см.: Кривошеев, Малашев, 2026) Салиховских курганах (Васюткин, 1986б).

Отдельного внимания требует «нестандартное» топографическое положение памятника – на мысовидном выступе склона горы на 70 м выше ее подножия около истока небольшого родника. Подобные местоположения могут рассматриваться исключительно в качестве сезонных. Все получен-

ные данные – «нестандартное» положение, маломощность слоя, единство керамического комплекса – свидетельствуют о том, что селище Торатау-3 является сезонной стоянкой кочевников – поздних сармат, в составе которых незначительно присутствовало еще не полностью ассимилированное местное убаларское население – далекие потомки прикамских постмаклашеевцев, вобравшие в себя также и традиции кочевников скифо-сарматского времени. Как отмечалось выше, в ближайшей округе горы Туратау еще в середине – второй половине XX в. было зафиксировано несколько памятников с близкими материалами, но на большинстве из них все работы ограничились небольшими сборами.

Учитывая поверхностные сборы, опубликованные С.М. Васюткиным и позднее дополненные раскопками Г.Н. Гарустовича (Васюткин, 1987; Гарустович, Рязанов, 2006), доживание убаларского населения в южной части кара-абызского ареала (т.е. предгорной лесостепи правого берега р. Бе-

лая) до прихода поздних сармат и их постепенная ассимиляция должны сейчас рассматриваться как установленный факт. Вероятно, именно на этой основе формируется керамика турбаслинской культуры, т.к. присутствие позднесарматского компонента в ней несомненно (Савельев, 2025).

Фактически материалы селища Торатау-3 показывают начало нового этапа «сарматизации» предгорной лесостепи Южного Урала. По своей силе и глубине воздействия он оказался более значительным, чем этап IV в. до н.э. – тогда в структуру постананьинской кара-абызской культуры вошел и длительное время сосуществовал с местными традициями гафурийский компонент (Савельев, 2014). В позднесарматское же время происходит практически полная нивелировка местных позднекара-абызских убаларского и имендешевского компонентов и достаточно быстрое формирование культурной «монотонности» региона (Русланов, 2023, с. 97; Проценко и др., 2025, с. 217–219).

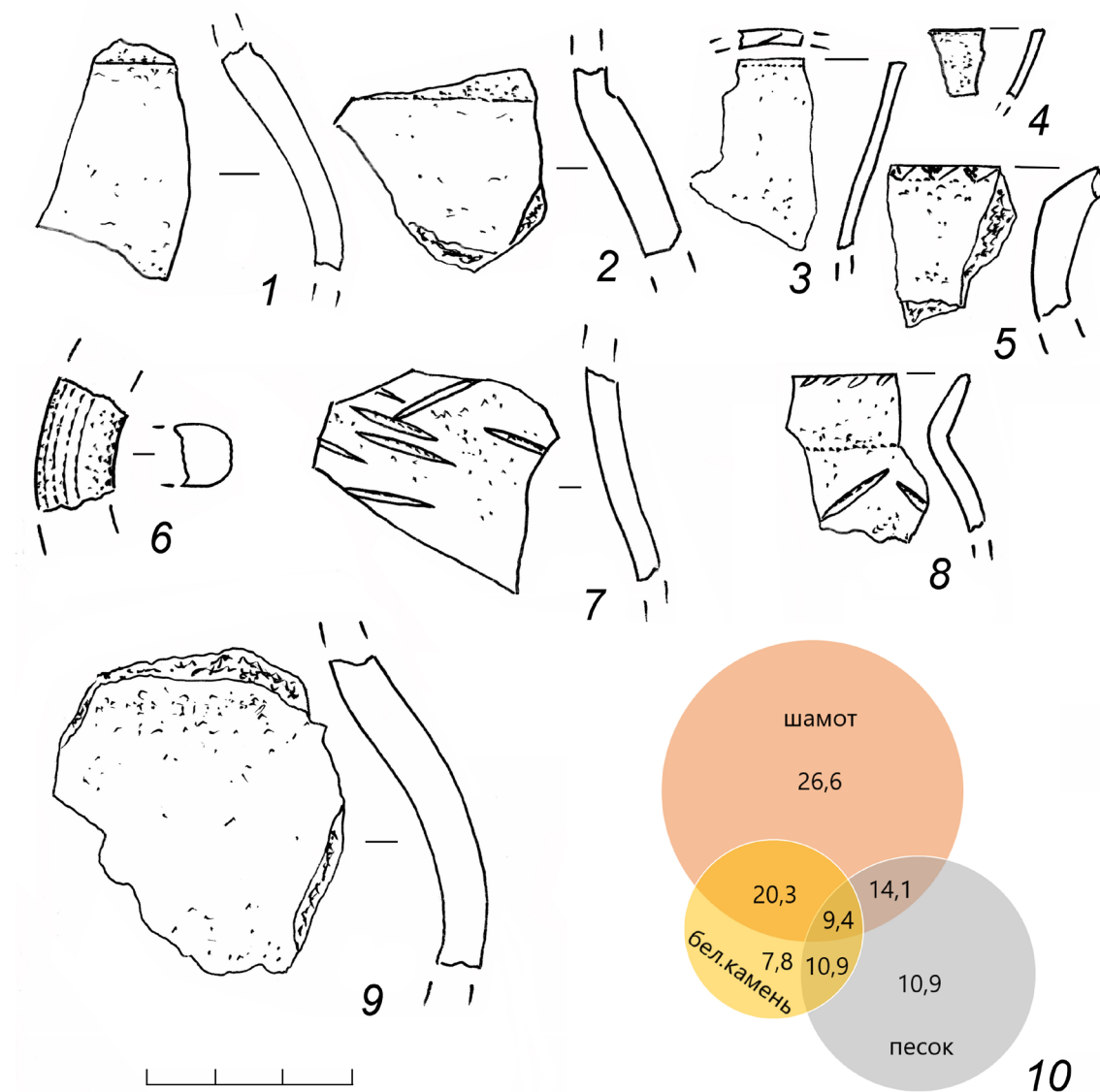

Рис. 1. Селище Торатау-3. Керамика (1–9) и структура керамического комплекса по примесям, в процентах (10). 1, 2 – шурф 12; 3–6 – шурф 13; 7–9 – подъемный материал

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васюткин С.М.* П Ахмеровский курганный могильник позднесарматского времени // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1977. С. 67–89.
- Васюткин С.М.* Поселения I тыс. н.э. правобережья средней Белой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа: БФАН СССР, 1986а. С. 104–113.
- Васюткин С.М.* Салиховский курганный могильник конца IV – V в. в Башкирии // Советская археология. 1986б. № 2. С. 180–197.
- Гарустович Г.Н., Рязанов С.В.* Новые памятники эпохи позднего железного века и эпохи бронзы в западных предгорьях Южного Урала // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб. ст. к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничного. Уфа: Гилем, 2006. С. 236–246.
- Древности Башкирского Урала.* Уфа: Информреклама, 2018. 216 с.
- Кривошеев М.В., Малашев В.Ю.* Носители позднесарматского культурного комплекса в лесостепных и прилегающих степных районах Южного Урала во второй половине III в. н.э. // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничного. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 104–107
- Николаев С.Ю.* Три сарматских кинжала с подножия горы Торатау // Нижневолжский археологический вестник. 2021. Т. 20. № 2. С. 204–213. <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.11>
- Проценко А.С., Русланов Е.В., Русланова Р.Р., Сафуанова Л.В.* Закрытые комплексы городища Уфа-II по материалам раскопок 2012 г. (к вопросу о ранней хронологии памятника) // Проблемы археологии и этноистории Восточной Европы, Сибири и Северо-Восточной Азии: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 140-летию Сергея Ивановича Руденко (1885–1969) и 100-летию его фундаментального труда «Башкиры. Опыт этнологической монографии» (1925) Уфа: ЕМКЦ, 2025. С. 217–219.
- Русланов Е.В.* Археологические микрорайоны Южного Урала: теория и практика научного изучения. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2023. 260 с.
- Савельев Н.С.* Сарматизация лесостепи Южного Приуралья: предпосылки, основные этапы, характеристики, следствия // Уфимский археологический вестник. Вып. 14. 2014. С. 191–206.
- Савельев Н.С.* О происхождении убаларского культурного типа в лесостепи Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. 2017. Вып. 17. С. 18–38. <https://doi.org/10.31833/uav.2017.17.004>
- Савельев Н.С.* Имендяшевские древности лесостепи Южного Приуралья: культурная атрибуция, хозяйственная специфика, внешние связи // Поволжская археология. 2025. № 3 (53). С. 191–206. <https://doi.org/10.24852/pa2025.3.53.191.206>
-

Сведения об авторах

Никита Сергеевич Савельев, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела археологических исследований, ИИЯЛ УФИЦ РАН, Российская Федерация, г. Уфа. E-mail: sns_1971@mail.ru

Евгений Владимирович Русланов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических исследований, ИИЯЛ УФИЦ РАН, Российская Федерация, г. Уфа. E-mail: butleger@mail.ru

**«КЛИНКИ С ВЫРЕЗАМИ» ЭПОХИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ
НА ВОЛГЕ И В ПРИУРАЛЬЕ****О.А. Радюш**

Институт археологии РАН, Москва, Россия

Аннотация. Новые находки «клинков с вырезами» (короткого клинкового оружия, IV–V вв. н.э.) демонстрируют расширение их ареала до Среднего Поволжья и Приуралья. Эти артефакты, вероятно связанные с аланской (северо-кавказской) традицией и ритуалами, служат маркерами миграционных потоков и культурных контактов воинских группировок эпохи Великого переселения народов.

Ключевые слова: клинки с вырезами, оружие, Великое переселение народов, Северный Кавказ, Крым, Кавказ, Северное Причерноморье, Поволжье, Приуралье, черняховская культура

Цитирование. Радюш О.А. «Клинки с вырезами» эпохи переселения народов на Волге и в Приуралье // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничного. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 112–114.

«Клинки с вырезами» представляют собой двулезвийное оружие длиной от 20 до 50 см, изготовленное, как правило, из обломков длинных мечей (спат) (Радюш, 2014, с. 236). Их функциональное назначение остается предметом дискуссии, хотя большинство исследователей склоняется к их использованию в качестве кинжала или короткого меча для ближнего боя. Дискуссионными остаются также вопросы происхождения и датировки этих артефактов, хотя наиболее ранняя традиция их использования связывается с позднесарматскими древностями Северного Кавказа на рубеже III–IV вв. н.э. (Сокольский, 1954; Хазанов, 1971; Схатум, 2004; Иштванович, Кульчар, 2009; Храпунов, 2002, 2010; Гарбуз, 2012; Контны, Савеля, 2006; Левада, 2006, 2013; Радюш, 2014, 2023; Радюш, Васильев, 2022; Harhoiu, 1988; Soupault, 1996).

Ранее массовая концентрация «клинков с вырезами» фиксировалась в основном в Крыму, на Северном Кавказе и северо-восточном побережье Черного моря. Значительное их количество было найдено также на памятниках черняховской культуры и в Карпатской котловине, а отдельные экземпляры достигали Франции на западе и Кемеровской области на востоке. Северный предел распространения проходил по границе черноземов и лесной зоны (Радюш, 2014, с. 242).

Новые данные указывают на значительное расширение восточного ареала распространения этого типа клинков. Помимо ранее известного клинка из погребения 75 могильника Рождественский, в последнее время были выявлены новые случайные находки в Самарской области, дореволюционный экземпляр из коллекции купца Заусайлова в окрестностях городища Биляр (Культура Биляра, с. 175, табл. LVI, 5) и клинок из школьного музея в с. Месели Аургазинского района Республики Башкортостан¹. Хотя все эти предметы были

обнаружены без археологического контекста, их географическая локализация является крайне важным индикатором, дополняя ранее составленные карты таких находок (рис. 1).

Расширение зоны распространения «клинков с вырезами» на столь значительные расстояния, вплоть до Среднего Поволжья и Приуралья, очевидно, связано с миграционными процессами эпохи Великого переселения народов (Радюш, Васильев, 2022, рис. 12). Появление таких клинков на территориях, удалённых от основных центров их распространения (Кавказ, Крым, черняховская культура), свидетельствует о перемещении тех же воинских группировок, для которых это специфическое оружие имело важное значение.

Особое внимание следует уделить возможной ритуальной нагрузке, связанной с «клинками с вырезами». В качестве гипотезы мною предполагалось, что модель меча, часто изготовленная из трофейного оружия, могла быть элементом воинских культов группировок, связанных с аланской традицией (Czarnecka, 2021; Радюш, 2023, с. 138–139). Находки за пределами кавказского и крымского ареалов могли быть связаны с жертвоприношениями или отправлениями этого культа. Стандартизированное в большинстве случаев размещение клинков в погребениях (острием вверх у головы покойного как в случае с погребением 12 на могильнике Дальний или в комплексе с «магическими» бусинами-навершиями на черене) также указывает на их значимость, выходящую за рамки чисто боевого применения. Наличие таких артефактов вкладах с хозяйственным инвентарем в качестве исключительных случаев (Лимберг, Калиновка), а также в находке, сделанной в воде (Франция), также подтверждает их multifunctionality или культовое значение.

¹ Выражаю искреннюю благодарность Н.С. Савельеву и Д.Г. Бугрову за предоставленную информацию и фотографии.

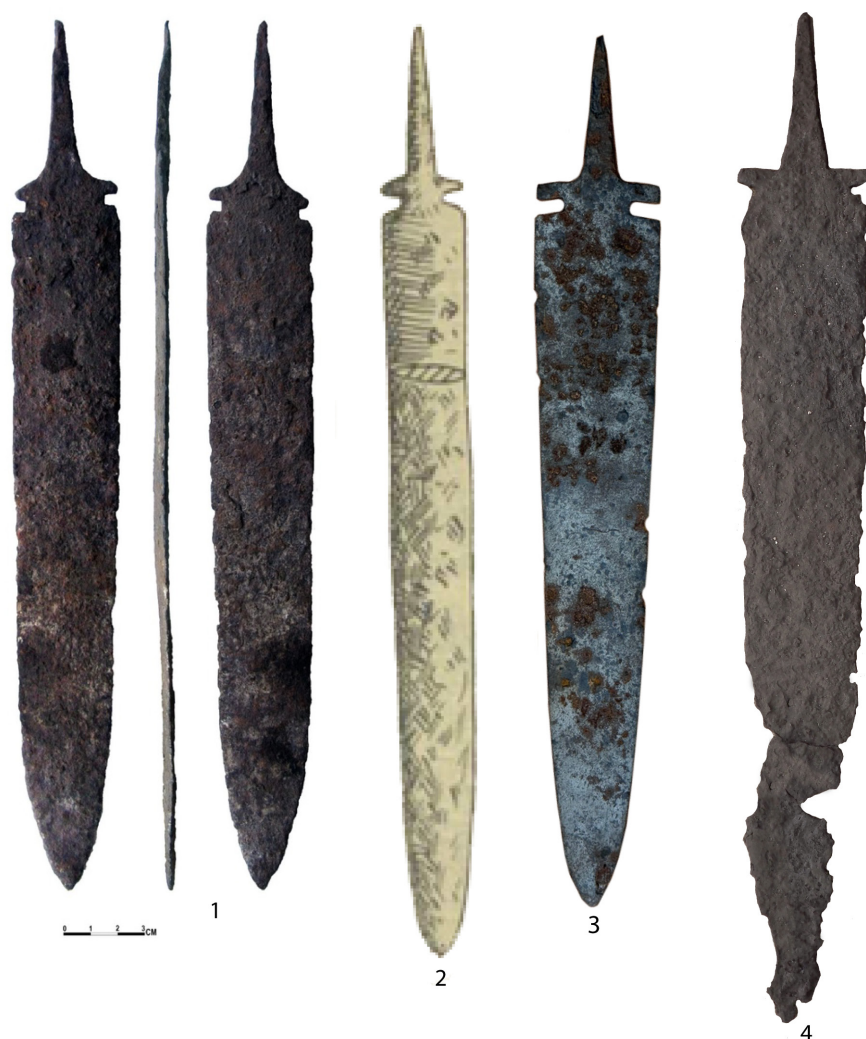

Рис. 1. Находки клинков с вырезами из Уральско-Поволжского региона.

1 – Месели (Аургазинский район, Башкортостан); 2 – Биляр – округа, коллекция В.И.Заусайлова (Алексеевский район, Татарстан); 3 – Самарская область; 4 – Рождественский могильник (Лаишевский район, Татарстан)

Таким образом, новые находки в Среднем Поволжье и Приуралье не только указывают на более широкий географический охват «клинков с вырезами», но и подчёркивают их роль как маркеров миграционных потоков и распространения определённых воинских и культовых традиций,

возможно, связанных с северокавказским происхождением этнокультурных общностей позднеримского времени и начала эпохи переселения народов. Дальнейшие исследования, включая анализ контекста и металлографический анализ, помогут уточнить эти взаимосвязи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гарбуз И.А. О способе ношения клинкового оружия с боковыми вырезами у рукояти (по материалам памятников Центрального и Юго-Западного Крыма) // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Бахчисарай: Бахчисарайский историко-культурный заповедник, 2012. С. 21–22.

Иштванович Э., Кульчар В. Мечи/кинжалы с боковыми вырезами в карпатском бассейне // Гунны, готы, сарматы между Волгой и Дунаем. СПб.: СПбГУ, 2009. С. 143–151.

Контны Б., Савеля Д.Ю. Вооружение из могильника в Килен-балке // МАЭИТ. Вып. XII. Ч. 1. Симферополь: КФУ, 2006. С. 129–160.

Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. М.: Наука, 1985. 216 с.

Левада М.Е. Кинжалы типа Хазанов-V в Среднем Поднепровье // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. VII Боспорские чтения. Керчь: Керченська міська друкарня, 2006. С. 192–199.

Левада М.Е. О влиянии аланских военных традиций на восточногерманские народы // Крым в сарматскую эпоху II в. до н.э. – IV в. н.э. Т. 1. Симферополь; Бахчисарай: Доля, 2013. С. 171–187.

Радюш О.А. О северной границе распространения так называемых «кинжалов с вырезами» // *Stratum plus*. 2014. № 4. С. 231–245.

Радюш О.А. «Сарматские» элементы в вооружении черняховской культуры? (некоторые дискуссионные вопросы в изучении оружия позднеримского времени и начала эпохи переселения народов в Восточной Европе) // *Нижеволжский археологический вестник*. 2023. Т. 22. № 2. С. 126–166. <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.2.7>

Радюш О.А., Васильев А.А. Погребение с оружием на могильнике черняховской культуры Дальний (Выдрын) в Курской области // *Нижеволжский археологический вестник*. 2022. Т. 21, № 2. С. 208–242. <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.13>

Сокольский Н.И. Боспорские мечи // *Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху*. М.: Наука, 1954. С. 123–196. (МИА. № 33)

Схатум Р.Б. О назначении вырезов у рукояти на кинжалах V–VII вв. // *Магистеріум*. Вып. 2. Краснодар: КГУКИ, 2004. С. 40–47.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 170 с.

Храпунов И.Н. Могильник Дружное. Lublin: UMCS, 2002. 314 с. (Monumenta Studia Gothica. II)

Храпунов И.Н. Оружие из могильника Нейзац // *Terra Barbarica. Studia ofiarowane Magdalenie Mączyńskiej w 65. rocznicę urodzin*. Łódź; Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego; Fundacja Uniwersytetu Łódzkiego; Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica; Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie, 2010. S. 535–555.

Czarnecka K. Broń jako wyznacznik prestiżu, rekwizyt rytuału oraz świadectwo kontaktów w Barbaricum w młodszym okresie przedrzymskim i w okresie wpływów rzymskich // *Barbaricum*, tom 13. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2021. S. 173–217.

Harhoiu R. Das kurzschwert von Micia // *Dacia*. T. XXXII (1–2). București: Academiei republicii socialiste Romania, 1988. Pp. 79–91.

Soupaault V. A propos de l'origine et de la diffusion des poignards et epees à encoches (IV–VII s.) // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 1996. Вып. V. С. 60–76, 486–492.

Сведения об авторе

Олег Александрович Радюш, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН, Российская Федерация, г. Москва. E-mail: radjush@mail.ru

ОБ ОДНОМ РЕДКОМ ТИПЕ ШЕЙНЫХ УКРАШЕНИЙ КРУГА ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ ВЫЕМЧАТЫХ ЭМАЛЕЙ В СРЕДНЕМ ПРИКАМЬЕ

О.Ф. Хайруллина

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

Аннотация. В статье впервые публикуются сведения об одной редкой категории убора восточноевропейских выемчатых эмалей – витой гривне с концами в тройную петлю из Покровского могильника мазунинской культуры. Предмет депаспортизирован, но локализуется рядом с находками Т-образных фибул финала варварских эмалей из закрытых комплексов этого же могильника. Возможная дата сочетания украшений определяется серединой IV в. н.э.

Ключевые слова: восточноевропейские выемчатые эмали, позднеримское время, Среднее Прикамье, мазунинская культура, шейные украшения

Цитирование. Хайруллина О.Ф. Об одном редком типе шейных украшений круга восточноевропейских выемчатых эмалей в Среднем Прикамье // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничникова. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 115–118.

Территория Среднего Поволжья, Нижнего и Среднего Прикамья считается крайним восточным ареалом распространения украшений восточноевропейских выемчатых эмалей второй четверти I тыс. н.э. (Ахмедов, 2018; Никитина, 2020; Радюш, 2024). На сегодняшний день в этом обширном макрорегионе учтено свыше пятидесяти таких изделий (Никитина, 2020; Красноперов, 2024; Радюш, 2024), представленных случайными находками и предметами из закрытых комплексов – преимущественно могильников мазунинской и азелинской культур III–V вв. н.э. Среди известных категорий «эмалевого» стиля здесь были распространены различные типы фибул и подвесок, браслеты, звенья нагрудных цепей, шпоры и, очевидно, детали плетей (Красноперов, 2024). Теперь этот список можно дополнить еще одним достаточно редким и статусным атрибутом варварских эмалей – бронзовой гривной из трех массивных перевитых проволок с окончаниями в виде петель (рис. 1), выявленной в коллекции известного Покровского могильника мазунинской культуры (Останина, 1992) автором настоящей статьи¹. Столь ценная находка в лесном Прикамье определенно заслуживает особого внимания и, конечно, отдельной публикации.

Археологический контекст обнаружения находки

Гривна, как уже упоминалось выше, происходит из Покровского могильника, расположенного на северо-западной границе ареала мазунинской культуры, вдали от крупных рек – Камы и Ижа (Останина, 1992; 1997, рис. 1, №2) (рис. 2). Находится некрополь на западной окраине ур. Покровское, в 1,0 км к востоку от существующей д. Сизяшур Малопургинского района Удмуртской Респу-

блики, и занимает невысокий (3–6 м) мыс левого берега р. Сизяшурки (приток третьего порядка р. Иж), ограниченный с запада и востока сухими логами.

Открытие памятника произошло случайно, в результате проведения местным совхозом добычи глины для строительства плотины мельницы в 60-х гг. XX в. (Останина, 1977, л. 1, 2). Разрушению подверглись склон и вершина в южной части могильного мыса. В 1973 г. сведения о находках человеческих костей были зафиксированы разведкой К.И. Корепанова (Корепанов, 1973, л. 3, 11, рис. 8). В 1975 г. небольшие раскопки могильника начаты отрядом КВАЭ УдГУ под руководством Р.Д. Голдиной. Масштабные исследования проводились в 1977, 1980, 1982–1984 гг. сотрудником Удмуртского республиканского краеведческого музея Т.И. Останиной (Останина, 1992). Вскрытая площадь памятника за годы раскопок составила 2786,5 м²; всего на нем изучено 364 погребения, которые датированы Т.И. Останиной IV–V вв. (Останина, 1992; 1997, с. 131). По наблюдениям И.О. Гавритухина, верхняя хронологическая граница Покровского могильника определяется третьей четвертью IV в. н.э. (Гавритухин, 2022, с. 275, 277).

Обнаружена витая гривна в 1980 г. Т.И. Останиной до начала стационарных исследований могильника (Останина, 1980, л. 3, 4, рис. 1, табл. I, II). Из научного отчета следует, что после раскопок 1977 г. добыча глины на памятнике была возобновлена: разрушению подверглась неисследованная южная часть мыса (судя по плану, углублена старая траншея). Обнажившиеся ямы с человеческими костями были разграблены местными жителями; у грабительских вкопов собрана большая

¹ Выражаю искреннюю благодарность хранителю археологической коллекции Национального музея Удмуртской Республики им. К. Герда Т.Ю. Прокопьевой за помощь в публикации предмета.

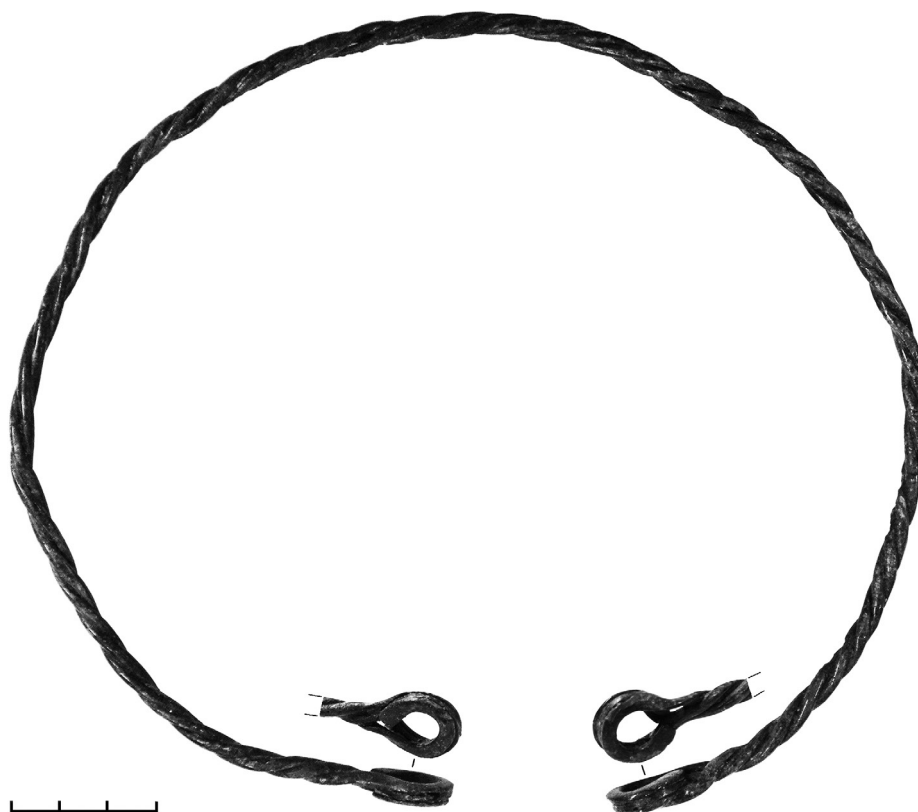

Рис. 1. Витая гривна с концами в тройную петлю из Покровского могильника.
Фото предоставлено Т.Ю. Прокопьевой, обработано О.Ф. Хайруллиной

коллекция предметов, в том числе и витая гривна. Происходило украшение, судя по описанию и планам, из разрушенного погребения, размещавшегося ранее в южной части могильного мыса, предположительно на участках П-Ц/6-11 (Останина, 1992, рис. 2).

Предмет ранее не публиковался; в общем своде погребального инвентаря мазунинской культуры информация о нем отсутствует (Останина, 1997). Краткое упоминание о витой гривне имеется лишь в научно-отчетной документации (Останина, 1980, табл. II, 1) и в каталоге археологической коллекции Покровского могильника (Останина, 1992, с. 7). В настоящий момент украшение размещено в постоянной экспозиции Национального музея Удмуртской Республики им. К. Герда (шифр предмета УРМ-14037/120), в разделе, посвященном археологическим памятникам Удмуртии – могильникам мазунинской культуры.

Описание предмета, аналогии, культурный контекст

Рассматриваемое шейное украшение состоит из трех массивных округлых в сечении перевитых бронзовых проволок, концы которых раскованы и завернуты в петли диаметром 1,8 и 2,0 см (рис. 1). Размер гривны составляет 16,5×18,9 см, толщина 0,5 см. Сохранность полная, поверхность патинирована.

По мнению исследователей, ареал распространения подобных гривен занимает территорию Среднего Поднепровья, Подесенья и Поочья, но там они весьма немногочисленны и выявлены главным образом в составе кладов – Межигорский, Брянский, Мощинский, Глажевский (Воронятов, Хомякова, 2018, с. 82). В уборе населения киевской культуры такие украшения могли использоваться вместе с трапециевидными пластинчатыми подвесками, которые подвешивались к петлям гривен с помощью пластинчатых держателей (Корзухина, 1978, с. 44–45; Воронятов, Хомякова, 2018, с. 82, рис. 9, 2, табл. VII). Прототипами их выступают предметы, найденные на довольно значительном расстоянии от среднеднепровских, деснинских и окских находок – в культурах западнобалтского круга и культуре Таранд, где они встречаются со II по IV в., преимущественно первые десятилетия этого столетия (Воронятов, Хомякова, 2018, с. 83–85, рис. 65). Предполагается, что, как и в западнобалтских древностях, витые гривны с петлями на концах отражают более высокий социальный статус владельцев таких украшений и являются маркером местных элит (Воронятов, Хомякова, 2018, с. 84–85).

Прямые аналоги мазунинской витой гривне происходят из погребений рязано-окских могильников Кораблино (мыс I, погребение 1) и Кузьминский (погребение 69) (Спицын, 1901, табл. XVIII, 6;

Рис. 2. Схема расположения Покровского могильника

Ахмедов, 2007, с. 142–144, 166, рис. 12, 2; 2018, с. 148; Ахмедов, Белоцерковская, 2019, с. 139–141), первое из которых датировано второй-третьей четвертями IV в.² Однако выпадение гривен вкладах фиксируется значительно раньше – предположительно в середине III в. (Брянский, Мощинский клад), – и там они встречаются преимущественно с украшениями средней стадии развития восточноевропейских эмалей, но в начале использования их дериватов (Обломский, 2018, с. 130, 243, 247, 248). Симптоматично, что в коллекции Покровского могильника, помимо гривен, имеются еще две перекладчатые (Т-образные) фибулы финальной стадии развития варварских эмалей (Останина, 1992, рис. 21, 14; Никитина, 2020, рис. 4, 2). Причем оба погребения с такими застежками – 125 и 234 – встречены в южной части некрополя, рядом с разрушенной частью 1980 г. (участки П/11, X/14), т.е. там, где предположительно и была найдена витая гривна (Останина, 1992, рис. 2).

Сочетание на одном памятнике такой достаточно редкой и статусной вещи убора восточноевропейских эмалей, как витая гривна с концами в тройную петлю и поздних Т-образных фибул (местного, средневожского (?) происхождения) (Ахмедов, 2018, с. 157, 158), выглядит довольно

необычным, но явно неслучайным. В этой связи также представляется закономерным выпадение шейных украшений одного типа (целых предметов, а не обломков) в могильниках лесных культур Верхневолжья и Среднего Прикамья, временные связи которых прослеживаются по материалам поясной гарнитуры «эпохи Суворово» (с зооморфными язычками пряжек в комплексах Кузьминское 69 и Покровский 109В и 125) (Спицын, 1901, табл. XXII, 9, 11, 15; Малашев, 2000, с. 196, 201, 202, 205–207; Гавритухин, 2022, с. 275, 277, рис. 3, 38, 42, 45).

Механизмы распространения восточноевропейских выемчатых эмалей позднезарубинецкими общностями среди лесных и лесостепных культур Восточной Европы посредством военных, торговых, матримониальных либо иных других контактов (Радюш, 2024, с. 86) еще предстоит установить на более широком археологическом материале. Материалы отдельных памятников, как, например, Покровского могильника мазунинской культуры, демонстрируют прямые факты такого культурного взаимодействия на определенных хронологических срезах (относительно Покровского могильника – предположительно середины IV в. н.э.).

¹ Первоначально комплекс погребения 69 Кузьминского могильника был отнесен И.В. Белоцерковской к периоду 2а (конец III – первая половина IV в.) (Белоцерковская, 2007, с. 193, 199, 200, рис. 8, 14; 9, 23–26), позднее датирован второй половиной – концом IV в. (Белоцерковская, 2012, с. 56), в последних работах омоложен до конца IV – начала V в. (Ахмедов, Белоцерковская, 2019, с. 139–141). Хотя исследователем особо подчеркивается «архаичность» убора из данного погребения (Белоцерковская, 2012, с. 68, 69). Судя по поясному набору «типа Суворово», с зооморфными язычками пряжек и с круглым расширением щитка, наконечниками Н5 (Спицын, 1901, табл. XXII, 9, 11, 15), погребение 69 не должно выходить за рамки четвертой четверти IV – начала V в. (Гавритухин, 2022, с. 277, 286, 288, 291).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахмедов И.Р.* Инвентарь мужских погребений / Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысяч.л. М.: ИА РАН, 2007. С. 137–185. (Раннеславянский мир. Вып. 9)
- Ахмедов И.Р.* Находки круга восточноевропейских эмалей на Волге и Оке // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (Ш в. н.э.). М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2018. С. 146–158. (Раннеславянский мир. Вып. 18)
- Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В.* Находки круга «восточноевропейских» эмалей и некоторые вопросы формирования культурного комплекса рязано-окских финнов // КСИА. 2019. Вып. 254. С. 128–151. <https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.254.128-152>
- Белоцерковская И.В.* Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М.: ИА РАН, 2007. С. 186–212. (Раннеславянский мир. Вып. 9)
- Белоцерковская И.В.* Об одном типе женского костюма окских финнов гуннского и постгуннского времени // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2012. С. 55–78.
- Воронятов С.В., Хомякова О.М.* Витые гривны с окончанием в виде петель // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (Ш в. н.э.). М.; Вологда: ИА РАН; Древности Севера, 2018. С. 82–85. (Раннеславянский мир. Вып. 18)
- Гавритухин И.О.* Хронология и динамика культур в конце позднесарматского времени и начале эпохи Великого переселения народов // Археология Волго-Уралья. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов. Казань: АН РТ, 2022. С. 272–316.
- Корепанов К.И.* Отчет о работе Ижевского разведывательного отряда Камско-Вятской археологической экспедиции в 1973 году // Архив Учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии УдГУ. Ф. 2. Д. 8.
- Корзухина Г.Ф.* Предметы убора с выемчатыми эмальями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье. Л.: Наука, 1978. 123 с. (САИ. Вып. Е1-43)
- Красноперов А.А.* Предмет круга восточноевропейских выемчатых эмалей из Тарасовского могильника на средней Каме // КСИА. 2024. Вып. 277. С. 273–289.
- Малашев В.Ю.* Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.
- Никитина А.В.* Находки восточноевропейских выемчатых эмалей в лесостепной зоне Среднего Поволжья // Germania – Sarmatia. Вып. III. М.: ИА РАН, 2020. С. 220–243.
- Обломский А.М.* Проблемы изучения кладов украшений с эмальями в Поднепровье и Подонье // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (Ш в. н.э.). М.; Вологда: ИА РАН; Древности Севера, 2018. С. 237–253. (Раннеславянский мир. Вып. 18)
- Останина Т.И.* Отчет о раскопках Покровского могильника около дер. Сизяшур Мало-Пургинского района УАССР летом 1977 года // Архив НМУР. Д. 497.
- Останина Т.И.* Отчет о раскопках Покровского могильника (дер. Сизяшур, Мало-Пургинский район), проведенных летом 1980 года. Отчет об археологических исследованиях УРКМ летом 1980 г. // Архив НМУР. Д. 547а.
- Останина Т.И.* Покровский могильник IV–V вв. Каталог археологической коллекции. Ижевск: Алфавит, 1992. 96 с.
- Останина Т.И.* Население среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 326 с.
- Радюш О.А.* Происхождение и атрибуция предметов стиля восточноевропейских выемчатых эмалей (конец II – IV в. н.э.), найденных к югу и востоку от основного днепровского ареала // Нижневолжский археологический вестник. 2024. Т. 23. № 4. С. 75–114. <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.4>
- Спицын А.А.* Древности бассейнов рек Оки и Камы // Материалы по археологии России. № 25. СПб.: Типография Тов-ва Художественной печати, 1901. 150 с.

Сведения об авторе

Ольга Фаридовна Хайруллина, лаборант НИЦ Камско-Вятская археологическая экспедиция Удмуртского государственного университета, Российская Федерация, г. Ижевск. E-mail: olenbka93@bk.ru

ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ ПРИКАМСКИХ КУЗНЕЦОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э. (ПО МАТЕРИАЛАМ ТАРАСОВСКОГО МОГИЛЬНИКА)

В.В. Кондрашин¹, С.Е. Перевошиков², М.Г. Калашников¹

¹Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань, Россия

²НПЦ «ПрикамАрхеология», Ижевск, Россия

Аннотация. Изучение черного металла Тарасовского могильника I–V вв. н.э. (пьяноборская, мазунинская культуры) позволило установить основные черты кузнечных традиций населения, оставившего данный памятник, а также охарактеризовать технологический арсенал, которым располагали кузнецы, чьи изделия оказались среди погребального инвентаря Тарасовского могильника.

Ключевые слова: Тарасовский могильник, пьяноборская культура, мазунинская культура, погребальный инвентарь из черного металла, металлографический анализ, технология изготовления

Цитирование. Кондрашин В.В., Перевошиков С.Е., Калашников М.Г. Техничко-технологические стереотипы прикамских кузнецов первой половины I тысячелетия н.э. (по материалам Тарасовского могильника) // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничного. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 119–121.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Академии наук Республики Татарстан № 24-28-20460.

Объектом проведенного металлографического исследования выступают кузнечные изделия из погребального инвентаря Тарасовского могильника I–V вв. н.э., раскопанного в 1980–1997 гг. Камско-Вятской археологической экспедицией под руководством Р.Д. Голдиной (Голдина, 2003; 2004). К сожалению, плохая сохранность значительной части железных вещей, найденных в погребениях, не позволила взять шлифы с большинства образцов поковок. В коллекцию вошли 99 предметов: 44 ножа, 11 наконечников копий, три топора, один кельт (тесло?), три наконечника стрел, пять колчаных крючков, пять удил, три кольца, две гривны, одно шило, пять «кос», три крицы и 13 мечей. Переходя к описанию результатов исследования, необходимо отметить, что частично эти результаты уже были введены авторами в научный оборот. Данная публикация преследует цель создания обобщенной технологической картины черного металла, использовавшегося прикамским населением в первой половине I тыс. н.э. (Кондрашин, Перевошиков, 2002, Кондрашин, 2003, Перевошиков, Кондрашин, 2005, Перевошиков, Пастушенко, 2006, Перевошиков, Малых, 2014, Голдина, Перевошиков, 2017).

Ножи. Основным сырьем при их изготовлении служило кричное железо и сырцовая сталь. Набор технологических схем изготовления ножей оказался наиболее разнообразным среди всех категорий предметов из черного металла, найденных на Тарасовском могильнике.

Целиком из железа или неравномерно науглероженной сырцовой стали выкованы 15 экземпляров ножей – практически 34% от выборки, представляющей эту категорию. По схожей технологии целиком из малоуглеродистой стали, но с равно-

мерным распределением углерода выполнены лезвия 5 ножей – 11,5%. Два ножа (4,6%) оказались изготовлены из стальной заготовки, способной принять закалку. Из сырцовой стали, но с применением локальной цементации и последующей закалкой был изготовлен один нож.

В шести случаях при производстве ножей использовались заготовки из двух полос – мало- или среднеуглеродистой железной, в некоторых случаях мало- или неравномерно науглероженной полосы, с полосой, содержащей большее количество углерода (13,8%). В свою очередь, и сами полосы могли создаваться путем пакетирования – неоднократного перегиба и сварки железных или стальных пластин. Таких ножей обнаружилось 15 (34,5%).

Следы науглероживания (цементации) обнаружены при исследовании четырех ножей.

Удила. Во всех случаях откованы из перекаленного железа, иногда встречаются и случайно науглероженные участки. В двух случаях была науглерожена поверхность изделия.

Кольца изготавливались в основном из плохо прокованной неравномерно науглероженной сырцовой стали при высоких температурах (2 экз.), а также целиком из малоуглеродистой стали с равномерным распределением углерода при оптимальном температурном режимековки (1 экз., бра слет?)

Гривны производились из сырцовой малоуглеродистой стали сравнительно неплохого качества.

Шило было сделано из кричного железа.

Крицы. Все три крицы представляют собой округлую, вогнутую лепешку, диаметром от 15 до 18 см и толщиной 5–6 см, весом 5,2 кг. Макро-

структурное наблюдение выявило плотную структуру металла всех трех криц, незаваренные пустоты практически отсутствовали.

Наконечники копий откованы по трем технологическим схемам:

1) целиком из сырцово-кличного железа (7 экз., в пяти случаях была применена локальная цементация);

2) сварка железной и стальной полос (2 экз.);

3) из многослойной малоуглеродистой заготовки и приваренной стальной полосы, содержащей большее количество углерода.

У одного из наконечников установлена нестандартная для изученной выборки схема: основой служила трех-четырёхслойная скрученная малоуглеродистая заготовка, к которой приварили другую заготовку, выкованную из лома или разнородного сырья – мало и среднеуглеродистой стали. По краям подвергся цементации.

Топоры. Два топора принадлежат к типу проушных топоров с узким сильно вытянутым лезвием (т.н. «секировидные предметы»).

В одном изделии выявлена технология боковой наварки стальной среднеуглеродистой полосы на основу из сырцово-кличного железа. Следует отметить хорошее качество как собственно сварки, так и самого наварного металла, металл основы при этом был невысокого качества.

Второй топор, более массивный и сбалансированный, чем типичные «секировидные предметы», изготовлен из двух стальных частей с четкой границей между ними. Одна из стальных полос, выходящая на рабочий край, имела повышенную концентрацию углерода (около 0,6%).

Лезвие третьего топора сделано по технологии боковой наварки на пакетированную из кличного железа основу. На рабочую часть выведена стальная полоса со структурой, соответствующей мягкой закалке.

Лезвие втульчатого топора имело конструкцию, близкую предыдущему экземпляру, с той разницей, что пакетированной была полоса сырцово-кличного железа. Качество как железа, так и стали низкое.

Наконечники стрел. Все образцы отличаются неплохим качеством сырья. Один из трёх изученных наконечников откован при высоких температурах из малоуглеродистой заготовки с относительно равномерным содержанием углерода, и, уже остывший, был прокован дополнительно. Наконечник с шипами выкован целиком из мягкого кличного железа. При создании трехлопастного наконечника стрелы использовалась кузнечная сварка, кроме того, он был резко охлаждён.

Колчаные крючки создавались следующим способом: заготовка – полоса из железа или сырцово-кличного железа (иногда пакетированной), перегибалась на оправке пополам таким образом, что получалась подтреугольная петля, концы ее сварива-

лись и затем загибались в крючок. Два экземпляра откованы целиком из кличного железа (погр. 618 – ан. 138, погр. 742 – ан. 140), один из сырцово-кличного (погр. 673 – ан. 139).

Один из крючков имел волнообразную верхнюю часть. Отковывался он соответственно иначе, чем другие отобранные для анализа крючки: из места сгиба формовалась загнутая часть, а несваренные концы свернуты в валюты. Анализ данного экземпляра выявил схему продольной сварки железной и стальной частей одной заготовки, причём стальная составляющая была специально науглерожена.

Почти по такой же схеме, но с применением поверхностной цементации и из многослойной малоуглеродистой заготовки был сделан ещё один из крючков.

«Косы-горбуши». В коллекции Тарасовского могильника присутствуют 12 экземпляров этих изделий, металлографически изучено пять. Все изготовлены достаточно тщательно, с использованием качественного сырья.

Три «косы» изготовлены из трехслойных заготовок по двум технологическим схемам:

а) основа откована из неравномерно науглероженной стали, в которую одна углеродистая полоса была вварена, а другая наварена, обе эти полосы имели резкую закалку (1 экз.);

б) из трёх полос: двумя наваренными высокоуглеродистыми мягко закалёнными полосами (сверху и снизу) на полосу из сырцово-кличного железа (в середине) (2 экз.).

Две «косы» были изготовлены из пакетного металла. Рабочая часть одной из них была закалена. Другая «коса» изготовлена из хорошо прокованной сырцово-кличного железа.

Мечи. В Тарасовском могильнике обнаружено 26 мечей, 15 из них изучено с помощью металлографии.

Основу клинка из погр. 129 составила скрученная по продольной оси многослойная (дамаскированная) заготовка. К ней были приварены среднеуглеродистые пластины, образующие режущую кромку. Клинок был резко закален, а затем отпущен (нагрет заново).

Меч из погр. 608 откован из многослойной железной заготовки. В металле полосы, находившейся с внешней стороны меча, фиксировалось достаточно большое количество фосфора.

По подобной же технологии (многослойная заготовка) изготовлен и меч из погр. 131А. Рабочий край меча был слабо науглерожен (содержание углерода 0,2–0,25%) и дополнительно прокован в остывающем состоянии.

Многослойная основа выявлена и у меча из погр. 1307. Она состоит из последовательного чередования слоев металла – металлических структур тёмного и светлого цветов. Вероятнее всего, две полосы с различным содержанием углерода

многократно перегибались и сваривались между собой, в результате чего появилась своеобразная «дамасскированная» структура.

Палаш из погр. 1317¹ откован из качественной заготовки, сваренной из полос неравномерно науглероженной стали. Клинок был подвергнут локальной цементации в «сильной части» клинка и закалён в мягкой среде.

Меч из погр. 1125 откован из равномерно науглероженной стальной заготовки, полученной сквозной цементацией. Клинок не имел признаков закалки.

Клинок из погр. 446 откован из трех стальных полос с разными показателями твёрдости: с более твёрдой в центре и мягкими по бокам.

Обнаруженный в погр. 782 меч откован из стальной заготовки с высоким содержанием углерода. Особенностью структуры металла данного меча было наличие цементита, т.е. металл имел повышенную микротвёрдость, но в то же время изделие становилось более хрупким.

При анализе меча из погр. 765А выяснилось, что клинок был изготовлен из кричного железа с последующей поверхностной цементацией и мягкой закалкой. Ковка лезвия на завершающем этапе проходила при пониженной температуре.

Обломок клинка, обнаруженный в погр. 1737, изготовлен из качественной, вероятно, литой ти-

гельным способом стали. Примечательно, как и в случае с мечом из погр. 608, большое количество фосфора, придающего металлу дополнительную твердость.

Из тигельной высокоуглеродистой стали оказался откованным и меч, фрагмент которого обнаружен в одном из разрушенных погребений. Меч был закалён.

Основа меча из другого разрушенного погребения многослойная, причём отдельные полосы из железа и стали, также, в свою очередь, были пакетированными. Сварка всех слоев проведена на высоком уровне, швы четкие и чистые. Использованная сталь имела равномерное распределение углерода.

Технологии изготовления мечей тарасовской коллекции не характерны для традиций местной металлообработки первой половины I тыс. н.э. Следует полагать, что мечи, обнаруженные в могильнике, попадали к оставившему его населению в качестве импорта. Совершенно определённо это можно сказать в отношении мечей из тигельной стали (Завьялов и др., 2009, с. 110).

Определяя качество исследованных поковок, можно охарактеризовать его в большинстве случаев как хорошее, удовлетворяющее эксплуатационным требованиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск: Удмуртия, 2003. 724 с.
- Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. I. Ижевск: Удмуртия, 2004. 319 с.
- Голдина Р.Д., Перевоицков С.Е. О клинковом оружии Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме // Уральский исторический вестник. 2017. № 1 (54). С. 97–107.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья. М.: Знак, 2009. 264 с.
- Кондрашин В.В. Железообработка в Среднем Поволжье и Прикамье в III в. до н.э. – VII в. н.э. (технологический аспект). Автореф. дисс. ... канд. наук. Ижевск, 2003. 24 с.
- Кондрашин В.В., Перевоицков С.Е. Металлографический анализ ножей и наконечников копий из Тарасовского могильника (По материалам раскопок Р.Д. Голдиной) // Археология та етнологія східної Європи: матеріали і дослідження. Т. 3. Одеса: Друк, 2002. С. 130–132.
- Перевоицков С.Е., Кондрашин В.В. О «секировидных» предметах из азелинско-мазунинских памятников Прикамья // Коми-пермяки и финно-угорский мир: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Кудымкар: Алекс-Принт, 2005. С. 108–112.
- Перевоицков С.Е., Малых О.О. К вопросу о происхождении мечей Тарасовского могильника (по данным металлографии) // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2014. Вып. 61. № 22 (351). С. 18–26.
- Перевоицков С.Е., Пастушенко И.Ю. «Косы-горбуши» в средневековых памятниках Прикамья // Российские немцы: история и современность: Материалы науч.-практ. конф. Вып. 5. Ижевск: УдГУ, 2006. С. 105–121.

Сведения об авторах

Виталий Викторович Кондрашин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, Российская Федерация, г. Казань. E-mail: willikon@yandex.ru

Станислав Евгеньевич Перевоицков, кандидат исторических наук, генеральный директор ООО НПЦ «ПрикамАрхеология», Российская Федерация, г. Ижевск. E-mail: stasus63@mail.ru

Марк Глебович Калашников, техник отдела ГИТ, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, Российская Федерация, г. Казань. E-mail: marckalashnikov@yandex.ru

¹ Изучение образцов (ан. 402, 407) было проведено к.и.н. Ю.А. Семькиным. Авторы выражают признательность Ю.А. Семькину за предоставленные результаты исследования.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ А.Х. ПШЕНИЧНЮКА О РОЛИ КАРА-АБЫЗСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ БАХМУТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

А.Г. Колонских

Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН, Уфа, Россия

Аннотация. Работа посвящена исследованию роли кара-абызской археологической культуры в генезисе культурных традиций бахмутинского населения в Уфимско-Бельском междуречье. Подробная характеристика материалов раннего железного века позволила А.Х. Пшеничнюку сформулировать представление о формировании бахмутинской культуры на основе кара-абызской.

Ключевые слова: керамика, бахмутинская культура, кара-абызская культура, А.Х. Пшеничнюк

Цитирование. Колонских А.Г. Научное наследие А.Х. Пшеничнюка о роли кара-абызского населения в формировании бахмутинской культуры // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничнюка. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 122–123.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках темы государственного задания FMRS-2025-0051.

Анатолий Харитонович Пшеничнюк является общепризнанным знатоком древностей Южного Урала. Его многолетний опыт полевых работ на археологических объектах различных эпох позволял ему относительно свободно ориентироваться в материале различных культур и исторических периодов.

В рамках тем научно-исследовательских работ ИИЯЛ БФАН СССР «Древняя история Башкирии. Эпоха бронзы и раннего железа», «Археологическая карта Южного Урала», а также в ходе охраняемых полевых исследований в зоне строительства Нижне-Камской ГЭС, в период с 1963 по 1971 г. А.Х. Пшеничнюком было только открыто 68 поселений, а в общей сложности обследовано около 80 селищ и городищ бахмутинской культуры (Колонских, 2024, с. 24).

Эти работы позволили ему довольно чётко проследить генетическую связь кара-абызской и бахмутинской культур, как на материале погребального обряда, так и на материале поселений (Пшеничнюк, 1971, с. 91). Наиболее близкими керамическими традициями поселений автор называет круглодонные сосуды с широким низким горлом и слабо раздутым туловом, с орнаментом в виде пояса ямок по шейке. Действительно, морфология сосудов указанных культур имеет определенное сходство, однако сочетания типов форм (горшки/чаши, закрытые/открытые), а также типов орнаментов имеют серьезные отличия. То же самое касается и примесей формовочных масс. Примером тому служит собственно кара-абызский и убаларский тип керамики кара-абызской культуры (Пшеничнюк, 1964, с. 97). Так, более сходный по орнаменту кара-абызский тип керамики отли-

чается от бахмутинской по примеси раковины, а убаларский (а после имендьяшевский) имеет примесь песка, но при этом совсем иной узор.

Важное значение, на наш взгляд, имеет чёткое разделение А.Х. Пшеничнюком «башкирской, бельской» групп раннебахмутинского населения и «удмуртского» мазунинского. Данная точка зрения, ставшая, вероятно, для него ориентиром, в своё время была высказана В.Ф. Генингом (Генинг, 1972, с. 240). Если различия погребального материала указанных групп для А.Х. Пшеничнюка были очевидными, то, судя по данным из отчётов, поселенческая мазунинская керамика либо вызвала затруднения в атрибуции в принципе, либо в выделении её из совокупности бахмутинской керамики. На Ново-Кабановском городище (раскопки 1969 г.) данный тип керамики обозначен им как «поздний» – фрагменты с примесью раковины и песка в тесте, с шероховатой поверхностью, от больших круглодонных сосудов с широким прямым горлом и резким переходом в сильно раздутое тулово, все сосуды орнаментированы защипами и насечками по верхнему срезу венчика (Пшеничнюк, 1969, с. 29). По результатам исследований городища Петер-Тау (Юлдашевское) в 1970 г. данный тип керамики был описан в составе бахмутинской (Пшеничнюк, 1970, с. 16). До широких исследований Т.И. Останиной в 1973–1975 гг. Чужьяловского, Сосновского и Постольского городищ на правобережье р. Кама данные по однослойным памятникам с подобной керамикой, как эталонной, просто отсутствовали (Останина, 1997, с. 15). Кара-абызские племена, по мнению А.Х. Пшеничнюка, стали основой и для башкирской, и для удмуртской группы населения (Пшеничнюк, 1973, с. 241).

В то же время А.Х.Пшеничнюку были прекрасно известны и различия кара-абызских и бахмутинских памятников. Он предполагал, что эти различия могут быть непосредственным свидетельством того, что в формировании бахмутин-

ской культуры приняла участие и определенная часть пришлых племен (Пшеничнюк, 1973, с. 243). Эта точка зрения очевидна и для автора, несмотря на то, что она ещё требует конкретного подтверждения археологическим материалом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. н.э. (проблема этноса и его происхождение) // Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972. С. 221–295.

Колонских А.Г. Поселения бахмутинской культуры в Уфимско-Бельском междуречье. Дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2024. 344 с.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.

Пшеничнюк А.Х. К вопросу о керамике кара-абызских поселений // Археология и этнография Башкирии. Т. 2. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1964. С. 93–100.

Пшеничнюк А.Х. Научный отчет об археологических исследованиях на территории Башкирии в 1969 году. Уфа, 1969 / Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. оп. 2. д. 751.

Пшеничнюк А.Х. Научный отчет об археологических исследованиях на территории Башкирии в 1970 году. Уфа, 1970 / Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. оп. 2. д. 767.

Пшеничнюк А.Х. Племена раннего железного века в Башкирии // Археология и этнография Башкирии. Т. 4. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1971. С. 89–92.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура: (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // Археология и этнография Башкирии. Т. 5. Уфа, 1973. С. 162–243.

Сведения об авторе

Александр Геннадьевич Колонских, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН, Российская Федерация, г. Уфа. E-mail: kontrobazz@mail.ru

ПОГРЕБЕНИЯ С НАХОДКАМИ КАРА-АБЫЗСКИХ ТИПОВ
НА ЮГОМАШЕВСКОМ МОГИЛЬНИКЕА.А. Красноперов¹, Э.В. Камалеев²¹ Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Ижевск, Россия² Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН, Уфа, Россия

Аннотация. Рассмотрены находки из двух погребений Югомашевского могильника на севере Башкирии. Могильник в целом атрибутируется как мазунинский. Но среди инвентаря присутствуют предметы инокультурного происхождения, в том числе типичные для гляденовской и кара-абызской культур. В этой публикации внимание сосредоточено на находках кара-абызских типов. В погребении II/11 найдены фрагменты бляшки с грифонами, являющейся «этнографическим» маркером кара-абызской культуры. Распространение таких бляшек за пределами ареала в основном синхронно с памятниками среднесарматского времени. Всего в двух случаях в Прикамье подобные накладки найдены в могилах мазунинской культуры позднесарматского времени. Таких накладок неожиданно много в памятниках Посурья. В могиле II/51 найдены накладка и пронизка, которые типологически также характерны именно для кара-абызских древностей. Могила датируется по пряжке второй половиной IV в. н.э.

Ключевые слова: типология, накладки, мазунинская культура, кара-абызская культура, Прикамье, Посурье

Цитирование. Красноперов А.А., Камалеев Э.В. Погребения с находками кара-абызских типов на Югомашевском могильнике // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничникова. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 124–126.

Югомашевский могильник расположен в д. Югомашево Янаульского р-на Республики Башкортостан (Археологическая ..., 1976, № 534), выявлен в ходе разведочных работ Н.А. Мажитова 1967 г. (Мажитов, 1967), которым раскопана одна могила (Мажитов, 1968, с. 109). Участки, свободные от застройки (улица, огород) раскапывались С.М. Васюткиным и В.К. Калининым в 1975 г. в рамках археологической практики студентов БГУ (Васюткин, Калинин, 1975). Три раскопа было вскрыто 656 м² с 81 погребением. Нумерация могил и участков самостоятельная для каждого раскопа. Результаты раскопок не опубликованы, кроме нескольких разрозненных предметов, попавших еще в информационное сообщение о проведенных работах (Васюткин и др., 1976, рис. на с. 165). Позднее Т.И. Останина использовала материалы для разработки хронологии мазунинской культуры и издала несколько комплексов: пп. II/7, 10, 16, 24, III/4 (Останина, 1997, рис. 35, 36). Поясную garnитуру привлекала к своим исследованиям О.С. Белявская (Белявская, 2018; 2023), коллекцию бус обработала Р.Р. Русланова (Русланова, 2013; 2018). Авторами этой статьи готовится полная публикация памятника, в рамках подготовки которой отдельные комплексы заслуживают большего внимания.

По комплексу находок памятник традиционен и атрибутируется как мазунинский, что возражений не вызывает. Однако, наряду с мазунинскими, присутствуют и элементы иного происхождения, представляющие интерес в контексте межкультур-

ных связей. Ранее были рассмотрены погребения с гляденовскими находками (Красноперов, Камалеев, 2024). В представляемой работе обсуждаются вещи кара-абызских типов.

Кара-абызские предметы найдены в двух могилах, в одной (№ II/11) находка бесспорна, во второй (№ II/51) требует более подробного обсуждения. Полностью комплексы готовятся к печати, в настоящей публикации затронуты лишь вопросы контекстов.

Небольшой комплекс могилы II/11 включает две железные пряжки, нож и характерную кара-абызскую наладку с грифонами. То, что накладки в виде грифонов являются «визитной карточкой» именно кара-абызской культуры, в доказательствах не нуждается. Этот элемент мог попасть только из этой среды. Но в контексте любопытно распространение таких накладок вне ареала самой культуры (первые наблюдения высказаны в: Красноперов, 2018, с. 59, прим. 12, рис. 22). В Прикамье/Волго-Уралье кара-абызской культуре (на разных этапах) синхронны и соседствуют с ней пьяноборская, мазунинская, гляденовская культуры. Гляденовская культура на ранних этапах находками бедна. В ней заметно влияние (и взаимодействие) с пьяноборской (височные подвески?, шейные подвески, поясные накладки, застежки с неподвижным крючком) (Перескоков, 2018, рис. 30, 34–41; 31, 26, 27; 35, 9; 36, 1–3, 6, 7) и мазунинской (височные подвески, бабочковидные фибулы, пронизки) (Перескоков, 2018, рис. 30, 24–28; 31, 35; 34, 27, 28; 35, 12) культурами. Имеются и примеры

обратного влияния (гляденовская керамика на юге и севере Удмуртии). Но кара-абызских находок среди гляденовских материалов, кажется, нет.

Накладки в виде грифонов найдены в пьяноборских погребениях (Ново-Сасыкуль, п. 322, Тарасово, п. 852), включая и целый пояс (Юлдашево, п. 51). Также найдены пряжки (Нырғында II, п. 202, Ново-Сасыкуль, п. 29, 242). В двух случаях накладки найдены в слое поселений, на которых присутствуют и пьяноборские, и мазунинские материалы (городища Зуевы Ключи I, Вотикеево-2). Еще в одном (Усть-Сарапулка, п. 72) накладка в определенно мазунинском контексте.

Попадают такие накладки далеко в Сибирь (Барсов Городок I/9(?), «сборы»). Намного больше их к западу от Прикамья (Измери сел., сборы Е.П. Казакова, Напольновское I сел., Ражки, п. 49/2015 и п. 59/2015, Шемышейка, п. 3, Тезиково, п. 41)¹. В комплексе Тезиково п. 41 найдена подвеска с эмалью, относящаяся к концу III – первой половине IV в. (Ахмедов, 2018, с. 149, рис. 114, 5; Румянцев, Трифонов, 2021, с. 127, рис. 1, I; 2, I). Прочие не датируются.

Погребение II/11 Югомашевского могильника, наряду с находкой из Усть-Сарапулки, образует ограниченную серию находок накладок в виде грифонов на мазунинских памятниках².

В могиле II/51 сочетаются разнородные элементы, не дающие однозначной культурной атрибуции: височная подвеска «харинского типа», «мазунинские» накладки головного убора, пронизки в виде медведей с выступающей втулкой, «бутылчатые» пронизки, бляшки разных форм, бронзовые бусы, костяная трубочка, пряжка и наконечник ремня, перламутровая подвеска (?), накладка и пронизка-обойма. Последние две, на наш взгляд, являются кара-абызскими.

Поясные накладки такой формы обычно сопоставляются с мазунинскими. С.Л. Воробьева выделила находки из 11 погребений Шиповского и Охлебнинского могильников в тип А.3, и отметила, что «аналогичные изделия в массовом количестве происходят с памятников мазунинской культуры» (Воробьева, 2012, с. 135). Однако есть нюансы (разобраны в специальной публикации) (Краснопе-

ров, 2025), позволяющие считать вариант формы, найденной в п. II/51 Югомашево, именно специфически кара-абызским.

Пронизка-обойма, или полупронизка, также не характерна для мазунинских памятников. Нет такой формы и в гляденовской культуре. Зато не единичны находки их в кара-абызских могильниках. С.Л. Воробьева указывает (Воробьева, 2012, с. 193, табл. 181, 182, рис. 68, 2, 3) на 34³ погребения с находками обойм с вырезами на обороте (тип А.1) на Ново-Уфимском, Охлебнинском, Шиповском могильниках. В комплексе п. II/51 Югомашево найдена пряжка, сопоставимая с Малашев-П-10, но с прямоугольным/трапециевидным щитком, т.е. датирующаяся в пределах второй половины IV в. н.э.

Рассмотренные находки гляденовского и кара-абызского происхождения на мазунинском Югомашевском могильнике, а также ареалы распространения гляденовских и кара-абызских находок за пределами культур позволяют иначе интерпретировать слово «миграции». В «хрестоматийном» понимании миграции – это переселение *групп* людей, приносящих отличающийся культурный *комплекс*, или существенно меняющих плавное непрерывное развитие местных древностей.

Такое прямо- и однолинейное объяснение гонимось 70 лет назад. И сейчас такое объяснение уже не релевантно. Внимание к единичным (не к целостному комплексу) находкам позволяет ставить (пока без ответов) вопросы частных контактов: обмен (изделиями, технологиями, внешними формами), заимствование, подражание, случайная находка, подарок, кража; перемещение самой вещи или перемещение человека с принадлежащими ему вещами. Непосредственно «миграции», о которых грезил в середине прошлого века, – это экстремальные случаи, резко выходящие за пределы «нормы». А «нормой» являются повседневные частные контакты. Нарисованные на археологических картах границы культур не являлись государственными границами с пограничным контролем. Они были вполне проницаемы. И не массовые находки, но культурно-специфических форм, отражают такие формы контактов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археологическая карта Башкирии. М.: Наука, 1976. 263 с.

Ахмедов И.Р. Находки круга восточноевропейских эмалей на Волге и Оке // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.). М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2018. С. 146–158. (Раннеславянский мир. Вып. 18)

¹ Их распространение позволило В.В. Ставицкому высказать предположение об участии кара-абызского населения в сложении «древнемордовской» культуры и, видимо, андреевско-писеральских памятников (Ставицкий, 2014, с. 17; 2015, с. 122; 2017, с. 8).

² В литературе регулярно повторяется не имеющий реальных оснований тезис об участии кара-абызского населения в формировании мазунинской культуры. Кажется, единственный, кто придерживается противоположного мнения о влиянии мазунинской культуры на кара-абызскую, это В.В. Овсянников (Овсянников, 2006а, с. 87; 2006б, с. 91).

³ Обойма на Биктимировском I могильнике (Пшеничнюк, 1964, рис. 4, I) существенно отличается.

Белявская (Крапачева) О.С. Ременная гарнитура и хронология погребения Югомашевского могильника // Вестник Пермского университета. История. 2018. Вып. 1 (40). С. 86–100. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2018-1-86-100>

Белявская О.С. Хронология ременных гарнитур Южного Приуралья III – рубежа VII и VIII вв. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2023. 599 с.

Васюткин С.М., Калинин В.К. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции Башгос-университета в 1975 г. / Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 5657, 5657а.

Васюткин С.М., Калинин В.К., Обыденнов М.Ф. Экспедиция Башкирского государственного университета // Археологические открытия 1975 года. М.: Наука, 1976. С. 164–165.

Воробьева С.Л. Типология элементов убранства костюма кара-абызской культуры эпохи раннего железа. Дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2012. Т. 1. 291 с.; Т. 2. 138 с.

Красноперов А.А. Анахронизмы среди погребального инвентаря. Пьяноборские вещи в мазунинских погребениях: процесс смены времен в Прикамье // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 56–86.

Красноперов А.А., Камалеев Э.В. Два погребения Югомашевского могильника: к вопросу о взаимодействии гляденовской и мазунинской культуры в контактной зоне // Археология Евразийских степей. 2024. № 6. С. 119–128. <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.119.128>

Красноперов А.А. Специфические особенности маленьких поясных накладок в мазунинской и кара-абызской культурах // Вестник гуманитарного образования, 2025, № 2 (38). С. 107–114. <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.25.027>

Мажитов Н.А. Научный отчет о результатах археологических исследований за 1967 г. / Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 3496, 3496а.

Мажитов Н.А. Работы в северной Башкирии // Археологические открытия 1967 года. М.: Наука, 1968. С. 108–110.

Овсянников В.В. Этнокультурная ситуация в Среднем Прибелье в гунно-сарматский период (по материалам Шиповского могильника) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. Ижевск: УдГУ, 2006а. С. 81–87.

Овсянников В.В. Характер взаимодействия носителей кара-абызской культуры с соседним населением во II–IV вв. н.э. // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов. Ижевск: УдГУ, 2006б. С. 88–93.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.

Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь: ПГУ, 2018. 320 с.

Пишеничнюк А.Х. Биктимировский могильник // Археология и этнография Башкирии. Т. 2. Уфа: АН СССР, 1964. С. 215–231.

Румянцева О.С., Трифонов А.А. О составе эмалей Тезиковского и Абрамовского могильников // Восточноевропейские выемчатые эмали: историко-технологические очерки. М.: ИА РАН, 2021. С. 127–132.

Русланова (Тамимдарова) Р.Р. Особенность бусинных наборов Югомашевского могильника // Инновационный потенциал молодежной науки: Материалы Всеросс. науч. конф. 8 ноября 2013 года. Уфа: БГПУ, 2013. С. 236–240.

Русланова Р.Р. Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII вв. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2018. 376 с.

Ставицкий В.В. Роль камского населения в формировании древней мордвы // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 12. С. 14–19.

Ставицкий В.В. Актуальные вопросы изучения археологических памятников начала I тысячелетия н.э. Сурско-Свияжского междуречья // NovaInfo.Ru. 2015. Т. 2. № 39. С. 117–122.

Ставицкий В.В. Западный и восточный импульсы в формировании культуры андреевско-писеральского населения // Filo Ariadne. 2017. № 1 (5). С. 125–142.

Сведения об авторах

Александр Анатольевич Красноперов, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Российская Федерация, г. Ижевск. E-mail: alexander.kaa@mail.ru

Эльвир Винерович Камалеев, кандидат исторических наук, и.о. старшего научного сотрудника, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН, Российская Федерация, г. Уфа. E-mail: kamaleev-ilver@mail.ru

**КОЛЛЕКЦИЯ БАХМУТИНСКОГО МОГИЛЬНИКА
ИЗ ФОНДОВ СТЕРЛИТАМАКСКОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ****О.С. Белявская¹, С.Л. Воробьева²**¹ Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, Уфа, Россия² Национальный музей Республики Башкортостан, Уфа, Россия

Аннотация. В статье авторами вводятся в научный оборот имеющиеся в наличии предметы из коллекции Бахмутинского могильника, полученной в ходе археологических раскопок М.С. Смирнова и М.И. Касьянова в 1921 г. Данная коллекция хранится в фондах Стерлитамакского историко-краеведческого музея. Находки, происходящие из траншеи с погребением, рассмотрены с точки зрения типологии и хронологии.

Ключевые слова: Южное Приуралье, Бахмутинский могильник, керамика кушнаренковского типа, ременная гарнитура, украшения костюмного комплекса, типология, хронология

Цитирование. Белявская О.С., Воробьева С.Л. Коллекция Бахмутинского могильника из фондов Стерлитамакского историко-краеведческого музея // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничного. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 127–131.

Бахмутинский могильник выявлен в окрестностях ныне не существующей д. Бахмутино (Печенкин починок) на территории современного Благовещенского района Республики Башкортостан. Состояние памятника неудовлетворительное: некрополь, расположенный на первой террасе правого берега р. Уфы, на протяжении многих лет разрушался во время весеннего половодья (Смирнов, 1920–1921; Шмидт, 1929, с. 16; Археологическая..., 1976, с. 129; Серых, 2020, с. 99).

Нахождение могильника вблизи д. Бахмутино установлено в 1911 г. Д.Н. Эдингом и В.В. Гольмстен (Шмидт, 1929, с. 16; Смирнов, 1957, с. 50; Кузьминых, 2007, с. 100; Серых, 2020, с. 95) на основании сведений, полученных от местных жителей (Гарустович, Минеева, 2003, с. 7).

В 1915 г. В.В. Гольмстен вновь посетила некрополь. Согласно информации, содержащейся в письме Веры Владимировны к графине П.С. Уваровой от 18.07.1915 г., а также в протоколе заседания ИМАО от 29.09.1915 г., археологом были приобретены находки, собранные жителями д. Бахмутино из размытых рекой захоронений. В связи с тем, что о местах сбора этих вещей поступили противоречивые сведения, для определения границ могильника В.В. Гольмстен была заложена траншея на одном из участков берега р. Уфа («перпендикулярно к берегу как-раз на спорном месте»), но захоронений в траншее не обнаружено (Серых, 2020, с. 99–102). Большинство находок из разрушенных комплексов были переданы В.В. Гольмстен на хранение в фонды ГИМ (ОФ 49508 – 98 предметов) (Смирнов, 1957, с. 50, 51, 53, табл. VI, VII; Гарустович, Минеева, 2003, с. 7; Серых, 2020, с. 95–96). Также коллекция находок из сборов 1915 г. хранится в фондах Национального музея Республики Башкортостан (НМ РБ): браслеты, пряжка, гривна, пешня, меч, рыболовные крючки (ОФ 264 – 11 предметов).

В 1920 г. в Башкирии создается научное общество истории при Башнаркомпросе, которое в 1922 г. преобразовано в Общество по изучению быта, культуры и истории Башкирии при Наркомате просвещения, а в 1926 г. – в Общество по изучению Башкирии. В 1920 г. в состав общества входил М.С. Смирнов (?–1922?) – археолог, сотрудник, а затем – директор Стерлитамакского краеведческого музея, и М.И. Касьянов¹ (1895–1944?), работавший с 1920 г. в должности инструктора по археологии в Историко-Социальном музее народов Востока (сейчас – НМ РБ). В 1920 г. М.И. Касьянов подписывается также как заведующий отделом археологии Башкирского центрального краеведческого музея, в 1922 г. – как заведующий отделом археологии Музея Южного Приуралья² (Воробьева, 2021, с. 70–72).

М.С. Смирнов и М.И. Касьянов провели ряд археологических работ на территории Башкирии, в т.ч. и раскопки Бахмутинского могильника. Так, в фондах НМ РБ хранятся материалы случайных находок и пяти погребений (№№ 1–5) из раскопок М.И. Касьянова в 1920 г. В музей поступило 54 предмета (ОФ 258–262, 395). О том, что коллекция М.И. Касьянова из Бахмутинского могильника относится к раскопкам 1920 г., свидетельствуют учетные документы музея³. Также в коллекции М.И. Касьянова за 1920 г. имеются «случайные находки

¹ Изучению профессиональной деятельности М.С. Смирнова и М.И. Касьянова посвящены работы Г.Н. Гарустовича и С.Л. Воробьевой (Гарустович, 2003; Воробьева, 2021).

² В 1920-е гг. на базе Уфимского губернского музея (основан в 1864 г.) были созданы музей Южного Приуралья и музей Народов Востока. В 1930-е гг. эти музеи и их фонды вошли в состав Башкирского краеведческого музея, или Башкирского центрального краеведческого музея (сейчас – НМ РБ).

³ О данных раскопках упоминает лишь Н.А. Мажитов (Мажитов, 1968, с. 4), и примечательно, что о них нет никакой информации в отчете М.С. Смирнова (Смирнов, 1920–1921).

Р.А. Пинегина и Морозова в 1920 г.» (ОФ 263 – 33 предмета) – случайные находки участников экспедиции М.И. Касьянова. Никаких отчетов М.И. Касьянова не сохранилось.

В 1921 г. М.С. Смирновым и М.И. Касьяновым исследовано одно из захоронений Бахмутинского могильника⁴, а также собран подъемный материал с территории памятника и приобретены у местных жителей вещи из разрушенных погребений (Смирнов, 1920–1921). В состав отряда для раскопок некрополя от НМ РБ, кроме М.И. Касьянова, входило еще 4 работника (Р.А. Пинегин, Ф.А. Смирнов, Н.М. Зыков, И.А. Окунев) (Воробьева, 2021, с. 74). Полученные находки⁵ переданы на хранение в фонды Стерлитамакского историко-краеведческого музея (СИКМ).

В 1928 г. А.В. Шмидтом и М.И. Касьяновым проведены раскопки Бахмутинского могильника, в результате которых обнаружено 25 захоронений (Шмидт, 1929, с. 16–23). Материалы погребений №№ 1–3, 5, 10, 12, 14, 17, 22 и единичные находки 1928 г. поступили в фонды НМ РБ (ОФ 256, 265–276 – 268 предметов). Кроме того, в этом же музее хранится коллекция М.И. Касьянова за 1928 г. (ОФ 290 – 59 предметов) и 1929 г. (ОФ 257 – 6 предметов).

В 1960 г. Бахмутинский могильник был исследован Н.А. Мажитовым (Мажитов, 1968, с. 21–25): им выявлено 14 погребений, находки из которых переданы на хранение в фонды Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН (КП 59 – 313 предметов).

В данной статье⁶ проанализированы материалы Бахмутинского могильника, полученные в результате раскопок М.С. Смирнова и М.И. Касьянова в 1921 г. Отчет о раскопках написан М.С. Смирновым: чистовой (?) вариант отчета⁷ находится на хранении в фондах НА ИИМК РАН, а черновой вариант с замечаниями и исправлениями И.Т. Остроумова (?) (Смирнов, 1920–1921) – в фондах НА ИИЯЛ УФИЦ РАН. Он был использован в настоящей работе для соотнесения предметов из музея с погребением, описанным М.С. Смирновым⁸.

Раскопки Бахмутинского могильника проходили с 24 июня по 3 июля 1921 г. На площадке некрополя, почти у самого обрыва берега р. Уфы, М.С. Смирновым и М.И. Касьяновым были заложены четыре траншеи, но лишь в одной из них выявлено захоронение, судя по всему, потревоженное. Кроме того, при обследовании берега реки, к северу от траншеи с могилой, археологами зафиксировано еще одно захоронение, наполовину разрушенное.

Если объединить сведения из полевого отчета (Смирнов, 1920–1921) и коллекционных описей из фондов СИКМ, то в траншее⁹ с погребением на глубине 0,7 м (?) обнаружены два фрагмента неорнаментированной керамики. На глубине 0,9 м выявлена ременная накладка из цветного металла с «раздвоенной» («рогатой») верхней и широкой полуовальной нижней частями¹⁰ (ОФ 70; рис. 1, I). На той же глубине, на расстоянии около 1,4 м от вышеуказанной накладки («приблизительно над серединой ниже лежавшей могилы» (Смирнов, 1920–1921)), зафиксирована колоколообразная подвеска из цветного металла. Между этими двумя находками на глубине 1,06 м от поверхности обнаружена керамика бахмутинского типа.

Накладки, аналогичные экземпляру из Бахмутинского могильника, имели распространение в Прикамье, Поочье и Приаралье, на юге Западной Сибири и др. В Южном Приуралье подобные находки выявлены также в кург. I Береговского II и п. 9 Шареевского могильников (Гавритухин, Иванов, 1999, с. 108; Белявская, 2023, с. 137, 233–234). И.О. Гавритухиным данный тип отнесен к «основному» варианту волчихинской серии «рогатых» накладок, датированному первой половиной – серединой VII в. (Гавритухин, Иванов, 1999, с. 108, 151–152, рис. 8, 8, 14–17). Колоколообразная подвеска, судя по всему, утеряна; из полевого отчета известно лишь, что она представляла собой «полое полушарие с ушком наверху» (Смирнов, 1920–1921).

В траншее, «в пределах могилы», на глубине 1,2 м выявлены несколько накладок и «пряжечек»¹¹ из цветного металла, а также мелкие синие стеклянные пронизки и фрагменты сосуда кушнар-

⁴ В ряде работ указано, что в 1921 г. М.С. Смирновым и М.И. Касьяновым исследовано 9 погребений Бахмутинского могильника (Шмидт, 1929, с. 16; Смирнов, 1957, с. 50; Археологическая..., 1976, с. 129), но в полевом отчете подробно описан процесс раскопок одного захоронения, и лишь в нескольких строках упомянуто про еще одну разрушенную могилу (Смирнов, 1920–1921). Все 9 погребений, на наш взгляд, были раскопаны в 1920–21 гг. Можно с уверенностью сказать, что материалы пяти погребений хранятся в фондах НМ РБ, одно описанное погребение – в фондах СИКМ. Остается понять, где хранятся материалы из еще трех погребений. Возможно, ситуация прояснится после ознакомления с материалами отчета М.С. Смирнова из фондов НА ИИМК РАН.

⁵ Необходимо отметить, что находки из Бахмутинского могильника, приобретенные М.И. Касьяновым у местных жителей в 1921 г., в фонды НМ РБ не поступали – вероятнее всего эти находки хранятся как «подъемный материал из раскопок Бахмутинского могильника М.И. Касьянова 1920 г.» (НМ РБ, ОФ 262 и ОФ 263).

⁶ Авторы выражают благодарность М.В. Стародубцеву и Т.А. Иващенко (СИКМ), И.В. Белоцерковской (ГИМ), Э.В. Камалееву (МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН), Е.В. Русланову (ИИЯЛ УФИЦ РАН) за помощь в работе с музейными коллекциями и архивными материалами, И.О. Гавритухину (ИА РАН) – за ряд ценных рекомендаций, использованных в статье.

⁷ Отчет недоступен для исследователей.

⁸ Случайные находки с площадки Бахмутинского могильника будут рассмотрены отдельно.

⁹ Длина траншеи – 6,4 м, ее ширина – 1,4 м.

¹⁰ В процессе раскопок выяснилось, что данная находка («поясная накладка с 4-мя круглыми сквозными отверстиями и двумя шпильками сзади») обнаружена «вне очертаний могильной ямы, в расстоянии, приблизительно 1 арш. (0,7 м) от одной из продольных стен ниже лежавшей могилы» (Смирнов, 1920–1921).

¹¹ Накладки-псевдопряжки (?).

ковского типа, небольшая кость. При дальнейшей разработке траншеи на глубине около 1,3 м определились очертания могильной ямы. Она была расположена поперек траншеи с востока на запад, ее длина составляла около 1,8–1,9 м, а ширина около 1,4 м. В разрезе дно ямы «представлялось вогнутым, корытообразным, понижающимся к середине». Непосредственно в могиле, на глубине 1,3–1,4 м обнаружены изделия из цветного металла – ременная гарнитура, трехлучевая подвеска¹² (ОФ 63/1; рис. 1, 10), «обрывок двух свитых вместе бронзовых проволок»¹³ (ОФ 74; рис. 1, 9), а также фрагмент тонкой железной пластинки, янтарные и стеклянные бусы¹⁴, небольшая глиняная чашечка, сосуд кушнаренковского типа, различные мелкие предметы из железа, «утратившие первоначальную форму и рассыпавшиеся при попытке очистить их от земли» (Смирнов, 1920–1921). Ввиду того, что в отчете М.С. Смирнова нет иллюстративного материала (хотя ссылки на фотографии указаны), а для многих находок отсутствует и подробное текстовое описание, мы предполагаем, что ряд

предметов из фондов СИКМ: «рогатая» накладка с двумя дуговидными вырезами в нижней части¹⁵ и пятиугольная накладка (оба изделия – ОФ 71; рис. 1, 5, 6), кольцообразная подвеска с многочисленными выступами по краю (ОФ 68; рис. 1, 3), четыре накладки-псевдопряжки (ОФ 69/1/2/3/4; рис. 1, 2) и наконечник ремня¹⁶ (ОФ 72; рис. 1, 4) – могли быть обнаружены как в траншее («в пределах могилы?»), так и собственно в захоронении.

В Южном Приуралье литые накладки-псевдопряжки, помимо Бахмутинского могильника, выявлены также в Бирском (пп. 360, 363, 382, 401, 410, 419), Лагереvском (кург. 29 и 56; кург. 46, п. 2), Маньяском (пп. II/1, II/11) могильниках и среди материалов городища Уфа-II; многочисленные аналогии им зафиксированы в Поволжье, Прикамье, Приазовье и др. «Рогатая» накладка с двумя дуговидными вырезами в нижней части имеет соответствия в Бирском могильнике (пп. 360, 410); подобные находки обнаружены, кроме того, в Поволжье, Приаралье, Пермском Предуралье, на Северном Урале и др. Пятиугольные накладки в Южном Приуралье

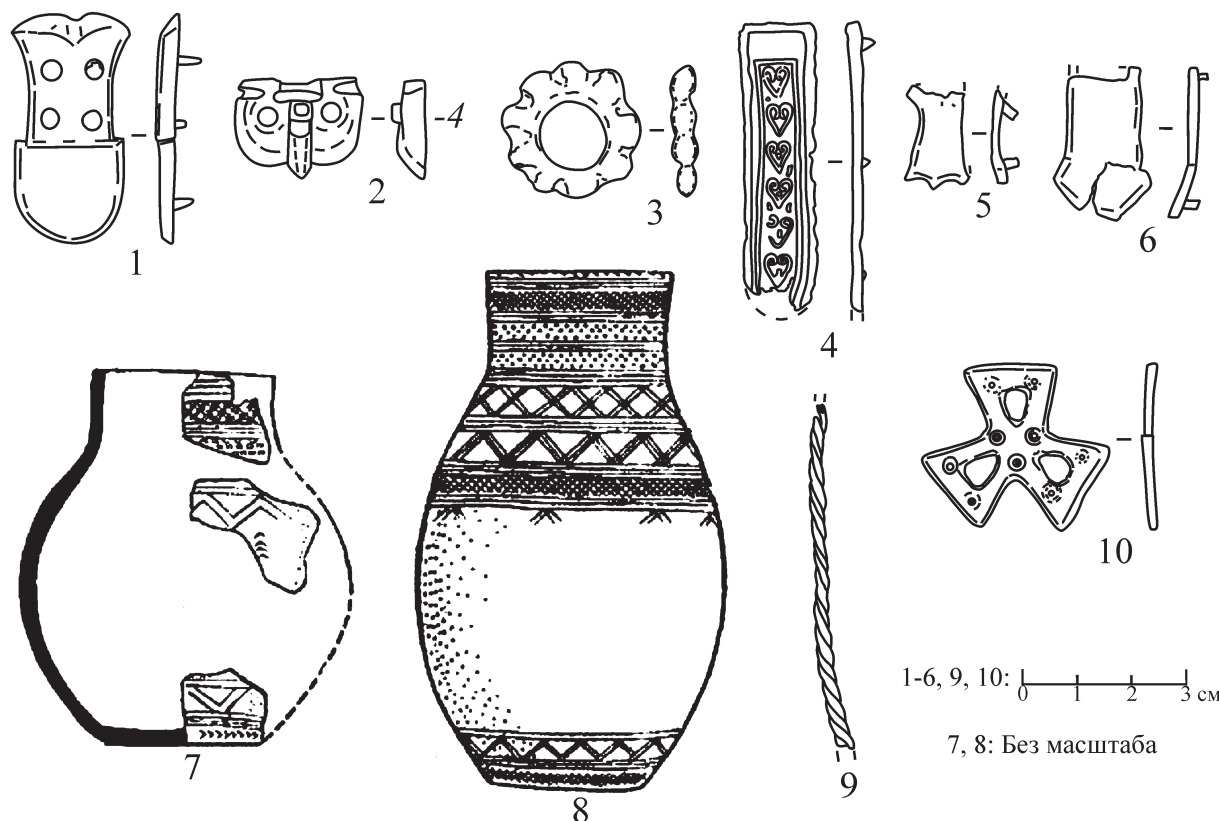

Рис. 1. Некоторые предметы из коллекции Бахмутинского могильника (раскопки 1921 г.).

1, 2, 5, 6 – ременные накладки; 3, 10 – подвески; 4 – наконечник ремня; 7, 8 – сосуды кушнаренковского типа, 9 – фрагмент гривны (?)

1 – находка из траншеи («вне очертаний могилы»); 2–6 – находки из траншеи («в пределах могилы») либо из погребения; 7 (?) – фрагменты сосуда из траншеи («в пределах могилы?»); 8 (?), 9, 10 – находки из погребения

1–6, 9, 10 – рисунки О.С. Белявской; 7, 8 – графическая реконструкция Н.А. Мажитова (по: Мажитов, 2023а)

¹² По определению М.С. Смирнова, поясная трехконечная прорезная бляшка с рисунком (кружки с точками в центре) (Смирнов, 1920–1921).

¹³ Фрагмент гривны (?).

¹⁴ Бусы из захоронения депортированы.

¹⁵ Сохранность накладки неполная.

¹⁶ Предположительно, по определению М.С. Смирнова, это длинная поясная накладка «с рисунком восточного характера» (Смирнов, 1920–1921).

зафиксированы также в Бирском (п. 410) и Манякском (п. П/3) могильниках; ближайшие аналогии им выявлены в Пермском Предуралье. Хронологические рамки бытования накладок перечисленных типов ограничены серединой / второй половиной VII – рубежом VII и VIII вв. (Гавритухин, 1996, с. 85–86, 273, рис. 89, 26–32 и др.; Белявская, 2023, с. 135, 138–140, 178, 181, 204, 249–250). Этим же временем следует датировать и литой наконечник ремня с декором в виде вертикального ряда сердцевидных фигур, образованных парными завитками. Бахмутинский экземпляр, по нашему мнению, следует относить к ранним вариантам наконечников (Голдина и др., 2018, с. 108, 327, 590, табл. 171, 9; 434, 71, и др.), распространенных в поясах «неволинского» типа (в т.ч. совместно и с элементами «агафоновских» ременных гарнитур, что говорит об их частичной синхронизации (Гавритухин, 1996, с. 86)).

Различные варианты кольцеобразных подвесок с многочисленными выступами по краю зафиксированы в Южном Приуралье также в могильнике Сарс, Бирском, Ново-Турбаслинском, Лагереvском, Манякском могильниках и др. (Мажитов, 1968, с. 67, 126, 142, табл. 7, 12, 14, 16; 21, 11, 14, и др.; Акбулатов, Гарустович, 2017, с. 52, рис. 3, 2; Мажитов, 2023б, с. 14, 23, рис. 6, 15; 11, 15; Белявская, 2023, с. 194, 203, 573, рис. 55-Б, 2; Белявская, в печати). Бахмутинская подвеска морфологически близка, на наш взгляд, к образцам из Манякского (Мажитов, 2023б, с. 14, рис. 6, 15) и поздних захоронений Бирского (Белявская, 2023, с. 573,

рис. 55-Б, 2) могильников, что позволяет предположить ее возможную датировку в рамках VII в.

Трехлучевая подвеска в Южном Приуралье имеет аналогии также в кург. 1 могильника Сарс (Акбулатов, Гарустович, 2017, с. 52, рис. 3, 4), датировка которого определена серединой / второй половиной VII – рубежом VII и VIII вв. (Белявская, в печати). В Пермском Предуралье подобные подвески встречаются и в более ранних комплексах (Голдина и др., 2018, с. 111, 142, 599, табл. 443, 5, 6).

Во время раскопок 1921 г. было обнаружено, по нашему мнению, два кушнаренковских сосуда: один – в траншее («в пределах могилы?»), другой – в захоронении. На сегодняшний день в фондах СИКМ хранится несколько фрагментов керамики кушнаренковского типа из Бахмутинского могильника (ОФ 76/1/2/3/4/5). Графическая реконструкция интересующих нас сосудов (рис. 1, 7, 8) представлена, судя по всему, в одной из работ Н.А. Мажитова (Мажитов, 2023а, с. 218, табл. XV, 9, 12). Следует отметить, что по орнаментации они близки к сосудам из пп. I/22, II/9 и II/10 Манякского могильника (Мажитов, 2023а, с. 217, 219, табл. XV, 1; XVI, 1, 3), датировка которых ограничена серединой / второй половиной VII – рубежом VII и VIII вв. (Белявская, 2023, с. 174–182, 249–250; Белявская, в печати). Предположительно к этому же хронологическому периоду относится и захоронение Бахмутинского могильника, исследованное М.С. Смирновым и М.И. Касьяновым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акбулатов И.М., Гарустович Г.Н. Новые захоронения кушнаренковско-караякуповского типа в Башкортостане // Уфимский археологический вестник. 2017. Вып. 17. С. 50–56. <https://doi.org/10.31833/uav.2017.17.007>
- Археологическая карта Башкирии. М.: Наука, 1976. 263 с.
- Белявская О.С. Хронология ременных гарнитур Южного Приуралья III – рубежа VII и VIII вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2023. 599 с.
- Белявская О.С. Хронология погребальных комплексов Южного Приуралья с керамикой кушнаренковского типа (V – рубеж VII и VIII вв.) // Раннеславянский мир. Вып. 23 (в печати).
- Воробьева С.Л., М.И. Касьянов (1895–1944 гг.) – основатель археологического отдела Национального музея Республики Башкортостан // Археология евразийских степей. 2021. № 6. С. 69–80. <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.6.69.80>
- Гавритухин И.О. Датировка днепровских кладов первой группы методом синхронизации с древностями других территорий. Поволжье и Приуралье // Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН, 1996. С. 84–89, 272–275. Рис. 88–90. (Раннеславянский мир. Вып. 3)
- Гавритухин И.О., Иванов А.Г. Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 99–159. (Archaeologia Permica. Вып. 1)
- Гарустович Г.Н. Начало археологического изучения Башкортостана в советское время (экспедиционные работы М.С. Смирнова) // Уфимский археологический вестник. 2003. Вып. 4. С. 58–63.
- Гарустович Г.Н., Минеева И.М. Из истории археологических исследований в Башкортостане: Вера Владимировна Гольмстен // Уфимский археологический вестник. 2003. Вып. 4. С. 6–15.
- Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В. Могильник VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи. Ижевск: Монпоражён, 2018. 720 с. (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 19)

Кузьминых С.В. Штрихи к научной биографии В.В. Гольмстен: пять писем А.М. Тальгрену // С.В. Кузьминых, И.Е. Сафонов, Д.А. Сташенков. Вера Владимировна Гольмстен: материалы к биографии. Самара: Офорт, 2007. С. 98–114.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура: Этническая история населения Северной Башкирии середины I тыс. н.э. М.: Наука, 1968. 162 с.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. Уфа: Белая река, 2023а. 240 с.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. Уфа: Белая река, 2023б. 164 с.

Серых Д.В. Действительный член Императорского Московского Археологического общества Вера Владимировна Гольмстен // Д.В. Серых, О.К. Сухова. История археологического изучения Самарской и Симбирской губерний во второй половине XIX – начале XX века. Документы и материалы по истории российской археологии. Вып. 2. Самара; СПб.: Реноме, 2020. С. 91–102.

Смирнов М.С. Отчеты о произведенных раскопках в 1920–1921 гг. близ г. Стерлитамака / Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 5. № 81.

Смирнов А.П. Железный век Башкирии // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М.: АН СССР, 1957. С. 5–113. (МИА. № 58)

Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук (Предварительный отчет о работах 1928 г.). Уфа: Госплан БАССР, 1929. 28 с.

Сведения об авторах

Ольга Сергеевна Белявская, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, Российская Федерация, г. Уфа. E-mail: krapacheva.olya@mail.ru

Светлана Леонидовна Воробьева, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Национальный музей Республики Башкортостан, Российская Федерация, г. Уфа. E-mail: sveta_legion@mail.ru

ОБ ЭЛЕМЕНТАХ КОСТЮМА СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ СЫЛВЕНСКО-ИРЕНСКОГО ПОРЕЧЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ КУРГАННОЙ ЧАСТИ БРОДОВСКОГО МОГИЛЬНИКА)

С.А. Перевозчикова

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

Аннотация. В статье представлена попытка реконструкции костюма по материалам курганной части Бродовского могильника неволинской культуры (конец IV – первая половина VI в.). Анализ материала показал, что женскому костюму присущи височные подвески, наконечники, ожерелья из бус и подвесок, браслеты. Костюм был дополнен ремнями на поясе и обуви. Мужской костюм более прост в оформлении: ремни на поясе и обуви; фиксировалась ременная система крепления мечей.

Ключевые слова: костюм, Бродовский могильник, курганная часть, наконечники, пояса, обувные наборы

Цитирование. Перевозчикова С.А. Об элементах костюма средневекового населения Сылвенско-Иренского поречья (по материалам курганной части Бродовского могильника) // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничного. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 132–135.

Бродовский могильник неволинской культуры расположен у д. Броды Кунгурского района Пермского края, в Сылвенско-Иренском поречье. Памятник известен с 1897 г. В 1898–1901 гг. А.А. Спицын и Н.Н. Новокрещенных исследовали здесь 138 могил в грунтовой части и два кургана. В 1950 г. могильник был обследован В.Ф. Генингом, в результате чего было изучено еще три бескурганых захоронения. В 1969 г. самый крупный курган (№ 3) был раскопан отрядом Камской экспедиции Пермского университета и Кунгурского краеведческого музея под руководством Н.А. Воронковой и В.А. Оборина. Под насыпью было обнаружено 12 погребений. В 1977 г. изучение памятника было продолжено разведочной группой Камско-Вятской археологической экспедиции под руководством Т.К. Ютиной. Выяснилось, что памятник находится под угрозой разрушения, и это ускорило его исследование. В 1978–79 гг. могильник исследовала Камско-Вятская археологическая экспедиция под руководством Р.Д. Голдиной. За два года было исследовано 48 курганов, содержащих 94 захоронения. Грунтовая часть оказалась практически полностью разрушена постройками и распахана (Голдина, Водолаго, 1990, с. 6).

Благодаря данным, полученным в ходе раскопок, появилась возможность опубликовать результаты исследований, где были сделаны выводы об обряде захоронения, инвентаре, сопровождавшем погребенных курганной части Бродовского могильника (Голдина, Водолаго, 1990).

Бродовский могильник использовался длительное время, в течение пяти-шести столетий (конец IV – первая половина IX в.), и представлял собой сложный комплекс, сочетающий курганную и грунтовую части. Ранний этап Бродовского могильника характеризуется главным образом курганами, датирующимися концом IV – серединой VI в.

Всего на могильнике обнаружен 51 курган, располагавшийся в северо-западной части могильника (Голдина, 1978; 1979). На погребальных площадках курганов обнаружено от 1 до 12 могильных ям.

В 105 погребениях (97,22 %) были обнаружены кости погребенных (124 костяка). По способу захоронения выделяется ингумация (118 костяков – 95,16 %). В пяти погребениях (4,03 %) рядом со скелетом были найдены и кальцинированные кости, что позволяет говорить о возможной частичной кремации. Особняком выделяется погребение 1 кургана 23, в котором все зафиксированные кости кальцинированы, что свидетельствует о совершении кремации.

В 87 погребениях (80,56 %) наблюдалось наличие инвентаря: бронзовые и золотые украшения, поясные детали, оружие, конское снаряжение и предметы быта. Большинство погребений сохранилось в неповрежденном виде (78 погр. – 72,22 %), но часть из них была нарушена грабительскими вкопами (28 погр. – 25,93 %). У 32 умерших некоторые кости находились не в анатомическом порядке: кости хаотично разбросаны по могиле; уложены в общие кучки; часть костей перемешана, а остальные – уложены в анатомическом порядке. В таких могилах вещевой материал, также как и костный, был разбросан по дну могилы. Скорее всего, над этими умершими был проведен определенный ритуал, когда тело после смерти преднамеренно разрушали, стараясь защитить себя от «воображаемого» влияния мертвых (Перевозчикова, 2003, с. 213).

За исключением этих погребений, находки были выявлены в тех местах, где их носили при жизни, что позволяет хотя бы теоретически восстановить костюм раннесредневекового человека. На прикамских материалах возможна только гипотетическая реконструкция, которая строится

на предположениях, требующих подтверждения. В ней системообразующая основа – сама одежда – отсутствует, источником является только убранство костюма (Доде, 2005, с. 306–307).

В курганных захоронениях Бродовского могильника были выделены зоны, соответствующие основным частям костюма: головному убору и шейно-нагрудным украшениям, поясу, обувным украшениям.

В области головы по наличию подвесок и пронизок можно предположить наличие накосников. В курганной части можно выделить четыре накосника. Накосники фиксировали (пришивали?) к затылочной части головного убора в виде шапочки или ленты-венчика. С одной или двух сторон к краю головного убора прикрепляли височные украшения по 1–2 экз. (погр. 3/2, 3/5, 6/3, 7/1, 22/1).

Скорее всего, накосники состояли из тонкого кожаного шнура или крученой нити с бронзовыми украшениями на концах. В качестве концевых украшений были арочные подвески с привесками-цепочками (погр. 7/1) (рис. 1, 6), пронизки-кони (погр. 7/1, 21/1) (рис. 1, 4). Саму нить или шнурок могли дополнительно украшать бронзовыми спиральновитыми пронизками (рис. 1, 4, 6), которые были найдены в области головы и груди в количестве 2–6 экз. (погр. 3/1, 3/2, 3/10, 3/12, 6/3, 7/1, 8/4, 12/1, 13/1, 14/1, 17/1, 19/1, 21/1, 40/1). К сожалению, большая часть этих пронизок была смещена со своих мест вместе с костями.

Бусы (30 погр. – 34,38%) одевали на шею как мужчинам, так и женщинам. Примечательно ожерелье из бус и золотых подвесок, обнаруженное в погребении 3 кургана 24.

Бронзовые (34 погр. – 39,08%) и железные (5 погр. – 5,75%) пряжки и наконечники ремней (21 погр. – 24,14%) располагались в области таза или ног. Найдены только две целые накладки (погр. 27/1), остальные представлены фрагментами в виде пластин (погр. 7/4, 10/1, 14/1, 18/1, 19/1, 26/1). Расположение поясных деталей говорит о том, что они служили как для поясов, так и для обувных наборов.

Пояса, найденные в курганных захоронениях (30 погр.), представляют собой кожаную ленту шириной 2–3 см, в основном только с пряжкой и наконечником – так называемый харинский тип (рис. 1, 1). Пряжки составные, обычно средних размеров, чаще не орнаментированы, с овальными кольцом и щитком (рис. 1, 2). Наконечники ремня – в виде коробочки, украшенной рядом полугорошин, средних размеров, ближе к квадратным по форме (рис. 1, 3). При этом часть поясов (12 экз.) состояла лишь из кожаной основы и пряжки, вторая часть (18 экз.) крепилась через пряжку и наконечник.

Что касается полученных вариантов обуви, то речь, в первую очередь, пойдет о металлической гарнитуре, найденной у костей ног. Именно благодаря фиксации ее расположения мы и смогли

реконструировать несколько моделей. Из 17 известных на данный период неволинских могильников такие предметы были найдены лишь в 20 погребениях двух курганных могильников – Верх-Саинского (8 погребений) и Бродовского (12 погребений). К сожалению, сама обувь, как в этих могилах, так и в других, не сохранилась, и мы не можем восстановить ее фасон, указать на материал и другие параметры.

В большинстве случаев можно говорить о наличии одного ремешка на каждом из ботинок (рис. 1, 8). Всего отмечено 11 наборов в погребениях Бродовского могильника. Ремнем закрепляли верхнюю часть обуви, причем пряжка находилась чуть выше наружной лодыжки. Согласно расположению вещей и, соответственно, кожаных ремешков, длина голенища не могла быть большой, что позволило интерпретировать обувь как полусапожки. Скорее всего, ремешок имел ширину не более 1,5 см. Ремешки были скреплены через пряжку и наконечник (рис. 1, 5, 9, 10). По материалам ременной гарнитуры, а также по вещам, найденным в этих погребениях, обувь с одним ремешком датируется V–VI вв. Она достаточно распространена. Подобные реконструкции были выполнены для мазунинских, азелинских, бахмутинских, турбаслинских и других комплексов (Красноперов, 2006; Крыласова, 2001; Останина, 1997).

Реконструкция следующего типа весьма условна. Он выделяется лишь по материалам могилы 11 кургана 3 Бродовского могильника. Нечеткая фиксация расположения пряжек не позволила с точностью восстановить обувной набор. Отличительной особенностью является наличие двух пар пряжек разных размеров – средних и небольших, без наконечников ремней. Скорее всего, в этом случае на умершего были надеты не полусапожки, а сапоги, скрепленные двумя ремешками в области лодыжек и верхней части голенища (рис. 1, 7). Можно, конечно, предположить наличие сзади «восьмерки», характерной для полусапожек, но наличие двух пряжек на каждом из ботинок предполагает, что ремешки все-таки не были соединены друг с другом. Подобный вариант крепления голенища на ноге отмечен А.Г.Ивановым и И.О.Гавритухиным на Варнинском могильнике. А.Г.Иванов предполагает также, что это могли быть не только сапоги, но и просто гетры (Гавритухин, Иванов, 1999, с. 133).

О наличии сапог косвенно говорит и расположение железных ножей. Они обнаружены в 67 погребениях (77,01%), как в женских, так и в мужских; зафиксированы в области тазовых костей, между бедрами и коленями, у правого и левого колен, у костей бедер и голеней, а также у костей стоп. В двух погребениях (2,3%) ножи находились в деревянных ножнах, причем в одном из них ножны были покрыты бронзовой накладкой. Интересны 33 погребения, в которых нож был уложен в области колен, голеней или стоп. Особенно

показательны погребения 24/3, 32/4, 33/1, 35/1, в которых ножи были уложены непосредственно у костей умершего. Скорее всего, при жизни человек просовывал нож за голенище сапог, где они держались там за счет верхнего ремешка.

В погребении 3 кургана 6 в области коленных чашечек были найдены две бронзовые обоймы. Они также могли служить креплением верхней части сапог.

В целом бродовский костюм весьма прост в оформлении. Для мужчин характерны лишь пояса без дополнительных украшений в виде накладок, у женщин в редких случаях имеются наконечники, ожерелья в виде бус и подвесок. В обоих случаях фиксируется обувь. В качестве дополнительной детали в мужских погребениях фиксируется еще

железный меч, крепление которого к ремню будет рассмотрено отдельно. Начиная с середины VI в. убранство костюма, особенно женского, усложняется – появляются дополнительные украшения в виде гривен, различного вида подвесок, пронизок и т.д. Это очень заметно по погребениям Верх-Саянского могильника (Голдина и др., 2018).

Как было отмечено, представленные реконструкции являются гипотетическими, требующими подтверждения. Для объективной и максимально достоверной работы необходимо использовать комплексный подход с обоснованным привлечением круга различного рода источников, который весьма узок.

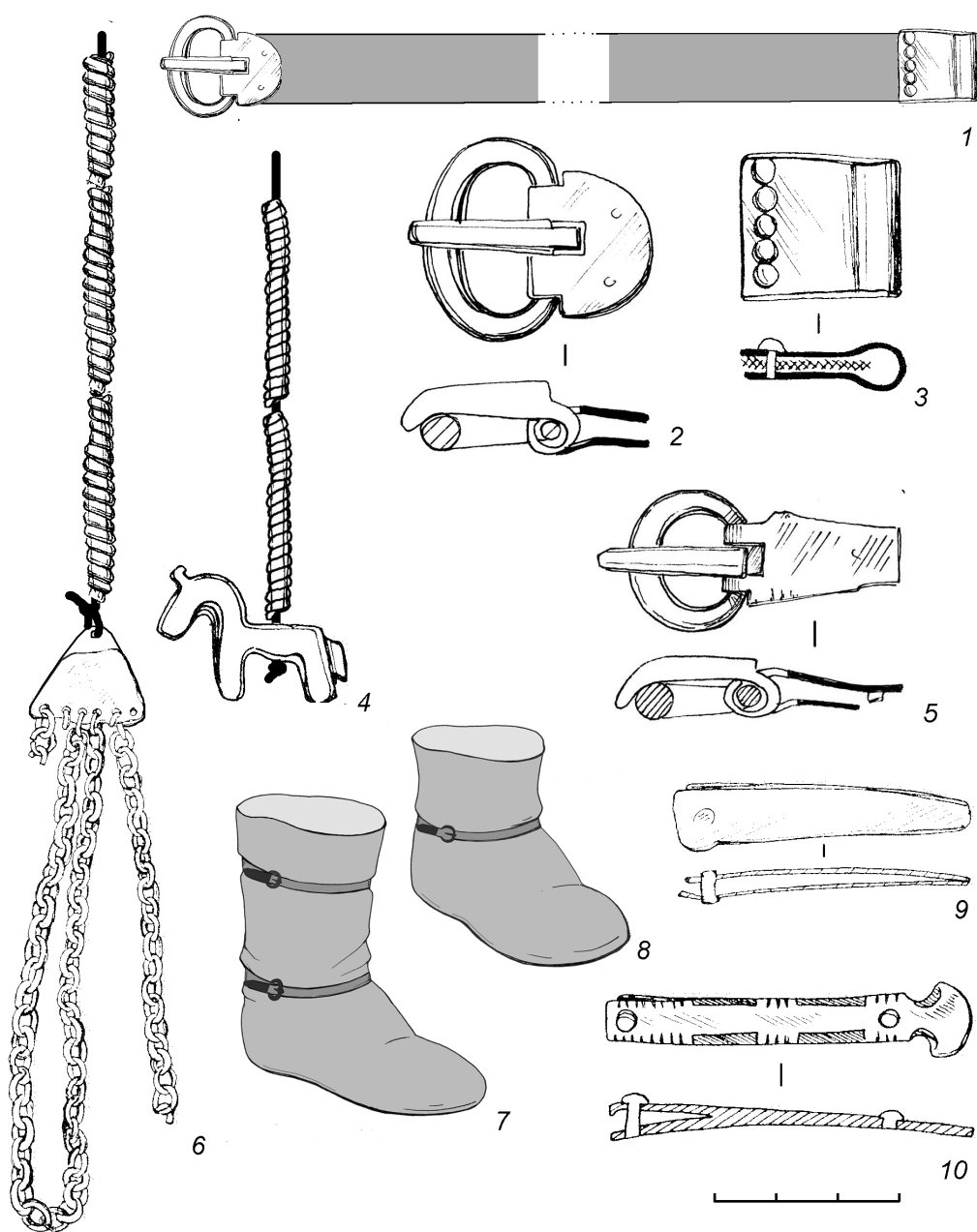

Рис. 1. Реконструкция отдельных элементов костюма по материалам курганной части Бродовского могильника. 1 – пояс; 2, 5 – бронзовые пряжки; 3, 9, 10 – бронзовые наконечники ремней; 4, 6 – пронизы наконечников; 7, 8 – обувь

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры. Иркутск: ИГУ, 1990. 173 с.

Голдина Р.Д. Отчет о раскопках Бродовского могильника, проведенные летом 1978 года Камско-Вятской экспедицией Удмуртского университета // Архив Учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии. Ижевск, 1978. Ф. 2. Д. 86.

Голдина Р.Д. Отчет о раскопках Бродовского могильника, проведенных летом 1979 года Камско-Вятской экспедицией // Архив Учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии. Ижевск, 1979. Ф. 2. Д. 97.

Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В. Могильник VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи. Ижевск: УдГУ, 2018. 720 с.

Доде З.В. Костюм как репрезентация историко-культурной реальности: К вопросу о методе исследования // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 2. Донецк: ДонНУ, 2005. С. 305–330.

Гавритухин И.О., Иванов А.Г. Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 99–159.

Красноперов А.А. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II в. до н.э. – V в. н.э.). Дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006. 269 с.

Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: ПГУ, 2001. 220 с.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.

Перевозчикова С.А. Обряд обезвреживания погребенных по материалам могильников неволинской культуры // Междунар. (XVI Уральское) археологич. совещание: Материалы междунар. науч. конф. 6–10 октября 2003 г. Пермь, 2003. С. 213–215.

Сведения об авторе

Светлана Александровна Перевозчикова, кандидат исторических наук, заведующая научно-исследовательским центром «Камско-Вятская археологическая экспедиция», доцент кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии, Удмуртский государственный университет, Российская Федерация, г. Ижевск. E-mail: homasvet@mail.ru

АНАЛИЗ ХИМИЧЕСКОГО СОСТАВА ЭЛЕМЕНТОВ ПОЯСНОЙ ГАРНИТУРЫ БРОДОВСКОЙ И ВЕРХ-САИНСКОЙ СТАДИЙ НЕВОЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

А.А. Черных

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

Аннотация. Целью исследования является сравнительный анализ химического состава поясной гарнитуры харинского типа бродовской и верх-саинской стадий неволинской культуры. С помощью портативного РФА-спектрометра были проанализированы металлические детали пояса и выявлен их химический состав.

Ключевые слова: неволинская культура, раннее средневековье, поясная гарнитура, РФА-спектрометр, химический анализ

Цитирование. Черных А.А. Анализ химического состава элементов поясной гарнитуры бродовской и верх-саинской стадий неволинской культуры // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничникова. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 136–140.

В настоящее время неволинская археологическая культура является одной из хорошо изученных культур Прикамья раннего средневековья. Жители Сылвенско-Иренского поречья контактировали как с ближайшими соседями, так и с населением отдаленных областей – Средней Азии, Сасанидским Ираном, Византией, Скандинавией и др., что, конечно же, влияло на материальную и духовную культуру населения Сылвенского поречья.

Р.Д. Голдиной было выделено пять разновременных, сменяющих друг друга хронологических стадий: бродовская (конец IV – V в.), верх-саинская (VI в., скорее всего, без последней четверти), бартымская (конец VI – VII в.), неволинская (конец VII – VIII в., вероятно, без последней четверти) и сухоложская (конец VIII – первая половина IX в.) (Голдина, 2012, с. 203–204).

В данной статье нас интересуют лишь комплексы ранней части обоих могильников, связанной с бытованием курганов. Для Бродовского могильника функционирование курганов характерно для конца IV – первой половины VI в., а на Верх-Саинском могильнике курганы были возведены в период с середины VI по середину VII в. Для этого периода характерны пояса так называемого харинского типа. Они представляют собой кожаные ремни шириной от 3 до 5 см, на одном из концов которых находились бронзовые или серебряные пряжки, на другом – наконечники из такого же металла. Ремень мог быть украшен бронзовыми или серебряными накладками, чаще всего прямоугольной формы. При этом накладки могли быть только сзади, в области спины; располагаться равномерно по всей длине ремня на небольшом расстоянии друг от друга; крепиться по всей длине ремня.

Если рассматривать бродовскую и верх-саинскую поясную гарнитуру по отдельным категориям предметов, то они немного отличаются друг от друга. Для этого периода характерны составные

пряжки и наконечники, иногда украшенные каменными вставками, псевдозернью и псевдоскальнью. Но верх-саинские пряжки и наконечники, как правило, имеют большие размеры (рис. 1, Б), чем бродовские (рис. 1, А). Пояса из бродовских могил практически не украшены накладками: они встречаются в виде нескольких фрагментов. Таким образом, бродовские пояса более просты в исполнении, а верх-саинские больше украшены (Голдина, Перевозчикова, 2018).

Ранние пояса из комплексов Бродовского и Верх-Саинского могильников были названы Р.Д. Голдиной верх-саинским типом поясной гарнитуры, ввиду большой встречаемости такого типа пояса на одноимённом могильнике (Голдина, Перевозчикова, 2018, с. 145). Такие пояса морфологически схожи с поясами митинской стадии (VI в.) харинского периода ломоватовской культуры, гыркешурской стадии (VI в.) полоумской культуры (Лещинская, 2025, с. 262–263).

Наша задача заключалась в анализе химического состава поясов из курганных захоронений Верх-Саинского и Бродовского могильников.

Было проанализировано 14 поясов из Верх-Саинского могильника и поясная гарнитура из 21 погребения Бродовского могильника. Химический состав выявлен с помощью РФА-спектрометра. Вещи до исследования были почищены.

В ходе исследования выявлено, что пояса из курганных погребений Бродовского могильника практически не различаются в процентном соотношении составом как внутри отдельного пояса (то есть составы пряжек и наконечников ремней), так и внутри самого могильника (между отдельно взятыми погребениями). Поясная гарнитура была выполнена из меди (80–97%) с примесями свинца и цинка. Разница в процентном соотношении компонентов в разных вещах незначительная: в 88% случаях поясов медь содержится в концентрации более 80%. В Верх-Саинском могильнике те же

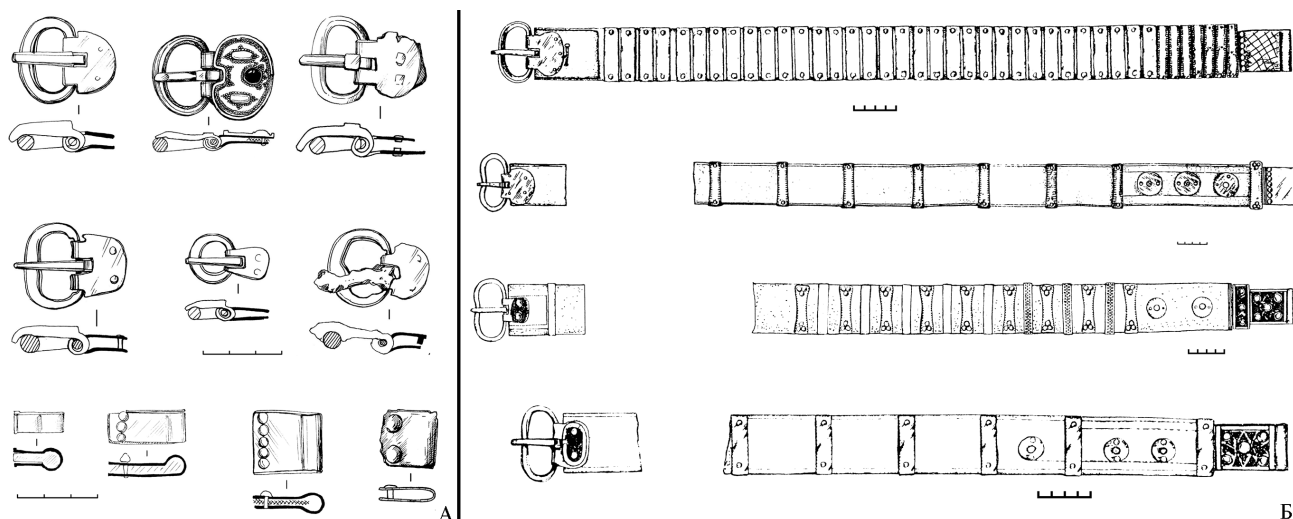

Рис. 1. Поясная гарнитура бродовской и верх-саинской стадии неволинской культуры.
 А – поясная гарнитура из Бродовского могильника; Б – поясная гарнитура из Верх-Саинского могильника

харинские пояса не имеют такого ярко выраженного единства в составе сплава, как в Бродовском могильнике (табл. 1).

Общая черта химического состава поясов из данных могильников – малая концентрация свинца (0–3 %, в редких случаях превышает 10 %) и отсутствие олова.

Среди бродовских наконечников ремней только один, из погребения 1 кургана 26, содержит в себе 78 % серебра. Остальные наконечники состоят на 80–90 % из меди, с примесями свинца и цинка. Что примечательно, как в Верх-Саинских поясах, так и в Бродовских нет олова в составе вещей, которое появляется позже в поясах неволинского (местного) типа (Черных, 2024). Исключение составляет только наконечник ремня из погребения 4 кургана 7 Бродовского могильника, в котором олово достигает 29 %.

Бродовские пряжки в ранней стадии (конец IV – V вв.) все медные (80–90 %). Только две пряжки (курган 22/1 и траншея 4) в своем составе имеют концентрацию свинца 23 и 43 % соответственно, тогда как в остальных пряжках из погребений Бродовского могильника этот металл не превышает показателей 10 %.

Основными сплавами в вещах Верх-Саинского могильника выступают, как и в Бродовском могильнике, медь с цинком, а также медь с серебром (в большинстве своем из такого сплава состоят наконечники ремней). Однако в данном могильнике химический состав более разнообразен, чем в предыдущем, следовательно, в поясах Верх-Саинского могильника не прослеживается однородность химического состава разных элементов гарнитур одного пояса.

Цинк присутствует в 31 находке из 48. Его концентрация в среднем от 8 до 10 % также позволяет назвать данный тип сплава латунью (15

находок из 31 с цинком), так как в таком сплаве процентное содержание цинка должно превышать другие примеси.

В отличие от Бродовского могильника, в Верх-Саинском присутствует больше вещей (10 находок), состоящих более чем на 50 % из серебра (42–89 %). Серебряными в верх-саинском типе пояса оказались только две накладки и восемь наконечников ремней.

Только три находки (накладка и две пряжки, все из разных погребений) из проверенных состоят из свинцовой бронзы (количество свинца варьирует в пределах 12,5–30 %). Одна накладка состоит из оловянной бронзы (количество олова достигает 11,6 %).

Исходя из этого, можно сделать вывод, что поясная гарнитура из курганных захоронений Бродовского могильника не похожа по сплаву с украшениями поясов курганной группы Верх-Саинского могильника. Поясная гарнитура ранней бродовской стадии выполнена из единого сплава с минимальной разницей в процентном соотношении – не превышая 20 %. В Верх-Саинском могильнике разница в процентном содержании одного вещества между разными частями поясной гарнитуры может достигать 40 %; не прослеживается единство сплава; особо выделяются серебряные наконечники ремней, характерные для более поздней стадии харинского типа поясов.

Следовательно, нельзя выделить единый тип сплава, характерный для всего харинского типа поясов из курганных могильников неволинской культуры. На ранней стадии поясная гарнитура состояла из медного сплава с примесями свинца и цинка. Позднее медь остается лидирующим компонентом, но появляются вещи, в состав которых входит серебро – нехарактерное для данной территории вещество и достигающее 50 % концентрации.

Таблица 1. Химический состав поясной гарнитуры из Бродовского и Верх-Саинского могильников (мас. %)

Памятник, погребение	Вещь	Cu	Pb	Zn	Sn	Fe	Co	Nb	Ag	Ta	Mn	As	Pd	In
Б, траншея 4	пряжка	86,7	11,2	0,77		1,38								
Б, траншея 4	пряжка	50,5	43			5,23								
Б, 8/4	пряжка	80,4	1,4	17		1,16								
Б, 8/3	наконечник ремня	87,8	1,03	10,2		0,98								
Б, 8/3	пряжка	86,6	0,34	12,2		0,73					0,17			
Б, 7/4	пряжка-кольцо	87,2	4,21	4,46		4,09								
Б, 7/4	наконечник ремня	55,8	4,7		29,5	9,99								
Б, 7/3	пряжка	87,5	1,26	9,26		1,43				0,56				
Б, 7/2	пряжка	84	2,23	13,2						0,35	0,17			
Б, 7/1	наконечник ремня	87,3	3,03	8,16		1,43					0,08			
Б, 7/1	наконечник ремня	86,1	3,32	8,56		1,96								
Б, 7/1	пряжка	82,9	1,7	13,2		2,15								
Б, 7/1	пряжка	82,2	1,73	14,4		1,54		0,06						
Б, 7/1	наконечник ремня	43,8	0,73	2,76		3,15			49,4					
Б, 7/1	наконечник ремня	29,1	11,7	3,18		4,35			51,6					
Б, 6/3	наконечник ремня	87,7	1,74	9,22		1,24								
Б, 6/3	пряжка	87,5	2,64	9,11		0,73								
Б, 6/2	пряжка	88,7	0,66	9,85		0,68								
Б, 46/1	пряжка	87,1	0,71	10,4		1,28		0,08		0,2	0,12			
Б, 45/1	пряжка	82,1	1,58	12,9		3,33								
Б, 44/1	пряжка-кольцо	86,2	4,1	6,29		3,38								
Б, 40/1	пряжка	88,7	0,61	9,81		0,46	0,14	0,17						
Б, 26/1	наконечник ремня	88,8	0,37	9,42		1,45								
Б, 26/1	наконечник ремня	88,6	0,56	7,86		1,75		0,06		1,2				
Б, 26/1	наконечник ремня	88,4	1,42	4,3		4,26				1,61				
Б, 26/1	пряжка-кольцо	84,6	0,6	12,7		2,14								
Б, 26/1	наконечник ремня	15,5	0,26	2,82		0,92			78,1			0,32		
Б, 26/1	пряжка	75,5	0,96	14,3		8,02				1,27				
Б, 24/3	наконечник ремня		0,3			99,7								
Б, 24/2	наконечник ремня	98,4		1,45								0,07		
Б, 22/1	пряжка	92,4	6,51			0,9								
Б, 22/1	пряжка	90,9	8,44	0,64										
Б, 22/1	пряжка	88	11,1			0,94								
Б, 22/1	пряжка	74,3	23,5	1,18		1,01								
Б, 21/1	наконечник ремня	89,1	1,86	7,88		1,12								
Б, 20/1В	пряжка	87,1	1,34	10,6		0,97								
Б, 20/1В	наконечник ремня	86,3	1,26	11		1,24								
Б, 20/1В	пряжка	85,1	1,96	12		0,87								
Б, 20/1	пряжка	82,9	3,31	11,9		1,42		0,08		0,21				
Б, 18/1	пряжка	85,4	2,53	10,3		1,39				0,41				
Б, 17/2	пряжка	86,3	2,6	10,3		0,73								
Б, 17/2	пряжка	85,4	1,99	11		1,7								
Б, 16/2	ювелирные щипчики	80,5	0,61	16,8				0,26		1,2		0,15		
Б, 16/2	пряжка	86,9	1,07	9,88		1,92				0,28				
Б, 16/2	наконечник ремня	80,6	3,01	15,7		0,77								
Б, 16/1	пряжка	91,3	0,73	7,03		0,85								

Таблица 1 (продолжение). Химический состав поясной гарнитуры из Бродовского и Верх-Саинского могильников (мас. %)

Памятник, погребение	Вещь	Cu	Pb	Zn	Sn	Fe	Co	Nb	Ag	Ta	Mn	As	Pd	In
Б, 16/1	наконечник ремня	87,6	2,47	8,65		1,28								
Б, 16/1	пряжка	80,9	0,9	12,8		4,15	0,21	0,2		0,5		0,13		
Б, 16/1	наконечник ремня	86	7,75	4,81		1,44								
Б, 16/1	наконечник ремня	85,6	3,26	10,3		0,9								
Б, 16/1	наконечник ремня	84,7	1,98	11,7		0,73	0,15			0,23				
Б, 13/1	пряжка	90,3	0,97	7,98		0,35			0,27		0,1			
Б, 11/1	наконечник ремня	86,1	1,01	12,4		0,46								
Б, 11/1	пряжка	85,3	2,05	11,6		1,05								
Б, 10/1	пряжка	90,2	3,16	5,86		0,58	0,04							
Б, 10/1	пряжка	89,3	3,47	6,24		1,01								
Б, 10/1	наконечник ремня	87,1	2	9,77		0,94								
Б, 10/1	пряжка	85,8	9,09	4,05		1,7								
Б, 10/1	наконечник ремня	82,2	3,42	11		2,33				1,03				
ВС, 17/1	пряжка	96,4		2,85						0,4		0,31		
ВС, 17/1	пряжка	95,8		3,27						0,98				
ВС, 17/1	наконечник ремня	10,6	1,53	1,98		0,32			83,3			0,86		
ВС, 17/1	наконечник ремня	9,62	1,6	1,96					85,3					
ВС, 9/2	пряжка	87,6		11,9				0,06						
ВС, 9/2	пряжка	87,6		11,2			0,25	0,16			0,18			
ВС, 9/2	накладка	55	1,36			1,1			42,6					
ВС, 9/2	наконечник ремня	18,1	0,56	1,2		0,57			79,3					
ВС, 9/2	накладка	3,94	0,61	0,62		4,57			89,6					
ВС, 9/2	пряжка	79,2	19,6			1,25								
ВС, 9/2	наконечник ремня	81,8				2,8						13,1		
ВС, 9/2	наконечник ремня	61,7				6,61						11,2	8,41	
ВС, 73/1	наконечник ремня	25,3	1,08	7,5		0,47			65,5					
ВС, 64/1	накладка прямоугольная	91		8,13						0,52	0,26			
ВС, 64/1	пряжка	87,1		8,13			0,69			3,51				
ВС, 64/1	наконечник ремня	44,2												
ВС, 60/1	накладка прямоугольная	89,8	3,97	3,54	0,3	1,37			1,01					
ВС, 60/1	наконечник ремня	42	3,43	9,15		0,71			44,7					
ВС, 60/1	накладка прямоугольная	83,8		4,7			0,53			10,8				
ВС, 60/1	пряжка	68,6		4,66		26,4				0,38				
ВС, 54/1	накладка прямоугольная	99,6					0,76			9,55				
ВС, 54/1	пряжка	74,6		18		1,97				5,18				
ВС, 54/1	наконечник ремня	29,5		11,5		1,11				4,42				23,6
ВС, 46/1	пряжка	98,2	0,25	0,47		0,93								
ВС, 41/1	пряжка	78,6		15,3						5,9				
ВС, 41/1	наконечник ремня	75,7		19,5			0,48			4,36				
ВС, 38/1	пряжка	88	10			1,45								
ВС, 35/1	накладка прямоугольная	90,4	0,52	9,07										
ВС, 35/1	пряжка	97,4	1,52			0,99					0,12			
ВС, 179	наконечник ремня	34,9	1,32	3,94		1,18			57				0,21	

Таблица 1 (продолжение). Химический состав поясной гарнитуры из Бродовского и Верх-Саинского могильников (мас. %)

Памятник, погребение	Вещь	Cu	Pb	Zn	Sn	Fe	Co	Nb	Ag	Ta	Mn	As	Pd	In
ВС, 174	накладка прямоугольная	84,2	0,26	14,1		0,87				0,59				
ВС, 174	наконечник ремня	42,2	0,41	3,5		1,69			50,9					
ВС, 174	пряжка	85,6				14,2								
ВС, 174	пряжка	71,6	0,12	16,3		0,86	0,14	0,14		1,4		0,04		
ВС, 174	пряжка	57,7		1,73		39,1				0,22				
ВС, 174	наконечник ремня	14,9	0,72	2,26		0,59			81,3					
ВС, 147	накладка прямоугольная	86,2	0,53		11,6	1,06			0,6					
ВС, 147	пряжка	98,1	1,49			0,39								
ВС, 14/1	пряжка	88,6		9,36		1,84					0,07			
ВС, 14/1	пряжка	88,5		8,86		1,97				0,25				
ВС, 14/1	наконечник ремня	86,5		11,2		0,75	0,19	0,21			0,16			
ВС, 14/1	накладка	91,6	7,42			0,96								
ВС, 14/1	пряжка	85,9	12,5			1,53								
ВС, 14/1	накладка	64	30,9			3,09								
ВС, 14/1	наконечник ремня	84,7				2,06				3,3				
ВС, 14/1	наконечник ремня	43,5				2,26								
ВС, 14/1	наконечник ремня	29,1		5,52		1,63						7,26		3,36
ВС, 12/2	накладка прямоугольная	76,1		16,1		1,46				6,15				

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Голдина Р.Д. О датировке и хронологии неволинской культуры (конец IV – начало IX в.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. С. 203–285. (МИКВАЭ. Т. 25)

Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А. О датировке и хронологии Верх-Саинского могильника неволинской культуры (VI – начало IX в. н.э.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. С. 321–375. (МИКВАЭ. Т. 25)

Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В. Могильник VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи. Ижевск, 2018. 720 с. (МИКВАЭ. Т. 19)

Лещинская Н.А. Ременные гарнитуры Тат-Боярского могильника VI–VIII вв. в бассейне р. Вятка // Археология евразийских степей. 2025. № 3. С. 258–271.

Черных А.А. Химический анализ гарнитуры поясов неволинского типа // Актуальная археология. 7. Материалы междунар. науч. конф. молодых ученых. Санкт-Петербург, 1–4 апреля 2024 г. СПб.: ИИМК РАН, 2024. С. 315–317.

Сведения об авторе

Анастасия Александровна Черных, специалист по учебно-методической работе учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии, Удмуртский государственный университет, Российская Федерация, г. Ижевск. E-mail: anasteiaha2028@mail.ru

**КУРГАНЫ С «УСАМИ» БАШКИРИИ
(МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЙ КУРГАННОЙ ГРУППЫ VI МАМБЕТОВСКИЕ КУРГАНЫ)****И.В. Грудочко¹, А.Х. Пшеничниук**¹ Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Аннотация. Публикуются материалы археологических исследований памятника VI Мамбетовские курганы, содержащего комплекс курган с «усами». Каменная архитектура, наличие каменных выкладок и отсутствие человеческих захоронений позволяют рассматривать их как поминальные объекты кочевнической культуры поздней древности – раннего средневековья IV–V вв. н.э.

Ключевые слова: кочевники, степь, Южный Урал, раннее средневековье, курганы с «усами»

Цитирование. Грудочко И.В., Пшеничниук А.Х. Курганы с «усами» Башкирии (материалы исследований курганной группы VI Мамбетовские курганы) // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничниука. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 141–143.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 24-18-20055, <https://rscf.ru/project/24-18-20055>

Результаты археологических исследований под руководством А.Х. Пшеничниука внесли значительный вклад в археологию Башкортостана. И хотя сфера научных интересов исследователя была связана в основном с ранними кочевниками, полевые работы охватывали более широкий круг памятников. Здесь мы бы хотели опубликовать материалы по курганной группе VI Мамбетовские курганы, в составе которых был исследован комплекс курганов с «усами». В то время (раскопки 1974 г.) этот историко-археологический феномен был слабо осознан и почти не изучен на территории РСФСР. Сегодня же, спустя более 50 лет, база данных значительно расширилась, появились специальные исследования, позволившие четко определять курганы с «усами» как ритуальные кочевнические комплексы поздней древности – раннего средневековья. Мы считаем, что публикуемые здесь материалы станут полезными, прежде всего, с источниковедческой точки зрения. Однако прежде всего хотелось бы дать краткий обзор истории исследований курганов с «усами» на территории Башкортостана.

Впервые курганы с «усами» Южного Урала обнаружены именно на территории Башкирской АССР в 1945 г. Тогда Б.А. Коишевским в Баймакском районе описано «сооружение из 5 курганов, из которых средний – наиболее крупный, а боковые – уменьшаются к краям. От крайних курганов идут две дуги из поставленных стоймя камней, образующих кольцо, замыкаемое двумя кругами. Внутренность кольца площадью около 1,5 га». Позже памятник был зарегистрирован под именем «II Давлетовские курганы» (Археологическая..., 1976, с. 196). Первые раскопки на Южном Урале проведены в 1965 и 1972 гг. Н.А. Мажитовым в том же районе. Он исследовал центральное со-

оружие кургана с «усами» у деревни Нижнее Давлетово, в окрестностях г. Сибай (Археологическая, 1976, с. 185–196; Мажитов, Султанова, 2010, с. 152). В 1996 г. Ф.А. Сунгатовым предприняты исследования кургана с «усами» у деревни Султантемирово в Зилаирском районе РБ, где был обнаружен хорошо датируемый предметный комплекс V в. н.э. (Сунгатов, 2003).

Публикуемые здесь VI Мамбетовские курганы, отметим справедливости ради, были нанесены на карту в обобщающей монографии 2006 г. (Боталов, Таиров, Любчанский, 2006, с. 15, рис. 1, 57). Памятник расположен в Хайбуллинском районе РБ, раскопки проводились в 1974 г.

VI Мамбетовские курганы расположены в 2,5–5 км на ЮЮВ от села Мамбетово, на второй надпойменной террасе правого берега р. Таналык. В группе было 3 каменных кургана диаметром от 4 до 8 м, расположенных на расстоянии 70–80 м друг от друга (рис. 1, I). Раскопаны все 3 кургана.

Курган I. Диаметр 6 м. Правильней его было бы назвать каменной вымосткой. На поверхности хорошо были видны лишь крайние камни, образующие кольцо. Внутри камни, как правило, чуть поменьше и почти полностью скрыты в земле, хорошо задернованы. Камни представляют собой валуны диаметром в среднем 20–40 см, уложены примерно в два слоя. Под ними шел чернозем толщиной 15–20 см (рис. 1, II). Никаких признаков погребения и вещей не обнаружено.

Курган 2 относится к типу курганов с «усами». Маленький курган диаметром 4 м и высотой 5–10 см, выложенный из камня-валуна, от него к северо-востоку отходит 2 дуги длиной 42–45 м, выложенных из такого же камня, дуги заканчиваются каменными площадками диаметром 2–2,5 м (рис. 1, III). Нами раскопан только основной кур-

ган. Как и в кургане 1, под камнем шел небольшой (15–20 см) слой чернозема, в котором обнаружено несколько мелких угольков. Погребение и вещи отсутствовали.

Курган 3. Диаметр 8 м, высота 20–30 см. Сложен из больших и мелких камней валунов в 2–3 слоя. Камни, хотя и заросли травой, скреплены плохо. Под камнями шел слой чернозема 15–20 см.

Среди камней и в черноземе встречены угольки. Погребение и вещи не обнаружены.

К северо-западу от этих курганов на этой же второй надпойменной террасе, в 2–3 км от русла р. Таналык среди пашины местные жители показали еще 7 аналогичных каменных курганов больших размеров. Расстояние между ними от 0,5 до 1,5 км. Местное башкирское население называет

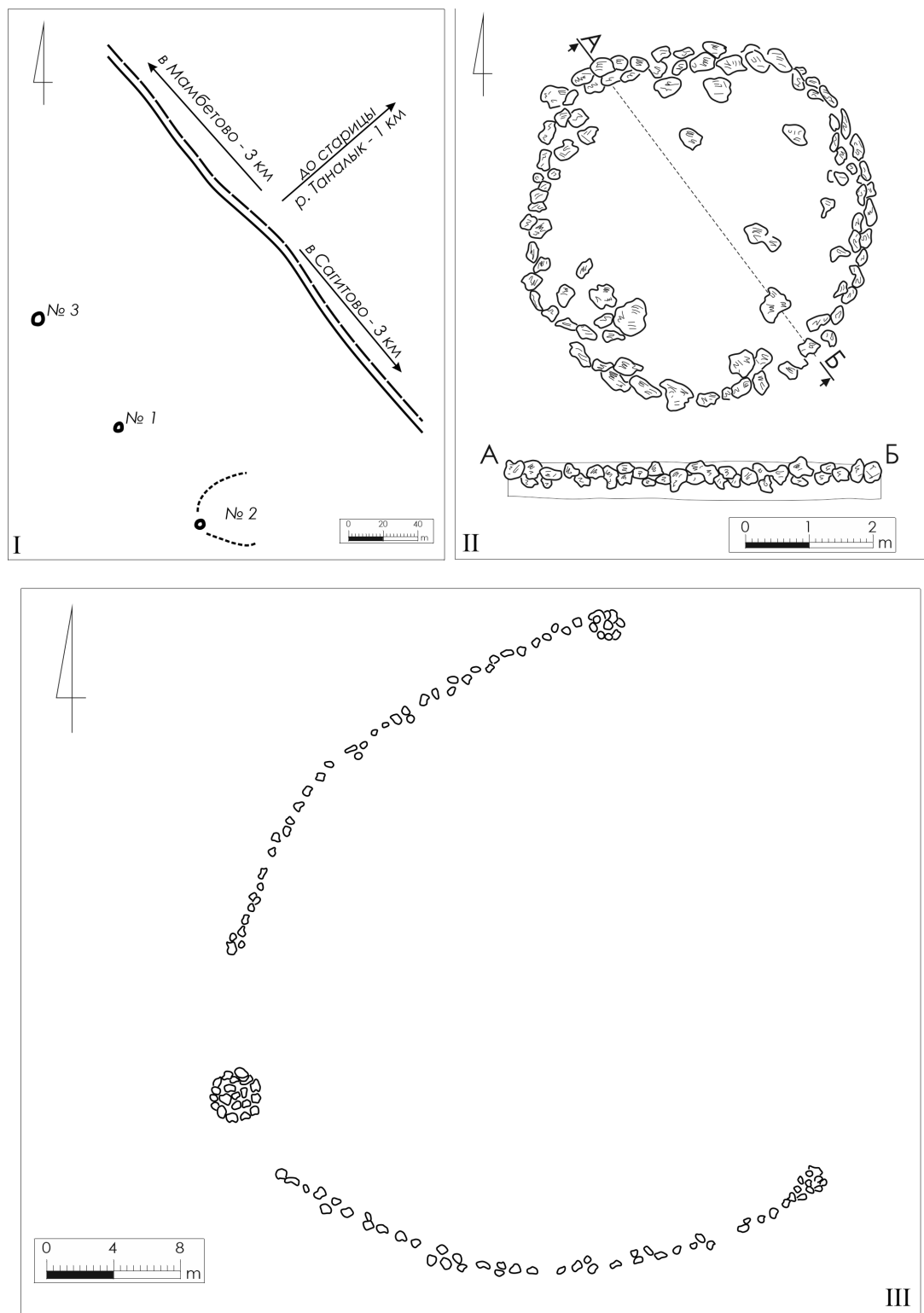

Рис. 1. VI Мамбетовские курганы. I – план памятника; II – план и профиль кургана 1; III – план кургана 3 (с «усами»)

их «уба», «курганы» и говорят, что в них похоронены воины. Отсутствие погребений и каких-либо вещей непонятно нам (Пшеничнюк, 1975, с. 6–7).

Каменная архитектура и поминальная функция являются типичными для всего ареала курганов с «усами» – от Синьцзяна до Восточной Европы. Характерной чертой приведенного кургана с «усами» можно назвать относительно короткие гряды-«усы» – до 50 м, что сближает их с центрально-казахстанской группой. Большинство гряд южноуральской группы варьирует в пределах 50–150 м (Грудочко, 2020, с. 199, табл. 3). Отсутствие вещевого комплекса, особенно керамического сосуда, не выглядит чем-то необычным. При том, что в большинстве исследованных курганов с «усами» горшки обнаружены на подкурганной площадке (64 случая), значительное количество памятников (16) было «пустыми» (Грудочко, 2020, с. 201, табл. 6). Курганная группа VI Мамбетовские курганы, состоящая из трех объектов курганного типа, локализующихся вблизи друг друга, напоминает т.н. памятники селенташского типа, выделенные С.Г. Боталовым (Боталов, Таиров, Любчанский, 2006, с. 102–109).

Приведенные археологические материалы комплекса VI Мамбетовские курганы не дают никакой хронологической привязки, однако по имеющимся на сегодняшний день данным по аналогичным памятникам можно предполагать их датировку в пределах IV–VII вв. н.э.

Обобщение известных на сегодняшний день археологических сведений по курганам с «усами» (Грудочко, 2017; Бейсенов, 2021), в том числе южноуральской группы, позволяет трактовать их как явные непогребальные (поминальные, ритуальные) сооружения. Как правило, в центральном кургане следы жертвенно-поминальных действий и находки обычно фиксируются почти сразу под каменной насыпью, не ниже уровня древней поверхности. «Набор» ритуальных следов, которые удастся зафиксировать, включает установку сосуда, кости животных, следы огня, в редких случаях – предметный комплекс (вооружение, украшения, абразивы и др.). При этом каждый из перечисленных элементов занимал определенное «локализованное» место в ритуальном пространстве. «Усы» обычно не содержали никаких находок, в редких случаях под их окончаниями отмечены кости мелкого рогатого скота. Лишь в исключительных случаях под центральным сооружением совершались человеческие захоронения (Сунгатов, 2003). Мы предполагаем, что курганы с «усами» отражали некие коллективные мероприятия (праздники, поминки и др.). Конечной стадией данного мероприятия, по-видимому, следует считать засыпку (закрытие) ритуальной площадки (центральный курган), т.е. заброску или закладку камнем. При этом, как показывают археологические свидетельства – стратиграфия и условия обнаружения обрядовых элементов, курган с «усами» представлял собой одноразовое жертвенно-поминальное сооружение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археологическая карта Башкирии. М.: Наука, 1976. 264 с.
- Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. Челябинск: Южно-Уральский филиал ИИА УрО РАН, 2006. 232 с.
- Бейсенов А.З. Тасмолинское каменное изваяние в урочище Аумаган, Центральный Казахстан // Уфимский археологический вестник. 2021. Т. 21. № 1. С. 33–41. <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.1.003>
- Грудочко И.В. Курганы с «усами». Этнокультурная ситуация в урало-казахстанских степях V–VII вв. // Уфимский археологический вестник. 2017. Вып. 17. С. 42–49. <https://doi.org/10.31833/uav.2017.17.006>
- Грудочко И.В. Курганы с «усами». Эпоха поздней древности и раннего средневековья урало-казахстанских степей (IV–VII вв. н.э.). Budapest: Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia 16: Magyar Östörténeti Társasport Kiadványok 9. 2020. 356 с.
- Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. Уфа: Китап, 2010. 496 с.
- Пшеничнюк А.Х. Научный отчет о работе археологического отряда ИИЯЛ БФ АН СССР за 1974. «Памятники эпохи бронзы и раннего железа на Южном Урале». Уфа, 1975 // Архив ИИЯЛ УФИЦ РАН. I-84.
- Сунгатов Ф.А. Султантемировский I курган с «усами» // Уфимский археологический вестник. 2003. № 4. С. 216–224.

Сведения об авторе

Иван Валерьевич Грудочко, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет, Российская Федерация, г. Челябинск. E-mail: grudochkoivan@mail.ru

СВЯТИЛИЩНЫЙ КОМПЛЕКС ИНГАЛА. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

С.Г. Боталов^{1,2}, С.Р. Газизова¹, И.В. Грудочко¹

¹ Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

² Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Аннотация. Статья посвящена публикации святилищного комплекса Ингала (Уповровский район, Тюменская область). Памятник относится к VII в. и соотносится с аналогичными памятниками (кладами), расположенными в лесостепном поясе от Урала до Причерноморья, относящимися к протоболгарским комплексам.

Ключевые слова: святилище, протоболгарские памятники, геральдические накладки

Цитирование. Боталов С.Г., Газизова С.Р., Грудочко И.В. Святилищный комплекс Ингала. Историко-культурная интерпретация // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничного. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 144–154.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 24-18-20055 «Хозяйство и социальная организация скотоводческих обществ Южного Зауралья: от поздней древности до Нового времени», <https://rscf.ru/project/24-18-20055/>

Святилищный комплекс Ингала располагается в Уповровском районе Тюменской области на территории археологического микрорайона «Ингалинская долина»¹. Памятник находится на высокой песчаной террасе междуречья р. Ингала (левый берег) и р. Сазык (правый берег). С юго-запада площадка террасы ограничена низкой заболачиваемой поймой рек Быстрянка, Сазык и озером Лебяжье. С северо-востока она ограничена Клюквенным болотом.

Непосредственно площадь святилища составила до 34000 м². Жертвенные местонахождения располагались в основном на высокой поверхности, которая оконтуривала большую старичную западину (85×110 м), хотя по краям и на дне этого углубления также были расчищены местонахождения (№№ 13, 15, 23). Находки обнаружены сразу под дерном в гумусном слое. В этой связи зафиксировать очертания углублений не представлялось возможным. Для исследования этого памятника была применена следующая методика. Вначале был снят точный инструментальный план. После чего на него наносились координаты основных местонахождений скоплений предметов. Их оказалось 27. Кроме того, на площади святилища при сплошном металлодетекторном обследовании было обнаружено большое количество разрозненных железных предметов, в основном наконечников стрел и принадлежностей конской упряжи. Они были нанесены на полевой план. На сводном плане отдельные находки были показаны в рамках двух зон поверхностных сборов (рис. 1, I, II).

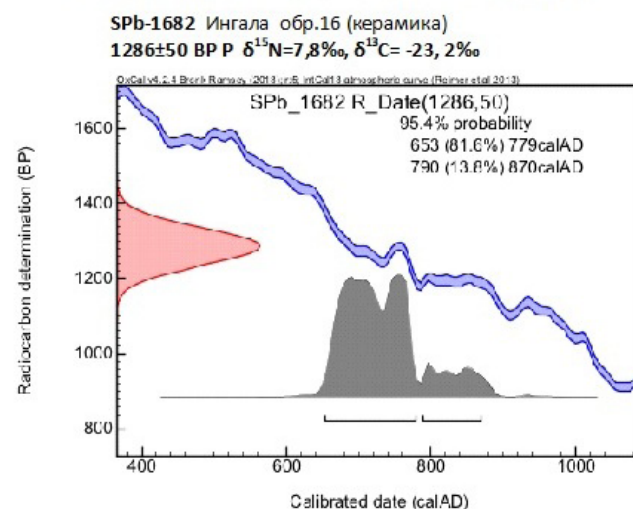
На площади местонахождений и вблизи их были заложены пять поисковых раскопов различных размеров. Однако выборка раскопов ничего не обнаружила, за исключением раскопа 4, где

были найдены неполные развалы трёх керамических горшков (сосуд 1, 2, 3) (рис. 2, 7–9). Судя по компактному залеганию и сравнительно большому количеству фрагментов от каждого горшка, вероятнее всего, эти сосуды представляют единый комплекс. По технологическим и орнаментальным традициям эти экземпляры достаточно отличны по своему культурному облику от других.

Сосуд 1. Круглодонный с вогнутой шейкой, прямым венчиком. В тесте примесь мелкого песка и шамота. Орнаментирован резной тройной ёлочкой по шейке и наколами в нижней части венчика (рис. 2, 9). Имеет позднебакальский облик. По фрагментам сосуда получена радиоуглеродная дата: образец SPb-1682 дал два возможных диапазона 653–779 (81,6%) AD и 780–870 (13,8%) AD (см. табл. 1).

Таблица 1. Радиоуглеродный анализ керамики (сосуд 1)

Радиоуглеродный анализ керамики (сосуд 1)

¹ См. Ингалинская долина // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.f50ec074-687de384-2268981f74722d776562/https://en.wikipedia.org/wiki/Ingala_Valley (дата обращения 21.07.2025 г.).

Сосуд 2. Высокий плавнопрофилированный горшок (ваза), вероятнее всего плоскодонный, толстостенный, изготовлен из грубого теста с примесью дресвы. Подобные сосуды известны как керамика селенташского типа, выделенного одним из авторов в 1996 г. Данные вазообразные сосуды

встречаются также в известных памятниках курганов с «усами» (Боталов, 1996, с. 148–158).

Сосуд 3. Круглодонный горшок. Имеет вогнутую шейку, утолщенный прямо срезанный венчик. Сформирован из хорошо отмученного теста, в тесте примесь шамота и мелкие камешки. Орна-

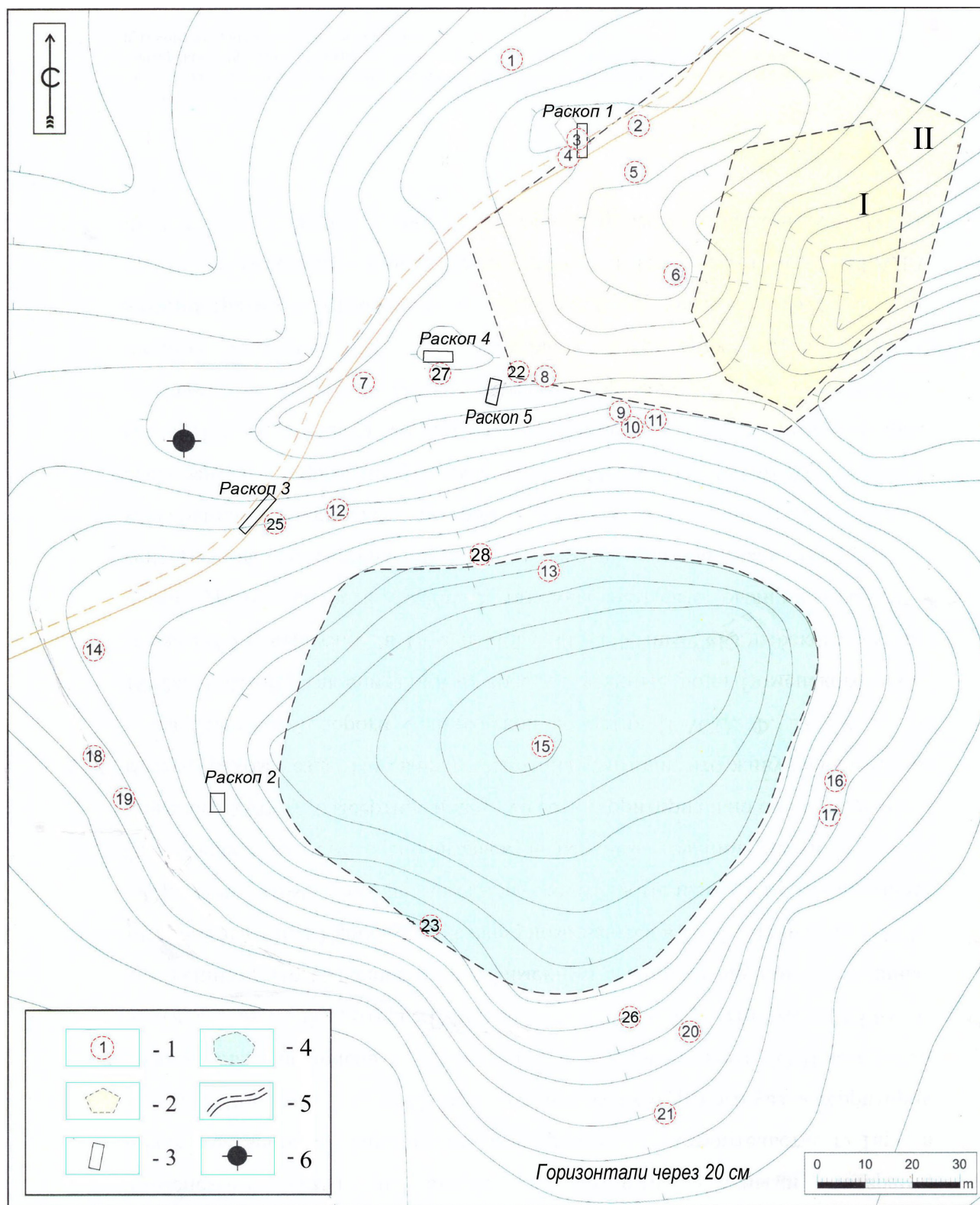

Рис. 1. Святилищный комплекс Ингала.

I – местонахождение артефактов комплексов вещей; 2 – границы (I – границы нахождения железных наконечников стрел; II – площадка наибольшей концентрации вещей); 3 – шурфы, раскопы; 4 – болото (голубой цвет); 5 – дорога; 6 – курган

ментирован гребенчатым штампом. По венчику – поясok из косой многорядной линии, ограниченной снизу горизонтально, под которым располагается цепочка двухрядных ромбов, от нижнего угла которых отходят вниз три луча вертикальных вдавлений гребенчатого штампа (рис. 2, 8). Этот тип сосудов по изобразительной традиции весьма близок к горшкам раннечиялыкского (макушинского) типа, встречающегося в курганах IX–X вв. в погребальном комплексе Уелги. Справедливости ради следует отметить, что к этому типу керамики в уелгинском комплексе относится большинство сосудов, орнаментированных шнуровым штампом, хотя присутствуют и орнаментальные мотивы, выполненные гребёнкой. Как характеристику мы используем определение «керамика с крупногребенчатой и шнуровой орнаментацией».

В этой связи позволим себе небольшое историческое отступление. Наименование «чиялыкская культура» сегодня достаточно прочно вошло в научный оборот. Прежде всего, в связи с активными работами Г.Н. Гарустовича и В.А. Иванова (Гарустович, 1988; 1998; Гарустович, Иванов, 1992, с. 17–30; Гарустович и др., 2008; Иванов, 2015, с. 201–219; 2018, с. 105–112).

Наиболее полная систематизация материалов чиялыкской культуры была проведена Г.Н. Гарустовичем. Прежде всего, автор выделил два хронологических этапа культуры: ранний (постпетрогромский или мясимовский), который начинается с конца IX или в самом начале X в. и продолжается до XIII в., когда наступает поздний (чиялыкский) этап (XIII–XIV вв.). Солидаризируясь с Е.П. Казаковым, автор считает, что в начале II тысячелетия в Предуралье фиксируются две волны переселенцев из-за Уральского хребта – в X и в XIII вв. (Гарустович, 2015, с. 182–183).

Группа с гребенчато-шнуровой керамикой первоначально выделяется как сылвенская, макушинская (Зауралье), чиялыкская (Предуралье), постпетрогромская (мясимовская) с начала X в. При этом наблюдается определенная терминологиче-

ская подмена, когда постпетрогромские образцы определяются как юдинские. В этой части зауральские материалы зачастую удревняются в сторону ранних позиций юдинской культуры (VII–VIII вв.). В этой связи ранняя юдинская позиция подчас опускается до V–VII вв. в случае с Заводоуцким-3 курганным могильником (Аношко, Рафикова, 2017, с. 55).

Анализируя керамический комплекс Усть-Терсюкского городища, Г.Н. Гарустович приводит достаточно большую выборку шнуровой керамики макушинского (раннечиялыкского) типа с жемчужными подковками, зигзагом, нарезками и косыми рядами гребенчатого штампа внизу. Сосуды этой группы имеют прямую шейку и косо срезанный венчик и более близки к петрогромским образцам.

Приведенные Е.А. Третьяковым хронологические диаграммы подтверждают, что действительно общий культурный перерыв на городище Усть-Терсюк происходит в пределах IX в. (Третьяков, 2022, с. 134–141).

Достаточно большая коллекция шнуровой керамики в Большом Бакальском городище (в публикации она помечена как батырские петрогромско-юдинские образцы) (Гущина, Боталов, 2016, с. 407, рис. 42). Однако при существующей терминологической несогласованности между казанскими, уфимскими, екатеринбургскими и тюменскими коллегами трудно однозначно обозначить то или иное культурное определение образцов керамики со шнуровой орнаментацией.

Также сложно создать единую культурно-временную модель. Следует заметить, что в публикации Большого Бакальского городища (керамический комплекс) мы приводим достаточно внушительную таблицу шнуровой керамики (табл. 2) (Гущина, Боталов, 2016, с. 407, рис. 42). Учитывая, что появление этого петрогромско-юдинского горизонта падает на VII–VIII вв. с заходом в IX в, установить это позволяют наиболее поздние даты радиоуглеродного анализа.

Таблица 2. Городище Большое Бакальское. Поздний этап

№ п/п	Код	Конвенционное значение	Калибровочное значение (68.2%)	Калибровочное значение (95.4%)
1	Le 8289	1500±	536 (66.2%) 620AD 632 (2.0%) 636 AD	436 (4.2%) 454 AD 460 (13.9%) 520 AD 529 (77.3%) 643 AD
2	Le 8290	1480±	54 (60.85%) 623AD 628 (7.4%) 634 AD	437 (3.0%) 452 AD 412 (0.6%) 519 AD 529 (81.9%) 580 AD
3	Le 8302	1400±	540 (57.6%) 694AD 698 (5.3%) 718 AD 747 (5.3%) 767 AD	429 (90.2%) 782 AD 790 (3.1%) 830 AD 830 (2.2%) 870 AD
4	Kil 5912	1330±	640 (68.2%) 780AD	590(95.4%) 880 AD
5	Sp8 960R	1297±30	670 (68.2%) 712AD	661(95.4%) 770 AD

В определенной мере на культурную принадлежность этого позднего горизонта указывает образец (K1 5912) петрогромско-юдинской керамики, который дал наиболее позднюю дату – конец VIII – конец IX в. (см. табл. 2, 4) (Боталов, 2016, с. 57, рис. 2; 3).

Вероятнее всего, этот петрогромско-юдинский этап на Большом Бакальском городище прерывает развитие собственно бакальской культуры, сосуществуя с ней по крайней мере в период VIII столетия. Нечто похожее происходит в погребальном комплексе Уелги. Судя по данным радиоуглеродного датирования, керамика макушинского,

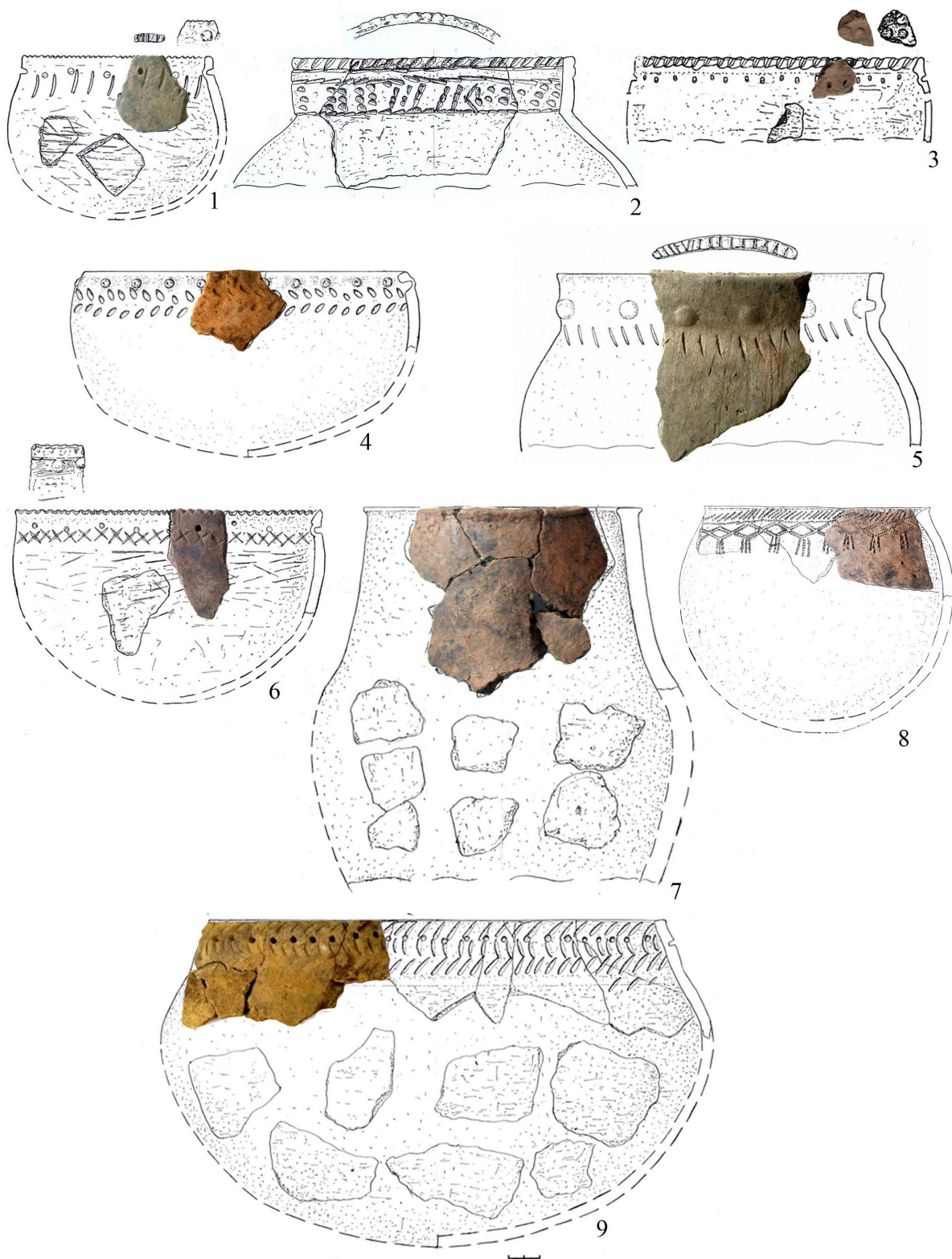

Рис. 2. Святилищный комплекс Ингала. Керамический комплекс.
1 – сосуд 7; 2 – сосуд 9; 3 – сосуд 8; 4 – сосуд 5; 5 – сосуд 6; 6 – сосуд 4; 7 – сосуд 2; 8 – сосуд 3; 9 – сосуд 1

раннеияликовского, петрогромско-юдинского типов появляется в материалах, имеющих устойчивое датирование VIII–IX вв.

Таким образом, сосуд 3 из местонахождения 27 отражает процесс появления нового петрогромско-юдинского этапа на святилище Ингала. Вероятнее всего он падает на конец бакальского периода, то есть на VIII в. Оставшиеся реконструкции шести сосудов составлены из фрагментов, собранных с площади святилища как подъёмные сборы. Выделяются из этой коллекции два фрагмента: сосуд 6 (рис. 2, 5) и сосуд 9 (рис. 2, 2). В первом случае это образец караякуповского горшка, и он великолепно ложится в общий концепт материала святилища. Второй относится к сосуду прыговского облика и является случайной находкой. Остальные фрагменты принадлежат сосудам позднебакальского облика, что вполне закономерно для данного микрорайона (рис. 2, 1, 3, 4, 6).

Описание вещевого материала

Наконечники стрел

Трехлопастные наконечники (24 экз.). Это наиболее популярные наконечники из ингалинского комплекса. Крупные (до 7–8 см) имеют более подтреугольную форму и утолщённые лопасти (рис. 3, 14, 40, 52). Наконечники средних размеров (6–8 см) имеют утяжелённую переднюю часть головки и дополнительную подточку лопастей (рис. 3, 5, 6, 16, 17, 20, 21, 28, 35–39, 41, 42, 48).

Четырёхгранные наконечники с намеченными лопастями (17 экз.). Это особый тип, характерный именно ингалинскому. Две грани намечаются микролопастями, которые определяют соответственно третью и четвертую грани. В основном средних размеров, хотя есть и длинные (от 5 до 11 см). Характерной деталью является расположение небольшого пояса в месте упора наконечника в древко (рис. 3, 1–4, 7, 22–24, 26, 27, 29–31, 33, 34, 46, 47).

Двухлопастные наконечники: листовидные (4 экз.) (рис. 3, 9, 25, 45, 51); рогатый (рис. 3, 15), с шипами в нижней части пера (рис. 3, 18); долотовидный (рис. 3, 12). Это крупные наконечники, вероятно для охотничьего промысла.

Наконечник на копье втульчатый (рис. 3, 58), длина 24,5 см, диаметр втулки 2,8 см.

Наконечник дротика (рис. 3, 57), размер 2×16 см, в сечении прямоугольной формы.

Удила

Кольчатые удила. Удила с круглыми или овальными кольцами для поводья, диаметр 5,5–7 см (рис. 4, 6–9, 19–21). Зафиксирован один S-видный псалий (рис. 4, 23). В одном случае удила сложной конструкции, одна часть которых кольчатая, другая – прикреплённая на клёпки, имеет перевитую 8-видную часть, общий размер 20,5 см (рис. 4, 22).

Подпружные пряжки подпрямоугольной или трапецевидной формы (4 экз.) (рис. 4, 1–4).

Бытовые предметы

Рыболовные крючки (рис. 4, 12, 13).

Фрагмент молотка, пробойники (рис. 4, 10, 11, 14).

Тесла, размер 4,0×7,2 см; 5×13 см (5 экз.) (рис. 4, 16–18).

Фрагмент ножа (рис. 4, 26).

Стремена петлевидной формы (11 экз.), размеры: высота 12–14 см, ширина 12–13 см. С округлой узкой подножкой (6 экз.) (рис. 4, 25, 29). Арочной формы с прямой узкой подножкой (5 экз.) (рис. 4, 27, 28, 30).

Ременная гарнитура

Пряжки цельнолитые с овальной рамкой, полуовальным либо геральдическим или прямоугольным щитком (7 экз.) (рис. 5, 40, 41, 43, 45).

В-образные бесщитковые пряжки (3 экз.) с подвижным выступающим ремешком (рис. 6, 2–4). *В-образная псевдопряжка* (рис. 5, 42).

Бесщитковые пряжки (3 экз.) (рис. 5, 44, 49).

Накладки в виде четырёхлистников (2 экз.): малая размерами 2,1×2,1 см, с четырьмя отверстиями и крепёжными шпёнками на обороте (рис. 5, 25); большая размерами 3×3 см с двумя крепёжными шпёнками на обороте (рис. 5, 32).

Концевые накладки. Узкие с тремя бороздками в верхней части, размерами 1,1×5 см, пять целых и два фрагмента, на которые нанесён орнамент в виде круглых вдавлений птицевидного сюжета (рис. 5, 27–29).

Малые бронзовые щитовидные и круглые накладки с одним крепёжным шпёнком на обороте, диаметр 1,1 см, (32 экз.) (рис. 5, 20–23).

Крупные круглые накладки, диаметр 2,2×2,5 см (6 экз.) (рис. 6, 1).

Концевые узкие накладки орнаментированные, размеры соответственно 1,3×6,2 и 1,4×4,4 см. Одна орнаментирована двумя вертикальными тиснёнными рядами сферических выпуклостей (рис. 5, 6) и гравированными линиями (плавная волна) (рис. 6, 5).

Наконечники с боковыми выемками и четырьмя отверстиями в верхней части и раздвоенным в виде ласточкиного хвоста сверху, тремя крепёжными шпёнками на обороте, размеры 2,9×5,6 см (6 экз.) (рис. 5, 34).

Т-образная бляшка с прорезью в верхней части и раздвоенным полусферическим окончанием, размеры 1,5×3,4 см (рис. 5, 38).

Геральдическая щитовидная накладка, размеры 2,3×2,5 см (рис. 5, 35).

Т-образные накладки с геральдическим инкрустированием (цветное стекло), размеры 2,4×4 см (рис. 6, 23).

Т-образные накладки с двумя отверстиями и тремя крепёжными шпёнками на обороте, размеры 2,3×3,6 см (рис. 5, 26).

Горизонтальные накладки с щитовидными инкрустированными окончаниями, оформленные витой сканью (3 экз.), размеры 2,3×5,3 см (рис. 6, 27–29).

Щитовидные накладки с инкрустацией, оформленные витой сканью (4 экз.), обе имеют два вертикальных отростка сверху, размеры 3,0×3,2 см (рис. 6, 24, 25, 30, 31).

Щитовидная накладка с перехватом в средней части, ласточковидным срезом сверху и вертикальным валиком по середине, размеры 2,3×3 см (рис. 5, 36).

Обойма для подвешного ремня, размеры 1,7×6,1 см (рис. 5, 39).

Большая концевая накладка, размеры 2,6×6,5 см (рис. 5, 33).

Щитовидные накладки с прорезями в виде личины и трёх цветков (17 экз.), размеры 2,6×2,8 см, на четырёх сохранившихся остатки кожного ремешка (рис. 6, 6–22).

Бронзовые браслеты (4 экз., из них два во фрагментах), диаметром до 7,5 см. Четыре из них имеют декоративные нарезки по краям по три (рис. 5, 16, 17).

Серьги серебряные (пять целых и две во фрагментах). Серьги имеют сферический отросток на дужке и подвеску в виде двух сферических отростков и по два перехвата между ними (рис. 5, 3–5).

Стилизированные птицевидные подвески (4 экз., одна во фрагментах), размеры 3,2×4,9 см, имеют ушко для подвешивания (рис. 5, 7–9).

Птицевидная подвеска, размеры 4×5,3 см, на плечах два отверстия для подвешивания. Хорошо выделены голова, крылья и хвост (рис. 5, 1).

Антропоморфная подвеска, размеры 2×5,5 см. Хорошо проработанная голова, причёска (или го-

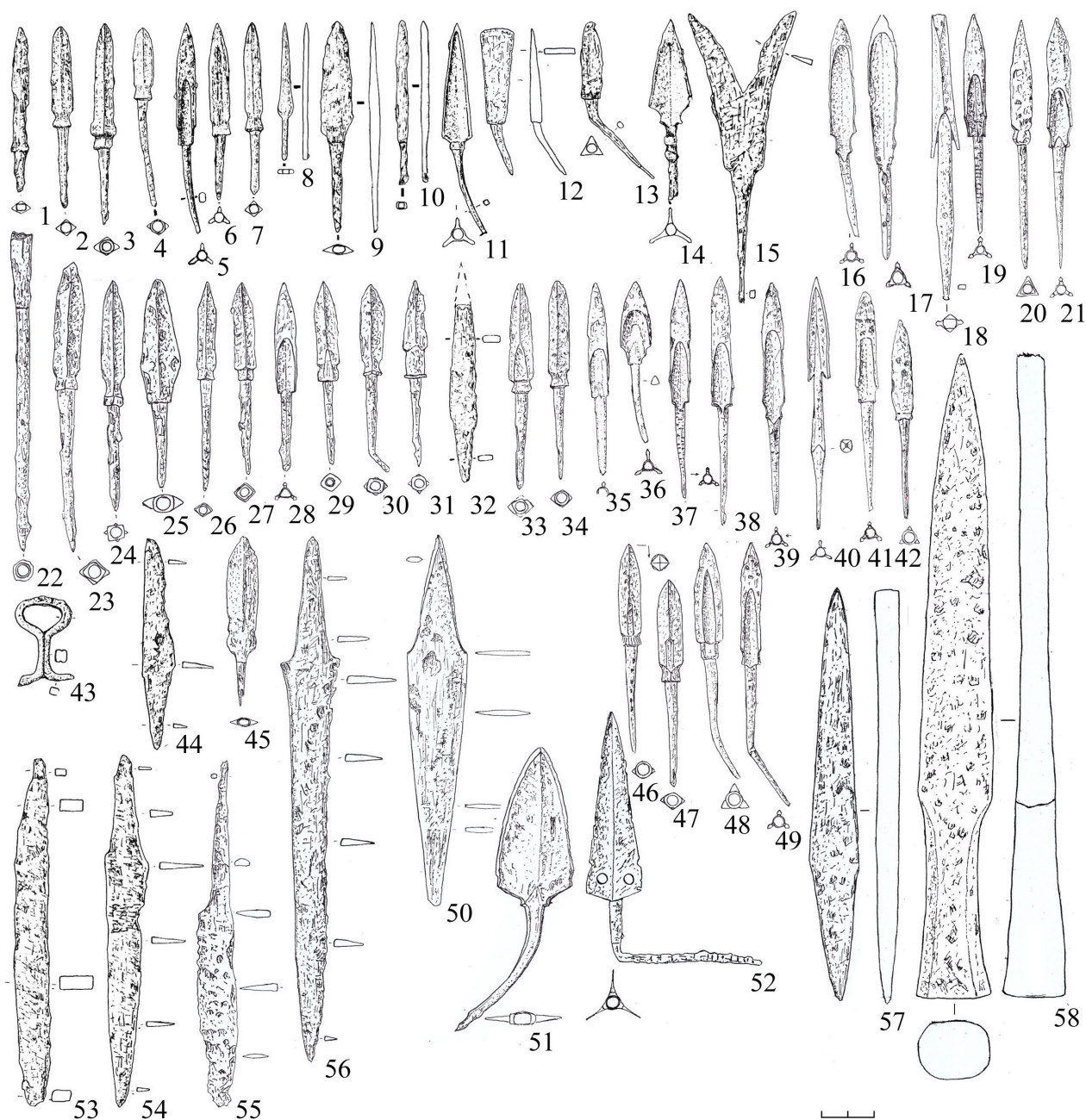

Рис. 3. Святилищный комплекс Ингала.
1–42 – наконечники, обнаруженные на площади I, II; 50, 57, 58 – местонахождение 11. Железо

ловной убор?), глаза, сложенные на животе руки (рис. 5, 2).

Бронзовая подвеска с антропоморфной личиной на одном краю (хорошо проработанные глаза, нос, рот, усы). По краям верхнему и нижнему идут прямоугольные насечки и ушки для подвешивания, размеры 2,2×5,2 см (рис. 5, 50).

Бронзовые крепёжные накладки на деревянный сосуд (7 экз.) (рис. 5, 11–15).

Вопрос этнокультурной интерпретации Ингалинского святилища сравнительно непростой. С одной стороны, вещевой материал, в котором большое количество предметов конской упряжи и легковооруженного лучника, указывает на кочевнический (либо полуосёдлый) комплекс. Этому не противоречит и богатая и разнообразная поясная гарнитура. Керамический комплекс указывает на бакальский культурный компонент. Однако при этом наличие высоких плавнопрофилированных

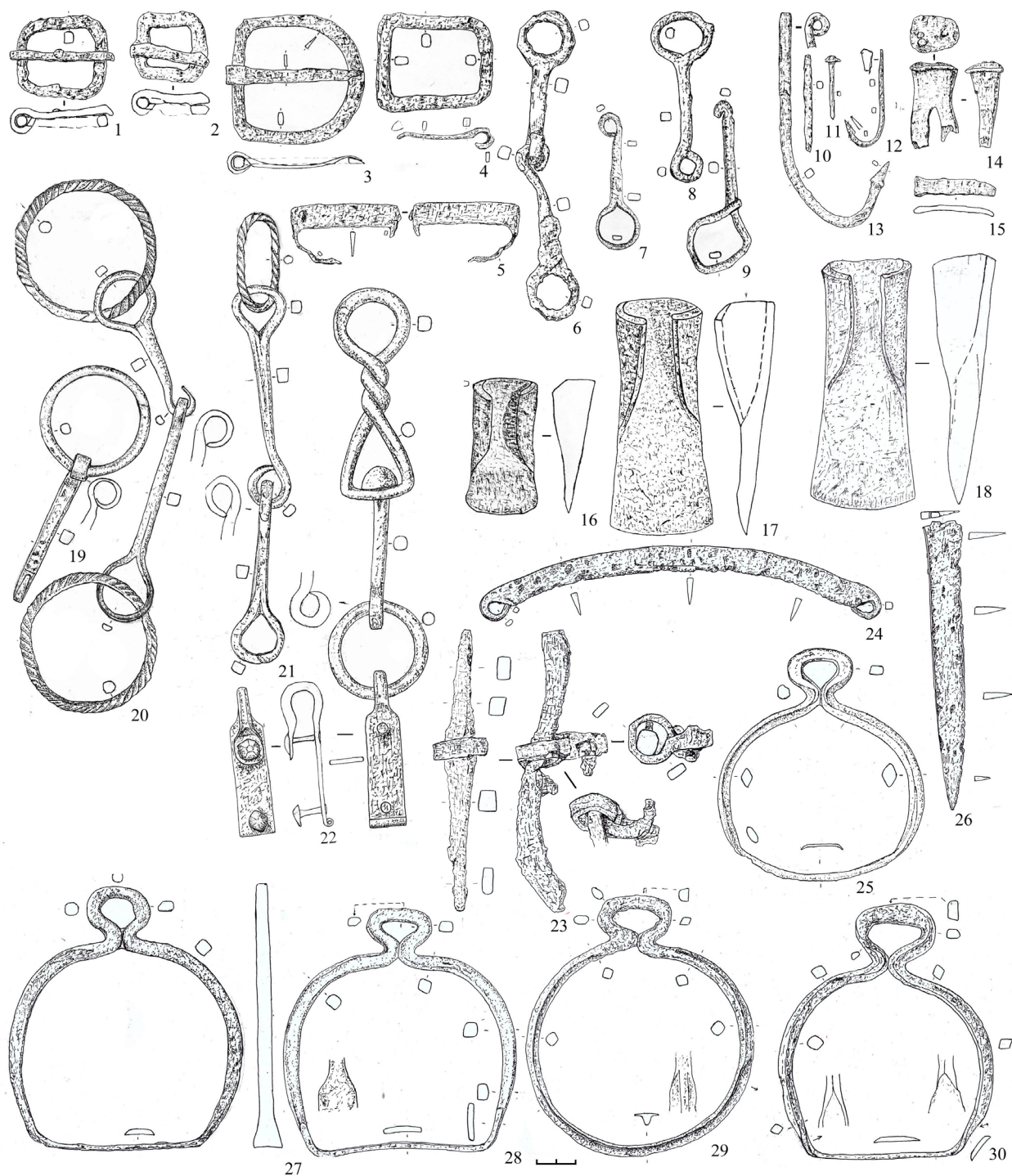

Рис. 4. Святилищный комплекс Ингала.

13, 18, 36 – местонахождение 8; 16, 29 – местонахождение 13; 17 – местонахождение 11; 23, 28 – местонахождение 22; 29, 30 – местонахождение 15. Железо

Рис. 5. Святилищный комплекс Ингала.

1–9 – местонахождение 25 (расчистка); 25, 30, 31 – местонахождение 26; 26 – местонахождение 34; 38 – местонахождение 2; 39 – местонахождение 9; 46 – местонахождение 7; 50 – местонахождение 19. 1, 2, 6, 11–15, 18, 38–50 – бронза; 3–5, 16, 17 – серебро

горшков селенташского типа (рис. 2, 7) и караякуповского сосуда с жемчужинами (рис. 2, 5) указывает на определённый степной компонент. Вместе с этим наличие раннечяликского (возможно потчевашского) сосуда (рис. 2, 8), а также вещевого комплекса, связанного с потчевашской культурой

западносибирской лесостепи (птицевидная и антропоморфная подвески, браслеты, стилизованные птицевидные подвески) (рис. 5, 1, 2, 7-9, 16, 17, 50), указывает на определённый угро-самодийский компонент в составе ингалинского населения (Западная Сибирь..., 2022, рис. 58).

Рис. 6. Святилищный комплекс Ингала.

1-4, 12-31 – местонахождение 3; 6-11 – местонахождение 23. 1-11, 17-22 – бронза; 12-16 – бронза, кожа; 23, 24, 26-31 – серебро, стекло, позолота; 25 – серебро, стекло, позолота, кожа

Безусловно, из этого ряда несколько выделяются поясные наборы. Они, наравне с конской упряжью, имеют прямые аналогии в Манякском и Кушнаренковском могильниках Южного Приуралья (Мажитов, 2023, рис. 4, 6–8, 10, 11; Генинг, 1977, рис. 3, 6–9). А.К. Амброз эту группу материалов поместил в диапазон VI–VIII вв. (Амброз, 1971, с. 113, рис. 5). Синхронизируя донские клады со схожим инвентарём, И.О. Гавритухин и А.М. Обломский материалы с Т-образными бляшками, наконечники с вырезами и боковыми выемками помещают в середину – конец VII в. (группа 1) (Гавритухин, Обломский, 1996). Аналогичную позицию – VII–VIII вв. – определил и Рашо Рашев для протоболгарских материалов Восточной Европы (Рашо Рашев, 2004, с. 248, 250–273, 280, 282).

Несколько особняком стоит накладка с округлым боковым вырезом (перехватом), раздвоенным округлым вырезом сверху и вертикальным бордюром посередине (рис. 5, 36). Серия подобных накладок входила в украшение узды конского захоронения 3 кургана 32 погребального комплекса Уелги, которое относится к VIII–IX вв. (DeA 11458, калиброванное значение AD (95,4%; 772–893). Поскольку эта накладка была обнаружена как поверхностные сборы, это можно трактовать как существование более позднего этапа на площадке Уелгинского комплекса.

Условия залегания археологического материала на святилище Ингала некоторым образом напоминают серию кладов: пояса (местонахождение 3, 20, 23); стремяна (местонахождение 15), копье, долота (местонахождение 11). Это косвенным образом указывает на существование одной традиции в рамках VII в. на территории лесостепной полосы от Урала до Восточно-Европейской лесостепи. В культурном смысле этот ареал совпадает с расположением праболгарских памятников V–VII вв., приведённым в своей книге Рашо Рашевым. Думается, что, помимо различных культурных компонентов, присутствующих в материалах Ингалов (бакальский, потчевашский и чияликский (макушинский)), наиболее мобильным импульсом был степной болгарский. Население переселяется после исхода из казахстанских степей народа 10 стрел (*он ок будун*) с распадом Западного Тюркского каганата (Боталов, Таиров, Любчанский, 2006, с. 162–174). Именно с этого периода там прекращают свое существование курганы с «усами». Этот процесс весьма схож и отчасти синхронен с периодом появления в Приуралье памятников кушнаренковской культуры. Несмотря на то что непосредственно на Ингале керамики кушнаренковского типа не обнаружено, в степном Зауралье известны памятники, в том числе и курганы с «усами», где присутствуют остатки кушнаренковских горшков (Кайнсай, Туркменево, Берсуат).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // Советская археология. 1971. № 2. С. 96–123.
- Аношко О.М., Рафикова Т.Н. Новые данные о погребальном обряде юдинского населения (по материалам Заводоуковского-3 курганного могильника) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 4 (39). С. 51–60. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2017-39-4-051-060>
- Боталов С.Г. Памятники селенташского типа в Южном Зауралье // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск: Каменный пояс, 1996. С. 148–158.
- Боталов С.Г. Современное состояние исследований эпохи средневековья лесостепного Зауралья. Вопросы культурно-хронологической интерпретации // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). Челябинск: Рифей, 2016. С. 44–58. (Этногенез уральских народов)
- Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. Челябинск: УрО РАН, 2006. 232 с.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН, 1996. 298 с. (Раннеславянский мир. Вып. 3)
- Гарустович Г.Н. Об этнической принадлежности раннемусульманских памятников Западной и Центральной Башкирии // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. С. 130–139.
- Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Уфа, 1998. 27 с.
- Гарустович Г.Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // Уфимский археологический вестник. 2015. Вып. 15. С. 181–198.
- Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Ареал расселения угров на Южном Урале и в Приуралье во второй половине I – начале II тыс. н.э. // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. Ижевск: УдГУ. 1992. С. 17–30.
- Гарустович Г.Н., Иванов В.А., Шилов С.А. Средневековые могильники лесостепной зоны Западной Сибири // Finno-Ugrica. 2008. № 11. С. 54–68.
- Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI–VII вв. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1977. С. 90–136.

- Гущина Е.В., Боталов С.Г. Большое Бакальское городище // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). Челябинск: Рифей, 2016. С. 361–409. (Этногенез уральских народов)
- Западная Сибирь в эпоху раннего Средневековья: взаимодействие этнокультурных общностей. Тюмень: ТюмГУ, 2022. 260 с.
- Иванов В.А. Угры Предуралья: продолжение темы // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 201–219.
- Иванов В.А. Морфологические признаки, хронологические и географические границы Magna Hungaria в Восточной Европе // Археология евразийских степей. 2018. № 6. С. 105–111.
- Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. Уфа: Белая река, 2023. 240 с.
- Раши Рашиев. Прабългарите през V–VII в. София: Фабер, 2004. 348 с.
- Третьяков Е.А. Хронологические комплексы средневековых памятников Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 1 (56). С. 134–147. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2022-56-1-11>
-

Сведения об авторах

Сергей Геннадьевич Боталов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН; главный научный сотрудник Научно-образовательного центра Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет), Российская Федерация, г. Челябинск. E-mail: grig@csc.ac.ru

Суфия Ринатовна Газизова, лаборант Научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет), Российская Федерация, г. Челябинск. E-mail: gazizovast@susu.ru

Иван Валерьевич Грудочко, кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет), Российская Федерация, г. Челябинск. E-mail: grudochkoivan@mail.ru

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

В.Г. Котов

Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, Уфа, Россия
ИКМЗ «Пещера Шульган-Таш», Уфа, Россия

Аннотация. Среди находок Сент-Миклошского клада VII–VIII вв. выделяется сложной композицией золотой сосуд № 7. Семантическим содержанием композиции являлся миф о проникновении героя с помощью птицы-перевозчика в потусторонний/подземный мир ради похищения у подземного повелителя чудодейственного растения, погоня за похитителем, преобразование героя и выход его на белый свет с помощью птицы-перевозчика. Этот миф характерен для народов Передней и Средней Азии, Восточной Европы.

Ключевые слова: Сент-Миклошский клад, семантика, мифология, фольклор кочевых народов, культурное взаимодействие

Цитирование. Котов В.Г. Мифологический сюжет эпохи Великого переселения народов // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничного. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 155–158.

Одним из ярких свидетельств сохранения во времени мифологических образов и сюжетов являются изображения на золотых сосудах из клада раннего средневековья из Надь-Сент-Миклош в Трансильвании (Румыния) (рис. 1). Клад был обнаружен в 1799 г. венгерским крестьянином во время рытья ямы в тайнике на глубине 1,5 м. Всего сокровище включает 23 золотых сосуда VII–VIII вв. высокого художественного уровня изготовления: кувшины, кубки, чаши, ковши, рог для питья. Они украшены разнообразными орнаментами, а также изображениями животных, людей, некоторые сосуда имеют надписи на греческом, латыни и непонятным письмом (см. библиографию вопроса: Виноградов, 2019).

Все исследователи этого клада сходятся в том, что эти изделия несут в своей стилистике восточное, иранское влияние мастерских из Передней или Средней Азии сасанидской эпохи (Запорожченко, Черемисин, 1990, с. 131–132; Виноградов, 2019; Флерова, 2001).

Для нас особый интерес среди всего собрания представляет золотой сосуд № 7. Описываемый предмет представляет собой кувшин с вытянутым горлом, с поддоном и одной ручкой.

Шейка кувшина декорирована растительными мотивами с ветками, заканчивающимися круглыми листьями, напоминающими водные растения. Между ними изображены цапли, охотящиеся на лягушек. На уплощенных с двух сторон поверхностях в медальонах присутствуют две сходные сцены, изображающие огромную птицу с распростертыми крыльями, которая несет в лапах фигуру голого человека. В одной поднятой вверх руке человек держит чашу, поднесенную к клюву птицы, в другой руке у человека ветка растения. Сцены различаются между собой зеркально (рис. 1, 3, 4).

На шее человека ожерелье с тремя отростками, являющееся инсигнией сасанидских принцев (Запорожченко, Черемисин, 1990, с. 136). Голова его повернута в профиль, длинные волосы уложены в особую прическу с длинной прядью от виска к затылку, на бедрах узкий пояс.

На боковых узких плоскостях фигуры также изображены на фоне двух растений с ветками, заканчивающимися трилистниками. В каждой сцене присутствуют два всадника (рис. 1, 1, 2).

На одной плоскости на кентавре сидит обнаженный молодой человек, и он имеет много сходства с человеком, которого держит в лапах птица, что было подмечено предыдущими исследователями: у него такая же прическа, на шее ожерелье с тремя отростками, на бедрах узкий пояс (Запорожченко, Черемисин, 1990, с. 137), (рис. 1, 1). Он сидит верхом на кентавре, изображенным в прыжке с вытянутыми вперед ногами. На шее у кентавра такое же ожерелье, как и у человека, на голове корона из шести коротких приостренных отростков, голова повернута к всаднику, в нижней части лица кентавра рисками обозначена борода. Одной (правой) рукой кентавр держит круглый предмет, который он предположительно срывает с дерева, а другой дотрагивается до поднятой руки человека. Фигура всадника обращена влево. Под ними находится всадник верхом на «грифоне», в руках он держит веревку, похожую на петлю или лассо. На голове этого человека корона, аналогичная той, что и у кентавра, только отростков пять, лицо повернуто в фас, на лице борода, усы и густые брови. На шее такое же ожерелье из трех отростков, так же, как и корона, указывающая на его царский ранг. На теле рубашка и штаны, покрытые такими же косыми двойными насечками, как и передняя часть тела кентавра. «Царь»

сидит на фантастическом существе с телом льва, крыльями, лицом человека, но с острыми ушами и трилистником на голове. Таким же трилистником заканчивается кисточка хвоста. Тело покрыто точками и волнистыми линиями, шея – только точками. По бокам шеи видна грива. Вдоль туловища тянется лента с кисточками. Все эти элементы характерны для канонического изображения

львиногрифона и одновременно для Сенмурва-Симаргла-Симурга – мифической собако-птицы, охраняющей «Дерево всех семян» посредине моря Ворукаша в иранской мифологии (Лелеков, 1991, с. 500–501). В башкирских сказках часто встречается гигантская птица-людоедка *Самруг*, *Семере*, *Самрикуш* – видоизмененный образ птицы Саэна-Симург-Гаруды индоиранской мифологии, кото-

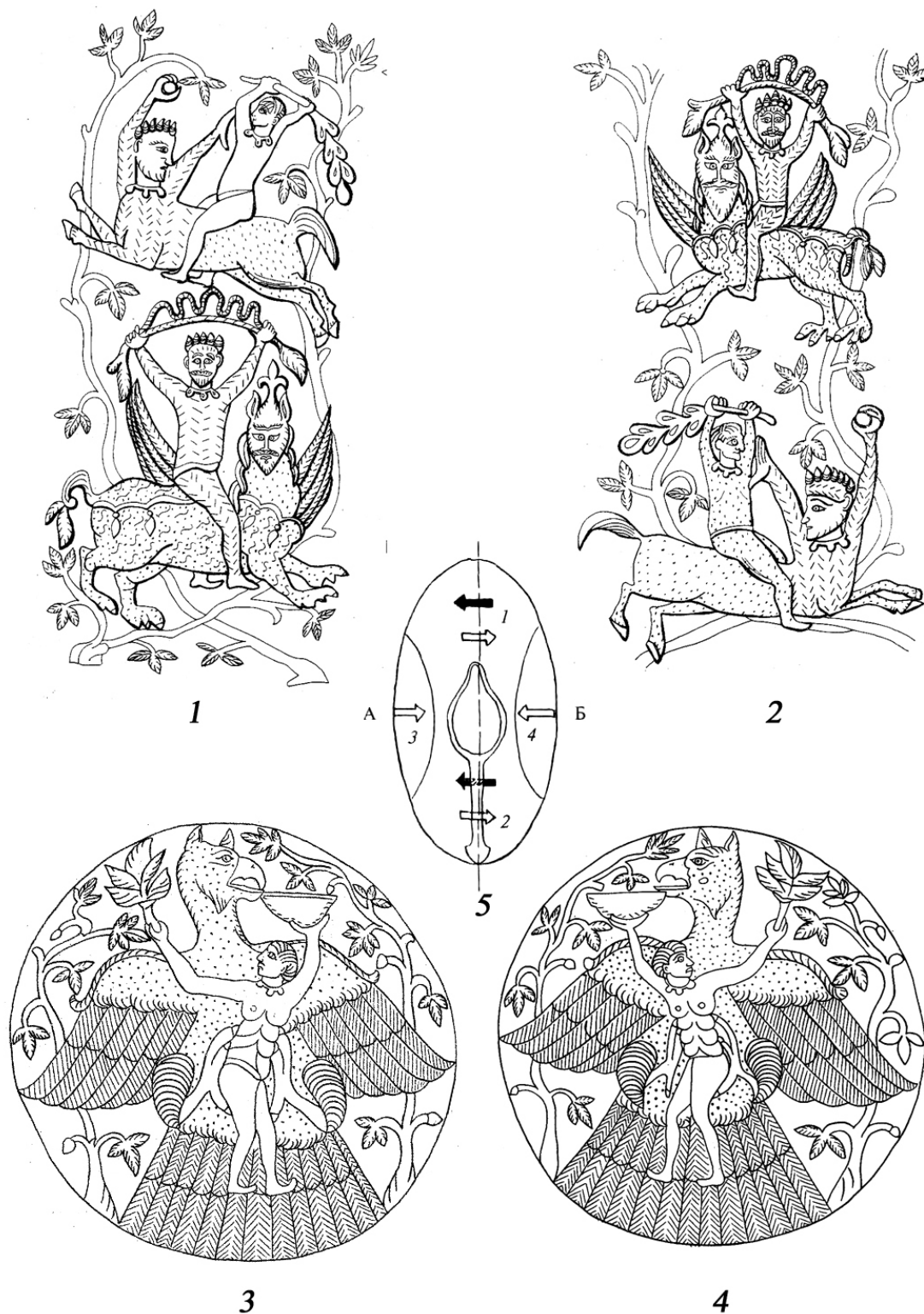

Рис. 1. Сцены в медальонах на сосуде № 7 клада из Надь-Сент-Миклош (по: Флерова, 2001)

рая также обитает на вершине огромного дерева, произрастающего на острове посреди озера/моря или на горе. Периодически, обычно раз в год, на птенцов этой птицы нападает змей-аждаха, герой спасает птенцов, убивает змея, за что благодарная птица помогает ему (обычно выносит из подземного мира на белый свет) (Башкирское..., 1987, №№ 11, 32, 78; Башкирское..., 1988, №№ 39, 41, 57).

На другой плоскости те же персонажи, только они поменялись местами: царь верхом на львиноголовом грифоне вверху и обе фигуры повернуты налево. Всадник верхом на кентавре внизу, и они повернуты направо. Он отличается от предыдущего всадника на кентавре тем, что его тело в одежде, обозначенной точками и перепоясанной узкой полосой (рис. 1, 2).

В своем анализе сосуда № 7 из Надь-Сент-Миклош мы исходим из того, что все изображения и сцены взаимосвязаны между собой, и они раскрывают некое конкретное действие мифологического характера, хотя отдельные сцены также могли иметь характер мифологических символов.

Прежде всего, обращает на себя внимание детальное сходство человека на обоих медальонах и на боковых поверхностях, что связывает эти сцены в единый сюжет. Второй момент – это *кормление* человеком птицы во время полета. В фольклоре многих народов эта мифологема является формульной для сцены полета героя на гигантской птице-перевозчике, с помощью которой молодой человек переносится в потусторонний/подземный мир к цели своего путешествия. Герой обязательно перед полетом запасается едой и питьем, а во время полета кормит и поит волшебную птицу (Пропп, 1986, с. 207). Точно также можно воспринимать и эти сцены на кувшине как *начало* и *конец* дальнего путешествия в потустороннем мире, как *спуск* в подземный мир и *подъем* из него. То, что мастера и их соплеменники так могли воспринимать эти изображения, свидетельствует одна важная деталь: голова птицы повернута в одном случае налево, а с обратной стороны – направо (рис. 1). Для людей традиционной культуры направление движения (налево или направо) мифологических персонажей имело важное символическое значение (Аминев, Ямаева, 2009, с. 73).

Точно также и сцены на боковых плоскостях кувшина № 7 можно распределить условно согласно ориентации главного героя на «левую» и «правую». «Левая» сцена отличается не только зеркальностью персонажей, но и одной немаловажной деталью: молодой человек изображен обнаженным (рис. 1, 1). В этом он отличается от «правой» сцены, где человек имеет одежду, переданную точками (рис. 1, 2). Здесь применимо только одно объяснение этой перемены, вытекающее из общей логики подобных мифологических сюжетов о дальнем путешествии за чудодейственным средством,

являющихся вариантами инициационного мифа: в первом случае человеческий персонаж верхом на кентавре еще не совершил подвиг, поэтому он находится в состоянии «пустыни бесстатусности» (Элиаде, 2002, с. 28). То есть он еще не полноценный человек, поэтому он изображен голым. В правой композиции он уже совершил подвиг, преодолел все препятствия и ушел от погони хтонического хозяина, добыл чудодейственное средство (ветвь с дерева), в результате чего он переродился, приобрел новый статус, что и обозначает одежда. Рисунок этой ткани, очевидно, подчеркивает его человеческую природу. То, что рисунок на одежде является важным отличительным признаком социальной принадлежности, ярко демонстрируют примеры анализа других сложных композиций на археологических находках (Яценко, 2000).

В этой связи представляет интерес декор одежды и шкур фантастических персонажей. Если декор точками обозначает принадлежность к человеческому миру, то задняя половина туловища кентавра, на котором восседает юный герой, орнаментирована точками. Это может свидетельствовать о том, что кентавр под героем имеет наполовину человеческую «природу». Интересно, что передняя половина этого кентавра покрыта таким же орнаментом, как и одежда второй царственной особы, при этом сходны и их короны. Этому можно дать объяснение в контексте предыдущего: наполовину он принадлежит потустороннему миру, наполовину – человеческому.

Основываясь на анализе изображений, можно приблизительно восстановить сюжетную линию древнего сказания, которое было проиллюстрировано на кувшине – это путешествие героя в потусторонний мир верхом на фантастическом существе за растением – источником благодати, преобразование героя в ходе этого путешествия и чудесное возвращение обратно на «белый свет». Этот сюжет широко распространен в фольклоре многих народов Ближнего Востока, Средней Азии, Восточной Европы (Элиаде, 2015, с. 155). Здесь надо особо отметить, что его содержание отсылает нас к мировоззрению кочевых обществ, сохраняющих такой институт, как шаманство. О многом говорит внутреннее сходство мифологического содержания композиции на сосудах № 7 из Надь-Сент-Миклош VIII в. и Каргалинской диадемы – шаманского атрибута рубежа эр из Восточного Казахстана (Котов, 2021).

Все это заставляет исследователей искать центр изготовления данных произведений искусства из Сент-Миклошского клада там, где существовала давняя традиция подобного ремесленного производства, с одной стороны, и присутствовало кочевое население и кочевая знать, которая и являлась заказчиком подобных престижных изделий, с другой. Таким центром могла быть, скорее всего, Средняя Азия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аминев З.Г., Ямаева Л.А.* Региональные особенности ислама у башкир. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2009. 184 с.
- Башкирское* народное творчество. Т. IV. Волшебные сказки. Сказки о животных. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1987. 512 с.
- Башкирское* народное творчество. Т. III. Богатырские сказки. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1988. 448 с.
- Виноградов А.Е.* Этническая история Центральной Европы VII–VIII вв. в свете надписей Надь-Сент-Миклошского клада // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 3. С. 53–69.
- Запорожченко А.В., Черемисин Д.В.* Мифологический сюжет на сосуде из Надь Сент-Миклош // Семантика древних образов. Первобытное искусство. Новосибирск: Наука, 1990. С. 131–151.
- Котов В.Г.* Мистерия дальнего путешествия за источником бессмертия: семантика изображений на карагалинской диадеме // Уфимский археологический вестник. 2021. Вып. 21. № 1. С. 106–117. <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.1.010>
- Лелеков Л.А.* Симаргл // Мифологический словарь. М.: Энциклопедия, 1991. С. 500–501.
- Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ, 1986. 365 с.
- Флерова В.Е.* Образы и сюжеты мифологии Хазарии. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешерим, 2001. 159 с.
- Элиаде М.* Тайные общества: Обряды инициации и посвящения. Киев: София; М.: Гелиос, 2002. 352 с.
- Элиаде М.* Шаманизм. Архаические техники экстаза. М.: Академический проект, 2015. 399 с.
- Яценко С.А.* Эпический сюжет ираноязычных кочевников в древностях степной Евразии // Вопросы древней истории. 2000. № 4. С. 86–103.
-

Сведения об авторе

Вячеслав Георгиевич Котов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, Историко-культурный музей-заповедник «Пещера Шульган-Таш», Российская Федерация, г. Уфа. E-mail: kslav1@yandex.ru

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ЭПОХЕ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ОРЕНБУРГСКОГО ПРИУРАЛЬЯ

П.В. Харламов

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия

Аннотация. Приводятся краткие сведения о немногочисленных памятниках и погребениях эпохи раннего средневековья, исследованных в центральном и западном Оренбуржье. Впервые сообщается об обнаружении курганов «с усами» в нижнем течении р. Илек. Ранее археологические объекты подобного типа в Приуральских степях были неизвестны. Выявленные памятники значительно расширяют наши представления о межэтнических и межкультурных связях на территории степной зоны Волго-Уралья.

Ключевые слова: Оренбургская область, кочевники раннего средневековья, курганы с «усами»

Цитирование. Харламов П.В. Новые данные по эпохе раннего средневековья Оренбургского Приуралья // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничного. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 159–162.

Для степного Приуралья эпоха раннего средневековья IV–VIII вв. является относительно малоизученным периодом. Отсутствие крупных могильников, стационарных и сезонных поселенческих памятников при наличии крупных водных артерий, богатых пастбищными угодьями, вызывает множество вопросов об этнокультурной ситуации в регионе в этот период.

Известные нам единичные памятники имеют достаточно давнюю историю обнаружения. По некоторым из них публикации и упоминания в научной литературе отсутствуют.

В сравнении с предыдущим позднеарматским периодом, памятники которого в степной зоне Волго-Уралья исчисляются сотнями, аналогичные объекты эпохи раннего средневековья отсутствуют. В связи с этим возникает вопрос: как могла пустовать такая огромная территория несколько веков по сравнению с предыдущим временем?

Стоит упомянуть о небольшом количестве известных на сегодняшний день находок и погребений из западного и центрального Оренбуржья. Имеющаяся источниковая база в основном связана с военным делом кочевников либо с конским снаряжением. Большинство погребений, перечисляемых ниже, обнаружено случайно.

Краткая история археологических источников периода ВПН и раннего средневековья в западной и центральной части Оренбургской области:

- В 1887 г. Ф.Д. Нефедов раскопал четыре каменных кургана гуннского времени на г. Мертвые Соли (в то время территория 1-го военного отдела Оренбургского казачьего войска, ныне Соль-Илецкий район окрестности п. Боевая гора). В трех курганах обнаружено 4 погребения. В состав погребального инвентаря входили предметы конской упряжи и вооружения (Нефедов, 1899, с. 28–30). Дата: конец IV – середина V в. н.э.

- В 1927 г. в окрестностях с. Федоровка Бузулукского уезда Самарской губернии (ныне Курманаевский район Оренбургской области) тальми водами размыто погребение. В состав заупокойного инвентаря входили следующие вещи: меч, кольчуга, наконечники стрел, бронзовый котел, поясные накладки и др. (Гольмстен, 1929, с. 134–135). Дата: конец IV – середина V в. н.э.

- В 1955 г. в хранилище Оренбургского краеведческого музея поступила коллекция археологических предметов из случайно обнаруженного студентами Погромнинского техникума механизации сельского хозяйства погребения близ п. Молодежный Тоцкого района Оренбургской области. В коллекцию входят: штампованные прямоугольные пластины, украшенные линиями косых насечек и веревочным штампом, две узкие пластины из медного сплава, являющиеся обкладками седла, и железный меч с ромбическим перекрестием. Погребение датируется концом V – серединой VI в. н.э. Номер по КП: ОРОМ 4264/1–4264/13.

- Следующая случайная находка погребения интересующего нас времени произошла в 1959 г. Погребение было разрушено при выемке песка учащимися и воспитанниками детского дома с. Новоуспенковка Акбулакского района. На хранение в Оренбургский губернаторский музей поступили: наконечники стрел, обломки железного меча, фрагменты фольги желтого цвета, серебряная пряжка и бронзовый котел. Дата: конец IV – середина V в. н.э. Номер по КП: ОРОМ 4266/3–4266/35.

- Одно из самых известных погребений гуннского времени открыто в 1977 г. геологической экспедицией НИИ при Саратовском государственном университете (нач. экспедиции В.А. Гаряинов) в пещере у с. Кызыл-Адыр в Беляевском районе Оренбургской области. Доисследовано в 1979 г. при участии научного сотрудника Государственного Эрмитажа И.П. Засецкой (Засецкая, 1982, с. 54–77). Инвентарь разграбленного погребения

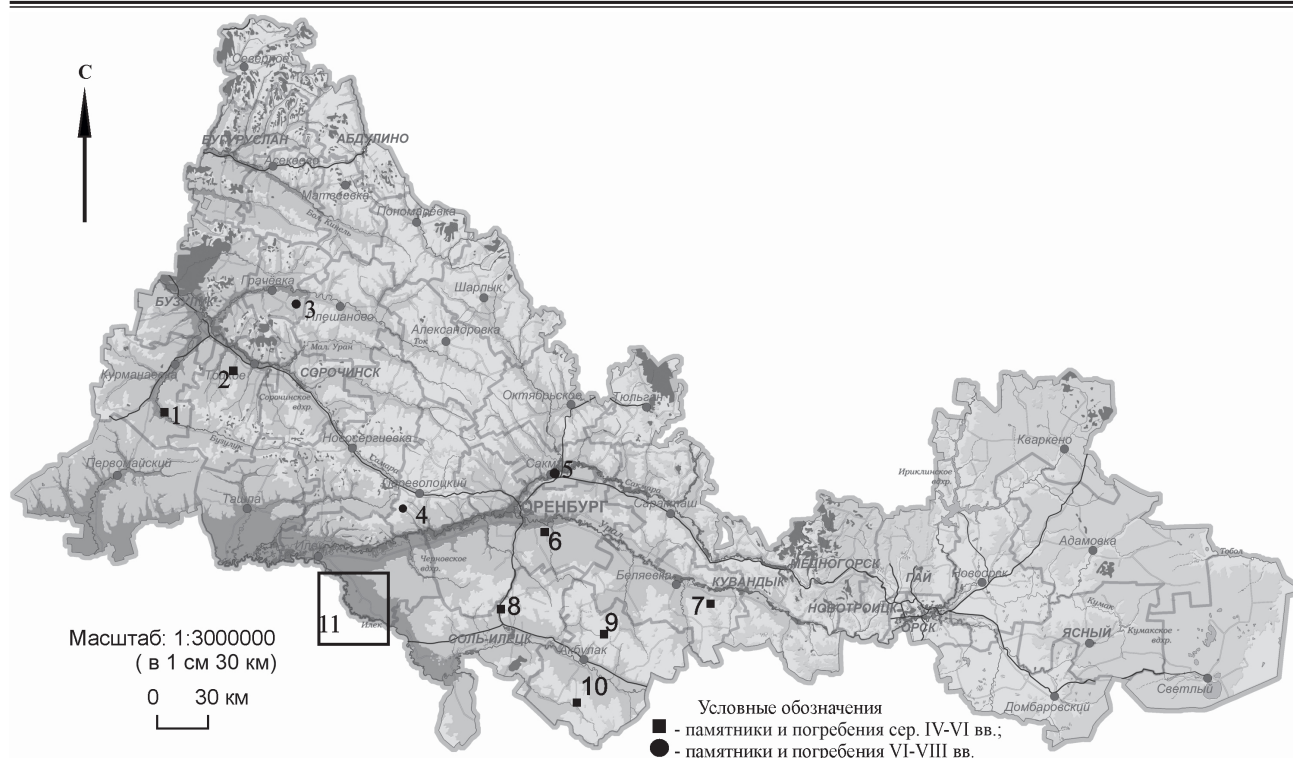

Рис. 1. Карта Оренбургской области. Археологических памятники и случайные находки эпохи раннего средневековья (вторая половина IV – VIII в.).

1 – разрушенное погребение у с. Федоровка в 1927 г.; 2 – разрушенное погребение в окрестностях с. Погромное в 1955 г.; 3 – курганный могильник 2 у с. Ишалка, исследован в 2024 г.; 4 – разграбленное крестьянами погребение у с. Алексеевка в начале XX в.; 5 – Сакмарское городище; 6 – курганный могильник 4 у с. Благословенка, исследован в 2024 г.; 7 – «пещерное погребение» у с. Кызыл-Адыр, обнаружено в 1977 г.; 8 – курганный могильник Мертвые соли, исследован Ф.Д. Нефедовым в 1887 г.; 9 – височные подвески, обнаруженные в окрестностях п. Салидовка в 2023 г.; 10 – разрушенное погребение в окрестностях с. Новоуспеновка в 1959 г.; 11 – территория распространения курганов с «кусами» в Приуральских степях

представлял собой обломки железного меча, наконечники стрел, костяные обломки накладок лука, бронзовый котел и прочие вещи. Дата: конец IV – середина V в. н.э.

На современном этапе сотрудниками археологической лаборатории ОГПУ исследовано три комплекса, относящихся к этому времени.

В 2023 г. при проведении строительных работ во время просеивания песка найдены украшения, изготовленные в полихромном стиле – колты. По словам местных жителей, песок изымался из несанкционированного карьера, находящегося в 1,4 км к северо-востоку от п. Салидовка Акбулакского района. Карьер занимает ровную надпойменную площадку правого берега р. Буртя (левобережный приток р. Урал) и функционирует на протяжении нескольких десятилетий. Обследование карьера не принесло каких-либо результатов. В настоящее время височные подвески хранятся в ГАУК «Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей». Номер по КП: ОРОМ 20806–20807.

Длина подвесок 9,8 см, ширина – 6,5 см, изготовлены из золота, инкрустированного полудрагоценными камнями (гранат) и стеклом. Украшение состоит из центрального щитка, близкого к овальной форме, от него отходят 22 луча, окончания заканчиваются пирамидками из зерни. В верхней части щитка имеются две петельки для подвешива-

ния. Лицевая сторона украшена полудрагоценными камнями и стеклом, образующими композицию в виде трех крестов. Камни вставлялись в специальные овальные гнезда, изготовленные из узких золотых полос. Пространство между гнездами заполнено треугольниками из зерни.

Оборотная сторона щитка украшена композицией из равносторонних треугольников, изготовленных при помощи зерни. В центре три треугольника из зерни расположены таким образом, что образуют фигуру треугольной формы. Вся композиция обрамлена одним большим треугольником, вершины которого венчают вставки из полудрагоценных камней.

Височные подвески – колты, украшенные в полихромном стиле, являются специфическим маркером эпохи ВПН. Большинство из них встречено в памятниках на территории степной зоны Восточной Европы.

Очевидно, находки из п. Салидовка относятся к разрушенному погребению эпохи Великого переселения народов и могут быть датированы в пределах второй половины IV – начала V в.

В 2024 г. был исследован КМ 4 у с. Благословенка в Оренбургском районе. В кургане № 1, располагавшемся в северной части некрополя, выявлено впускное погребение, которое датируется серединой I тыс. н.э. (Евгеньев, 2025).

В этом же году исследовался курганный могильник 2 у п. Ишалка в Грачевском районе. В кургане №3 было выявлено одно основное захоронение эпохи раннего средневековья. Дата погребения: VI–VII вв. (Крюкова, 2025).

Список можно продолжить и далее, включив в него отдельные находки наконечников стрел, копий, наременных накладок и прочих предметов. Но поскольку эти предметы не всегда позволяют проследить место и историю их обнаружения, мы ограничились только сводкой наиболее ярких и информативных комплексов. Они свидетельствуют о том, что степи Приуралья в эпоху раннего средневековья являлись хорошо освоенными.

По сравнению с Урало-Казахстанской степью, в которую географически входит и восток Оренбургской области, погребения данного времени в Приуралье исчисляются единицами и практически не образуют взаимосвязанных памятников (рис. 1). В урало-казахстанских степях в V–VIII вв. формируется новый тип памятников – курганы с «усами», относимые С.Г. Боталовым к раннетюркскому этапу эпохи ВПН (Боталов, 2008, с. 572–573). По данным И.В. Грудочко, на сегодняшний день известно более 550 курганов с «усами», расположенных в основном в Зауралье, в Южном, Северном, Восточном и Центральном Казахстане (Грудочко, 2020, с. 20–21). Известны случаи фиксации и раскопок подобных сооружений в Крыму, Калмыкии и в Новосибирской области (Тихомиров и др., 2020, с. 83–100; Гришин, Марченко, с. 479–486).

На западе, в Приуральских степях, памятники подобного типа до настоящего времени были неизвестны. В 2025 г. при помощи анализа разновременных карт спутникового позиционирования Google Earth Pro и SAS.Планета нами впервые были выявлены курганы с «усами» в нижнем течении р. Илек, на террасах обеих ее берегов. Курганы с «усами» располагаются семью группами как отдельно стоящие объекты, так и скоплениями от 2 до 4 сооружений. Визуально, при помощи спутниковых снимков, они четко фиксируются как на территории Российской Федерации, так и в Республике Казахстан.

На основании карт спутникового позиционирования на правобережных террасах р. Илек (Российская Федерация) выявлены четыре группы курганов, состоящих от 1 до 3 объектов и насчитывающих в общем количестве 8 курганов с «усами». В составе двух групп имеются отдельно стоящие насыпи курганов без «усов», диаметром от 11 до 15 м.

Структурно курганы, расположенные в Оренбургской области, состоят из одной или двух центральных насыпей диаметром от 15 до 25 м с отходящими от них двумя валами длиной от 145 до 265 м, ориентированными по линии запад-восток. Некоторые «усы» имеют скругленные подовальные окончания, образующие небольшие площадки.

На соседней территории Республики Казахстан выявлены три группы курганов с «усами», которые расположены как одиночно, так и скоплениями от 2 до 4 курганов. Структурно, кроме усов длиной от 120 до 230 м, курганы в западной части имеют от 1 до 4 округлых насыпей (курганов). Центральные сооружения или курганы расположены по линии север – юг.

Отметим, что выявленные объекты являются достаточно компактной группой, вытянувшейся вдоль обоих берегов р. Илек примерно на 50 км (от крайнего западного до крайнего восточного сооружения). Впервые в степной зоне Приуралья зафиксированы не отдельно стоящие, а целые группы курганов с «усами», что позволяет предполагать достаточно долгое пребывание в этих местах кочевого населения. По материалам Урало-Казахстанских степей аналогичные сооружения датируются в пределах второй половины IV – VII в. Ближайший известный нам подобный памятник находится в 360 км к востоку, в Зауральской части Оренбургской области (КМ Новоактубинский I).

Необходимо упомянуть и о дюнных сборах краеведа В.В. Дудина, который в 1985 г. недалеко от указанных памятников обнаружил несколько бронзовых поясных накладок и пряжку ремня. Все эти изделия, вероятно, происходят от одного пояса и датируются в пределах второй половины VI – VII в. Что интересно, место находки расположено в 3 км от ближайших курганов с «усами». Можно предполагать, что случайные находки и вновь выявленные курганы могут быть хронологически синхронны и оставлены одной группой населения.

Таким образом, в этом небольшом обзоре памятников из западного и центрального Оренбуржья представлен материал эпохи раннего средневековья, который требует более подробного рассмотрения в отдельных публикациях. Ввод в научный оборот памятников раннего средневековья из разведочных археологических работ с привлечением коллекций случайных находок, хранящихся в областных и районных музейных центрах, может нам помочь в заполнении существующего информационного пробела по эпохе раннего средневековья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Боталов С.Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск: Рифей, 2008. 672 с.
- Гришин А.Е., Марченко Ж.В. Первые объекты типа «курган с “усами”» в Кулундинской степи // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVIII. 2022. С. 479–486.

Гольмстен В.В. Археологические памятники Самарской губернии // Труды секции археологии. Вып. IV. М.: РАНИОН, 1929. С. 125–137.

Грудочко И.В. Типология и культурно-хронологическая интерпретация курганов с «усами» // Поволжская археология. 2020. № 4 (34). С. 20–35. <https://doi.org/10.24852/pa2020.4.34.20.35>

Евгеньев Е.А. Отчет об археологических раскопках объекта археологического наследия «Курганный могильник 4 у с. Благословенка» в Оренбургском районе Оренбургской области. Открытый лист № P018-00103-00/01346769 // Архив ИА РАН. Оренбург, 2025.

Засецкая И.П. Погребение у с. Кызыл-Адыр в Оренбургской области (к вопросу о гунно-хуннских связях) // Древние памятники культуры на территории СССР. Л.: Государственный Эрмитаж, 1982. С. 54–77, 151–160.

Крюкова Е.А. Отчет об археологических раскопках «Курганный могильник 2 у п. Ишалка» в Красногвардейском районе Оренбургской области. Открытый лист № P018-00103-0001342150 // Архив ИА РАН. Оренбург, 2025.

Нефедов Ф.Д. Археологические исследования в Южном Приуралье (1887–1888) и Прикамье (1893–1894). М.: тип. М.Г. Волчанинова, 1899. 74 с. (Материалы по археологии восточных губерний России. Т. 3)

Тихомиров В.А., Бытковский О.Ф., Мульд С.А. Курган с «усами» Северное-1 в Белогорском районе Республики Крым и поиски аналогий в Зауралье и Казахстане // История и археология Крыма. Вып. XII. Симферополь: Колорит, 2020. С. 83–100.

Сведения об авторе

Павел Викторович Харламов, специалист учебной археологической лаборатории Оренбургского государственного педагогического университета, Российская Федерация, г. Оренбург. E-mail: kharlamov.oren@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ НОВОБИКСЕНТЕЕВСКОГО СЕЛИЩА В 2022–2025 гг.

В.В. Морозов¹, В.В. Ставицкий², А.В. Лыганов³,
А.Л. Смирнов⁴, Э.Т. Султанова⁵

¹ ООО «Археология Восточно-Европейской равнины», Москва, Россия

² Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

³ Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

⁴ Институт археологии РАН, Москва, Россия

⁵ ООО «Тартария», Набережные Челны, Россия

Аннотация. В статье подводятся предварительные итоги исследования Новобиксентеевского селища, где выявлены многочисленные следы металлургического и железоделательного производства, керамика ряда прикамских культур, два клада изделий из цветного металла, собрана коллекция железных орудий, исследовано семь безынвентарных погребений. Материалы датируются VII – первой половиной VIII в. и XIII–XIV вв.

Ключевые слова: Нижнее Прикамье, Новобиксентеевский клад, рентгено-флуоресцентный анализ, ломоватовская, полумская, неволинская и кушнаренковская культуры

Цитирование. Морозов В.В., Ставицкий В.В., Лыганов А.В., Смирнов А.Л., Султанова Э.Т. Исследования Новобиксентеевского селища в 2022–2025 гг. // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничникова. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 163–167.

Финансирование. Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-20415 «Этногенез народов Среднего Поволжья в эпоху Великого переселения народов».

Введение

В 2022 г. восточнее бывшей д. Новое Биксентеево (Мензелинский район Республики Татарстан) на пашне был собран многочисленный подъемный материал, представленный керамикой различных типов: кушнаренковской и полумской культур, предметами металлопластики, железными изделиями, фрагментами криц и железистых шлаков. На южной периферии селища был выявлен клад из 32 предметов женского костюма полумской/ломоватовской культуры. Основной комплекс селища и Новобиксентеевский клад были предварительно датированы по аналогиям в прикамских культурах концом VI – VII в. н.э. (Морозов и др., 2023).

В 2023 г. на свежей пахоте на западной периферии селища (на компактной территории 6×5 м) был выявлен второй клад, состоящий из 12 предметов женского костюма, синхронных по типологии изделиям первого клада.

В 2024–2025 гг. на локациях Новобиксентеевских кладов выявлен еще ряд изделий, в результате чего общее число находок первого клада достигло 78 предметов, а второго – 15. В том числе была найдена медная монета с пробитым отверстием для крепления к ожерелью, по-видимому, относящегося к кладу (рис. 1В, 2I). Монета отчеканена в Хорезме в правление хорезмшаха Шавата из династии Афригидов (первая половина VIII в.) (Морозов и др., 2025а).

В 2025 г. для поиска непотревоженных раскопкой объектов на селище был разбит раскоп (№ 1/2025) площадью 36 м² (рис. 1А). Находки из раскопа представлены образцами железных шлаков и криц, мелкими и невыразительными фрагментами лепной раннесредневековой керамики, выявленными в верхнем слое пахоты на уровне от -5 до -37 см (рис. 1Г, 1–5).

Второй раскоп (№ 2/2025) площадью 12 м² был разбит к западу от шурфа № 4 на южной периферии памятника, на месте скопления находок Новобиксентеевского клада № 1. После снятия слоя пахотной рыхлой земли с редкими находками кремневых изделий и тремя бронзовыми предметами были расчищены контуры погребения, уходящие в восточный борт раскопа. В расширенной до 80 м² площади раскопа было расчищено 7 погребений с очень плохой сохранностью костяков (рис. 1Б). Погребения 1–2, 5 ориентированы головой строго на запад, погр. 3, 7 – на ЮЗ, погр. 6 – с небольшим отклонением на СЗ. У сохранившихся костяков руки уложены в области таза или вдоль туловища. Все погребения безынвентарные. В заполнении погр. 2, 3, 6 выявлены мелкие фрагменты раннесредневековой керамики, в погр. 5 – скопление керамики эпохи неолита, в погр. 2, 3 – кремневые ножевидные пластины, в погр. 2, 5 – фрагменты шлифованных каменных тесел. Культурная и хронологическая принадлежность могильника на данный момент не ясна.

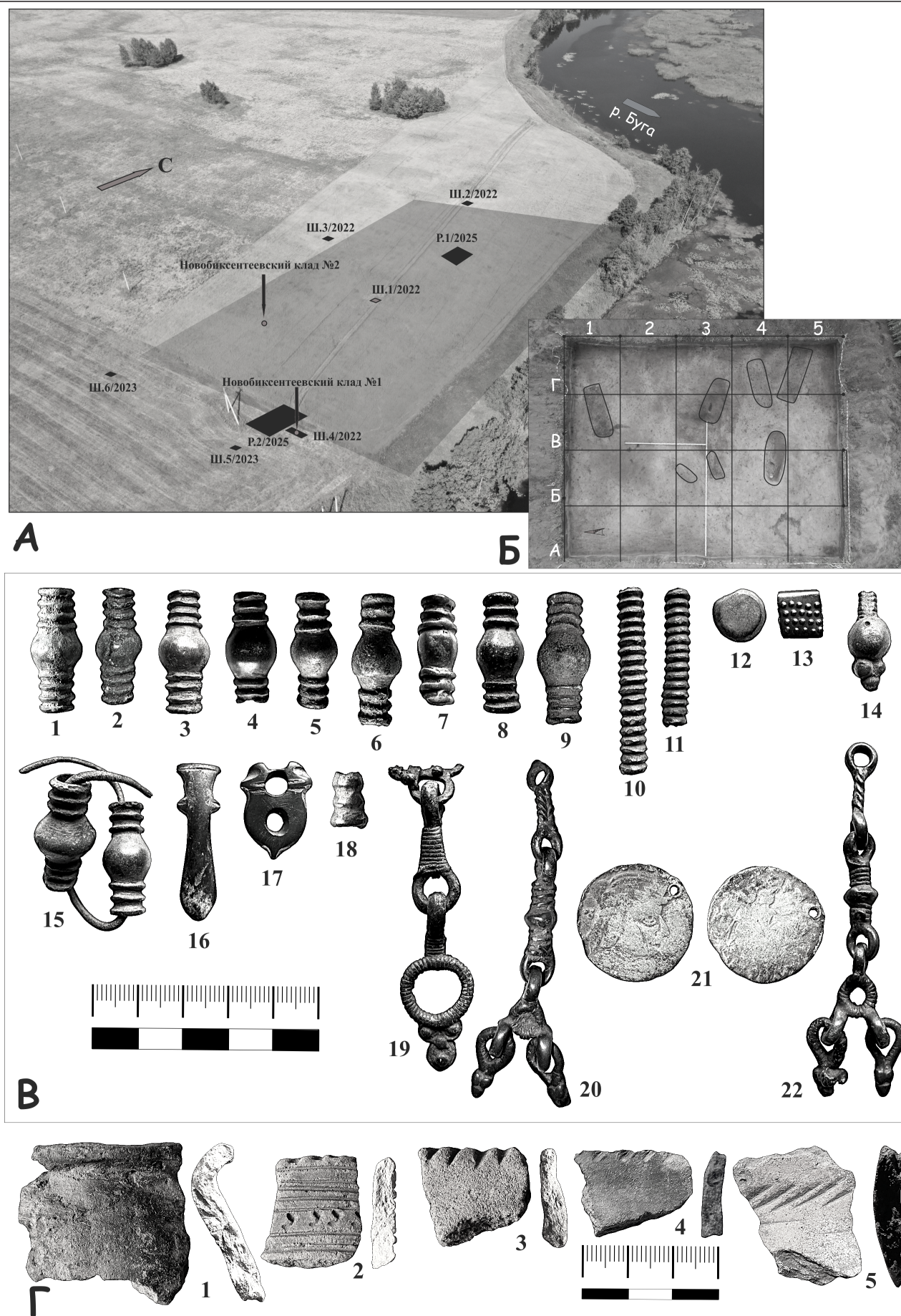

Рис. 1. А – Вид на Новобиксентеевское селище; Б – раскоп №2/2025 с очертаниями могильных пятен; В – Новобиксентеевский клад №1 (находки 2024–2025 гг.); Г – керамика Новобиксентеевского селища

Стратиграфия и планиграфия памятника

Поверхность памятника полностью распахана. Собранные на пашне находки позволили полностью выявить площадь памятника, что подтвердили шурфы (1×1 м), заложенные за пределами границ распространения подъемного материала: №№ 2–3 (2022), 5–6 (2023). В данных шурфах ниже пахотного темно-серого слоя мощностью от 10 до 37 см, не содержащего находок, фиксировался материк – светло-коричневый песок. В шурфе № 1 (2022), разбитом в центральной части селища, верхний темно-серый слой пахоты по своей мощности (22–24 см) не отличался от слоя за пределами поселения, но он был насыщен углем и находками (фрагменты керамики, два железных изделия, медный шлак, одно шумящее украшение с зооморфным основанием). В шурфе № 4 (2022) (размеры 3×2 м), разбитом на южной периферии селища, на месте наибольшей концентрации изделий Новобиксентеевского клада № 1 зафиксирована аналогичная стратиграфия. Серая супесь с линзами песка (пахотный слой), в котором были выявлены еще несколько изделий из клада (4–24 см), переходящая в светло-коричневый песок (материк). Материк, прокопанный в шурфе до отметки -82 см, представлен коричневыми ожелезнёнными влагонасыщенными песками, переходящими в суглинки.

Площадка памятника активно распахивалась до 1970-х гг. На данный момент эти земли снова пахуются под посев сельскохозяйственных культур, что повлияло не только на структуру культурного слоя, но и на сохранность артефактов. Керамика из шурфов и подъемных сборов сильно фрагментирована. Некоторые хрупкие изделия из цветного металла несут на себе следы воздействия плугов, борон-культиваторов и другой техники.

Материальная культура Новобиксентеевского селища

Керамика. 99,8% представлено сильно фрагментированными экземплярами лепной посуды. На 2025 г. в коллекцию отобрано 48 фрагментов венчиков, стенок и придонных частей сосудов. В подборке присутствует как керамика прикамских раннесредневековых культур (рис. 2Г, 1–5), украшенная различными вдавлениями, в том числе гребенчатого и гладкого штампа, а также насечками по срезу венчиков; так и керамика «именьковского облика» (по терминологии Р.С. Габышева). Кроме того, в коллекции отмечены венчики кушнарниковской культуры, которые характеризуются изысканным орнаментом и тонкими стенками (рис. 2Г, 2) (Казков, Чижевский, Лыганов, 2016, с. 236, рис. 10, 8, 11, 14–16). К посуде кушнарниковской культуры можно отнести и специфические неорнаментированные стенки сосудов со штриховой зачисткой с внутренней стороны. Вышеописанная керамика находит широкие аналогии в Прикамских и Приуральских культурах конца VI – VIII вв.

Изделия из железа. Большинство изделий подверглось металлографическому исследованию в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН, на основе чего они были разделены на две культурно-хронологические группы. Первая, наиболее массовая группа ориентировочно датируется концом VI – VIII вв. н.э. Их большая часть изготовлена из кричного железа с удовлетворительным качествомковки. Вторая группа изделий имеет более поздний облик и, вероятно, датируется золотоордынским временем. Это предметы с односторонней цементацией, а также изделия из цементированной стали и белого чугуна (Ставицкий и др., 2025а).

Первая группа. Находки оружия представлены тремя основными типами наконечников стрел (6 экз.): черешковыми трехлопастными (2 экз., рис. 2, 1, 2), черешковыми с плоским сечением пера (3 экз.) (рис. 2, 4–6) и втульчатым наконечником (1 экз.) (рис. 2, 7). Наиболее многочисленны ножи (9 экз.) (рис. 2, 19–27). Это орудия универсально-бытового назначения с клиновидными в сечении лезвиями, с прямыми, реже слегка дугообразными спинками.

На селище также найдены: втоки (2 экз.) (рис. 2, 11, 12), шилья (3 экз.) (рис. 2, 42–44), фрагменты гвоздей (2 экз.) (рис. 2, 38, 39), рыболовные крючки (3 экз.) (рис. 2, 16, 17), наконечник остроги (рис. 2, 13), втульчатое тесло (рис. 2, 14), удила (рис. 2, 37), булава с кольцом (рис. 2, 31) и др. изделия. В целом, первая группа предметов находит широкие аналогии среди материалов именьковской, ломоватовской, неволинской и полумской культур раннесредневековых памятников Волго-Камья (Волков, 1994; Вязов, Семькин, 2016; Вязов и др., 2020).

Особый интерес представляют изделия кузнеца-ювелира: молоты-ручники (3 экз.) (рис. 2, 8–10) и зубило (1 экз.) (рис. 2, 15). Их наличие, наряду с многочисленными находками фрагментов железных криц и шлаков, кусков руды с примазками лазурита и малахита, а также фрагмента спайки черновой меди, полученной, вероятно, в печи при первом выжигании, свидетельствует о том, что данное селище являлось одним из центров металлургического производства. По-видимому, значительная часть раннесредневековых железных изделий относится к продуктам местного производства.

Вторая группа. Представлена наконечником-срезнем из сырцово-стали (рис. 2, 3), калачевидным кресалом (рис. 2, 45), фрагментом пружинных ножниц (рис. 2, 18), плужным ножом-череслом. С этой группой, вероятно, также связан пробой (?), изготовленный из белого чугуна (рис. 2, 41) и пуговица из кашина. Все эти изделия типологически не могут быть датированы раньше золотоордынского времени. Аналогии им имеются среди находок из культурных слоев XIII–XIV вв. городищ Приуралья и сопредельных территорий (Средние..., 2022, с. 490–506).

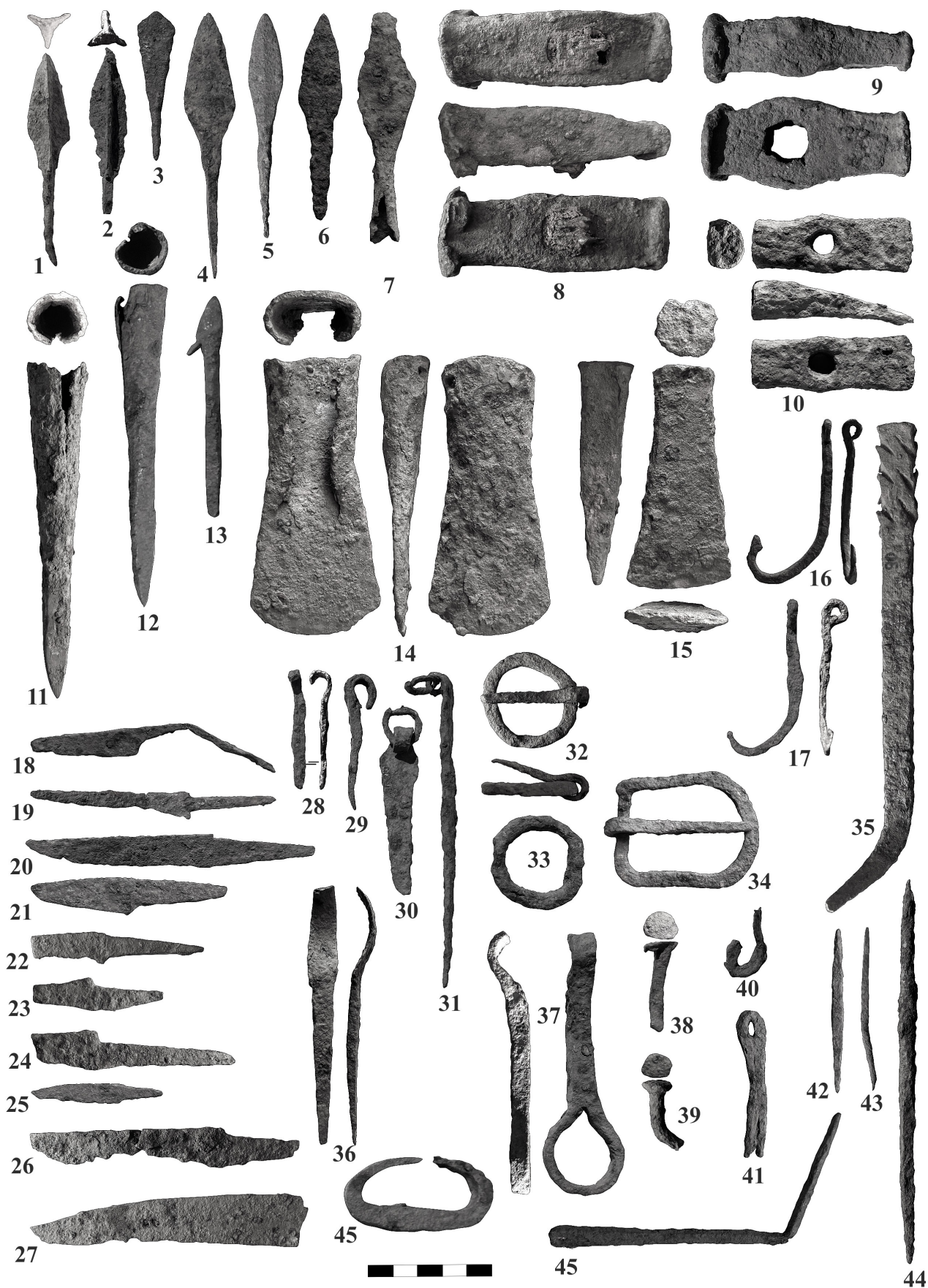

Рис. 2. Изделия из черного металла Новобиксентеевского селища

Изделия из цветного металла в основном представлены элементами украшений женского костюма: привесками, пронизками различной формы, сюльгами, бусинами (?), в том числе одним оплавленным экземпляром, фрагментом перстня (Морозов и др., 2023, с. 260, рис. 5) и другими изделиями неопределенного назначения. Некоторые изделия деформированы и несут на себе следы воздействия огня.

Особенный интерес представляют геральдические накладки от пояса из Новобиксентеевского клада № 1 (рис. 1В, 16, 17) из сборов 2025 г., которые по стилистике относятся к поздней группе ремешковой гарнитуры Поволжья и Приуралья (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 273, рис. 89, 16–18). Общий облик женских украшений из Новобиксентеевских кладов соответствует единичным украшениям из слоя селища, что позволяет синхронизировать данные комплексы находок, относя ранний период функционирования памятника к VII

– первой половине VIII в. В целом, материалы Новобиксентеевского селища, по-видимому, маркируют продвижение населения лесных прикамских культур на левый берег р. Кама. Находки керамики кушнаренковского облика на селище следует расценивать в качестве следов межкультурных контактов, результатом которых стало формирование культуры населения ранней Волжской Булгарии. С поздней группой материалов золотоордынского времени, вероятно, связано два погребения, исследованные в 2024 г. на площадке Новобиксентеевского энеолитического могильника (Ставицкий и др., 2025б; Морозов и др., 2025б). Не исключено, что к данной эпохе относятся и выявленные в 2025 г. семь безынвентарных погребений, что не в полной мере согласуется с плохой сохранностью их костяков, поскольку кости позднесредневекового захоронения с площади энеолитического некрополя имели очень хорошую сохранность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Волков С.Р. Опыт типологии железных наконечников стрел (на материалах раннесредневековых могильников Верхнего и Среднего Прикамья) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск: УдГУ, 1994. С. 3–15.

Вязов Л.А., Семыкин Ю.А. Городище и селище Новая Беденьга: эпоха Великого переселения народов в Ульяновском Поволжье. Ульяновск: НИИ истории и культуры им. Н.М. Карамзина, 2016. 227 с. (Археология Симбирско-Ульяновского Поволжья. Вып. 1)

Вязов Л.А., Петрова Д.А., Кондрашин В.В., Салова Ю.А. Комплекс предметов вооружения из окрестностей с. Комаровка Ульяновской области: к изучению оружия ближнего боя у населения именниковской культуры // Археология Евразийских степей. 2020. № 6. С. 100–131. <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.100.131>

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН, 1996. 298 с. (Раннеславянский мир. Вып. 3)

Казаков Е.П., Чижевский А.А., Лыганов А.В. Меллятамакское VI селище чиялыкской культуры // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 219–243.

Морозов В.В., Лыганов А.В., Ставицкий В.В., Голубева Е.Н., Смирнов А.Л. Новобиксентеевский энеолитический могильник в Нижнем Прикамье // XXIII Уральское археологическое совещание. Материалы Всеросс. (с междунар. участием) науч. конф. В 2-х т. Т. 2. Оренбург: ОГПУ, 2025б. С. 54–59.

Морозов В.В., Смирнов А.Л., Лыганов А.В., Данилевская В.И., Бакаев С.Е. Новобиксентеевский клад металлических изделий конца VI–VII вв. в Нижнем Прикамье // Уфимский археологический вестник. 2023. Т. 23. № 2. С. 253–264. <https://doi.org/10.31833/uav/2023.23.2.006>

Морозов В.В., Ставицкий В.В., Смирнов А.Л., Лыганов А.В., Данилевская В.И. Новобиксентеевские клады: типология и рентгенофлуоресцентный анализ // Stratum plus. № 5. 2025а. С. 141–153.

Средние века (вторая треть XIII – первая половина XV вв.) эпоха Золотой Орды (Улус Джучи). Казань: АН РТ, 2022. 936 с. (Археология Волго-Уралья. Т. VI)

Ставицкий В.В., Морозов В.В., Завьялов А.В., Смирнов А.Л., Лыганов А.В. Железоделательное производство на Новобиксентеевском селище эпохи Средневековья // Геоархеология и археологическая минералогия. № 12. Челябинск: ЮУрГГПУ, 2025а. С. 195–199.

Ставицкий В.В., Морозов В.В., Лыганов А.В., Юдина А.М., Смирнов А.Л. Новобиксентеевский энеолитический могильник в Нижнем Прикамье: проблема культурно-хронологической атрибуции // Труды VII (XXIII) Всеросс. археол. съезда. В 3-х т. Т. 1. Красноярск: СФУ, 2025б. С. 396–399.

Сведения об авторах

Виктор Владимирович Морозов, кандидат исторических наук, директор ООО «Археология Восточно-Европейской равнины», Российская Федерация, г. Москва. E-mail: vikromolot@mail.ru

Владимир Вячеславович Ставицкий, доктор исторических наук, Пензенский государственный университет, Российская Федерация, г. Пенза. E-mail: stawiczky.v@yandex.ru

Антон Васильевич Лыганов, кандидат исторических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация, г. Казань. E-mail: liganov.anton@yandex.ru

Алексей Леонидович Смирнов, младший научный сотрудник, Институт археологии Российской академии наук, Российская Федерация, г. Москва. E-mail: ari1828@bk.ru

Эльвира Тагировна Султанова, директор ООО «Тартария», Российская Федерация, г. Набережные Челны. E-mail: sportcom.nchelni@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АлтГУ	–	Алтайский государственный университет
АК	–	археологическая культура
АЛ ОГПУ	–	Археологическая лаборатория Оренбургского государственного педагогического университета
АН РТ	–	Академия наук Республики Татарстан
АН СССР	–	Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
БФАН СССР	–	Башкирский филиал АН СССР
ВолГУ	–	Волгоградский государственный университет
ВГПУ	–	Волгоградский государственный педагогический университет
ГИМ	–	Государственный исторический музей
ГИМЮА	–	Государственный исторический музей Южного Урала
ГМИИ	–	Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина
ЕМКЦ	–	Евразийский музей кочевых цивилизаций
ИА им. А.Х. Маргулана	–	Институт археологии им. А.Х. Маргулана
ИА РАН	–	Институт археологии Российской академии наук
ИАЭТ СО РАН	–	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИГУ	–	Иркутский государственный университет
ИИМК РАН	–	Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИИЯЛ УФИЦ (УНЦ) РАН	–	Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра (Уфимского научного центра) Российской академии наук
ИМАО	–	Императорское Московское Археологическое общество
ИСИ МГУ им. Н.П. Огарева	–	Историко-социологический институт Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва
ИЭИ УФИЦ РАН	–	Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук
КАЭЭ	–	Камская археолого-этнографическая экспедиция
КВАЭ УдГУ	–	Камско-Вятская археологическая экспедиция Удмуртского государственного университета
КТ	–	курганная группа
КГУ	–	Куйбышевский государственный университет
КИО	–	культурно-историческая общность
КМ	–	курганный могильник
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК	–	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КГУКИ	–	Краснодарский государственный университет культуры и искусств
КФУ	–	Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
Л.	–	Ленинград
ЛГУ	–	Ленинградский государственный университет
М.	–	Москва
МАИАСП	–	Материалы по археологии и истории античного и средневекового Северного Причерноморья
МарГУ	–	Марийский государственный университет
МарНИИЯЛИ	–	Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева
МАЗИТ	–	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МГУ	–	Московский государственный университет
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР
МИАР	–	Материалы и исследования по археологии России

МИКВАЭ	–	Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции
МРС	–	мелкий рогатый скот
НА	–	Научный архив
НГУ	–	Новосибирский государственный университет
НИИ при СМ УАССР	–	Научно-исследовательский институт при совете Министров Удмуртской Автономной Советской Социалистической Республики
НИЦИА «Бегазы-Тасмола»	–	Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола»
НИИ	–	Научно-исследовательский институт
НИИЯЛИЭ	–	НИИ языка, литературы, истории и экономики
НМ РБ	–	Национальный музей Республики Башкортостан
ОГПУ	–	Оренбургский государственный педагогический университет
ПГНИУ	–	Пермский государственный научно-исследовательский университет
ПГПУ	–	Пензенский государственный педагогический университет
РНФ	–	Российский научный фонд
РФА	–	рентгенофлуоресцентный анализатор
РХГА	–	Русская христианская гуманитарная академия
САИ	–	Свод археологических источников
СИКМ	–	Стерлитамакский историко-краеведческий музей
СНЦ РАН	–	Самарский научный центр Российской академии наук
СПб.	–	Санкт-Петербург
СПбГУ	–	Санкт-Петербургский государственный университет
СОИКМ	–	Самарский областной историко-краеведческий музей
СФУ	–	Сибирский федеральный университет
ТомГУ	–	Томский государственный университет
ТюмГУ	–	Тюменский государственный университет
УдГУ	–	Удмуртский государственный университет
УИИЯЛ УрО РАН	–	Удмуртский Институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии наук
УрГУ	–	Уральский государственный университет
УРКМ	–	Удмуртский республиканский краеведческий музей
ЧГКМ	–	Челябинский государственный краеведческий музей
ЮНЦ РАН	–	Южный научный центр Российской академии наук
ЮУрГГПУ	–	Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
ЮУрГУ	–	Южно-Уральский государственный университет

Научное издание

ЮЖНЫЙ УРАЛ
В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА И ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ:
СВЯЗИ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КУЛЬТУР

Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием,
посвященной 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничного

Электронное издание сетевого доступа

За достоверность информации, изложенной в сборнике,
ответственность несут составители

Статьи публикуются в авторской редакции

Подписано к использованию 16.01.2026.
Гарнитура «Times New Roman». Объем 58,1 Мб. Изд. № 58.
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН
450054, РБ, г. Уфа, пр. Октября, 71. Тел.: (347) 235-60-50
E-mail: rihll@anrb.ru

